БИБЛІОТЕКА „ПРОСВѢЩЕНІЯ“

50

ИСТОРІЯ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

СОЧИНЕНІЕ ФР. МЕРИНГА

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДН. НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ

Цѣна 60 коп.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“
С.-Петербургъ, 7-ая рота, собств. домъ, № 20

Библіотека „Просвѣщенія“.

Исторія германской соціалъ-демократіи.

Соч. Фр. Меринга.

Перев. съ посл. нѣм. изд. инж.-техн. А. П. Лурья.

Выпускъ шестой.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
7 рота, собствен. д. 20.

Типографія Товарищества „Просвѣщеніе".
С.-Петербургъ, 7 рота, с. д. № 20.

Оглавленіе.

Книга IV.

Борьба фракцій.

Книга четвертая.

Борьба фракцій.

Глава первая.

Международное Общество Рабочихъ.

Тѣ же причины, которыя вызвали новое рабочее движеніе въ Германіи, произвели аналогичное дѣйствіе и въ другихъ странахъ съ развитой промышленностью. Во всей Европѣ пролетаріатъ въ началѣ 60-хъ годовъ сталъ организовываться, чтобы бороться за свое освобожденіе, первоначально, на національной почвѣ. Но въ самыхъ передовыхъ странахъ уже сталъ обнаруживаться интернаціональный характеръ этой борьбы.

Въ Англіи пораженіе революціи 1848 г. на материкѣ привело къ полному крушенію чартизма. Къ тому же законъ о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ внесъ освѣжающую струю въ физическую и духовную жизнь пролетаріата, — который, естественно, долженъ былъ чувствовать себя какъ бы возрожденнымъ; развитіе тредъ-юніоновъ, при лихорадочномъ оживленіи промышленности 50-хъ гг., приняло колоссальные размѣры. Но рядъ событій, послѣдовавшихъ за промышленнымъ кризисомъ 1857 г., показалъ англійскому рабочему классу, что въ современномъ буржуазномъ обществѣ ему нечего надѣяться на прочное, обезпеченное положеніе. Огромную роль въ этомъ отношеніи сыграла, именно, гражданская война въ Америкѣ, про

которую Марксъ сказалъ, что она является набатомъ для европейскаго пролетаріата, подобно тому, какъ въ 18 вѣкѣ американская борьба за независимость служила боевымъ кличемъ для европейской буржуазіи. Хлопчатобумажный кризисъ повергъ англійскихъ рабочихъ текстильной промышленности въ самыя ужасныя бѣдствія; но несмотря на это англійскій пролетаріатъ въ своемъ отношеніи къ историческому моменту стоялъ гораздо выше, чѣмъ господствующіе классы, сочувствіе которыхъ къ американскимъ рабовладѣльцамъ разбивалось о геройское сопротивленіе рабочаго класса. Однако намѣреніе тредъ-юніоновъ почить па своихъ лаврахъ разстраивалось при каждой стычкѣ съ капиталистами, угрожавшими имъ всякій разъ ввозомъ дешевыхъ рабочихъ рукъ съ континента. Англійская рабочая аристократія, которая въ своемъ опасномъ самообманѣ стала ограничиваться борьбой за увеличеніе заработной платы и за уменьшеніе рабочаго дня, должна была волей - неволей перейти на интернаціональную почву пролетарской классовой борьбы.

Итальянская война только отсрочила на короткое время крушеніе бонапартовскаго режима во Франціи. Камень, приведенный въ движеніе декабрьскимъ героемъ, продолжалъ катиться помимо его воли. Онъ долженъ былъ стать орудіемъ въ рукахъ итальянской демократіи, и французская демократическая партія встала къ нему въ небывалую до тѣхъ поръ ожесточенную оппозицію. Тѣмъ упорнѣе Бонапартъ сталъ думать о томъ, какъ бы овладѣть рабочимъ движеніемъ. Моментъ могъ ему казаться вполнѣ благопріятнымъ для этого. Во французскомъ пролетаріатѣ господствовала сектантская разъединенность; рядомъ съ остатками прежнихъ тайныхъ обществъ и утопическихъ школъ, дѣйствовали бланкисты и прудонисты, изъ которыхъ одни видѣли свое спасеніе въ баррикадномъ бою, другіе въ мелкобуржуазныхъ затѣяхъ. Попытка 60 парижскихъ рабочихъ при-

нять участіе въ выборахъ въ Законодательный Корпусъ встрѣтила, съ одной стороны, суровое порицаніе Прудона, за то, что рабочіе примкнули въ своей политикѣ къ радикальной буржуазіи, съ другой — презрительное отношеніе радикальной буржуазіи за то, что рабочіе вздумали играть самостоятельную роль въ политической жизни. Французскіе рабочіе вообще подвергались такому же глумленію со стороны французской буржуазіи, какъ и ихъ нѣмецкіе товарищи со стороны своей буржуазіи. Это было на руку Бонапарту, который, для осуществленія своихъ цѣлей, пустилъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство и дѣйствовалъ даже съ большей ловкостью, чѣмъ его преемникъ Бисмаркъ, но съ тѣмъ же неуспѣхомъ, какой имѣлъ этотъ послѣдній. Первый же шахматный ходъ его былъ неудаченъ; разрѣшая французскимъ рабочимъ послать на лондонскую всемірную выставку 1862 г. своихъ делегатовъ, которые должны были получить на поѣздку казенную субсидію, онъ этимъ способствовалъ чему угодно, только не осуществленію своей задней мысли. Само собой разумѣется, что французскіе рабочіе выбрали наиболѣе сознательныхъ своихъ товарищей, которые въ Лондонѣ скоро сошлись съ вожаками англійскихъ рабочихъ. 5 августа 1862 года въ Лондонѣ состоялся „праздникъ интернаціональнаго объединенія рабочихъ“, на которомъ послѣ взаимнаго обмѣна мнѣній возникло желаніе установить постоянную связь между пролетаріями, живущими по ту и по другую сторону канала. Такая связь установилась на первыхъ порахъ самымъ непринужденнымъ образомъ, такъ какъ нѣкоторые французскіе делегаты остались въ Лондонѣ, гдѣ они нашли себѣ работу. Сношенія стали тѣснѣе, благодаря польскому возстанію въ 1863 г. Традиціонныя симпатіи западноевропейскаго культурнаго міра къ польскому народу возбудились съ особенной силой въ западно-европейскомъ пролетаріатѣ. Можно оставить открытымъ во-

просъ о томъ, содѣйствовалъ ли Бонапартъ сближенію французскихъ рабочихъ съ англійскими на почвѣ польскаго вопроса, въ интересахъ своего, яко бы, народнаго самобытнаго деспотизма, какъ это утверждаютъ съ разныхъ сторонъ; фактъ—то, что нѣкоторые французскіе рабочіе, появившіеся 22 іюля 1863 г. на польскомъ митингѣ въ Лондонѣ, были посланы туда не на казенный счетъ, а на средства французскихъ рабочихъ. Они намѣревались совмѣстно съ англійскими рабочими агитировать въ пользу польскаго возстанія, при чемъ снова выплылъ наружу проектъ международнаго рабочаго союза. Рабочій комитетъ, въ составъ котораго входили сапожникъ Оджеръ и другіе англійскіе рабочіе депутаты, выпустилъ воззваніе къ парижскимъ рабочимъ, въ которомъ прежде всего выражалъ благодарность послѣднимъ за ихъ сочувственное отношеніе къ польскому возстанію, но затѣмъ высказывалъ мысль о необходимости объединенія пролетаріата всѣхъ странъ для защиты интересовъ труда. Воззваніе указывало на то, что каждый разъ, когда англійскіе рабочіе, добиваясь улучшенія своего положенія, требуютъ сокращенія рабочаго дня и увеличенія заработной платы, капиталисты угрожаютъ имъ ввозомъ дешевыхъ рабочихъ рукъ изъ Франціи, Бельгіи, Германіи и другихъ странъ; такая недостойная конкурренція возможна только благодаря тому, что нѣтъ систематической связи между представителями рабочаго класса различныхъ странъ.

Этотъ адресъ, переведенный профессоромъ Бисли на французскій языкъ, поднялъ сильное движеніе во французскихъ мастерскихъ. Началась оживленная агитація за идею, высказанную въ адресѣ, и новый сборъ денегъ, произведенный между парижскими рабочими, далъ возможность отправить въ Лондонъ специальную депутацію съ отвѣтомъ на присланный адресъ. Для пріема этой депутаціи англійскій рабочій комитетъ созвалъ 28 сентября 1864 г. въ залѣ

„St. Martins“ интернаціональный митингъ рабочихъ, на которомъ предсѣдательствовалъ профессоръ Висли. Толэнъ прочелъ французскій отвѣтный адресъ, начинавшійся по поводу польскаго возстанія слѣдующими словами: „Снова мы видимъ Польшу, обагренную кровью своихъ дѣтей, снова мы стоимъ безсильными зрителями передъ совершающимися ужасами“; далѣе адресъ требуетъ, чтобы голосъ народа былъ услышанъ при рѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ. Деспотическая власть капитала должна быть сломлена. Раздѣленіе труда превратило человѣка въ механическое орудіе капитала, а свобода промышленности и торговли, при отсутствіи солидарности между рабочими, приводитъ къ закрѣпощенію рабочаго класса, еще болѣе тяжкому и жестокому, чѣмъ рабство, свергнутое Великой французской революціей. Рабочіе всѣхъ странъ должны объединиться для того, чтобы положить предѣлъ роковой системѣ капиталистическаго производства, раздѣляющей все человѣчество на кучку жирѣющихъ богачей, съ одной стороны, и темную голодную массу— съ другой. Послѣ оживленныхъ дебатовъ, собраніе выбрало комитетъ изъ рабочихъ различныхъ странъ и поручило ему составить программу и статуты международнаго рабочаго общества для временнаго руководства имъ до ближайшаго международнаго конгресса, который долженъ былъ состояться въ Брюсселѣ. Комитетъ состоялъ преимущественно изъ англійскихъ рабочихъ, однако же на первомъ своемъ засѣданіи 5 октября онъ былъ усиленъ представителями различныхъ національностей. Въ составъ его вошло слишкомъ 50 членовъ. Однако онъ все еще состоялъ наполовину изъ англійскихъ рабочихъ, и въ ихъ рукахъ оставались должности президіума, секретаря и кассира. Послѣ англичанъ сильнѣе всѣхъ были представлены нѣмцы, имѣвшіе въ комитетѣ 10 членовъ, изъ которыхъ такіе видные представители, какъ Марксъ,

Эккаріусъ, Фердинандъ Вольфъ, Лесперъ, Лохнеръ, Пфендеръ, большей частью, принадлежали уже къ Союзу Коммунистовъ. Затѣмъ были представлены: Франція 9-ю членами, Италія—6-ю, Польша—2-мя и Швейцарія—2-мя. Секретарями-корреспондентами были назначены: для Германіи—Марксъ, для Франціи—Ле-Лубе, для Италіи—личный секретарь Маццини Вольфъ, для Польши—Гольторпъ и для Швейцаріи Юнгъ. Засѣданія комитета происходили въ бюро „Общаго Совѣта Тредъ-Юніоновъ"; его финансовое хозяйство начало свое существованіе съ 3 фунтовъ стерлинговъ (60 марокъ), собранныхъ на первомъ засѣданіи.

Первой и главнѣйшей задачей комитета было выясненіе сущности и цѣли проектированнаго союза. Прежде всего всѣмъ стало ясно, что новый союзъ ни въ коемъ случаѣ не долженъ дѣйствовать во вредъ уже существующимъ національнымъ рабочимъ организаціямъ, и что не можетъ быть также рѣчи о томъ, чтобы создать рядомъ съ ними новую организацію, которая препятствовала бы ихъ національному развитію. Вопросы о всеобщемъ избирательномъ правѣ, о республикѣ и т. п., несмотря на всю ихъ неоспоримую важность, должны рѣшаться каждой отдѣльной національной организаціей; эти вопросы имѣютъ разное значеніе для нѣмецкихъ и англійскихъ, французскихъ и итальянскихъ рабочихъ. Въ чемъ комитетъ видѣлъ свою главную задачу, это то, чтобы водрузить знамя, котораго борющаяся въ разныхъ странахъ рабочая армія никогда не должна будетъ упускать изъ виду, если она только не пожелаетъ попасть на ложный путь обманчивыхъ разсчетовъ и дѣйствительно намѣрена выйти на широкую дорогу, ведущую къ побѣдѣ современнаго пролетаріата. Задача состояла въ томъ, чтобы создать почву для интернаціональной дѣятельности рабочаго класса, чтобы выработать извѣстныя рамки, въ которыхъ нѣмецкіе лассальянцы, французскіе прудонисты и англійскіе

профессіональные союзы могли бы работать рука объ руку для устраненія преградъ, стоящихъ на пути рабочаго класса въ его интернаціональной освободительной борьбѣ. Когда этотъ вопросъ былъ выясненъ, комитетъ выбралъ подкомитетъ для выработки программы и устава.

На другомъ засѣданіи, 1-го ноября, подкомитетъ представилъ свои проекты. Рѣчь шла о двухъ проектахъ, изъ которыхъ одинъ былъ выработанъ самимъ Мацции и представленъ Вольфомъ, а другой былъ составленъ Марксомъ. Мацции былъ тогда очень популяренъ среди англійскихъ рабочихъ, однако новѣйшее рабочее движеніе было совершенно непонятно ему. То, что составляло сущность этого движенія, пролетарская классовая борьба, была ему непонятна, а потому и чужда. Его программа свелась, по большей мѣрѣ, къ голой соціальной фразеологіи, которую пролетаріатъ давно уже, еще въ началѣ 60-хъ гг., успѣлъ позабыть. Равнымъ образомъ, и его уставъ вышелъ изъ глубины далекаго прошлаго; замкнутый въ строго централизованную заговорщическую систему, онъ совершенно не считался какъ съ частными жизненными условіями тредъ юніоновъ, такъ и съ общими условіями международнаго рабочаго союза, задача котораго состояла не въ томъ, чтобы создать новое движеніе, а въ томъ, чтобы объединить уже существующее въ различныхъ странахъ, но крайне разрозненное движеніе пролетаріата. То, чего не могъ понять Мацции, было глубоко понято Марксомъ. Его „Торжественный Адресъ" (Inauguraladresse) и уставъ были приняты единогласно и положены въ руководство для „Международнаго Общества Рабочихъ", какъ окрестилъ новый союзъ самъ Марксъ.

Объ этомъ „торжественномъ адресѣ" профессоръ Бисли сказалъ потомъ, что онъ представляетъ собою выдающееся по силѣ своего впечатлѣнія изложеніе задачи рабочаго класса по отношенію къ буржуазіи,

сконцентрированное на протяженіи какого-нибудь десятка маленькихъ страницъ. Этотъ адресъ прежде всего констатируетъ тотъ, въ высшей степени важный фактъ, что въ періодъ 1848—1864 г., отмѣченный въ исторіи, какъ безпримѣрный по своему промышленному развитію и росту торговли, бѣдственное положеніе рабочаго класса нисколько не улучшилось. Онъ доказываетъ это документально, простымъ сопоставленіемъ статистическихъ данныхъ объ ужасающемъ положеніи англійскаго пролетаріата, приведенныхъ въ парламентскихъ „Синихъ Книгахъ", съ цифрами, заимствованными изъ рѣчи лорда-канцлера Гладстона по поводу бюджета и свидѣтельствующими о колоссальномъ ростѣ богатства и могущества имущихъ классовъ за означенный періодъ. Адресъ потому только устанавливаетъ это вопіющее противорѣчіе именно въ условіяхъ англійскаго капиталистическаго производства, что Англія въ развитіи промышленности и торговли идетъ впереди всѣхъ другихъ европейскихъ странъ, но онъ прибавляетъ, что это противорѣчіе въ той или другой степени, съ той или другой мѣстной окраской существуетъ во всѣхъ промышленно развитыхъ государствахъ континента.

Повсюду огромный ростъ богатства и силы, вызываемый развитіемъ промышленности, ограничивается исключительно имущими классами, потому что даже та незначительная часть рабочихъ, которой, какъ въ Англіи, удается въ періодъ промышленнаго оживленія добиться повышенія заработной платы, тоже ничего не выигрываетъ, вслѣдствіе вздорожанія жизненныхъ средствъ. „Широкая же рабочая масса въ такой періодъ еще глубже погружается въ пропасть нищеты, по крайней мѣрѣ, въ той же степени, въ какой возрастаетъ соціальное могущество высшихъ классовъ. Въ настоящее время во всей Европѣ установлено, какъ непреложная истина, неоспоримая для всякаго непредубѣжденнаго изслѣдователя, то положеніе, что ни

усовершенствованіе машинъ, ни примѣненіе науки къ промышленности и сельскому хозяйству, ни улучшеніе путей сообщенія, ни новыя колоніи, ни эмиграція, ни завоеваніе новыхъ рынковъ, ни свобода торговли, ни все это вмѣстѣ взятое не въ состояніи устранить бѣдствій пролетаріата; что на ложной основѣ существующихъ отношеній производства каждый шагъ въ развитіи творческой силы труда имѣетъ тенденцію только углублять классовыя противорѣчія и обострять соціальный конфликтъ. Этотъ фактъ можетъ оспаривать только тотъ, кому выгодно, чтобы другіе питались иллюзіями. Въ центрѣ Британской имперіи въ этотъ періодъ колоссальнаго экономическаго прогресса голодная смерть возведена въ нормальное соціальное явленіе. Этотъ періодъ отмѣченъ во всемірной исторіи быстрымъ возвращеніемъ, дальнѣйшимъ расширеніемъ и убійственнымъ вліяніемъ той соціальной чумы, которая носитъ названіе „торговыхъ и промышленныхъ кризисовъ".

Адресъ бросаетъ бѣглый взглядъ на ослабленіе рабочаго движенія въ 50-хъ гг. и приходитъ къ выводу, что этотъ періодъ имѣлъ свои положительныя стороны. Особенно важными являются два замѣчательныхъ факта. Во-первыхъ, законъ о 10-часовомъ рабочемъ днѣ съ его благодѣтельными послѣдствіями для англійскаго пролетаріата. Борьба за законодательное ограниченіе рабочаго дня была прямымъ вторженіемъ въ великую борьбу двухъ принциповъ: принципа безраздѣльнаго господства слѣпыхъ законовъ спроса и предложенія, защищаемаго буржуазной политической экономіей, и принципа законодательнаго регулированія условій труда, составляющаго сущность пролетарской политической экономіи. „Вотъ почему законъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ слѣдуетъ разсматривать не только, какъ огромный практическій успѣхъ, но какъ побѣду принципа; впервые среди бѣлаго дня буржуазная политическая эко-

номія капитулировала передъ политической экономіей рабочаго класса“.

Второй важной позиціей, завоеванной политической экономіей рабочаго класса у буржуазной науки, является кооперативное движеніе, вызвавшее къ жизни нѣсколько смѣлыхъ, хотя никѣмъ не поддерживаемыхъ предпріятій, основанныхъ на началахъ коопераціи. Значеніе этихъ великихъ соціальныхъ экспериментовъ не можетъ быть достаточно оцѣнено. „Они доказали фактически, что самое широкое производство, стоящее на высотѣ современной науки, возможно безъ всякаго вмѣшательства класса капиталистовъ-работодателей, что для продуктивнаго примѣненія средствъ производства вовсе не нужно, чтобы они были монополизированы господствующими классами и служили имъ орудіемъ эксплоатаціи и порабощенія трудящихся, и что наемный трудъ, подобно рабскому и крѣпостному, является только переходной и ненормальной формой труда, подлежащей исчезновенію передъ трудомъ ассоціированнымъ, который „свободно, весело, легко выполнитъ лежащую на немъ задачу“ Въ дальнѣйшемъ адресъ приходитъ къ тому выводу, что кооперативный трудъ, ограниченный случайными опытами отдѣльныхъ рабочихъ, не въ состояніи уничтожить капиталистическую монополію. „Можетъ быть, именно поэтому, аристократы съ виду благороднаго образа мыслей, гуманные буржуазные краснобаи и даже трезвенные политико - экономы совершенно неожиданно стали расшаркиваться передъ кооперативной системой труда, осыпая ее приторными комплиментами, послѣ того, какъ они тщетно пытались задушить ее въ зародышѣ, осмѣивая ее, какъ безсмысленную утопію, или клеймя, какъ нечестивое порожденіе соціалистовъ“. Только тогда, когда кооперативный трудъ приметъ размѣры національнаго производства, когда онъ будетъ пользоваться государственной поддержкой, онъ станетъ истиннымъ спасе-

ніемъ рабочей массы. Но этому всегда будутъ противиться капиталисты и землевладѣльцы, которые употребляютъ все свое вліяніе, всю силу, доставляемую имъ ихъ привилегированнымъ положеніемъ для того, чтобы отстоять и увѣковѣчить свою экономическую монополію. Вотъ почему на рабочемъ классѣ лежитъ величайшая обязанность — завоевать политическую власть. Эта часть адреса вполнѣ совпадаетъ съ взглядами Лассаля, высказанными имъ въ его „Гласномъ отвѣтѣ" о значеніи производительныхъ товариществъ для пролетаріата.

Подчеркивая обязанность рабочихъ классовъ завоевать политическую власть, адресъ указываетъ на то, что пролетаріатъ, повидимому, самъ понялъ свою задачу, какъ это подтверждается одновременнымъ оживленіемъ рабочаго движенія въ Англіи, Германіи, Франціи и Италіи, одновременнымъ стремленіемъ пролетаріевъ этихъ странъ къ политической реорганизаціи рабочей партіи. „Однимъ большимъ шансомъ, численностью, они уже обладаютъ; но многочисленная масса можетъ разсчитывать на побѣду только тогда, когда она организована и направлена къ ясно сознанной ею цѣли". Опытъ прошлаго показываетъ намъ, что за пренебреженіе къ интересамъ объединенія рабочихъ различныхъ странъ для дружной совмѣстной борьбы за свое освобожденіе всегда приходится платиться неудачами при разрозненныхъ выступленіяхъ пролетаріата. Это соображеніе было положено митингомъ въ St. Martins Holl'ѣ въ основу Международнаго Общества Рабочихъ.

Еще одно убѣжденіе стало господствующимъ на митингѣ. Коль скоро освобожденіе рабочихъ классовъ возможно лишь при ихъ тѣсномъ объединеніи и дружной взаимной поддержкѣ, то какъ могутъ они выполнить свою великую миссію въ такое время, когда правительства, преслѣдуя свои преступныя цѣли, своей внѣшней политикой сѣютъ національную рознь и пред-

разсудки и въ своихъ губительныхъ войнахъ расточаютъ народную кровь и народное богатство. Адресъ указываетъ на гражданскую войну въ Америкѣ и на польское возстаніе. „Дерзкія, безпрепятственныя покушенія варварской власти, голова которой въ Петербургѣ, а руки во всѣхъ европейскихъ кабинетахъ, показали рабочимъ классамъ всю необходимость проникать въ тайны международнаго дипломатическаго искусства, слѣдить за всѣми плутнями своихъ правительствъ и въ случаѣ надобности противодѣйствовать имъ всѣми своими силами, а гдѣ нѣтъ возможности предупредить правительственное преступленіе—выступить съ единодушнымъ протестомъ и громкимъ требованіемъ соблюденія элементарныхъ законовъ права и справедливости, одинаково обязательныхъ, какъ въ частной жизни каждаго человѣка, такъ и въ международныхъ отношеніяхъ. Борьба за такую внѣшнюю политику входитъ, какъ часть, въ общую борьбу за освобожденіе рабочаго класса. И „Торжественный Адресъ“ Международнаго Общества Рабочихъ заканчивается заключительными словами „Коммунистическаго Манифеста“: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Статуты начинаются съ общихъ соображеній, которыя сводятся къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

Освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ; конечной цѣлью борьбы пролетаріата является не завоеваніе тѣхъ или другихъ классовыхъ привилегій, а уничтоженіе всякаго классового господства. Всѣ формы, въ которыхъ проявляется порабощенность рабочаго класса, — соціальныя бѣдствія, умственное вырожденіе и политическое безправіе, — вытекаютъ изъ экономической зависимости рабочихъ отъ собственниковъ средствъ производства, т. е. отъ тѣхъ, которые владѣютъ всѣми источниками жизни. Экономическое освобожденіе рабочаго класса является поэтому великой, конечной цѣлью, которой

всякое политическое движеніе должно служить, какъ средство. Всѣ попытки къ осуществленію этой цѣли до сихъ поръ терпѣли неудачу только вслѣдствіе разъединенности рабочихъ различныхъ отраслей труда въ каждой отдѣльной странѣ и рабочихъ различныхъ странъ. Освобожденіе рабочаго класса является задачей не мѣстной и не національной, а задачей общественной; она охватываетъ всѣ страны, въ которыхъ господствуетъ современный общественный строй; она можетъ быть разрѣшена только совмѣстными планомѣрно направленными усиліями всѣхъ этихъ странъ. Исходя изъ этого положенія, статуты требуютъ, чтобы всѣ взаимныя отношенія между отдѣльными членами и обществами, примыкающими къ Международному Обществу Рабочихъ, были основаны на истинѣ и справедливости, на признаніи за каждымъ человѣкомъ его правъ, безъ различія расы, религіи и національности. Каждый обязанъ защищать не только свои личныя права человѣка и гражданина, но и права всѣхъ другихъ людей, исполняющихъ свои обязанности. Нѣтъ правъ безъ обязанностей, нѣтъ обязанностей безъ правъ.

Во главѣ союза былъ поставленъ Генеральный Совѣтъ, который долженъ былъ состоять изъ рабочихъ различныхъ странъ, представленныхъ въ „Обществѣ". До перваго конгресса обязанности Генеральнаго Совѣта принялъ на себя Комитетъ, выбранный собраніемъ въ St. Martins Hall'ѣ. Эти обязанности состояли въ томъ, что Комитетъ долженъ былъ связывать между собою рабочія организаціи различныхъ странъ, постоянно освѣдомлять рабочихъ каждой страны о ходѣ рабочаго движенія въ другихъ странахъ, производить статистическія изслѣдованія о положеніи рабочихъ классовъ, будить интересъ къ идеѣ рабочаго класса во всѣхъ рабочихъ организаціяхъ, въ случаяхъ международныхъ столкновеній давать директивы къ совмѣстнымъ и одновременнымъ выступленіямъ всѣхъ ассо-

ціированныхъ организацій, выпускать періодическіе отчеты и извѣщенія и т. п. Генеральный Совѣтъ былъ выбранъ конгрессомъ, который собирался разъ въ годъ. Конгрессъ устанавливалъ мѣстопребываніе Генеральнаго Совѣта и назначалъ мѣсто и время для слѣдующаго конгресса. Но Генеральному Совѣту было предоставлено право кооптаціи, и ему разрѣшалось по своему усмотрѣнію мѣнять мѣсто созыва конгресса, только не отсрочивать самый созывъ. Всѣ рабочія общества различныхъ странъ, присоединявшіяся къ Интернаціоналу, сохранили свои особыя организаціонныя формы. Никакому мѣстному самостоятельному обществу не запрещалось вступать въ непосредственныя сношенія съ Генеральнымъ Совѣтомъ, но, какъ необходимое условіе для плодотворной дѣятельности Совѣта, требовалось, чтобы всѣ разрозненныя рабочія общества каждой страны объединялись въ національныя организаціи, представленныя центральными органами.

„Торжественный Адресъ“ и статуты Интернаціонала были составлены съ такимъ искусствомъ, что ихъ одобрилъ даже тотъ самый человѣкъ, который впослѣдствіи прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы разрушить этотъ союзъ, а именно: Бакунинъ. Интернаціоналъ не созданъ Марксомъ, подобно тому, какъ соціалъ-демократія не создана Лассалемъ; но подобно тому, какъ Лассаль являлся организаторомъ нѣмецкаго рабочаго движенія, такъ и Марксъ придалъ международному рабочему движенію ту форму, въ которой оно могло широко развернуть свое могучее вліяніе. Интернаціоналъ является преемникомъ Союза Коммунистовъ, который уже высказалъ въ своемъ манифестѣ ту мысль, что важнѣйшимъ предварительнымъ условіемъ для освобожденія современнаго пролетаріата является объединеніе дѣятельности рабочихъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе культурныхъ странъ. Но какая огромная разница между Интернаціоналомъ

и Союзомъ Коммунистовъ! Вмѣсто тайнаго общества пропагандистовъ, объявившаго рѣшительную войну буржуазному строю, теперь стоялъ открытый союзъ, основанный на началахъ самой широкой гласности и обнимавшій всѣ рабочія организаціи, безъ различія направленій, только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ написали на своемъ знамени интерессы рабочаго класса. Но въ обоихъ этихъ тѣлахъ сидѣла одна душа; оба оживлялись тѣмъ творческимъ духомъ, который одинаково неотступно преслѣдуетъ свою великую цѣль при всякой перемѣнѣ средствъ, вызываемой данными условіями.

За все время существованія Интернаціонала Марксъ былъ его толмачомъ, и еще раньше, чѣмъ митингъ въ St. Martins Hall'ѣ выбралъ его въ учредительный комитетъ, онъ уже принималъ участіе въ подготовительныхъ работахъ. Его давнишней мечтой было, какъ сказалъ однажды Энгельсъ, использовать пробужденіе европейскаго пролетаріата „для того, чтобы создать такую рабочую ассоціацію, которая охватила бы всѣ наиболѣе культурныя страны Европы и Америки, и которая показала бы воочію какъ рабочему классу, такъ и буржуазіи и правительствамъ интернаціональный характеръ соціалистическаго движенія, — для воодушевленія и ободренія пролетаріата, съ одной стороны, и на страхъ его врагамъ—съ другой". Эти слова вмѣстѣ съ тѣмъ какъ нельзя лучше характеризуютъ сущность идеи Интернаціонала. Онъ никогда не являлся тайнымъ, заговорщическимъ союзомъ, который дѣйствуетъ средствами насилія и одна тѣнь котораго наводитъ ужасъ на враговъ пролетаріата. Онъ всегда былъ только могучей нравственной силой, которая воодушевляла, ободряла и, толкала впередъ рабочій классъ, и, какъ таковой, онъ создалъ эпоху въ исторіи 19 столѣтія.

Идея международнаго союза никогда окончательно не вымирала сс времени всемірнаго владычества Рима.

Средневѣковая римская церковь была въ своемъ родѣ воплощеніемъ этой идеи. Затѣмъ она была какъ будто затерта выступившимъ на сцену капиталистическимъ способомъ производства, который, съ одной стороны, создалъ отдѣльныя національныя государства, съ другой — бросилъ ихъ въ ожесточенную взаимную борьбу за міровой рынокъ. Но потомъ она снова воскресала въ умахъ буржуазныхъ идеологовъ, либо въ то время, когда буржуазные классы какой-нибудь націи въ упоеніи своимъ блестящимъ тріумфомъ, казалось, стояли выше узко національныхъ интересовъ, либо тогда, когда буржуазія какой-нибудь другой націи теряла надежду когда-нибудь достигнуть національной независимости. Всеміриая гражданственность, провозглашенная французской революціей, съ одной стороны, и нѣмецкими классиками — съ другой, при всемъ своемъ внѣшнемъ сходствѣ, происходятъ отъ противоположныхъ причинъ. Идея всемірной гражданственности всегда исчезала, какъ пылинка въ водоворотѣ международной борьбы, чтобы потомъ снова выплывать наружу. Таково одно изъ противорѣчій капиталистическаго способа производства, что онъ, съ одной стороны, чѣмъ дальше, тѣмъ больше связываетъ между собою различныя народности, съ другой — все глубже и глубже роетъ между ними пропасть. Это противорѣчіе совершенно исчезаетъ только въ современномъ пролетаріатѣ, у котораго вездѣ одни и тѣ же интересы. Такъ, еще великіе утописты выступили съ идеей международнаго объединенія гораздо рѣшительнѣе и яснѣе, чѣмъ буржуазные мечтатели и глашатаи всеобщаго равенства. Сенъ-Симонъ для обезпеченія международнаго мира и культуры противопоставилъ союзу феодаловъ союзъ наиболѣе развитыхъ націй, — нѣмцевъ, французовъ и англичанъ; Фурье задался цѣлью разрушить старый государственный строй созданіемъ крупной федераціи изъ своихъ фаланстеръ; Овенъ основалъ меж-

классовый и международный союзъ для пропаганды освободительныхъ идей соціализма. Чѣмъ яснѣе современный пролетаріатъ сталъ понимать свои интересы, тѣмъ рѣшительнѣе онъ долженъ былъ очищать идеалъ всеобщаго международнаго союза отъ затемнявшихъ его фантастическихъ представленій. Развившись изъ сочувствія къ національному возстанію и оставаясь всегда вѣрнымъ другомъ всякой національной освободительной борьбы, Интернаціоналъ сумѣлъ ухватить идею международнаго объединенія съ той ея стороны, которая начала осуществляться въ дѣйствительности на почвѣ реальныхъ, практическихъ интересовъ.

Одной изъ главныхъ опоръ союза служили тредъюніоны, которые стремились оградить себя отъ ввоза дешевыхъ рабочихъ рукъ изъ-за границы.

Англійскія рабочія общества вообще составляли главный нервъ союза, — фактъ, вполнѣ достаточный для достойной оцѣнки всѣхъ сказокъ, будто Интернаціоналъ представлялъ собою общество заговорщиковъ и фантазеровъ,

Когда, спустя 4 года, нѣмецкая прогрессистская партія вздумала натравить малосознательныхъ англійскихъ рабочихъ на союзъ, то Марксъ указалъ имъ на то, что всѣ крупныя партійныя организаціи англійскаго пролетаріата представлены своими вождями въ Генеральномъ Совѣтѣ Интернаціонала: „Общій Совѣтъ Тред-Юніоновъ“ представленъ Оджеромъ, Апплегартомъ и Говелемъ, остальные развѣтвленные тредъ-юніоны — Шо, Беклеемъ Кономъ, Гельсомъ и Морисомъ, англійскія кооперативныя общества — Вестономъ и Вилліамсомъ, „Лига реформъ“ — Деллемъ, Коуеллемъ Степнеемъ и Люкрафтомъ, „Ассоціація національныхъ реформъ“ — Вальтономъ и Мильнеромъ, партія „Народной пропаганды атеизма“, — Коплэндомъ и мистриссъ Гарріетъ Лоу; затѣмъ онъ указалъ на то, что „Beehive“, оффиціальный органъ тредъ-

юніоновъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціальнымъ органомъ Генеральнаго Совѣта Интернаціонала.

Исходя изъ суровой дѣйствительности, Интернаціоналъ долженъ былъ продѣлать долгій и трудный путь, пока онъ почувствовалъ подъ собою твердую почву, совершенно аналогично Всеобщему Германскому Рабочему союзу, съ тою только разницей, что Марксъ дѣйствовалъ гораздо терпѣливѣе и настойчивѣе, чѣмъ Лассаль. Лишь спустя 2 года послѣ своего основанія, Интернаціоналъ упрочился настолько, что могъ созвать свой первый конгрессъ.

Но историческое значеніе Интернаціонала, какъ и лассалевскаго союза, не должно быть разсматриваемо исключительно съ матеріалистической точки зрѣнія. Финансы Генеральнаго Совѣта, этотъ нервъ всякой современной боевой организаціи, представлялъ собою, по словамъ Маркса, огромный, все возрастающій минусъ, между тѣмъ какъ его умственное и моральное вліяніе непрерывно возростало. Результаты дѣятельности Интернаціонала — огромны, его заслуги въ дѣлѣ освободительной борьбы пролетаріата никогда не потеряютъ своего значенія.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на его отраженное вліяніе на германское рабочее движеніе. Число нѣмецкихъ рабочихъ, примкнувшихъ непосредственно къ союзу, было, правда, крайне незначительно, — оно едва ли когда-нибудь превышало тысячу человѣкъ, но союзъ имѣлъ огромное неотразимое вліяніе на развитіе нѣмецкой соціалъ-демократіи.

Глава вторая.

Преемники Лассаля.

Злой рокъ, тяготѣвшій надъ послѣдними днями Лассаля, наложилъ свою руку и на его завѣщаніе. Тѣ крупныя суммы, которыя Лассаль завѣщалъ въ

пользу нѣкоторыхъ своихъ друзьей, были, правда, вполнѣ достаточны для обезпеченія этимъ господамъ независимаго положенія и возможности содѣйствовать агитаціи, но ими не достигалась намѣченная цѣль. Бухеръ сталъ чиновникомъ Бисмарка, кандидатъ Алекси—піетистомъ-реакціонеромъ, а Рюстовъ, хотя оставался честнымъ демократомъ, однако ничего не дѣлалъ въ пользу пропаганды.

Но это еще было съ полбѣды. Болѣе роковымъ оказалось завѣщаніе въ тѣхъ своихъ постановленіяхъ, которыя касались непосредственно Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Лассаль предлагалъ Союзу выбрать въ преемники ему франкфуртскаго уполномоченнаго Бернарда Беккера, и ему онъ повѣрилъ на совѣсть, что онъ будетъ твердо держаться организаціи, которая поведетъ Союзъ къ побѣдѣ; все это — такія распоряженія, которыя можно объяснить только, какъ отвѣтъ на оппозицію Вальтейха, но которыя сами по себѣ скорѣе вносили новыя замѣшательства вмѣсто того, чтобы разсѣять старыя. Такъ же точно обстояло дѣло съ тѣмъ пунктомъ завѣщанія, по которому секретарю Союза Вильмсу, при личной ежегодной рентѣ въ 150 талеровъ, „въ награду за честность", отпускалась ежегодная сумма въ 500 таллеровъ въ теченіе 5 лѣтъ для употребленія ихъ по собственному усмотрѣнію на агитаціонныя цѣли въ пользу Союза.

Крышка гроба не успѣла еще опуститься надъ прахомъ Лассаля, какъ между его матерью и графиней Гатцфельдъ вспыхнула первая ссора. Незадолго передъ тѣмъ умеръ его отецъ, и оставшаяся послѣ него семья, — мать, сестра и ея мужъ, коммерцъ-совѣтникъ Фридландъ, къ которому Лассаль питалъ смертельную ненависть, — обнаружила при его смерти всю грязь буржуазнаго еврейства, въ которую она еще была погружена. Послѣ долгихъ переговоровъ и споровъ сошлись на томъ, чтобы трупъ Лассаля былъ до-

ставленъ графинѣ Гатцфельдъ для погребенія въ Берлинѣ, за что она должна была уплатить 10 тысячъ франковъ расходовъ и взять на себя устройство похоронъ по еврейскому ритуалу. Графиня хотѣла проводить трупъ черезъ крупныя общины Союза и всюду устроить торжественныя встрѣчи и демонстраціи. Однако только въ Майнцѣ ей удалось блестяще выполнить свой планъ. Когда трупъ прибылъ на пароходѣ въ Кельнъ, полиція, по предложенію семьи покойнаго, перехватила его и отправила въ Бреславль, гдѣ онъ съ недостойной поспѣшностью былъ похороненъ на еврейскомъ кладбищѣ. Когда въ могилу была брошена послѣдняя горсть земли, Фридландъ выразился съ нескрываемымъ удовольствіемъ: „Наконецъ-то великая борьба похоронена“.

Но это было только одно недоразумѣніе. Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ показалъ, что онъ пустилъ глубокіе корни въ рабочемъ классѣ. Поминальное торжество по Лассалѣ протекало во всѣхъ общинахъ съ величайшей серьезностью и воодушевленіемъ. Внезапная смерть любимаго вождя никого не лишала мужества, а напротивъ того, во всѣхъ укрѣпила увѣренность въ побѣдѣ. Культъ, которымъ была окружена личность Лассаля, принималъ иногда черезчуръ грандіозные размѣры, но въ общемъ не переходилъ границъ понятнаго и простительнаго при данныхъ условіяхъ. Особенно ярко онъ отразился въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Людвига Виркерта, въ которыхъ поэтъ съ паѳосомъ присягаетъ на вѣрность „Богу, библіи и церкви“, а иногда принималъ еще болѣе каррикатурныя формы. Но подъ всей этой шелухой скрывалось здоровое зерно.

Ветеранъ до-мартовской демократіи Людвигъ Виркертъ былъ уже пожилой человѣкъ, который въ теченіе четверти вѣка пользовался славой одного изъ лучшихъ ораторовъ Саксонскаго королевства; послѣ этого онъ за энергичное участіе въ майскомъ

возстаніи просидѣлъ 4 года въ тюрьмѣ, а теперь состоялъ управляющимъ гостиницей „Саксонія“,—этимъ „домомъ справедливости“, какъ прозвали вскорѣ этотъ отель лейпцигскіе рабочіе. Крупная величина буржуазной демократіи Виркертъ вѣрилъ въ сказку о реакціонности Лассаля, пока одна статья на смерть Лассаля, напечатанная въ одной демократической газетѣ, не повергла его въ крайнее изумленіе своимъ замѣчаніемъ, что Лассаль все-таки принадлежитъ къ „нашему“ лагерю. Виркертъ началъ читать сочиненія Лассаля, и повязка спала съ глазъ стараго революціонера; въ залѣ своего отеля передъ густой толпой слушателей онъ сталъ теперь говорить о Лассалѣ пламенныя рѣчи и восхвалять геніальность покойнаго въ торжественныхъ пѣсняхъ, метафорическій стиль которыхъ исходилъ скорѣе отъ стараго теолога, чѣмъ человѣка массы, одержимаго религіознымъ чувствомъ. Все, что говорилось на поминкахъ о Лассалѣ въ прозѣ и стихахъ, было сплошь воодушевлено жаждой всемірной борьбы за свободу; на поминкахъ въ Гамбургѣ впервые прозвучала рабочая марсельеза молодого Якова Аудорфа, простыя и ясныя слова которой раздавались съ тѣхъ поръ на многочисленныхъ собраніяхъ рабочихъ и оттѣснили на заднiй планъ изящную и тщательно отдѣланную пѣсню Гервега.

Вскорѣ послѣ смерти Лассаля обнаружились еще нѣкоторые результаты его дѣятельности, которые при жизни его доставили бы ему величайшую радость. Въ октябрѣ 1864 г. въ Лейпцигѣ долженъ былъ состояться съѣздъ Союза нѣмецкихъ рабочихъ, и 2-го числа того же мѣсяца въ Офенбахѣ собрались представители рабочихъ майнскаго округа для обсужденія программы предстоящаго Лейпцигскаго съѣзда. Докладчикъ комитета Зонеманъ въ своей рѣчи расписывалъ рабочимъ, какія блестящія перспективы раскроются передъ ними, если они только останутся вѣрными слугами буржуазіи, но его обычное ораторское

искусство не имѣло уже прежняго успѣха. Рабочіе сухо замѣтили, что они готовы отдать всѣ обѣщаемыя имъ золотыя горы за одно всеобщее избирательное право. Зоннеманъ возражалъ, что всеобщее избирательное право не можетъ пока помочь рабочимъ, какъ это показываетъ примѣръ Франціи, но что онъ самъ готовъ вмѣстѣ съ рабочими драться за это право на баррикадахъ, какъ только пробьетъ часъ борьбы. Это самоотверженное мужество было встрѣчено самымъ искреннимъ смѣхомъ, и комитетъ майнскаго округа вернулся домой съ печальнымъ открытіемъ, что миновали тѣ блаженные дни, когда рабочихъ можно было водить за носъ куда угодно.

Тогда же, на Лейпцигскомъ съѣздѣ, начала меркнуть и звѣзда буржуазіи. Дурное знаменіе встрѣтило ее уже на порогѣ. Въ отчетѣ о прошлогоднемъ съѣздѣ, представлявшемъ, будто бы, 17000 рабочихъ, фигурировалъ въ качествѣ участника съѣзда какой-то Золингенскій рабочій союзъ съ 1500 членами; и вотъ оба единственныхъ рабочихъ союза, существовавшихъ въ Золингенѣ, вручили Лейпцигскому съѣзду рѣзкій протестъ, въ которомъ они заявляли, что сообщеніе о томъ, „будто они состояли въ перепискѣ съ почтенными господами Зоннеманомъ и Виртомъ, есть „наглая ложь“, что золингенскіе рабочіе примкнули къ Лассалю, и что все, что говорится въ докладѣ о какихъ то 1500 рабочихъ, которые, будто бы, пошли за Шульце-Деличемъ, является плодомъ голой фантазіи. На Лейпцигскомъ съѣздѣ, засѣдавшемъ 22 и 23 октября, присутствовали делегаты отъ 40 рабочихъ кружковъ самообразованія, между которыми представителей-рабочихъ было сравнительно очень мало.

Въ первый день обсуждался вопросъ о свободѣ передвиженія, и обычныя рѣчи объ этой панацеѣ противъ всѣхъ золъ, тяготѣющихъ надъ рабочими, протекали съ обычной вялостью. Но затѣмъ поднялся Фрицше, делегатъ одного лейпцигскаго союза рабо-

чихъ-папиросниковъ, и доказалъ, что хотя свобода передвиженія, какъ естественное неотъемлемое право каждаго человѣка, должна быть обязательно завоевана, тѣмъ не менѣе она не имѣетъ ничего общаго съ соціальными реформами. Единственное, что можетъ помочь рабочимъ, это — всеобщее избирательное право. Краснорѣчивые доводы Фрицше встрѣтили шумное одобреніе рабочихъ делегатовъ и слушателей на трибунахъ. Пришлось при помощи порядка дня прибѣгнуть къ разнымъ хитрымъ пріемамъ для того, чтобы не давать больше слова Фрицше. На ближайшемъ засѣданіи говорилъ Альбертъ Ланге о потребительныхъ обществахъ. Онъ доказывалъ, что потребительныя товарищества ни въ коемъ случаѣ не могутъ считаться универсальными средствами для облегченія положенія рабочаго класса, но что они однако могутъ быть очень полезными учрежденіями при томъ условіи, если будутъ основаны и управляемы самими рабочими, а не академиками изъ буржуазнаго лагеря; послѣдніе вообще хорошо сдѣлаютъ, если перестанутъ такъ усердно вмѣшиваться въ дѣла рабочихъ, въ которыхъ сами рабочіе смыслятъ гораздо больше господъ профессоровъ. Руководителямъ собранія становилось все непріятнѣе, и когда, при обсужденіи вопроса о производительныхъ товариществахъ, Фрицше хотѣлъ взять слово, то его своевременно оборвали дипломатическимъ внесеніемъ резолюціи. Поднялся рѣзкій споръ, который одинаково уважаемому обѣими сторонами Альбергу Ланге съ трудомъ удалось нѣсколько уладить. Однако къ полному примиренію и онъ не могъ привести; Фрицше покинулъ засѣданіе, оставивъ письменный протестъ противъ „недостойнаго терроризированія свободы слова". Его нападки не прошли безслѣдно. Хотя въ комитетъ съѣзда союза снова были выбраны Зонneманъ и Максъ Виртъ, но рядомъ съ ними были выбраны также Альбертъ Ланге и Бебель. Въ плотинѣ, воздвигнутой противъ революціоннаго потока, показалась первая брешь.

Вслѣдъ за тѣмъ граната разорвалась и въ майнскомъ округѣ; на рабочемъ съѣздѣ, созванномъ 27 ноября во Франкфуртѣ на М. для выслушанія отчета о Лейпцигскомъ съѣздѣ союза, лассальянцы оказались въ подавляющемъ большинствѣ. Они распустили старый комитетъ майнскаго округа и выбрали сначала временно, а затѣмъ, на многолюдномъ рабочемъ съѣздѣ 18-го декабря окончательно новый комитетъ, девять членовъ котораго принадлежали къ Всеобщему Германскому Рабочему Союзу. Предсѣдателемъ этого комитета былъ выбранъ Велькеръ, секретарями его—Эльнеръ и Обервиндеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ объявилъ Шульце-Делича, Фаухера, Зоннемана и Макса Вирта неспособными быть руководителями рабочихъ, такъ какъ они не преслѣдовали истинныхъ интересовъ пролетаріата, а вели крайне фальшивую игру.

Въ то время какъ принципы Лассаля проникали, такимъ образомъ, все глубже и глубже въ рабочія массы, и каждый день возникали все новыя общины, нѣсколько иначе обстояло дѣло съ организаціей рабочей партіи; будетъ ли она въ состояніи удержаться на высотѣ своего положенія и продолжать ту же тактику, которой она держалась при Лассалѣ,—на этотъ вопросъ трудно было отвѣтить. И та, и другая задача постепенно какъ бы сроднились съ личностью Лассаля, и этой личности никто не могъ замѣнить, меньше всего тотъ, кого Лассаль прочилъ въ преемники себѣ. Бернгардъ Беккеръ не выдѣлялся ни умомъ, ни образованіемъ, и единственно, что говорило въ его пользу, была его слава честнаго человѣка.

Почему именно Лассаль остановился на этомъ выборѣ, — это объясняется довольно просто. Его надежда на быстрое развитіе нѣмецкаго рабочаго класса и на созданіе сильной пролетарской партіи замѣтно ослабѣла, и онъ не могъ разсчитывать, что настало время, когда можно поставить во главѣ Союза

рабочаго. Но разъ онъ отказался отъ этой мысли, его выборъ сталъ крайне ограниченнымъ. Съ Либкнехтомъ онъ былъ въ натянутыхъ оношеніяхъ, а о Швейцерѣ, котораго онъ самъ охотно бы выбралъ себѣ въ преемники, ему нечего было и думать, при той непопулярности, которой онъ пользовался въ рабочей средѣ. Даммеръ въ качествѣ лейпцигскаго уполномоченнаго очень мало себя проявилъ. Остался одинъ Беккеръ, который прекрасно руководилъ французской общиной и рѣшительно отвергъ оппозицію Вальтейха. Насколько Лассаль могъ передъ смертью охватить своимъ взоромъ все положеніе дѣлъ, этотъ выборъ долженъ былъ ему показаться наиболѣе подходящимъ; но послѣдствія показали, что это былъ самый несчастный выборъ.

Прежде всего Союзъ исполнилъ послѣднюю волю своего творца. Вальтейхъ былъ исключенъ изъ бюро всѣми голосами противъ Мецнера и Іорка. Если оппозиція Вальтейха не была лишена извѣстнаго фактическаго своеволія и упрямства, то тѣмъ не менѣе ему дѣлаетъ честь то обстоятельство, что онъ молча покорился своей, во всякомъ случаѣ, незаслуженной участи и никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ „Союза" не предпринималъ. Президентскіе выборы встрѣтили еще нѣкоторыя формальныя затрудненія, однако къ 1 ноября они въ большинствѣ общинъ были окончены. Всѣ поданные голоса были за Беккера, и онъ былъ выбранъ до истеченія срока президентства Лассаля. 2 ноября вицепрезидентъ Даммеръ передалъ Беккеру всѣ дѣла „Союза", послѣ чего онъ самъ устранился отъ агитаціонной дѣятельности.

Но это только было началомъ настоящихъ затрудненій. Борьба изъ-за организаціонныхъ и тактическихъ вопросовъ вспыхнула во время первыхъ генеральныхъ собраній въ Дюссельдорфѣ, въ періодъ 1864 и 1865 г. г. и при появленіи первыхъ номеровъ союзнаго органа.

I. Наличныя противорѣчія.

По буржуазному мнѣнію, вся исторія нѣмецкой соціалъ-демократіи въ ближайшіе годы послѣ смерти Лассаля представляетъ собою нелѣпую смѣсь личной вражды и мелкихъ дрязгъ. Если оставаться на поверхности явленій, то дѣло, пожалуй, и представляется въ такомъ видѣ. Но если вникнуть въ данное явленіе до самыхъ его глубинъ, — а историкъ, желающій вынести безпристрастный приговоровъ надъ событіями, иначе не можетъ относиться къ своей задачѣ, — то выступитъ ясно разумный законъ развитія, господствовавшій надъ этой эпохой.

Вопросъ о томъ, какъ должно быть ликвидировано политическое наслѣдство, оставленное Лассалемъ, допускалъ различныя рѣшенія. На первый планъ выступало мнѣніе, что агитація должна неуклонно вестись по тому пути, на которомъ она стояла при смерти Лассаля. Этотъ взглядъ имѣлъ своего ревностнаго защитника въ лицѣ графини Гатцфельдъ. Для нея рабочее движеніе сливалось съ Лассалемъ и Лассаль съ рабочимъ движеніемъ. Въ ея скорби по покойномъ другѣ скрывалась неудержимая величественная страсть, которая властвовала надъ всѣми ея чувствами, но которая была очень плохимъ политическимъ совѣтчикомъ. Для графини каждое слово Лассаля было Евангеліемъ, не подлежащимъ оспариванію и сомнѣнію, и это слѣпое поклоненіе буквѣ должно было тѣмъ болѣе сбивать ее съ толку, что она пришла не черезъ соціалъ-демократію къ Лассалю, а черезъ Лассаля къ соціалъ-демократіи. Она не была бы природной аристократкой, если-бъ тактика Лассаля не будила въ ней такихъ наклонностей и симпатій, отъ которыхъ онъ самъ былъ довольно далекъ. „Великій министръ", на котораго Лассаль смотрѣлъ только, какъ на извѣстную шахматную фигуру, сталъ для нея идеаломъ.

Какъ „лучшій и единственный другъ" Лассаля,

графиня считала себя его призванной наслѣдницей. Поэтому выборъ Беккера былъ ей какъ разъ на руку. Она надѣялась прибрать къ рукамъ этого ограниченнаго человѣка, и потому она такъ же строго держалась организаціи Лассаля, какъ и его тактики. Союзъ долженъ былъ стать орудіемъ въ рукахъ Беккера, какъ Беккеръ сталъ орудіемъ Союза. Беккеръ самъ „съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности“ прославлялъ графиню какъ спасительницу Союза, который безъ ея помощи былъ совершенно выбитъ изъ колеи. Въ этомъ было правды постольку, поскольку графиня усердно старалась поддерживать дѣтище Лассаля при его жизни и не щадила для него своихъ богатыхъ средствъ. Но въ равной мѣрѣ справедливо и то, что если-бъ планы графини осуществились, то рабочая партія, которую хотѣлъ создать Лассаль, должна была бы превратиться въ фанатически-религіозную секту.

Швейцеръ же стремился именно къ тому, чтобы сохранить за Союзомъ характеръ соціалъ-демократической партіи, и онъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы понять, что вмѣстѣ съ герцогомъ пала и его мантія. Швейцеръ съ удивительной быстротой оріентировался въ соціалистическихъ теоріяхъ; не будучи самостоятельнымъ теоретикомъ, онъ все время, пока работалъ въ революціонномъ движеніи рабочаго класса, являлся единственнымъ въ Германіи вѣрнымъ и рѣзкимъ выразителемъ научнаго коммунизма. Но въ чемъ онъ превзошелъ великихъ теоретиковъ соціализма, такъ это въ пониманіи условій даннаго историческаго момента и въ трезвой политической оцѣнкѣ, которую онъ умѣлъ ему давать. Родомъ изъ южной Германіи, онъ въ старо-прусской казарменной атмосферѣ сумѣлъ держаться съ такой осторожностью, которой могли бы позавидовать старо-прусскіе демократы. Швейцеру были чужды сильныя страсти Лассаля, да онъ и не могъ въ такой степени увлекаться

ими: рѣдко кто сознавалъ такъ хорошо, какъ онъ, что на ненависти и злобѣ въ политикѣ далеко не уѣдешь. Въ немъ было мало агитаціоннаго жара, и въ его рѣчахъ часто звучали шутливыя струнки, но онъ былъ незамѣнимъ въ своей способности разъяснять рабочимъ массамъ въ яркой и понятной формѣ, притомъ безъ всякой примѣси пошлости, какую-нибудь политическую ситуацію или соціальную проблему.

Отъ тѣхъ иллюзій, которымъ предавался послѣдніе мѣсяцы своей жизни Лассаль, Швейцеръ былъ достаточно застрахованъ. Онъ твердо держался того взгляда, что политическая организація рабочаго класса является безусловной необходимостью; равнымъ образомъ, онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что при данныхъ условіяхъ такая организація возможна только въ той формѣ, какую ей далъ Лассаль. Онъ шелъ даже дальше Лассаля и признавалъ, что тактика послѣдняго являлась вынужденной силой обстоятельствъ. Онъ не отказывался отъ нея совершенно, но заключилъ ее въ такія рамки, которыя не допускали никакихъ недоразумѣній.

Вопреки настояніямъ графини Гатцфельдъ, Швейцеръ не согласился защищать шлезвигъ-гольштинскую резолюцію, которая занимала въ послѣдніе дни Лассаля. Онъ со всей своей рѣшительностью заявлялъ, что рабочій классъ безусловно отдалъ бы свои силы въ распоряженіе прогрессистской партіи, если бы послѣдняя сдѣлала хоть какіе-нибудь серьезные шаги для осуществленія гражданскихъ свободъ. Но пока прогрессистская партія проявляетъ только свои буржуазныя стремленія, защищаетъ исключительно свои классовые интересы и съ большей яростью обрушивается на пролетаріатъ, чѣмъ на правительство, до тѣхъ поръ рабочая партія должна, по мнѣнію Швейцера, вести совершенно независимую политику, какъ по отношенію къ буржуазіи, такъ и въ отношеніи къ юнкерству, за которымъ слѣдуетъ осо-

бенно зорко присматривать, чтобы выслѣдить, какую пользу оно думаетъ извлечь изъ раскола между угнетенными классами.

Въ своемъ трезвомъ отношеніи къ политикѣ Швейцеръ ни одной минуты не воображалъ себѣ, что можно хитростью или лестью выманить у феодальной реакціи гражданскую свободу. Но онъ разсчитывалъ на то, что Бисмаркъ будетъ вынужденъ дать всеобщее избирательное право, а можетъ быть, и право коалицій; въ этомъ онъ видѣлъ существенную выгоду для рабочаго класса, у котораго собственно еще не было никакихъ легальныхъ средствъ для организаціи политической партіи. То избирательное право, которое было представлено рабочему классу, сводилось къ нулю трехклассной системой выборовъ; права коалицій не существовало почти нигдѣ.

Свобода печати и союзовъ была отдана на полный произволъ полиціи. Для того, чтобы рабочій классъ могъ играть какую-нибудь роль въ политической жизни, для этого ему нужно было прежде всего окрѣпнуть; ему нужно было создать подъ собою законную почву, на которой онъ могъ бы развить свою дѣятельность; а для этого, по мнѣнію Швейцара, требовалось, чтобы, пока буржуазная оппозиція бездѣйствовала, пролетаріатъ принципіально сохранялъ свою полную независимость и въ своей тактикѣ старался использовать борьбу между буржуазіей и юнкерствомъ, не обращая никакого вниманія ни на жалобы прогрессистской партіи, будто рабочіе поддерживаютъ реакцію, ни на крики реакціонеровъ, будто прогрессистская партія водитъ его за носъ. Такъ Швейцеръ полагалъ продолжать дѣло на основѣ, положенной Лассалемъ, прежде всего удерживая уже завоеванную позицію, а затѣмъ хладнокровно взвѣшивая возможныя практическія средства соціалъ-демократической агитаціи, но будучи всегда готовымъ пожертвовать словами Лассаля для того, чтобы прочнѣе укрѣпить рабочее движеніе въ духѣ Лассаля.

Въ этихъ цѣляхъ онъ старался сблизиться съ Марксомъ, Энгельсомъ и Либкнехтомъ. Для изданія новаго союзнаго органа Швейцеръ и Гофштеттенъ были отправлены въ прусскую столицу, гдѣ они получили прусское гражданство и права берлинскихъ уроженцевъ. Еще при жизни Лассаля Швейцеръ отправился къ Либкнехту и тотчасъ завелъ съ нимъ разговоръ о сдержанномъ отношеніи „стараго соціалиста" къ агитаціонной дѣятельности Лассаля. Либкнехтъ изложилъ ему всѣ соображенія, которыя раздѣляли старыя друзья Лассаля на его счетъ, и впослѣдствіи Либкнехтъ по этому поводу сказалъ: „Господину ф. Швейцеру это, повидимому, стало ясно". Тотчасъ послѣ смерти Лассаля Швейцеръ предложилъ Марксу принять на себя президентство во Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ. Марксъ тогда отклонилъ это предложеніе, такъ какъ онъ расходился съ направленіемъ лассальянскаго движенія и вообще не хотѣлъ при тогдашнихъ политическихъ условіяхъ вернуться въ Германію. Но послѣ настоятельныхъ просьбъ Швейцера Марксъ и Энгельсъ согласились сотрудничать въ новомъ органѣ Союза, конечно съ крайней неохотой и то лишь послѣ того, какъ Либкнехтъ увѣрилъ ихъ въ томъ, что на лояльность Швейцера можно вполнѣ полагаться. Самъ Либкнехтъ вступилъ въ члены редакціи.

Это была совершенно неравная пара, и не надо было быть пророкомъ, чтобы предсказать этому браку печальный конецъ. Съ одной стороны, Либкнехтъ, этотъ старый революціонеръ 1848 г., который съ оружіемъ въ рукахъ боролся противъ контръ-революціи и въ тяжеломъ изгнаніи питалъ старую справедливую ненависть къ существующему режиму, страстный агитаторъ, которому великая цѣль всегда свѣтила впереди; съ другой стороны — Швейцеръ, который былъ на добрый десятокъ лѣтъ моложе его, дитя совершенно иного поколѣнія, организаторъ и политикъ,

привыкшій всматриваться своимъ испытующимъ окомъ въ каждое препятствіе, лежащее на пути движенія рабочаго класса. Оба могли бы сойтись во взглядахъ при обсужденіи какихъ-нибудь общихъ теоретическихъ положеній, но идти рука объ руку въ практической дѣятельности, при рѣшеніи злободневныхъ вопросовъ, было немыслимо для нихъ. Но Либкнехту хотѣлось, главнымъ образомъ, опрокинуть все зданіе Лассаля и, невзирая ни на какія конкретныя политическія условія, господствовавшія тогда въ Германіи, на совершенно иныхъ началахъ построить соціалистическую агитацію. Какъ онъ впослѣдствіи говорилъ о своихъ тогдашнихъ намѣреніяхъ, онъ хотѣлъ ввести нѣмецкое рабочее движеніе въ опредѣленное русло, поставивъ на мѣсто Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза— Интернаціоналъ, а это означало сведеніе политической рабочей партіи Лассаля и Швейцера на степень пропагандистскаго соціалистическаго общества.

Швейцерь вовсе не относился враждебно къ Интернаціоналу; въ первыхъ же номерахъ союзнаго органа онъ напечаталъ его „Торжественный Адресъ". На вапросъ Фрицше, который не могъ найти въ новомъ союзѣ никакой программы, никакой единой цѣли и никакихъ опредѣленныхъ средствъ борьбы, Швейцеръ отвѣтилъ, что Интернаціоналъ представляетъ собою союзъ, который долженъ проникнуть во всѣ культурныя европейскія государства, во множество странъ, отличающихся, если не одинаковыми, то однородными условіями жизни. Какія ближайшія цѣли поставить себѣ и какія средства примѣнять для ихъ осуществленія,—это представляется рѣшать каждой отдѣльной странѣ, сообразно своимъ исключительнымъ условіямъ и особенностямъ, между тѣмъ какъ Интернаціоналъ, признавая полную самостоятельность и автономность соціалъ-демократическихъ организацій каждой отдѣльной страны, стремится только къ тому, чтобы служить связующимъ звеномъ между всѣми соціалъ-демократи-

ческими элементами, разбросанными во всѣхъ культурныхъ европейскихъ государствахъ; эта цѣль вытекаетъ изъ общности интересовъ народныхъ массъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Къ этому швейцеровскому пониманію Интернаціонала ничего нельзя прибавить. Одно присоединеніе къ Интернаціоналу еще ничего не предрѣшало въ смыслѣ политической организаціи и тактики данной національной рабочей партіи; но Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ не могъ въ силу своего устава примкнуть къ другому обществу, какъ корпорація. Съ другой стороны, какъ только нѣмецкіе рабочіе стали примыкать къ Интернаціоналу, какъ отдѣльныя лица—а иначе они не могли поступать—и проводить его принципы, они тѣмъ самымъ перестали быть политической партіей, борющейся за свои интересы на національной почвѣ.

Либкнехтъ не составилъ никакой программы, которая была бы приспособлена къ нѣмецкимъ условіямъ. Зато онъ потомъ отвергъ „культъ всеобщаго избирательнаго права" и выразилъ сожалѣніе о томъ, что Лассаль не выставилъ лозунгомъ отказъ отъ платежа налоговъ, который, по его мнѣнію, былъ единственнымъ средствомъ укротить феодальную реакцію. Между тѣмъ Лассаль въ своихъ рѣчахъ о сущности конституціи самымъ убѣдительнымъ образомъ доказалъ, что отказомъ отъ налоговъ при тогдашнихъ исключительныхъ условіяхъ нѣмецкой политической жизни ничего нельзя достигнуть. Его доводовъ никто еще никогда не опровергъ, наоборотъ, всѣ лучшіе знатоки нѣмецкихъ условій признали ихъ неопровержимыми. Въ добавокъ, Іоаннъ Якоби осенью 1863 г. въ своей предвыборной рѣчи, возбудившей всеобщее вниманіе, внесъ предложеніе объ отказѣ отъ платежа налоговъ; единственнымъ результатомъ этого было то, что самъ Якоби былъ присужденъ къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и всего на всего двое плательщиковъ, Іонъ Рейтенбахъ-Пликкенъ въ Восточной Пруссіи и

Альбертъ Ланге на Рейнѣ отказались платить налоги, послѣ чего ихъ имущество было конфисковано. Не больше прозорливости обнаружилъ Либкнехтъ своимъ предложеніемъ замѣнить президента Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза директоріей, изъ трехъ лицъ. Вся организація союза была приноровлена къ диктаторскому управленію; съ устраненіемъ послѣдняго должна была быть цѣликомъ перестроена первая: трехголовая диктатура была бы при извѣстныхъ условіяхъ еще хуже одноголовой. Однако Либкнехтъ едва ли разсчитывалъ этими обрывками мыслей дать какой-нибудь продуманный планъ организаціи; сами же по себѣ его воззрѣнія были вполнѣ послѣдовательны.

Ожиданія Лассаля, что классовое самосознаніе нѣмецкаго пролетаріата въ періодъ бурнаго революціоннаго движенія разовьется въ могучую непреодолимую силу, не оправдались. Совмѣстная дѣятельность пролетаріата съ буржуазіей была невозможна,—это высказывалъ въ то время въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ и Марксъ. На торжествѣ въ честь учрежденія коммунистическаго рабочаго кружка самообразованія въ Лондонѣ онъ говорилъ, что нѣмецкая буржуазія слишкомъ труслива для того, чтобы проводить свою программу до конца, и что предлагая въ своемъ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ дѣйствовать совмѣстно съ буржуазіей для низверженія абсолютизма, онъ ожидалъ, что она, по крайней мѣрѣ, окажется на такой же высотѣ, на которой въ свое время стояла англійская буржуазія. Но разъ Либкнехтъ отвергъ, какъ нѣчто недопустимое, ту тактику, которая спекулировала на взаимную вражду господствующихъ партій, то фактически ничего другого не осталось, какъ придать нѣмецкой рабочей партіи характеръ пропагандистскаго соціалистическаго общества, какъ это было за нѣсколько десятилѣтій до того съ Союзомъ Коммунистовъ, ибо у нѣмецкаго пролетаріата либо не было никакихъ легальныхъ средствъ для партійной органи-

заціи, — свободы печати, союзовъ, коалицій, избирательнаго права, — либо они существовали только на бумагѣ.

2. Борьба мнѣній.

Разногласія, возникшія въ молодомъ рабочемъ движеніи послѣ смерти Лассаля, разразились прежде всего конфликтомъ между Беккеромъ и графиней Гатцфельдъ. Чрезмѣрное преклоненіе Беккера передъ графиней перешло у него въ крайнюю ненависть къ ней, когда насмѣшка буржуазной прессы надъ „президентомъ подъ фартукомъ“ и т. п. отрезвили бѣднягу отъ того честолюбиваго опьяненія, которое овладѣло его ограниченнымъ умомъ. Беккеръ сталъ искать помощи у матери Лассаля и выпросилъ у нея въ пользу Союза 200 талеровъ,—поступокъ, который, послѣ недостойнаго поведенія семьи Лассаля, возмутилъ не только графиню Гатцфельдъ, но и всѣхъ, чтившихъ память покойнаго Лассаля. Но у Беккера были болѣе широкіе виды, когда онъ старался привлечь на свою сторону старуху Лассаль. Она оспаривала завѣщаніе своего сына, и для Беккера ея расположеніе было тѣмъ важнѣе, что онъ разсчитывалъ получить пятилѣтнюю ренту въ 500 талеровъ, завѣщанную Лассалемъ секретарю Союза Вильмсу для агитаціонныхъ цѣлей въ пользу Союза.

Изъ всѣхъ пунктовъ Лассалевскаго завѣщанія этотъ послѣдній былъ, если не самымъ роковымъ, то, во всякомъ случаѣ, наименѣе понятнымъ. Онъ зналъ, что Беккеръ голъ, какъ соколъ, и что изъ средствъ Союза еще нельзя назначить жалованья президенту; если же онъ, несмотря на это, завѣщалъ долгосрочную личную ренту въ 150 талеровъ не рекомендованному имъ президенту, а секретарю Союза, уже получавшему 400 талеровъ ежегоднаго содержанія, и къ тому же въ его распоряженіе отдалъ названную выше сумму, предназначенную для агитаціонныхъ цѣлей, то онъ

долженъ былъ понять, что онъ этимъ даетъ опасный перевѣсъ секретарю надъ президентомъ. Можетъ быть, Лассаль разсчитывалъ на то, что Вильмсъ, котораго онъ высоко цѣнилъ, будетъ фактическимъ руководителемъ „Союза“, а Беккеръ, въ качествѣ президента, только почетнымъ представителемъ его и, какъ таковой, будетъ до извѣстной степени играть роль буфера между Вильмсомъ и недовольными элементами среди рабочихъ. Но и въ этомъ случаѣ онъ широко открылъ двери всякимъ неурядицамъ, и онѣ не замедлили обнаружиться на первомъ же общемъ собраніи Союза, состоявшемся 27-го октября 1864 года въ Дюссельдорфѣ. На этомъ собраніи 20 делегатами были представлены 34 района; делегатомъ отъ Берлина былъ Метцнеръ, отъ Франкфурта—Эльнеръ, отъ Эльберфельда—Гильманъ, отъ Дюссельдорфа—Леви, отъ Гамбурга—Перль, отъ Гарбурга—Іоркъ, отъ Дрездена—Ферстерлингъ, отъ Лейпцига—Фрицше. Въ кассѣ Союза было 39 талеровъ. Цѣлый рядъ предложеній былъ принятъ безъ всякихъ дебатовъ. Они касались вопросовъ о чествованіи памяти Лассаля во всѣхъ общинахъ, о пожертвованіи половины доходовъ въ пользу шлезвигскихъ ткачей, находившихся въ крайне бѣдственномъ положеніи, о распространеніи кассовой организаціи Лассаля на весь Союзъ съ извѣстными упрощеніями для болѣе мелкихъ общинъ. Самымъ важнымъ рѣшеніемъ съѣзда было постановленіе о сліяніи секретаріата съ президентствомъ и о назначеніи президенту ежегоднаго жалованья въ 500 талеровъ. Онъ былъ принятъ, по предложенію Фрицше, послѣ того, какъ Метцнеръ, Іоркъ, Перль, Леви и Ферстерлингъ высказались за него, какъ за настоятельно необходимое мѣропріятіе.

Такая необходимость безусловно существовала Было бы совершенно невыносимо оставить президента на милостивомъ попеченіи графини Гатцфельдъ или старухи Лассаль. Передъ этой точкой зрѣнія должны

были отступить всѣ прочія соображенія, какъ бы важны они ни были. Такихъ соображеній, притомъ довольно вѣскихъ, было, конечно, много. Упомянутое постановленіе было явнымъ нарушеніемъ статутовъ, которые по своему точному смыслу не допускали сліянія секретаріата съ президіумомъ и не подлежали измѣненію до истеченія трехъ лѣтъ. Власть президента стала еще шире, а несоотвѣтствіе между способностями Беккера и задачами, выпавшими на его долю, еще больше. Графиня Гатцфельдъ нашла удобный предлогъ, ссылаясь на тяжкое оскорбленіе, нанесенное организаціи, выставить Беккера узурпаторомъ. Рѣшеніе собранія привело, наконецъ, къ распаденію золингенской общины, одного изъ старѣйшихъ и сильнѣйшихъ оплотовъ Союза. Вильмсъ, правда, не могъ жаловаться ни на какую формальную несправедливость; по истеченіи срока его службы въ качествѣ секретаря, онъ не былъ избранъ вторично, при чемъ было ясно заявлено, что этимъ отнюдь не выражается ему недовѣріе, а что это—шагъ, вынужденный неумолимой силой обстоятельствъ. Но онъ не обладалъ такимъ самоотреченіемъ, какое выказалъ въ болѣе трудномъ положеніи Вальтейхъ, и такъ какъ на его сторону сталъ его другъ Клингсъ, то въ золингенской общинѣ возникла ожесточенная борьба, которая затѣмъ распространилась на Гамбургъ, Лейпцигъ и другія общины.

Гораздо рѣзче выступили возникшія разногласія въ новомъ органѣ Союза. Первый пробный номеръ его вышелъ 15 декабря 1864 г. подъ заголовкомъ: „Соціалъ-демократъ, органъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза“. Собственниками и редакторами его были Гофштеттенъ и Швейцеръ, сотрудниками числились Бернгартъ Беккеръ, Іоганнъ Филиппъ Беккеръ, Энгельсъ, Гервегъ, Гессъ, Либкнехтъ, Марксъ, Рюстовъ и Вутке. Программа ограничивалась слѣдующими тремя лозунгами: солидарность народныхъ интересовъ во всемъ

цивилизованномъ мірѣ; замѣна деспотическаго германскаго строя единымъ свободнымъ народнымъ государствомъ, уничтоженіе капиталистическаго господства. Второй пробный номеръ вышелъ 21, третій 30 декабря. Съ 4 января газета стала выходить регулярно, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Во главѣ редакціи стоялъ Швейцеръ, и онъ повелъ дѣло въ своемъ духѣ. Первая редакціонная статья обрисовала заслуги Лассаля передъ рабочимъ классомъ, вторая трактовала о шлезвигъ-гольштинскомъ вопросѣ, и именно въ томъ смыслѣ, что какъ бы ни разрѣшился этотъ вопросъ въ рамкахъ существующихъ условій, останется ли завоеванная страна въ рукахъ Австріи или Пруссіи или же она будетъ превращена въ самостоятельное государство—результатъ будетъ одинаково печаленъ для націи. Въ первомъ случаѣ нарывъ, наросшій на тѣлѣ Германіи, дуализмъ обѣихъ великихъ державъ, пуститъ еще болѣе глубокіе корни, во второмъ случаѣ будутъ закрѣплены безсиліе и ничтожество мелкаго государства. Если страну присоединитъ къ себѣ Пруссія, то останется, по крайней мѣрѣ, одно утѣшеніе, а именно, что послѣдній жизненный нервъ парламента, этого единственнаго органа всей націи, будетъ убитъ, и тогда окружающія условія приведутъ къ полному пробужденію народа и ускорятъ моментъ рѣшительнаго переворота.

Во внутренней политикѣ Швейцеръ стоялъ за полную независимость соціалъ-демократической партіи. Буржуазія имѣетъ, конечно, право разсчитывать на помощь пролетаріата въ своей борьбѣ съ абсолютизмомъ; но если она отнесется къ народной партіи не лучше, а можетъ быть, еще хуже, чѣмъ монархически абсолютистская партія, тогда народной партіи ничего другого не останется, какъ вступать въ отдѣльныя коалиціи для каждой отдѣльной цѣли, для каждой опредѣленной конкретной задачи то съ той, то съ другой партіей, сообразуясь съ обстоятельствами даннаго

момента, и при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы принципіальная самостоятельность народной партіи ни въ коемъ случаѣ и нисколько не была затронута такимъ спеціальнымъ соглашеніемъ. На вопли либераловъ о связи соціалъ-демократіи съ реакціей Швейцеръ отвѣтилъ, что этимъ пустымъ разговорамъ никто изъ самихъ либераловъ не придаетъ серьезнаго значенія, „такъ какъ эти укрощенные профессора и набитые золотые мѣшки, вмѣстѣ со своими прислужниками-писателями, отлично знаютъ, какая разница между нами и ими"; нѣмецкая соціалъ-демократія есть самостоятельная партія, и ея принципы войдутъ въ плоть и кровь націи, когда исторія покроетъ прахомъ забвенія все, что теперь горделиво и напыщенно выступаетъ впередъ.

Особенно оживленные крики „о связи соціалъ-демократіи съ реакціей" были вызваны въ либеральномъ лагерѣ пятью редакціонными статьями о министерствѣ Бисмарка, напечатанными Швейцеромъ въ промежутокъ между 27 января и 1 марта. Фактически онѣ только показали, что Швейцеръ въ ясности политическихъ взглядовъ цѣлой головой стоялъ выше прогрессистской печати. Если читать эти статьи теперь, то онѣ покажутся до извѣстной степени тривіальными, именно въ томъ смыслѣ, что событія давно подтвердили то, что Швейцеръ предсказывалъ въ такое время, когда лишь немногіе умы въ Германіи способны были подняться до такой прозорливости и пониманія политическаго момента.

Швейцеръ въ своихъ статьяхъ о Бисмаркѣ исторически разсматриваетъ, какіе факторы вообще способны вліять на рѣшеніе вопросовъ нѣмецкой жизни. Онъ находитъ ихъ всего два: прусскіе штыки и кулаки нѣмецкихъ рабочихъ. Онъ доказывалъ, что нѣмецкій парламентъ, Австрія, среднія и мелкія государства обнаружили только свою полную неспособность къ рѣшенію политическихъ вопросовъ, все свое безсиліе со-

здать что-либо, какъ хорошее, такъ и дурное. Эти вопросы могутъ быть рѣшены только двумя способами. Либо нѣмецкій народъ самъ себѣ поможетъ посредствомъ революціи, — и это для каждаго демократа является самымъ естественнымъ рѣшеніемъ вопроса, — либо Прусское государство, вѣрное своимъ историческимъ традиціямъ, поглотитъ всю остальную Германію; въ этомъ направленіи дѣйствуетъ Бисмаркъ и, повидимому, съ большимъ успѣхомъ. „Эта цѣль рѣзко расходится съ той, къ которой стремится вся нація, именно, къ созданію народнаго нѣмецкаго государства, въ главныхъ своихъ чертахъ основаннаго на началахъ современныхъ требованій. Съ внѣшней стороны оба стремленія имѣютъ то общее между собою, что каждое изъ нихъ сводится къ объединенію въ одно цѣлое разрозненныхъ до сихъ поръ частей одной и той же націи; съ внутренней же стороны они отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что въ одномъ случаѣ объединеніе служило бы лишь средствомъ для достиженія династически-партикуляристскихъ цѣлей, въ другомъ — оно само явилось бы высшей національной цѣлью". Но разъ все прусское враждебно всему германскому, то оно враждебно также и „установленнымъ въ Германіи властямъ".

Основываясь на данныхъ прусской исторіи, Швейцеръ доказывалъ, что гибельнѣе всего долженъ отразиться на національномъ развитіи нѣмецкаго народа прусскій партикуляризмъ, потому что это—самый могущественный видъ партикуляризма; партикуляризмъ лихтенштейнскій, липпе-детмольдскій и даже баварскій—совсѣмъ не то, что прусскій. Прусскій министръ, который разъ усвоилъ старыя традиціи прусскаго государства, силой обстоятельствъ будетъ вынужденъ идти впередъ въ томъ же направленіи и никогда не сможетъ свернуть съ этого пути. Нѣмецкая политика прогрессистской партіи страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что ея нельзя назвать ни прусской, ни нѣмецкой. Она тре-

буетъ объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи, не понимая, что единое Германское государство можетъ быть основано лишь путемъ нѣмецкой революціи, и что главенство Пруссіи можетъ создать только Великопруссію. Доказывать глубину этого историческаго изслѣдованія въ настоящее время, значило бы ломиться въ открытую дверь.

Тѣмъ не менѣе въ статьяхъ Швейцера о Бисмаркѣ не все обстояло благополучно. Какъ бы справедливо ни было его мнѣніе, что прусскій партикуляризмъ представляетъ собою явленіе совершенно особаго рода, которое можетъ быть понято только въ связи съ историческими условіями его прошлаго и настоящаго, онъ однако рисуетъ исключительный характеръ этихъ условій съ такой живостью, которую легко принять за восхваленіе. Это было бы еще сравнительно ничего, если бы Швейцеръ говорилъ о „важномъ значеніи политики Бисмарка". Тогда же и Альбертъ Ланге усмотрѣлъ въ этой политикѣ „черты смѣлости и какой-то величественной простоты"; этотъ отвѣтъ со стороны умныхъ людей на пустыя ребячества, которыми національный ферейнъ думалъ низвергнуть прусскаго министра, былъ еще понятенъ. Но доводы, которыми Швейцеръ доказывалъ, что прусская государственная система является дѣломъ рукъ „талантливыхъ правителей", его восхваленіе „могучаго генія" стараго Фрица, „этого почтеннаго мужа, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго удивленія", и многое другое можетъ быть оспариваемо какъ съ исторической, такъ и съ политической точки зрѣнія. Злонамѣреннымъ противникамъ, — а Швейцеръ долженъ былъ знать, что ему придется бороться именно съ такими противниками, — достаточно было выдергивать отдѣльныя фразы изъ всего цѣлаго, чтобы показать, будто молодое рабочее движеніе пруссифицировалась. Этотъ промахъ Швейцера давалъ себя особенно чувствовать въ двухъ первыхъ его статьяхъ о Бисмаркѣ, гораздо менѣе — въ трехъ послѣднихъ

Тѣмъ временемъ онъ получилъ чувствительный урокъ: его политика была печатно осуждена Марксомъ и Энгельсомъ.

Нежеланіе обоихъ послѣднихъ сотрудничать въ „Соціалъ-демократѣ" имѣло свои вѣскія основанія Разъ они были настроены противъ агитаціи Лассаля и не хотѣли принять на себя руководительство нѣмецкимъ рабочимъ движеніемъ, то самое правильное для нихъ было предоставить дѣло своему естественному теченію и совершенно устраниться отъ него, какъ это они дѣлали при Лассалѣ. Полуотвѣтственное положеніе, которое они заняли въ Союзѣ однимъ лишь участіемъ въ союзномъ органѣ, должно была повести къ различнымъ треніямъ. Что Швейцеръ былъ искренно намѣренъ поставить агитацію на возможно болѣе широкую основу, соотвѣтствующую направленію „Коммунистическаго Манифеста", это онъ доказалъ тѣмъ, что продолжалъ выполнять свой планъ даже послѣ непріятнаго отказа отъ участія въ органѣ со стороны авторовъ „Манифеста". Но, несмотря на это, Марксъ и Энгельсъ все-таки питали къ нему недовѣріе, и это недовѣріе скоро подкрѣпилось сообщеніями Либкнехта. Если Либкнехтъ писалъ въ Англію въ томъ же духѣ, въ какомъ онъ потомъ высказывался въ печати, то при всей субъективной вѣрности этихъ сообщеній, у Маркса и Энгельса не могло составиться объективно правильнаго взгляда на дѣйствовавшихъ въ то время въ Германіи лицъ и на условія тогдашней германской жизни. Кромѣ того, въ ихъ оцѣнкѣ положенія дѣлъ въ Восточной Пруссіи всегда до нѣкоторой степени высказывалось ихъ происхожденіе изъ рейнскихъ провинцій. Это давало себя чувствовать, какъ въ ихъ взглядѣ на Лассаля и его агитацію, такъ и въ ихъ сужденіяхъ о Борнѣ и о берлинскомъ и лейпцигскомъ движеніи 1848 года.

Первую же редакціонную статью въ „Соціалъ-демократѣ" о Лассалѣ Марксъ осудилъ, какъ „рабски льсти-

вую похвальбу", что явилось незаслуженно жестокимъ приговоромъ, хотя, конечно, не каждое слово статьи было перломъ ученой мудрости. Швейцеръ просилъ о терпѣніи, обѣщая, что дѣло постепенно поправится. Марксъ по его просьбѣ тотчасъ напечаталъ у него свою статью на смерть Прудона, послѣдовавшую въ январѣ 1885 г.; при этомъ онъ, однако, не преминулъ въ этомъ замѣчательномъ очеркѣ квалифицировать „всякую видимость компромисса съ существующей властью", какъ нарушеніе „самыхъ элементарныхъ правилъ нравственной чистоплотности". Одновременно съ этимъ Энгельсъ прислалъ въ „Соціалъ-демократъ" переводъ одной стародатской крестьянской пѣсни, сдѣланный для того, чтобы въ примѣчаніи указать нѣмецкимъ рабочимъ на необходимость борьбы противъ грубаго юнкерства. Швейцеръ, конечно, напечаталъ оба присланныхъ произведенія безъ всякихъ измѣненій. Но затѣмъ у Маркса явились новые поводы для нападокъ, именно, парижское письмо Гесса и положеніе, занятое Швейцеромъ по отношенію къ движенію въ пользу свободы союзовъ, которое поднялось тогда въ Германіи. Швейцеръ опять просилъ о терпѣніи. 15 февраля. онъ написалъ Марксу, что съ благодарностью приметъ отъ него всякое теоретическое указаніе, какъ урокъ, но что о злободневныхъ практическихъ вопросахъ, касающихся тактики данной минуты, можно судить только стоя въ центрѣ движенія. Онъ прибавилъ: „Не забудьте, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ представляетъ собою уже сложившійся организмъ и до извѣстной степени связанъ со своими традиціями. Конкретныя вещи всюду тащатъ за собою свою тяжесть". На это Марксъ и Энгельсъ изъ Лондона и Манчестера отвѣтили оффиціальнымъ заявленіемъ, помѣченнымъ 23 февраля, что тактика „Соціалъ-демократа" дѣлаетъ невозможнымъ ихъ дальнѣйшее участіе въ этомъ органѣ. Они никогда не отрицали трудности положенія газеты и не ставили требованій,

невыполнимыхъ при берлинскихъ условіяхъ. Но они неоднократно требовали, чтобы съ правительствомъ и феодально-абсолютистской партіей газета говорила, по крайней мѣрѣ, тѣмъ же смѣлымъ и свободнымъ языкомъ, съ которымъ она обращалась къ прогрессистской партіи. Свой взглядъ на прусскій государственный соціализмъ и на правильное отношеніе рабочей партіи къ этому обману они высказывали еще въ 1847 г. въ „Deutsche Brüsseler Zeitung" и готовы теперь подписаться подъ каждымъ словомъ, которое они говорили тогда. Одновременно съ этимъ вышелъ изъ редакціи и Либкнехтъ, и черезъ нѣсколько дней отказались участвовать въ органѣ Гервегъ, Рюстовъ и Іоганнъ Филиппъ Беккеръ. Изъ оффиціальныхъ сотрудниковъ остались вѣрными газетѣ только Гессъ и Вутке.

Буржуазія ликовала по поводу раскола, и органъ Зоннемана съ высоты своего нравственнаго величія указалъ „демократически мыслящимъ рабочимъ", что имъ вообще нечего ждать ничего хорошаго отъ такихъ главарей, какъ Марксъ и Энгельсъ, которые связывались съ „Соціалъ-демократомъ", хотя еще Лассаль кокетничалъ съ реакціей. На эту глубокомысленную выходку Швейцеръ отвѣтилъ, что даже самые ярые противники лассальянской агитаціи находятъ поступокъ Маркса и Энгельса непослѣдовательнымъ; на этомъ тактическомъ пріемѣ можно не останавливаться. Но совершенно неприличнымъ было брошенное Швейцеромъ въ своихъ противниковъ обвиненіе въ томъ, будто они ушли лишь послѣ того, какъ убѣдились въ томъ, что не могутъ играть роль первой скрипки въ партіи. Марксъ далъ на это самый рѣзкій и сильный отвѣтъ въ газетѣ „Die Berliner Reform", редактируемой въ то время Гвидо Вейсомъ. Швейцеръ тотчасъ бросилъ „личныя дрязги" и перешелъ къ очереднымъ политическимъ дѣламъ, но, къ сожалѣнію, онъ не сговорился раньше съ несчастнымъ Бернгардомъ Беккеромъ, который сдѣлалъ невѣроятную попытку объ-

явить себя законнымъ наслѣдникомъ Лассаля и громомъ и молніей обрушился на противниковъ Союза. 22 марта онъ произнесъ передъ гамбургскими рабочими длиннѣйшую рѣчь, полную личныхъ нападокъ на графиню Гатцфельдъ, Маркса, Энгельса и Либкнехта.

Въ берлинской общинѣ это вызвало цѣлый рядъ рѣзкихъ инцидентовъ. Либкнехтъ рыцарски защищалъ графиню, хотя онъ уже принципіально порвалъ съ нею всякія сношенія, и опровергъ всѣ клеветы и инсинуаціи, собранныя Беккеромъ изъ памфлета Фохта и другихъ, подобныхъ ему источниковъ и направленныя противъ него, Маркса и Энгельса. По его предложенію, берлинская община почти единогласно рѣшила исключить изъ Союза Бернгарда Беккера „какъ лгуна, клеветника и неисправимаго идіота". Но въ пылу борьбы Либкнехтъ самъ незамѣтно способствовалъ разростанію сумятицы. Онъ напечаталъ въ „Rheinische Zeitung", одной изъ ненавистнѣйшихъ противницъ рабочаго движенія, заявленіе, что все ученіе Лассаля есть не что иное, какъ „блѣдный снимокъ" съ принциповъ, давнымъ давно установленныхъ имъ и его друзьями. Незадолго передъ тѣмъ Марксъ отрезвилъ болтуна Блинда, шедшаго рука объ руку съ „Rheinische Zeitung" по вопросу о рабочемъ движеніи, слѣдующими словами: „Я далекъ отъ мысли разъяснять значеніе такого человѣка, какъ Лассаль, и истинную тенденцію его агитаціи какому-то шуту гороховому, за которымъ ничего нѣтъ, кромѣ его собственной тѣни. Я, напротивъ того, убѣжденъ, что господинъ Карлъ Блиндъ только выполнилъ завѣщанную ему отъ природы и Эзопа миссію, когда онъ нападалъ на мертваго льва". Этимъ, безъ сомнѣнія, были наилучшимъ образомъ указаны границы, которыхъ при всякихъ обстоятельствахъ слѣдовало держаться, какъ только дѣло касалось отношенія буржуазіи къ личности и дѣятельности Лассаля.

Во время этой непріятной междоусобицы появилась маленькая брошюрка Энгельса о прусскомъ милитаризмѣ и нѣмецкомъ рабочемъ классѣ, задуманная, а можетъ быть, и составленная имъ еще до оффиціальнаго раскола въ партіи. Во всякомъ случаѣ, она совершенно свободна отъ полемики, несмотря на то, что въ послѣдней главѣ авторъ постоянно имѣетъ въ виду тактику Швейцера. Въ первыхъ двухъ главахъ Энгельсъ съ безпристрастіемъ историческаго изслѣдователя, недоступнымъ не только либеральнымъ политикамъ, но даже такимъ людямъ, какъ Гессъ и Рюстовъ, освѣщаетъ вопросъ о прусскомъ милитаризмѣ съ правительственной и буржуазной точки зрѣнія. Третья глава посвящена вопросу объ отношеніи пролетаріата къ борьбѣ между правительствомъ и буржуазіей изъ-за конституціи. Кончаетъ онъ слѣдующими положеніями: рабочая партія должна прежде всего держаться организованно, насколько это допустимо при существующихъ условіяхъ, прогрессистскую партію слѣдуетъ постоянно, по мѣрѣ возможности, толкать впередъ по пути дѣйствительнаго прогресса; ее нужно заставить измѣнить свою программу въ возможно болѣе радикальномъ духѣ и каждую ея непослѣдовательность и слабость необходимо бичевать и высмѣивать самымъ безпощаднымъ образомъ; собственно вопросъ о милитаризмѣ слѣдуетъ предоставить самому себѣ, въ твердомъ сознаніи, что придетъ время, и рабочая партія создастъ свою собственную „народную милицію“; реакціи же на ея медоточивыя рѣчи нужно отвѣчать гордыми словами старой пѣсни Гильдебранта:

„Копьемъ въ рукопашномъ бою,
„Должны мы дары добывать“.

Въ этой программѣ, собственно говоря, не было ничего такого, что противорѣчило бы воззрѣніямъ Швейцера. Швейцеръ могъ бы даже ссылаться на Энгельса въ отвѣтъ на бурю, поднятую Гервегомъ за то, что „Социалъ-демократъ“ не принялъ статьи о прусскомъ

милитаризмѣ, присланной ему Рюстовымъ. Рюстовъ стоялъ въ этомъ вопросѣ хотя на болѣе радикальной, но, въ сущности, все-таки буржуазной точкѣ зрѣнія. Гервегъ вполнѣ послѣдовательно нападалъ на Энгельса не менѣе рѣзко, чѣмъ на Швейцера. Чтобы вскрыть дѣйствительное различіе между взглядами Энгельса и Швейцера, нужно поглубже вникнуть въ тѣ соображенія, которыя привели Энгельса къ его заключительнымъ положеніямъ.

Онъ давалъ яркую картину бонапартистскихъ кривляній прусскаго правительства и полагалъ, что если оно октроируетъ всеобщее избирательное право, то оно его обставитъ такими ограниченіями, что все это право сведется къ нулю. Онъ указывалъ на горькій опытъ Франціи, повтореніе котораго въ Германіи дало бы еще болѣе плачевные результаты. Нѣмецкій пролетаріатъ менѣе концентрированъ и не столь испытанъ въ бою, какъ французскій. Кромѣ того въ Германіи нѣтъ мелкаго подворнаго крестьянства, а вездѣ преобладаетъ крупное помѣщичье землевладѣніе; если одной третью нѣмецкихъ пролетаріевъ командуютъ капиталисты, то двѣ трети ихъ находятся подъ властью феодаловъ. „Пока сельскій пролетаріатъ не будетъ вовлеченъ въ движеніе, до тѣхъ поръ городской пролетаріатъ въ Германіи ничего не сможетъ сдѣлать, до тѣхъ поръ всеобщее прямое избирательное право будетъ для рабочаго класса не орудіемъ борьбы, а ловушкой". Въ этомъ заключается дѣйствительное различіе между взглядами Энгельса и Швейцера. Что же касается дальнѣйшаго вывода Энгельса, что все рабочее движеніе въ Германіи только терпимо, что правительство можетъ въ любой моментъ положить ему конецъ, то Швейцеръ не только не спорилъ противъ этого, но наоборотъ, въ своей тактикѣ, главнымъ образомъ, исходилъ изъ этого неоспоримаго факта. Равнымъ образомъ, онъ ничего не возражалъ противъ того, что рабочій классъ не долженъ сказать никакого „спасибо"

реакціи, когда она изъ ненависти къ буржуазіи дѣлаетъ нѣкоторыя соціальныя уступки, даетъ, напр., право коалицій, вводитъ фабричный надзоръ, нормальный рабочій день и т. д. или противъ того, что если буржуазные классы измѣняютъ гражданскимъ свободамъ, то рабочіе все-таки должны продолжать агитацію за свободу печати и союзовъ, вопреки волѣ бюргеровъ.

Швейцеръ старался, на сколько онъ только могъ, выпутаться изъ того затруднительнаго положенія, въ которое поставила его нелѣпая гамбургская рѣчь Беккера. Онъ не могъ отречься отъ Беккера, если онъ не хотѣлъ, чтобы все, что еще держится, не расползалось по всѣмъ швамъ; поэтому онъ снова направилъ всѣ свои усилія на то, чтобы, по возможности, скорѣе покончить съ личными дрязгами. Какъ только кризисъ въ Союзѣ миновалъ, онъ пересталъ вмѣшиваться въ личную борьбу, сталъ говорить о Марксѣ и Энгельсѣ, какъ о великихъ теоретикахъ и ученыхъ и только отказывалъ имъ въ практическомъ чутьѣ по отношенію къ вопросамъ, касающимся нѣмецкой агитаціи. Во время самого кризиса Гессъ, который не могъ забыть главы изъ „Коммунистическаго Манифеста“, трактующей о нѣмецкомъ соціализмѣ, сдѣлалъ мимоходомъ въ одномъ изъ своихъ парижскихъ писемъ вылазку по адресу брошюры Энгельса, и Швейцеръ напечаталъ его статью. Самъ же Швейцеръ послѣ кризиса отвѣтилъ на эту брошюру въ самомъ корректномъ и приличномъ тонѣ, не называя имени Энгельса какъ это дѣлалъ Энгельсъ по отношенію къ нему.

Швейцеръ говорилъ, что противъ всеобщаго избирательнаго права существуютъ два возраженія. Первое сводится къ тому, что какъ бы честно и правильно эта реформа ни была проведена, при данномъ уровнѣ образованія народа, особенно сельскаго населенія, избирательное право можетъ сдѣлаться оплотомъ реакціи. На это можно отвѣтить, что дѣло заключается не

столько въ томъ, чтобы народъ былъ представленъ въ парламентѣ большинствомъ, сколько въ осуществленіи самаго принципа народнаго участія въ дѣятельности установленныхъ закономъ государственныхъ учрежденій, что почти невозможно при трехклассной системѣ выборовъ. Много, очень много будетъ выиграно отъ самаго факта участія рабочей партіи въ парламентѣ, хотя бы она была въ немъ представлена незначительнымъ числомъ голосовъ.

Второе возраженіе противъ всеобщаго избирательнаго права, состоящее въ томъ, что безъ свободы печати и права союзовъ и коалицій оно будетъ служить не дѣлу народа, а интересамъ его угнетателей, въ сущности, не есть даже возраженіе. Само собою разумѣется, что всеобщее избирательное право, требуемое рабочей партіей, должно явиться только, какъ логическое завершеніе всего того, что входитъ въ понятіе свободнаго, правового государства; всеобщее избирательное право безъ гражданской свободы было бы жалкимъ даромъ данайцевъ со стороны господствующей системы деспотизма и произвола, скрывающей подъ мантіей народолюбія самую глубокую ненависть къ народу Но это все-таки еще не рѣшаетъ вопроса о томъ, не придется ли привѣтствовать даже такое избирательное право, какъ относительный прогрессъ, въ сравненіи съ существующей системой выборовъ, иначе говоря, какъ меньшее изъ двухъ золъ.

На этотъ вопросъ можно отвѣтить и „да", и „нѣтъ". Утвердительный отвѣтъ получился бы въ результатѣ того соображенія, что при особенной стойкости рабочихъ массъ даже такое избирательное право все же явилось бы могучимъ орудіемъ въ рукахъ партіи. Въ отрицательномъ смыслѣ можно рѣшить вопросъ, если принять во вниманіе, что обладаніе такимъ правомъ, отъ котораго остается только одна видимость, можетъ быть гораздо опаснѣе для развитія массъ, чѣмъ явное безправіе. „Мы даже полагаемъ, что вну-

три нашей партіи возникнутъ разногласія по этому вопросу. Но—а это самое главное—въ одномъ мы, во всякомъ случаѣ, всѣ сходимся, а именно въ томъ, что если какое-нибудь правительство когда-нибудь дастъ всеобщее избирательное право, не гарантируя при этомъ другихъ необходимыхъ гражданскихъ правъ, то первымъ, даже единственнымъ употребленіемъ этого права должно быть примѣненіе его въ качествѣ орудія для завоеванія и обезпеченія всѣхъ другихъ правъ, ибо свобода намъ нужна прежде всего!" Итакъ, если Энгельсъ полагалъ, что всеобщее избирательное право, дарованное прусскимъ правительствомъ, никогда не сможетъ стать орудіемъ въ рукахъ рабочаго класса, а всегда останется для него, только ловушкой, то Швейцеръ былъ того мнѣнія, что это право можетъ стать полезнымъ орудіемъ, несмотря на то, что оно предназначено быть ловушкой. Вотъ въ чемъ корень разногласія между взглядами Маркса и Энгельса, съ одной стороны, и Швейцера — съ другой.

Черезъ три съ половиной года, въ октябрѣ 1868 г. Марксъ писалъ Швейцеру: „Я безусловно признаю умъ и энергію, съ которыми вы выступаете въ рабочемъ движеніи. Я никогда не скрывалъ этого своего мнѣнія о васъ отъ моихъ друзей". Прибавляя затѣмъ: „Я не отрицаю трудности вашего положенія и никогда не забывалъ, что каждый изъ насъ подчиненъ гораздо больше окружающимъ условіямъ, чѣмъ собственной волѣ", Марксъ только другими словами подтверждаетъ ту же мысль, которую высказывалъ Швейцеръ 15 февраля 1865 г., когда онъ просилъ о снисхожденіи къ себѣ, а, именно, что „каждая конкретная вещь всюду тащитъ за собою свою тяжесть". Въ своемъ крайне трудномъ положеніи Швейцеръ не всегда умѣлъ удержаться въ должныхъ тактическихъ границахъ, какъ это видно изъ отдѣльныхъ, далеко не единичныхъ фразъ, разбросанныхъ въ его статьяхъ

о Висмаркѣ, но правильность самой тактики его подтвердилась историческимъ ходомъ вещей.

Въ это время вспыхнула послѣдняя борьба мнѣній по вопросу о задачахъ рабочей партіи между Альбертомъ Ланге и Швейцеромъ. Посредническая роль, которую Ланге принялъ на себя на Лейпцигскомъ союзномъ съѣздѣ, въ связи съ выборомъ его въ комитетъ, мѣшала ему высказаться опредѣленно о рабочемъ вопросѣ, чтобы не вызвать упрека въ двусмысленномъ образѣ дѣйствій. Его маленькая брошюрка была полна тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній о рабочемъ движеніи, но страдала тѣмъ недостаткомъ, что въ ней Ланге придерживался закона Мальтуса о населеніи, который, казалось, получилъ свое окончательное подтвержденіе въ теоріи Дарвина, только что начавшей тогда распространяться. Естественнонаучное образованіе Ланге ставило однако послѣднюю преграду его соціальнонаучному мышленію, хотя онъ оставался далекимъ отъ тѣхъ пошлыхъ выводовъ, которые и прежде, и потомъ дѣлали изъ теоріи Мальтуса вульгарные экономисты.

Въ своихъ практическихъ требованіяхъ Ланге стоялъ гораздо ближе къ Лассалю, чѣмъ къ Шульце. Онъ требовалъ полной самостоятельности рабочаго движенія, независимой дѣятельности рабочаго класса, сперва въ политической области, затѣмъ на почвѣ профессіональныхъ союзовъ, подчиненія этимъ насущнымъ вопросамъ всѣхъ умственныхъ стремленій, демократизаціи государства посредствомъ неограниченной свободы печати и союзовъ, всеобщаго безплатнаго народнаго образованія по всѣмъ предметамъ, необходимымъ для каждаго гражданина, финансовой и законодательной поддержки производительныхъ товариществъ, особенно, крупнаго сельскаго хозяйства. На значеніе всеобщаго избирательнаго права Ланге смотрѣлъ болѣе скептически, чѣмъ Лассаль, но онъ соглашался съ тѣмъ, что какъ только

массы потребуютъ этого права, оно должно быть немедленно дано; онъ признавалъ также, что нѣтъ лучшаго, вѣрнѣйшаго и раціональнѣйшаго средства для агитаціи соціальныхъ идей, чѣмъ лозунгъ всеобщаго избирательнаго права. Эта программа совершенно оттолкнула отъ Ланге буржуазію; тѣмъ чувствительнѣе оказалось для него „всеобщее невниманіе, которое встрѣтила его книга въ кругахъ рабочихъ и ихъ вождей“ Швейцеръ въ самомъ дѣлѣ отозвался объ этой книгѣ въ довольно пренебрежительномъ тонѣ, далеко не соотвѣтствовавшемъ ея дѣйствительному значенію, и, повидимому, Ланге не имѣлъ также особеннаго успѣха и въ Дуисбургской общинѣ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, передъ которой онъ выступилъ со спеціальнымъ рефератомъ, посвященнымъ изложенію его воззрѣній.

Эта незаслуженная участь Ланге объясняется отчасти тѣмъ, что его брошюра появилась въ такой моментъ, когда умы были сильно возбуждены кризисомъ въ Союзѣ. Отчасти же она была вызвана тѣмъ, что Ланге хотѣлъ примирить непримиримое, хотя онъ вполнѣ искренно увѣрялъ, что онъ далекъ отъ всякихъ посредническихъ видовъ. Онъ говорилъ тогда о „новопрусской фальсифицированной соціалъ-демократіи въ Берлинѣ“, но затѣмъ онъ все-таки, при своемъ умѣніи справедливо оцѣнивать факты, сошелся со Швейцеромъ, насколько это вообще было возможно.

Въ газетѣ „Bote vom Niederrhein“, которую Ланге издавалъ три раза въ недѣлю съ осени 1865 г. до лѣта 1866 г. въ Дуисбургѣ, онъ осуждалъ, какъ ошибку, хотя, при данныхъ условіяхъ, вполнѣ простительную, то, что Лассаль слишкомъ односторонне смотрѣлъ на профессіональные союзы, оцѣнивая ихъ исключительно съ мелко буржуазной и филистерской точки зрѣнія Шульце, и что онъ проглядѣлъ тотъ истинно соціалистическій духъ, который пустилъ свои глубокіе корни въ англійскихъ, французскихъ и отчасти даже нѣмец-

кихъ рабочихъ ассоціаціяхъ. „Когда вернувшіеся изъ своего изгнанія евреи строили храмъ, они держали въ одной рукѣ мечъ, въ другой кирпичъ. Таково должно быть соотношеніе между Всеобщимъ Германкимъ Рабочимъ Союзомъ, съ одной стороны, и профессіональными союзами — съ другой. Ихъ задачи не одинаковы, но одна другую дополняетъ". Эта сторона агитаціи Лассаля была для Ланге главнымъ камнемъ преткновенія, какъ это видно изъ его сочиненія „Рабочій вопросъ".

Онъ отнюдь не думалъ о безпринципномъ затушевываніи противорѣчій, а только желалъ соединить вполнѣ соединимыя вещи, но онъ не понялъ правомѣрности той прямолинейной тактики, безъ которой немыслимо никакое крупное практическое предпріятіе.

Швейцеръ охотно соглашался съ тѣмъ, что указанный недостатокъ Лассаля имѣлъ свои вредныя послѣдствія. Но тѣмъ не менѣе этотъ недостатокъ, по мнѣнію Швейцера, является важнымъ преимуществомъ агитаціонной программы Лассаля. „Противоположный недостатокъ былъ бы въ состояніи, самое большее, только возбудить теоретическую полемику между нѣкоторыми учеными спеціалистами, но не вызвать пламенную агитацію среди рабочихъ". Недостатокъ, на который жалуется Ланге, постепенно исчезнетъ на практикѣ, и онъ уже начинаетъ сглаживаться. Но это отнюдь не должно приближать насъ къ той, до сихъ поръ еще недостаточно осужденной и не вытравленной иллюзіи, будто профессіональные союзы, основанные на принципѣ, такъ называемой, „самопомощи", могутъ привести къ сколько-нибудь прочному и дѣйствительному улучшенію положенія рабочаго класса. То, противъ чего возражаетъ Ланге, можетъ быть, содержитъ въ себѣ долю истины, только слѣдуетъ замѣтить, что рабочіе страдаютъ не преувеличеннымъ представленіемъ о самопомощи, а просто безучастіемъ къ этой идеѣ. Какъ разъ тѣ рабочіе, которые были

бы привлечены къ настоящимъ товарищескимъ союзамъ. стояли бы гораздо ближе къ стремленіямъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, чѣмъ безучастная масса.

Но одновременно съ этимъ Ланге нападалъ на неумѣстныя замѣчанія, съ которыми въ дискуссію вмѣшался Зоннеманъ. Этотъ буржуазный мыслитель утверждалъ, что настоящей соціалъ-демократіей, стоящей въ полномъ согласіи съ соціалъ-демократами англійскими, французскими и американскими, является общее собраніе нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ, между тѣмъ какъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ виситъ въ воздухѣ съ своей фнатастической политикой будущаго, которая, съ одной стороны, требуетъ всеобщаго избирательнаго права, т. е. господства воли большинства, съ другой — предписываетъ этому большинству заранѣе опредѣленную соціалистическую программу. Ланге опровергъ его, указавъ на то, что согласіе нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ съ американскими еще довольно проблематично, что оно начало проявляться только съ избавленіемъ союзовъ отъ узкаго и мелочного руководительства Шульце, и этимъ они обязаны косвенному вліянію агитаціи Лассаля. Въ политикѣ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза нѣтъ ничего выходящаго изъ ряду вонъ. Приверженцы Лассаля не разсчитывали на полную побѣду даже въ томъ случаѣ, если-бъ парламентъ былъ выбранъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права. „Но можно съ положительностью утверждать, что весь характеръ собранія измѣнится, если въ него попадетъ хотя бы полдюжины рѣшительныхъ соціалъ-демократовъ. Съ этого момента измѣнилось бы и все отношеніе печати къ соціальному вопросу“ А это все-таки было бы извѣстнымъ плюсомъ, тѣмъ болѣе, что теперь, при трехклассной системѣ выборовъ, какъ бы они ни прошли, ни одинъ соціалъ-демократъ никогда не попадетъ въ парламентъ.

Эти замѣчанія Ланге Швейцеръ могъ привѣтствовать отъ всей души. Его дискуссія съ Ланге кончалась тамъ же, гдѣ прекращалась его полемика съ Энгельсомъ,—лишнее доказательство того, что въ этомъ пунктѣ лежалъ центръ тяжести всего спора, возникшаго послѣ смерти Лассаля и еще раньше, чѣмъ онъ былъ поднятъ въ Германіи, давно уже рѣшеннаго рабочими на практикѣ.

3. Рѣшеніе рабочихъ.

Мотивированный отказъ Маркса и Энгельса отъ сотрудничества въ „Соціалъ-демократѣ" появился въ № 29 этой газеты. За это время молодое деревцо успѣло окрѣпнуть настолько, что оно выдержало сильную бурю, пронесшуюся надъ его головой.

Тріумфъ, который принесъ съ собою дѣлу рабочаго класса конецъ 1864 г., продолжался непрерывно и въ началѣ 1865 года. Бернгардъ Беккеръ не былъ особенно ловкимъ агитаторомъ, тѣмъ не менѣе, когда онъ въ январѣ посѣщалъ шлезвигскіе ткацкіе районы, то достаточно было одного его появленія, чтобы привлечь свыше тысячи членовъ въ Союзъ; скоро тамъ создалось 10 общинъ, насчитывавшихъ каждая то 500, то 400 въ большинствѣ случаевъ, свыше 200 членовъ. Новый комитетъ майнскаго округа на первое воскресенье февраля мѣсяца созвалъ въ Майнцѣ, въ курфюрстскомъ Мраморномъ залѣ огромное собраніе, на которомъ 2000 рабочихъ торжественно высказалось за принципы Лассаля. Еще до того Гильманъ блестяще выполнилъ свой смѣлый походъ на Ремшейдъ, Гагенъ и Изерлонъ; среди вновь пріобрѣтенныхъ членовъ были Газенклеверъ и Тэльке.

Развитіе движенія въ Изерлонѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ приковывало къ себѣ вниманіе властей далеко за предѣлами ферейновъ. Въ то время каждый бюрократъ могъ расширять свой полицейскій произволъ до какихъ угодно границъ, не будучи

стѣсняемъ рѣшительно ничѣмъ. Бургомистръ Гильсманъ рѣшилъ подорвать въ корнѣ рабочее движеніе въ Изерлонѣ; гдѣ ему только мерещился призракъ этого движенія, тамъ онъ пускалъ въ ходъ все для его подавленія: запреты, преслѣдованія, аресты. Между прочимъ, онъ издалъ приказъ, чтобы полиція закрывала каждое собраніе, на которомъ будетъ говориться о „рабочихъ" или о „рабочихъ союзахъ". Въ высшихъ бюрократическихъ кругахъ, конечно, смотрѣли очень благосклонно на ретиваго защитника порядка. Тэльке однако удалось укротить его, хотя ему пришлось противъ этого отчаяннаго негодяя дѣйствовать отчаянными средствами.

Такъ, 20-го марта Изерлонскій Рабочій Союзъ послалъ, по предложенію Тэльке, королю Вильгельму телеграфное поздравленіе съ днемъ его рожденія и созвалъ „торжественное собраніе" для пріема королевскаго отвѣта. Отвѣтъ, въ высшей степени любезный, не замедлилъ явиться, но полиція запретила его прочесть, такъ какъ онъ былъ адресованъ Рабочему Союзу, а это слово, по точному приказу бургомистра, не должно было быть публично произнесено. Пришлось вмѣшаться въ дѣло ландрату, который не осмѣлился запретить чтенія королевской телеграммы; такимъ образомъ, онъ противъ воли далъ вѣрному холопу Гильсману здоровый щелчекъ. Невозможно перечислить всѣхъ пріемовъ, которымъ Тэльке донималъ бургомистра; въ сентябрѣ 1865 г. бѣдняга былъ доведенъ до такой ярости, что совершенно зарапортовался и издалъ приказъ всѣмъ содержателямъ гостиницъ и ресторановъ, что „если они только потерпятъ въ стѣнахъ своихъ заведеній присутствіе бывшаго частнаго писца, нынѣ безработнаго Карла Вильгельма Тэльке или будутъ отпускать ему какіе-нибудь продукты, то ихъ предпріятія будутъ немедленно закрыты". Никакія оправданія незнаніемъ въ лицо писаря Тэльке не будутъ приняты во вниманіе. Кто

останется недоволенъ этимъ распоряженіемъ, тотъ сможетъ, коночно, жаловаться, но жалобщики должны знать, что имъ, „какъ лицамъ недостаточно благонадежнымъ для порядочнаго веденія своего дѣла“, дальнѣйшее занятіе своимъ промысломъ будетъ запрещено. Это до крайности комичное распоряженіе было смертельнымъ ударомъ для самой прусской полиціи. Тэльке тотчасъ объявилъ въ „Соціалъ-демократѣ“ о полученіи имъ вкуснѣйшей вестфальской колбасы и другихъ пожертвованій, присланныхъ ему буржуазными любителями юмора, рѣшившими спасти его отъ голодной смерти

Прежде всего однако агитація начала распространяться въ Берлинѣ. Еще въ своей ронсдорфской рѣчи Лассаль сказалъ, что Берлинскій Рабочій Союзъ начинаетъ тяготить прогрессистскую партію. Эти слова его назвали тогда пустозвонствомъ, но послѣ его смерти оказалось, что это вовсе не было пустозвонствомъ. Чѣмъ больше развивалась промышленность, тѣмъ настоятельнѣе становилась для рабочихъ потребность въ свободѣ союзовъ; прогрессистской партіи слѣдовало бы своевременно выступить въ защиту этого требованія, логически вытекающаго изъ ихъ собственнаго ученія о свободѣ торговли. Но въ своей обычной половинчатости она, какъ филистеръ 1848 г., хотѣла республики съ великимъ герцогомъ во главѣ ея. Пресловутый центральный Союзъ для защиты интересовъ рабочихъ классовъ, руководимый господами манчестерцами, въ октябрѣ 1864 г. рѣшилъ агитировать въ пользу свободы коалицій, но свобода у нихъ вышла съ намордникомъ: согласно ихъ резолюціи, должны были быть изданы особые законы, карающіе за злоупотребленіе этой свободой. Приглашенные для совѣщанія рабочіе замѣтили, конечно, подвохъ, но не успѣли и слова сказать, какъ почтенный предсѣдатель оборвалъ ихъ заявленіемъ о порядкѣ дня, и Центральный Союзъ принялъ такую

свободу коалицій, которая фактически сводилась на нѣтъ. Раздраженіе противъ прогрессистской партіи разрослось и охватило всѣ рабочіе круги, и 22 января 1865 г. Берлинскій Рабочій Союзъ созвалъ въ Tonhall'ѣ массовую сходку для протеста противъ резолюцій Центральнаго Союза и вообще противъ всякаго ограниченія свободы коалицій, не установленнаго общими законами страны.

Къ этому движенію примкнулъ и „Соціалъ-демократъ", дѣйствовавшій съ большой ловкостью. Не скрывая того, что свобода коалицій составляетъ прямое слѣдствіе буржуазнаго хозяйственнаго строя и ничего общаго не имѣетъ съ соціализмомъ, онъ защищалъ ее, какъ неотъемлемое право рабочаго класса. На собраніе рабочихъ 22 января были приглашены и прогрессистскіе делегаты, но ихъ явилось всего около 20 человѣкъ, и никто изъ сихъ народолюбивыхъ мужей не нашелъ слова, чтобы расположить къ себѣ сердца рабочихъ. Они старались защищать дѣльцовъ Центральнаго Союза, какъ благородныхъ, гуманныхъ людей и выразили мнѣніе, что рабочіе не должны удивляться, если для прогрессистской партіи существуютъ еще интересы помимо интересовъ рабочаго класса. Рабочіе въ своихъ рѣчахъ заявляли вполнѣ категорически, что руководительство прогрессистовъ имъ надоѣло. Докладчикъ Диттманъ сказалъ, что культъ благородныхъ филантроповъ—это идолопоклонство, что рабочіе не хотятъ больше жить подъ господствомъ исключительныхъ законовъ, что, хотя значеніе всеобщаго права, можетъ быть, переоцѣнено Лассалемъ, однако, оно все-таки составляетъ право рабочаго класса, и, какъ таковое, не можетъ быть отнято. Собраніе единогласно приняло резолюцію Диттмана, выражающую протестъ противъ прогрессистской партіи, и Шульце вмѣстѣ съ Фаухеромъ согласились внести въ парламентъ предложеніе объ отмѣнѣ параграфовъ 81 и 182 прусскаго устава о промышленности, изъ

которыхъ первый запрещалъ союзы предпринимателей, второй—союзы рабочихъ.

Но тогда выступилъ „Соціалъ-демократъ" и раскрылъ всю недостойную игру, которую велъ съ рабочими прогрессистскій законопроектъ. А именно, Шульце и Фаухеръ опустили завѣсу на параграфы 183 и 184 устава о промышленности, изъ которыхъ первый каралъ денежными штрафами и тюремнымъ заключеніемъ за всякіе союзы и товарищества между фабричными рабочими, подмастерьями и учениками, а второй подвергалъ тѣмъ же наказаніямъ за нарушеніе договора о наймѣ, за грубое ослушаніе и упорное неповиновеніе. Бернгардъ Беккеръ предложилъ уполномоченнымъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза созывать повсемѣстно рабочія собранія и проводить на нихъ ту резолюцію, что законопроектъ Шульце-Фаухера не удовлетворяетъ справедливымъ требованіямъ рабочихъ, что рабочіе вынуждены требовать неограниченной свободы союзовъ и отмѣны всѣхъ исключительныхъ законовъ, содержащихся въ уставѣ о промышленности.

Попытка иниціаторовъ проекта оправдать свое двусмысленное поведеніе подливала только масло въ огонь. Шульце заявилъ, будто статья 183 уже отмѣнена конституціей, которая разрѣшаетъ всякіе союзы, не направленные противъ существующихъ законовъ; оффиціальная отмѣна ея была бы равносильна выраженію сомнѣнія въ законности конституціи и въ святости народныхъ правъ. Эта увертка была печальнымъ подтвержденіемъ того обмана, который эти господа осмѣлились предложить рабочимъ. По довольно нелѣпому, но формально дѣйствовавшему разъясненію высшаго трибунала, спеціальные законы вовсе не отмѣнялись общими основными положеніями конституціи Затѣмъ, отмѣна статьи 183 не затрагивала бы ничьихъ „священныхъ правъ", а только убрала бы ловушку, которая дѣлала право коалицій для пролетаріата еще

болѣе иллюзорнымъ, чѣмъ для буржуазіи. Далѣе Шульце говорилъ, что какъ бы плоха ни была статья 184, но ея нельзя отмѣнить иначе, какъ вмѣстѣ со всѣми другими, еще существующими ограниченіями, направленными противъ свободы личности. Если Шульце въ самомъ дѣлѣ отличался такимъ ограниченнымъ умомъ, что искренно принималъ этотъ обманъ, то „Volkszeitung" была, во всякомъ случаѣ, еще искреннѣе, когда она заявила, что прогрессистская партія хочетъ удержать законъ объ уголовной отвѣтственности за нарушеніе договора только для рабочихъ. Она великодушно допускала возможность смягченія наказаній, опредѣленныхъ статьей 184, но прибавляла, что рабочій, не выполняющій условій найма, нарушаетъ чужое право, а всякое правонарушеніе должно быть наказано. Только „невѣжественные смутьяны", могутъ утверждать, что уголовная наказуемость нарушеній договора имѣетъ что-то общее съ свободой союзовъ; „и вотъ,—смотрите, смотрите, рабочіе—такіе-то господа возбуждаютъ васъ противъ людей образованныхъ, благомыслящихъ и отечески пекущихся о вашихъ нуждахъ"!

Въ тотъ же день, когда въ воздухѣ разражалось накопившееся съ обѣихъ сторонъ чувство нравственнаго негодованія, „глубоко образованные, благомыслящіе и заботливые мужи" рѣшили исполнить то, чего требовали „невѣжественные смутьяны": парламентская комиссія, которая должна была обсуждать предложеніе Шульце-Фаухера, распространила его и на параграфы 183 и 184. Удары соціалъ-демократовъ подняли прогрессистскихъ трибуновъ съ ихъ мягкаго ложа; Фаухеръ со вздохомъ признался, что „внушительные размѣры, которые принимаетъ движеніе", не позволяютъ больше медлить съ разрѣшеніемъ вопроса. Въ серединѣ февраля въ палатѣ депутатовъ происходили знаменитые трехдневные дебаты о свободѣ коалицій, которые вызвали среди представителей денежной

плутократіи настоящее вавилонское столпотвореніе. Шульце вопилъ: „не снимайте узды съ этой бестіи“, Фаухеръ называлъ тредъ-юніоны реакціоннымъ пережиткомъ системы средневѣковыхъ цеховъ, Леоноръ Рейхенгеймъ разыгрывалъ угнетенную невинность и превозносилъ шлезвигскихъ фабрикантовъ текстильной промышленности, какъ самыхъ сердобольныхъ покровителей страждущаго человѣчества. Четвертый прогрессистскій вождь увѣрялъ, что шульцевскія товарищества постепенно превратятъ рабочихъ въ состоятельныхъ бюргеровъ, пятый, наоборотъ, утверждалъ, что они могутъ помочь только единичнымъ рабочимъ, но не всему рабочему классу въ его цѣломъ, шестой вызвалъ громкій хохотъ своей остротой, что Альбертъ Ланге относится къ Лассалю, какъ Книппердоллингъ къ Магомету. Напоенное этими блестящими словоизліяніями, прогрессистское большинство хотѣло уже принять предложеніе комиссіи, но когда оно стало ближе знакомиться съ дѣломъ, то оказалось, что, не имѣя яснаго представленія о постановкѣ вопроса президентомъ, комиссія рѣшила только отмѣнить статьи 181 и 182. Весьма естественно, что рабочіе заподозрѣли въ комичномъ инцидентѣ коварный умыселъ, но „Соціалъ-демократъ“ успокоилъ ихъ. Онъ писалъ, что, конечно, на какомъ-нибудь рабочемъ собраніи такой казусъ былъ бы немыслимъ, но что все-таки злой воли со стороны господъ прогрессистовъ здѣсь не было, ибо она уже давно подавлена энергичнымъ выступленіемъ рабочихъ. Мудрые парламентаріи просто хотѣли показать, что тамъ, гдѣ прекращается дѣйствіе ихъ злой воли, выступаетъ ихъ абсолютная бездарность.

Консервативная партія и правительство отнеслись къ вопросу о союзахъ не лучше, чѣмъ прогрессисты. Вагенеръ пустилъ вскачь своего обычнаго конька, всеобщее, но изуродованное избирательное право, и внесъ великолѣпный проектъ—предложить иниціативу рѣше-

нія соціальныхъ вопросовъ правительству. Бисмаркъ фантазировалъ на счетъ королей Гезовъ (бѣдняковъ), каковыми Гогенцоллерны, будто бы, показали себя уже давно. Но министръ торговли ф. Итцеплицъ далъ оффиціальное разъясненіе, заявивъ, что правительство готово дать свободу союзовъ, но этимъ, дескать, вопросъ еще далеко не исчерпывается; нужно учредить комиссію, въ которую вошли бы представители отъ предпринимателей и рабочихъ, для обсужденія того, насколько содѣйствіе развитію совершенныхъ формъ коалицій, потребительныхъ и производительныхъ обществъ, ссудныхъ кассъ и т. д. „можетъ улучшить матеріальное положеніе рабочаго класса". „Соціалъ-демократъ" принялъ, или сдѣлалъ видъ, что принялъ въ серьезъ это заявленіе, и это-то обстоятельство и послужило для Маркса поводомъ къ осужденію положенія, занятаго Швейцеромъ въ кампаніи, поднятой въ защиту свободы коалицій. Въ остальномъ позиція Швейцера вполнѣ соотвѣтствовала взглядамъ, неоднократно высказываемымъ Марксомъ.

Въ тогдашнемъ „Соціалъ-демократѣ" нельзя открыть и слѣда какой бы то ни было сектантской тенденціи. Онъ всегда старался вникать въ реальные интересы и побужденія рабочаго класса, чтобы энергично отстаивать его нужды. Къ суконщикамъ въ Бургѣ, чулочникамъ въ Апольдѣ, наборщикамъ въ Лейпцигѣ и всюду, гдѣ только возникала борьба за лучшія условія жизни и труда, онъ приходилъ на помощь словомъ и дѣломъ. Такъ, напримѣръ, весною 1865 г. надѣлала много шуму лейпцигская стачка наборщиковъ; это была первая, сколько-нибудь организованная забастовка въ Германіи, которая была возможна, благодаря тому, что въ Саксонскомъ королевствѣ нѣсколько лѣтъ существовала относительная свобода союзовъ. Наборщики требовали повышенія заработной платы, чего они послѣ 10-недѣльной борьбы добились только наполовину; сила ихъ была

сломлена вслѣдствіе того, что типографщикамъ удалось найти достаточное число штрейкбрехеровъ. „Соціалъ-демократъ“ былъ тогда почти единственнымъ органомъ въ Германіи, который не ругалъ и не клеймилъ забастовщиковъ, и ужъ понятно единственнымъ, который умѣло и выдержанно защищалъ ихъ интересы. Особенно ярко газета изобразила рабочимъ все недостойное поведеніе штрейкбрехеровъ, а это все-таки что-нибудь да значило въ такое время, когда Зонneманъ и подобные ему „друзья рабочихъ“ восхваляли штрейкбрехерство, какъ самое благородное дѣло; такъ, напр., они разсыпались въ похвалахъ франкфуртскимъ кузнецамъ, которые, будучи приглашены въ Парижъ въ качествѣ черной кости, сорвали стачку мѣстныхъ кузнецовъ.

Такое положеніе дѣлъ въ достаточной мѣрѣ объясняетъ, почему масса, входившая во Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ, высказалась за тактику Швейцера. О какомъ бы то ни было преклоненіи передъ его личностью не могло быть и рѣчи. Швейцеръ по-прежнему былъ еще мало любимъ рабочими; дюссельдорфское общее собраніе не выбрало его вторично въ комитетъ, послѣ того, какъ онъ вышелъ изъ его состава по жребію,—и признаніе „Соціалъ-демократа“ союзнымъ органомъ послѣдовало тоже не безъ нѣкоторыхъ затрудненій. Но, признавая, что тактика Швейцера прекрасно защищаетъ интересы пролетаріата, рабочія массы руководились исключительно своимъ естественнымъ классовымъ инстинктомъ. Его видимое „кокетничаніе съ реакціей“ пугало ихъ меньше всего. Политика либеральной буржуазіи внушала пролетаріату такое отвращеніе къ этой партіи, что Швейцеръ могъ съ полнымъ правомъ отбросить отъ себя упрекъ въ возбужденіи рабочихъ противъ либеральной оппозиціи; онъ бы могъ смѣло сказать, что онъ, наоборотъ, никогда не занимался разжиганіемъ въ рабочихъ ненависти къ прогрессистской партіи, что онъ скорѣе обуз-

дывалъ эту ненависть изъ разумныхъ политическихъ соображеній.

Первую резолюцію въ пользу тактики Швейцера вынесъ Рейнско-вестфальскій съѣздъ рабочихъ союзовъ, состоявшійся 12 марта въ Барменѣ и представленный дюссельдорфской, эльберфельдской, вермельскирхенской, золингенской, изерлонской и нѣкоторыми болѣе мелкими общинами. Резолюція гласила, что рабочіе могутъ быть вполнѣ довольны тактикой „Соціалъ-демократа", такъ какъ онъ строго охраняетъ независимость рабочей партіи; равнымъ образомъ, съѣздъ одобрялъ мнѣніе газеты, что нужно выждать результатовъ правительственныхъ проектовъ въ области рабочаго вопроса, раньше чѣмъ судить о нихъ; надежда на то, что правительство согласится отмѣнить трехклассную систему выборовъ и дать всеобщее избирательное право, признана была тщетной. Изъ трехъ ораторовъ, защищавшихъ эту резолюцію, двое принадлежали къ старымъ революціонерамъ временъ „Neue Rheinische Zeitung"; это были Гильманъ и Рэзеръ; послѣдній, въ отличіе отъ Беккера и Бюргерса, съ которыми онъ вмѣстѣ былъ осужденъ въ процессѣ коммунистовъ, совершенно ушелъ отъ коммунистическаго движенія. Резолюція Рейнско-вестфальскаго съѣзда постепенно была принята всѣми общинами. Второе торжество въ честь учрежденія Союза, которое состоялось 23 мая 1865 г. во Франкфуртѣ, и на которомъ присутствовали делегаты отъ 32 общинъ, прошло чрезвычайно оживленно; въ это время „Соціалъ-демократъ" объявилъ, что съ 1 іюня онъ начнетъ выходить ежедневно.

Была, конечно, въ Союзѣ и оппозиція, изъ которой впослѣдствіи развились особыя оппозиціонныя общины въ Берлинѣ, Альтонѣ, Кельнѣ, Золингенѣ, Майнцѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. У нихъ былъ свой органъ, газета „Nordstern" (Сѣверная Звѣзда), которая предоставила себя въ распоряженіе графини

Гатцфельдъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, что тактика Швейцера непремѣнно должна была побѣдить, достаточно сравнить „Соціалъ-демократъ“ съ „Сѣверной Звѣздой“ за 1865 г. Изъ перваго ключемъ била современная жизнь рабочаго класса, вторая давала только самое туманное и блѣдное отраженіе нѣкоторыхъ ея сторонъ. Глубокій смыслъ скрывался въ словахъ Лассаля, что трезвый умъ массъ въ вопросахъ, касающихся ихъ интересовъ, всегда направленъ на реальныя, практическія цѣли, что голоса отдѣльныхъ экспансивныхъ людей, старающихся внести въ общій аккордъ свой субъективный элементъ, теряются, не будучи услышанными. Сколько такихъ голосовъ прозвучало безслѣдно на столбцахъ „Сѣверной Звѣзды“! Чтобы назвать только наиболѣе извѣстныя имена, напомнимъ о статьяхъ Гервега и Рюстова, которыя звучали тѣмъ напыщеннѣе, чѣмъ меньше къ нимъ прислушивались. Равнымъ образомъ, рабочіе отнеслись совершенно безучастно къ тому факту, что Мартини, который никогда пальца о палецъ не стукнулъ за дѣло Союза, впервые обмакнулъ свое перо только для того, чтобы объявить о своемъ выступленіи изъ него. Даже само „Откровенное слово“, которымъ честный Іоганнъ Филиппъ Беккеръ закончилъ рядъ своихъ статей подъ заглавіемъ „Das Bernhardchen“, могло только нагнать скуку на читателя. Но этотъ старый боецъ, по крайней мѣрѣ, пытался организовать оппозиціонное движеніе, хотя единственнымъ результатомъ его стараній было полное распаденіе оппозиціонныхъ общинъ. На его проектъ превращенія президіума Союза въ директорію изъ трехъ лицъ, подчиненную контролю комитета изъ 11 человѣкъ, съ яростью обрушилась графиня Гатцфельдъ, и, послѣ одного или двухъ делегатскихъ собраній, которыя состоялись въ Лейпцигѣ и не оставили по себѣ никакого слѣда, дѣло заглохло. Остатки оппозиціи, большей частью, вернулись къ своей старой организаціи.

Марксъ и Энгельсъ стояли вдали отъ всего этого. Либкнехтъ же очень скоро столкнулся въ берлинской общинѣ съ приверженцами графини Гатцфельдъ, съ которыми онъ, конечно, ни въ коемъ случаѣ не могъ сойтись. Къ этому же онъ въ Союзѣ Книгопечатниковъ читалъ лекціи о крестьянской войнѣ, изъ которыхъ „Соціалъ-демократъ“ заимствовалъ цѣнныя замѣчанія. Лѣтомъ 1865 г. Либкнехтъ и почти одновременно съ нимъ Бернгардъ Беккеръ были высланы изъ Пруссіи. Преслѣдуя, такимъ образомъ, съ одинаковой свирѣпостью представителей самыхъ разнообразныхъ направленій рабочаго движенія, феодальная реакція тѣмъ самымъ какъ нельзя лучше показывала рабочимъ необходимость для нихъ полнаго и тѣснаго объединенія.

4. Тактика и организація.

Не въ однихъ только дебатахъ о свободѣ коалицій парламентская буржуазная оппозиція покрывала себя своеобразными лаврами. Въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ у нея вообще не было никакой программы, а въ конституціонной борьбѣ—въ особенности. Не помогали ей больше и самыя пламенныя парламентскія рѣчи. Когда Гнейстъ клеймилъ военнаго министра „печатью Каина клятвопреступника“, и Роонъ сухо отвѣтилъ ему, что онъ „безстыдный“ человѣкъ, тогда этотъ „злодѣй“ со смиреннымъ видомъ понесъ свой крестъ, и предсѣдательствовавшій вице-президентъ ф.-Унру ограничился тѣмъ, что сдѣлалъ недоумѣвающую физіономію, словно котъ, услышавшій громъ. На бѣду лопнуло терпѣніе у стараго Циглера, который увлекся этой борьбой до того, что въ страстной громовой рѣчи, никогда дотолѣ не раздававшейся въ стѣнахъ этого дома, бросилъ въ лицо прогрессистской партіи горькія слова Арманда Марраста: „Въ вашемъ мозгу какая-то болѣзненная аномалія, вы больше не въ состояніи логически мыслить“. Объ этой рѣчи Гвидо Вейсъ писалъ въ берлинской „Reform“: „Благодушно

начавшись, мирно продолжаясь, увлекаясь даже пестрыми картинками переживаемаго момента, она вдругъ стала прыгать взадъ и впередъ надъ головой умиляющагося слушателя и сразу вонзила ему острый коготь, не знаемъ только куда: въ грудь или въ брюхо". Увы, къ сожалѣнію, это было только въ брюхо. „Volkszeitung" обошла эту рѣчь почти гробовымъ молчаніемъ, посвятивъ ей всего семь непонятныхъ строкъ, а въ „Elberfelder Zeitung" какой-то оффиціозный корреспондентъ дошелъ до того, что назвалъ Циглера парламентскимъ шутомъ; никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ изъ этого, конечно, не послѣдовало, но это все-таки было занимательно, а больше ничего не требовалось. Этого болота ничѣмъ нельзя было всколыхнуть; даже если-бъ его розгами сѣкли, оно осталось бы невозмутимымъ.

Когда въ іюнѣ среди обычныхъ передрягъ сессія была закрыта, прогрессистская партія пожелала, по обыкновенію, отпраздновать при звонѣ стакановъ тѣ великія дѣла, которыхъ она не совершила. Но на этотъ разъ Бисмаркъ подставилъ ей ножку, потому ли, что онъ не могъ преодолѣть врожденной ему страсти къ насилію, или, какъ нѣкоторые думали, потому, что онъ самъ тяготился жалкимъ положеніемъ этой оппозиціи и хотѣлъ толкнуть ее нѣсколько влѣво, чтобы рельефнѣе выставить передъ королемъ необходимость своей охранительной политики. 11-го іюля президентъ кельнской полиціи запретилъ депутатскій праздникъ, назначенный на 20 и 23 іюля въ главномъ городѣ рейнскихъ провинцій. Этотъ запретъ былъ актомъ чистѣйшаго полицейскаго произвола, лишеннымъ всякаго законнаго основанія, даже всякой видимости права. Тогда казалось, что прогрессистская партія, наконецъ, намѣрена приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Кельнскій комитетъ по устройству празднества, во главѣ котораго стоялъ городской гласный Классенъ-Каппельманъ, объявилъ, что праздникъ состоится во что бы то ни стало, и изъ 250 приглашенныхъ депутатовъ

160 изъявили согласіе участвовать въ торжествѣ, причемъ многіе сдѣлали это въ формѣ рѣзко протестующихъ письменныхъ заявленій.

„Соціалъ-демократъ“ поспѣшилъ предложить рабочимъ энергично поддерживать прогрессистскую партію, каждый разъ, когда она практически выступаетъ въ защиту гражданскихъ правъ. По иниціативѣ Бернгарда Беккера, во всей Германіи, гдѣ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ имѣлъ своихъ представителей, были созваны 23 іюля огромные рабочіе митинги, на которыхъ рабочіе выражали прогрессистской партіи свою солидарность съ нею и обѣщали ей дѣятельную поддержку въ дѣлѣ защиты права союзовъ. На рабочемъ собраніи въ Берлинѣ былъ учрежденъ, по предложенію Швейцера, постоянный комитетъ для совѣщанія о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, и этотъ комитетъ, въ который вошли представители отъ всѣхъ берлинскихъ рабочихъ ферейновъ, созывалъ на 30 іюля массовую сходку въ Альгамбрѣ. Тѣмъ временемъ „Соціалъ-демократъ“ почти каждый день подвергался полицейскимъ запрещеніямъ и конфискаціи, затѣмъ берлинская и магдебургская общины за явное нарушеніе закона о союзахъ были распущены, а Бернгардъ Беккеръ получилъ предписаніе въ 24 часа покинуть Прусское королевство. Но тѣмъ болѣе бурный характеръ приняло массовое собраніе 30 іюля: рабочіе энергично протестовали противъ высылки Беккера и Либкнехта, равно какъ противъ всякаго ограниченія свободы союзовъ.

Буржуазная оппозиція была далека отъ подобнаго энергичнаго образа дѣйствій. Вмѣсто 160 депутатовъ, обѣщавшихъ участвовать въ празднествѣ, ихъ прибыло въ Кельнъ только 80. Именно недоставало президентовъ палаты; Грабовъ вмѣсто себя послалъ свой сорокапятифунтовый бюстъ для того, чтобы было, въ честь кого поднимать тостъ, и кому кричать „hoch“.

Подобно гостямъ, и хозяева праздника явились безъ своего главы: Классенъ-Каппельманъ изъ боязни

ареста уѣхалъ на оба праздничныхъ дня за бельгійкую границу. Оффиціально геройское бѣгство оправдывалось тѣмъ соображеніемъ, что арестъ любимаго народнаго представителя могъ бы вызвать кровавое столкновеніе, котораго, во всякомъ случаѣ, слѣдовало избѣгать; въ глубинѣ души однако авгуры были убѣждены въ томъ, что послѣ ареста Классенъ-Каппельмана улетучились бы и тѣ нѣсколько дюжинъ депутатовъ, которые были налицо. Послѣ этого кельнское пиршество не было допущено полиціей и войсками. На слѣдующій день участники празднества пароходомъ уѣхали въ Оберланштейнъ, гдѣ они справили свою пирушку безпрепятственно со стороны нассауской военной власти, которая прибыла къ мѣсту собранія слишкомъ поздно. Однако до протеста противъ полицейскаго хозяйничанья дѣло не дошло; собраніе ограничилось посылкой Классенъ-Каппельману привѣтственнаго письма, подъ которымъ рискнуло подписаться всего лишь 46 депутатовъ. Профессоръ Энгартъ, южно нѣмецкій демократъ, прибывшій въ Кельнъ, чтобы посмотрѣть на возвѣщенные геройскіе подвиги гг. прогрессистовъ, писалъ потомъ въ полушутливомъ, полувозмущенномъ тонѣ: „Спи спокойно, Бисмаркъ! Эти господа не способны дѣлать никакой революціи; они хотятъ мирно отпраздновать свое торжество, спокойно поѣсть, красиво поговорить, быть предметомъ разговора въ печати, но оказать какое-нибудь сопротивленіе — да еще съ оружіемъ въ рукахъ — никогда; уже скорѣе они ограничатся выраженіемъ негодованія". Въ еще болѣе горькомъ тонѣ писалъ объ этомъ либеральный историкъ Баумгартенъ: „Я бы хотѣлъ, чтобы господа устроители этого торжества были въ ближайшее время за границей свидѣтелями того, съ какимъ пренебреженіемъ европейскія націи отзываются о Германіи". Это „о Германіи" — должно быть отнесено на счетъ нѣмецкой буржуазіи, ибо нѣмецкіе рабочіе вполнѣ исполнили свой долгъ, не думая о благодар-

ности со стороны буржуазіи, отъ которой они ничего не ожидали и ничего не получили. Въ Берлинѣ „Volkszeitung“ брюзжала по поводу того, что приверженцы Шульце, когда дѣло касается общихъ интересовъ, дѣйствуютъ за одно съ послѣдователями Лассаля. Въ Кельнѣ благородные бюргеры срывали плакаты, приглашавшіе рабочихъ на собраніе съ цѣлью протеста, а во Франкфуртѣ Зоннеманъ съ нескрываемымъ злорадствомъ писалъ: „Соціалъ-демократы играютъ va-banque, и ихъ карта будетъ бита“ Съ точки зрѣнія трусливыхъ бюргеровъ, которые ни за что такъ не дрожатъ, какъ за свои капиталы, вложенные въ газеты, игра могла считаться проигранной, если „Соціалъ-демократъ“ былъ два раза подъ рядъ конфискованъ и столько же разъ обвиненъ въ нарушеніи всевозможныхъ казуистическихъ законовъ о печати, и его отвѣтственный редакторъ Швейцеръ былъ присужденъ къ 16-мѣсячному тюремному заключенію и лишенію особыхъ правъ на одинъ годъ. Но съ политической точки зрѣнія игра была выиграна вполнѣ. Ни у одной нѣмецкой газеты нельзя было встрѣтить и подобія той послѣдовательности и такого мужества въ дѣлѣ защиты свободы союзовъ, какія проявлялъ „Соціалъ-демократъ“; въ этой борьбѣ, какъ и раньше, въ борьбѣ за свободу коалицій, рабочіе нашли въ „Соціалъ-демократѣ“ своего руководителя, на котораго они могли полагаться съ гораздо большей увѣренностью, чѣмъ на всю прогрессистскую печать. Широта его воззрѣній выступала съ такой яркостью, что Шульце-Деличъ, приглашенный Берлинскимъ Рабочимъ Союзомъ прочесть 1 октября публичную лекцію въ Альгамбрѣ, принялъ предложеніе только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы по поводу его рѣчи не было никакой дискуссіи. Застрахованный отъ всякихъ возраженій, Шульце закончилъ свой докладъ красивымъ словцомъ, что всѣхъ соціалистовъ нужно отправить въ сумасшедшій домъ. Въ отвѣтъ на это Швейцеръ пригласилъ берлинскихъ рабочихъ на

8 и 15 октября на собраніе также въ Альгамбру, чтобы при полной свободѣ дискуссіи, изложить передъ ними соціалистическую программу и показать, что она далеко не такъ безсмысленна, какъ это утверждаетъ Шульце. Рабочіе повалили на собраніе толпами. Они тотчасъ почувствовали, что имъ предлагается совсѣмъ другая духовная пища, чѣмъ та, которая была имъ преподнесена въ монотонныхъ фразахъ Шульце; ихъ любопытство возбуждено было тѣмъ сильнѣе, что постоянный рабочій комитетъ, учрежденный по случаю запрещенія кельнскаго празднества, созвалъ на 6 ноября въ Альгамбру массовую сходку для дискуссіи объ обоихъ главныхъ воззрѣніяхъ на соціальную проблему и пригласилъ съ одной стороны, Шульце-Делича, Фаухера, Принцъ-Смита и Михаэлиса, съ другой Швейцера и Вутке. Шульце и Фаухеръ были въ отъѣздѣ, Вутке по какой-то другой причинѣ не могъ явиться, между тѣмъ какъ Михаэлисъ и Принцъ-Смитъ въ самомъ надменномъ тонѣ отказались принять участіе въ дискуссіи. Во всемъ многолюднѣйшемъ собраніи Швейцеръ не встрѣтилъ ни одного противника, который хоть на половину доросъ бы до него. Онъ вполнѣ правильно оцѣнилъ свой успѣхъ, говоря, что хотя очень трудно, при той массѣ предразсудковъ, которые намѣренно распространяются господствующими классами, какъ слѣдуетъ ознакомить рабочихъ съ соціалъ-демократическими принципами, но что если это когда-нибудь удастся, то эти принципы съ непреодолимой силой будутъ все глубже проникать въ умы рабочихъ массъ, пока не достигнутъ рѣшительнаго господства.

Рядомъ съ этими общими собраніями Швейцеръ, въ отместку за распущенную полиціей общину, устраивалъ открытые митинги рабочихъ соціалъ-демократовъ, на которыхъ присутствовало отъ 400 до 500 человѣкъ. Къ сожалѣнію, эта многообѣщавшая операція была прервана арестомъ Швейцера, послѣ-

довавшимъ въ концѣ ноября, тотчасъ послѣ перваго приговора надъ нимъ.

Несмотря на все это, прогрессистская партія все-таки была объята ужасомъ. Тотчасъ послѣ смерти Лассаля, ея вожди, по свидѣтельству Альберта Ланге, сговорились обходить рабочее движеніе молчаніемъ, но это мало помогло. Тогда придумали парализовать сильное впечатлѣніе, которое произвело во всей Германіи выступленіе рабочей партіи въ защиту свободы союзовъ, распространеніемъ слуха о томъ, будто въ феодальныхъ кругахъ производятся сборы въ пользу Швейцера и Гофштеттена. Дважды пущенная анонимнымъ авторомъ на столбцахъ прогрессистскихъ газетъ жалкая клевета оба раза съ трескомъ провалилась. Въ третій разъ, уже послѣ ареста Швейцера, ее поднялъ бравый Евгеній Рихтеръ; приправивъ ее обрывками фразъ, выдерганными имъ изъ личныхъ объясненій, которыми обмѣнивались стороны во время кризиса во Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ, онъ состряпалъ изъ нея пустопорожнюю болтовню, которую выпустилъ безъ подписи подъ названіемъ „Исторія германской соціалъ-демократической партіи послѣ смерти Фердинанда Лассаля“. Памфлетъ былъ такъ же ядовитъ, какъ характеръ его автора; прогрессистская партія не пожалѣла крупныхъ затратъ на разсылку его по всѣмъ доступнымъ ей рабочимъ союзамъ. Фридрихъ Стефани, впослѣдствіи достойный товарищъ Евгенія Рихтера въ дѣлѣ хуленія рабочаго класса, въ то время предсѣдатель Загороднаго Ремесленнаго Союза, отказался поднести своимъ сочленамъ любезно доставленный ему ушатъ литературныхъ помоевъ; между прочими комплиментами по адресу автора онъ въ одной публичной рѣчи сказалъ: „Эта, такъ называемая „Исторія соціалъ-демократической партіи“ характеризуется своей крайне непріятной, чтобы не сказать просто отвратительной руганью, направленной противъ отдѣльныхъ членовъ соціалъ-демократической партіи,

особенно противъ редактора Ф. Швейцера, который въ настоящее время сидитъ въ тюрьмѣ и лишенъ возможности отвѣтить". Если подобный отзывъ далъ о брошюрѣ этотъ сомнительный другъ рабочихъ, то можно себѣ представить, какая участь ее ожидала, когда она попадала въ руки подлинныхъ пролетаріевъ.

Ничто не помогало: „король въ соціальной области" долженъ былъ выступить съ „научнымъ" опроверженіемъ соціализма, если онъ хотѣлъ сохранить кое-какую популярность среди рабочихъ. Теперь, по истеченіи почти двухъ лѣтъ послѣ появленія брошюры Лассаля „Бастіа-Шульце", Шульце-Деличъ выпустилъ свой отвѣтъ на нее подъ заглавіемъ: „Упраздненіе предпринимательскаго риска господиномъ Лассалемъ" Но его выступленіе вышло неудачно, хотя онъ и готовился къ нему 2 года. Шульце удалось поймать Лассаля на нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ въ его системѣ производительныхъ ассоціацій при помощи государственнаго кредита, поскольку эта система была еще проникнута послѣдними остатками мелко-буржуазнаго соціализма; но даже этого незначительнаго успѣха апостолъ теоріи „сбереженій" достигъ благодаря тому, что требованія Лассаля были вообще приноровлены къ капиталистическому обществу, къ индивидуалистическому хозяйственному строю, основанному на капиталѣ и спекуляціи. Но за исключеніемъ этого пункта, обѣ основныя „мысли", на которыхъ построено сочиненіе Шульце, подобно двумъ балаганнымъ клоунамъ, наносятъ другъ другу самыя звонкія пощечины. Такъ, напримѣръ, чтобы доказать всю важность самопомощи, Шульце утверждаетъ, что экономическое благосостояніе каждаго человѣка зависитъ отъ его личныхъ способностей и ловкости; а чтобы отстоять предпринимательскую прибыль, онъ говоритъ обратное, именно, что всякій, кто рѣшается вложить въ какое-нибудь дѣло трудъ и капиталъ, рискуетъ потерять и то, и другое, и за этотъ рискъ, неизбѣжный при всякихъ обстоятельствахъ,

долженъ быть вознагражденъ соотвѣтственной прибылью. Буржуазная пресса, конечно, оцѣнила это сочиненьице, какъ „блестящее опроверженіе Лассаля“, но въ той средѣ, для которой оно предназначалось, оно встрѣтило уничтожающую критику.

Подъ вліяніемъ соціалъ-демократической агитаціи рабочіе кружки самообразованія становились все безпокойнѣе. Уже на третьемъ своемъ съѣздѣ, который состоялся въ августѣ 1865 г. въ Штуттгартѣ, они постановили, что каждый рабочій долженъ агитировать въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Теперь же ихъ органъ „Koburger Arbeiterzeitung“ („Кобургская Рабочая Газета“), который всегда съ такой смѣлостью нападалъ на Лассаля и такъ хорошо былъ расположенъ къ Шульце, разнесъ его новое сочиненіе, какъ смѣсь непроходимой глупости и плохо скрытаго обмана. Въ заключеніе газета пишетъ: „Въ самомъ дѣлѣ, даже лично незаинтересованный критикъ долженъ строго держаться извѣстныхъ границъ, не давать своему, хотя бы самому справедливому негодованію и оскорбленному нравственному чувству, вылиться въ форму крайне рѣзкихъ выходокъ и упрековъ въ сознательномъ вѣроломствѣ. Но какъ могъ г. Шульце дойти до такихъ возмутительныхъ вещей? Чѣмъ объяснить то, что этотъ столь уважаемый всѣми мужъ оказался вдругъ такимъ безсовѣстнымъ? Это было, должно быть, какое-то умопомраченіе, которое посѣяло смуту въ его душѣ. Мы видимъ единственное разрѣшеніе загадки въ томъ, что Шульце слѣпо стоитъ на точкѣ зрѣнія предпринимателя и не можетъ себѣ представить другого общественнаго строя, въ которомъ не будетъ ни современной конкурренціи между отдѣльными капиталистами, ни перебрасыванія капиталовъ изъ одного предпріятія въ другое, ни взаимной борьбы между всѣми милліонами талеровъ, вложенными въ каждое изъ нихъ. Рабочій міръ совершенно чуждъ Шульце, а между тѣмъ онъ страннымъ образомъ всегда обра-

щается со всѣми рѣчами именно къ рабочимъ... Въ вопросѣ колоссальной важности о борьбѣ между трудомъ и капиталомъ онъ ровно ничего не смыслитъ; о небываломъ промышленномъ кризисѣ XIX вѣка у него нѣтъ самаго элементарнаго представленія. Онъ вертится вокругъ да около второстепеннаго вопроса о томъ, какъ бы защитить мелкое ремесленное производство отъ крупной индустріи. Это—его спеціальность, пусть онъ ею и занимается; здѣсь онъ не будетъ никому мѣшать. Ахъ, если-бъ г Шульце дѣлалъ бы только свое дѣло, не кричалъ бы повсюду о „рабочемъ вопросѣ", не претендовалъ бы чуть ли не на рѣшеніе этого вопроса! Мы надѣемся, что наша критика окажетъ ему ту услугу, что онъ, наконецъ, пойметъ самого себя и на будущее время ограничится разговорами на тему о необходимости раціональныхъ государственно-полицейскихъ мѣропріятій и уберется подальше отъ соціальнаго вопроса, ибо если бъ Лассаль даже оказался величайшимъ болтуномъ XIX вѣка, то это обстоятельство еще не сдѣлало бы Шульце-Делича ни на одну іоту умнѣе". Такъ начали бунтовать самые вѣрные вассалы противъ своего „короля въ соціальной области".

Послѣ этой подготовительной работы съ буржуазной стороны, Швейцеръ самъ сталъ подхлопывать въ ладоши подъ пляску „мертваго Шульце вокругъ живого Лассаля". Онъ сдѣлалъ это въ цѣломъ рядѣ блестящихъ статей, написанныхъ имъ въ тюрьмѣ и представляющихъ собою единственные — къ сожалѣнію, единственные—экономическіе очерки, извѣстные еще до сихъ поръ широкимъ кругамъ, такъ какъ они вышли потомъ отдѣльнымъ изданіемъ. Въ этомъ сочиненіи онъ особенно подчеркиваетъ практическую осуществимость и огромныя преимущества обобществленнаго производства; на производительныя же товарищества съ государственнымъ кредитомъ онъ смотрѣлъ исключительно какъ на переходную форму производства; другими сло-

вами, онъ основывается гораздо больше на „Бастіа-Шульце“, чѣмъ на „Гласномъ Отвѣтѣ“. Такимъ образомъ, онъ всегда старался устранять изъ ученія Лассаля все спорное и неясное, что иногда заключалось въ его рѣчахъ. Существуетъ мнѣніе, будто Швейцеръ былъ эпигономъ Лассаля лишь въ томъ смыслѣ, что онъ изъ его ученія вмѣстѣ съ плевелами выбрасывалъ и пшеницу; но это совершенно невѣрно; стоитъ только перелистать старые номера „Соціалъ-демократа“ за нѣсколько лѣтъ, чтобы увидѣть всю несокрушимость его воззрѣній. Нельзя сказать, что Швейцеръ теоретически пошелъ дальше Лассаля, что онъ усвоилъ уже тѣ взгляды, которые впослѣдствіи развилъ въ своемъ „Капиталѣ“ Марксъ. Въ этомъ отношеніи можно сказать только то, что отдѣльные взгляды, развитые Марксомъ, въ его прежнихъ сочиненіяхъ были лучше поняты Швейцеромъ, чѣмъ Лассалемъ. Во время своей полемики съ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ Швейцеръ напечаталъ классическую теорію историческаго матеріализма, изложенную Марксомъ въ предисловіи къ своему изданному въ 1859 г. сочиненію „Zur Kritik der politischen Ekonomie“, и удачно примѣнилъ ее къ Великой французской революціи. Равнымъ образомъ, онъ вполнѣ въ духѣ Маркса пришелъ къ выводу, что часто употребляемый Лассалемъ терминъ „рабочее сословіе“ — неточенъ, что старыя историческія сословія исчезли въ современномъ буржуазномъ обществѣ, и вмѣсто нихъ на сцену выступили классы. Но въ вопросахъ, разъясненныхъ впослѣдствіи Марксомъ въ его главномъ произведеніи, въ вопросахъ о желѣзномъ законѣ заработной платы, о морально-правовой точкѣ зрѣнія на прибавочную стоимость и т. п. Швейцеръ продолжалъ тянуть линію Лассаля, съ той только разницей, что онъ всегда доводилъ ее до ея конечной революціонной цѣли, до той цѣли, которая скрывалась уже въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“.

На производительныя товарищества съ государ-

ственнымъ кредитомъ Швейцеръ смотрѣлъ, какъ на клинъ, который долженъ пробить брешь въ капиталистическомъ обществѣ и расчистить путь къ соціалистическому строю. Онъ старательно предостерегаетъ отъ того недоразумѣнія, будто ими хотятъ создать новый классъ зажиточныхъ мелкихъ буржуа, и утверждаетъ категорически, что между производительными ассоціаціями Лассаля и системой Шульце разница не внѣшняя, а внутренняя, принципіальная. Тѣ производительныя общества, которыя буржуазія предлагаетъ рабочимъ, составляютъ обыкновенныя промышленныя предпріятія, основанныя на денежной спекуляціи, безъ всякаго идейнаго содержанія; но ассоціаціи, которыхъ пролетаріатъ самъ добивается для себя, являются соціальнымъ опытомъ, способнымъ захватить все нравственное существо человѣка и направленнымъ къ осуществленію великой идеи, имѣющей огромное культурное значеніе.

Въ полемикѣ съ одной консервативной газетой Швейцеръ писалъ о стомилліонномъ проектѣ Лассаля слѣдующее: „Каждый честно и здраво мыслящій человѣкъ понимаетъ, что Лассаль хотѣлъ своимъ планомъ только показать, какими сравнительно ничтожными средствами можетъ быть проложенъ путь къ новому способу производства. Но нигдѣ и никогда онъ не говорилъ, что, если-бъ ему сейчасъ дали эти 100 милліоновъ, то онъ бы ихъ принялъ и сумѣлъ бы примѣнить для этой цѣли. Соотвѣтственно этому и Швейцеръ вполнѣ правильно понялъ всеобщее избирательное право и идею самопомощи, которыхъ требовалъ Лассаль. Онъ не скрывалъ ни той громадной разницы, которая существуетъ между общеизбирательнымъ правомъ, требуемымъ буржуазіей, и тѣмъ же правомъ, выставляемымъ соціалъ-демократіей, ни той глубокой пропасти, которая лежитъ между государствомъ буржуазіи и диктатурой пролетаріата. Для буржуазной демократіи, демократіи имущихъ классовъ, всеобщее

избирательное право является требованіемъ, вытекающимъ изъ понятій свободы и равенства,—для соціальной демократіи, для демократіи рабочаго класса оно означаетъ непосредственное господство надъ всѣми органами государственной власти. Для имущихъ классовъ государство есть средство угнетенія неимущихъ; для этихъ послѣднихъ оно является орудіемъ для уничтоженія всѣхъ соціальныхъ неравенствъ. Поэтому имущіе классы крайне заинтересованы въ существованіи сильной государственной власти, чего вовсе не нужно рабочему классу. Интересы послѣдняго, наоборотъ, требуютъ, чтобы во главѣ правительства не было никакого президента, а тѣмъ паче неотвѣтственнаго президента, чтобы всѣми государственными дѣлами управляли отвѣтственные органы, и чтобы на мѣсто государства было поставлено общество. Для имущихъ классовъ самой удобной формой государственнаго строя является конституціонная монархія или буржуазная республика; въ интересахъ же неимущихъ классовъ необходима соціальная республика, такая, въ которой суверенитетъ принадлежитъ всему народу, а не отдѣльнымъ привилегированнымъ классамъ, или же сильная самодержавная монархія, которая, опасаясь преобладанія богатыхъ классовъ, ищетъ опоры въ народныхъ массахъ. Но, конечно, такая монархія не въ состояніи уничтожить классовыя противорѣчія и дать полную политическую свободу. Послѣднее возможно только въ чисто-соціальномъ народномъ государствѣ, въ томъ идеальномъ строѣ, который долженъ быть завоеванъ рабочимъ классомъ.

Въ одномъ лишь случаѣ Швейцеръ не только не предупредилъ возможность недоразумѣнія въ ученіи Лассаля, но, наоборотъ, прибавилъ къ нему лишнее недоразумѣніе. Къ первой годовщинѣ смерти Лассаля онъ выпустилъ краткое изложеніе его рѣчи къ берлинскимъ рабочимъ, въ которой значилось слѣдующее: „Что я всегда оставался непримиримымъ врагомъ реак-

ціи, что я къ прогрессистской партіи отношусь враждебно лишь постольку, поскольку она идетъ рука объ руку съ реакціей, это вы можете лучше всего видѣть изъ недавней парламентской рѣчи одного депутата-реакціонера графа Вартенслебена. Такъ, когда г. Вирховъ съ парламентской трибуны повторилъ пущенную противъ меня клевету, будто я состою въ союзѣ съ реакціей, то графъ Вартенслебенъ возразилъ ему слѣдующими словами: „Лассаль также мало преданъ намъ, какъ и прогрессистской партіи. Это нашъ общій врагъ, который стоитъ у нашихъ воротъ". Графъ Вартенслебенъ сказалъ сущую правду. Онъ назвалъ меня общимъ врагомъ реакціонеровъ и прогрессистовъ, который уже стоитъ у ихъ воротъ, и противъ котораго они должны совмѣстно бороться. Передъ моимъ лицомъ, такимъ образомъ, исчезаютъ всѣ различія и противорѣчія, раздѣляющія реакціонную и прогрессистскую партіи. Передо мной, слѣдовательно, обѣ онѣ, несмотря на свои разногласія, подаютъ другъ другу руку и сливаются въ единую реакціонную партію". На эти слова Лассаля „Соціалъ-демократъ" часто ссылался въ послѣднее время, когда каждый день приносилъ ему изъ прогрессистскаго лагеря новыя клеветы и обвиненія, новыя чисто полицейскія преслѣдованія въ парламентѣ. Отсюда и пошло слово „реакціонная масса", выражавшее ту мысль, что противъ партіи рабочаго класса стоитъ тѣсно сплоченная коалиція изъ всѣхъ другихъ политическихъ партій; впослѣдствіи, когда настоящее происхожденіе этого слова было забыто, ему совершенно невѣрно стали придавать значеніе одного изъ основныхъ политическихъ тезисовъ Лассаля, что вызвало не мало недоразумѣній. Но, конечно, это были недоразумѣнія чисто академическаго характера, ибо на практикѣ либеральная буржуазія никогда не упускала случая выказывать рабочему движенію то же враждебное отношеніе, которое является характернымъ для феодальной реакціи.

Никогда не отступая отъ своихъ соціалъ-демократическихъ принциповъ, Швейцеръ своей тактикой въ теченіе одного года достигъ значительныхъ результатовъ. Въ Майнскомъ и въ промышленномъ округахъ пролетаріатъ былъ насквозь пропитанъ соціалистической идеей. Пропаганда проникла изъ Гамбурга въ Шлезвигъ-Голштинію, изъ Дрездена и Лейпцига въ Хемницъ, Глаухау, Рудныя горы. Въ Брауншвейгѣ образовалась маленькая община, подававшая большія надежды, благодаря заботливымъ стараніямъ молодого купца Вильгельма Бракке, одержимаго чисто идеалистическимъ стремленіемъ помочь бѣднымъ и обездоленнымъ работникамъ и соединявшаго въ себѣ пылкость фантазера съ живостью и энергіей практическаго дѣятеля. Изъ прусской Саксоніи Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ посылалъ вѣтви въ Магдебургъ, Наумбургъ, Эрфуртъ, а оттуда въ мелкія тюрингенскія государства, въ Апольду, Веймаръ, Іену. Въ Восточной Пруссіи шлезвигскія общины стали все сильнѣе и сильнѣе поддерживать Союзъ, въ Штеттинѣ устраивались первыя собранія приверженцевъ его, самыя же отрадныя перспективы открывались въ Берлинѣ. Но этотъ экстенсивный ростъ Союза, пожалуй, еще уступалъ по своему значенію его интенсивному развитію, тому революціонному теченію, возникшему въ рабочемъ движеніи, которое все сильнѣе и сильнѣе толкало пролетаріатъ на путь соціализма.

Практически необходимость классовой борьбы съ явностью вытекала для рабочихъ массъ изъ того упорства, съ которымъ буржуазія противилась каждой ихъ попыткѣ къ улучшенію своего положенія; теоретически онѣ развивались въ той борьбѣ съ своими товарищами соціалъ-демократами, въ которую старалась ихъ втянуть буржуазія. Утвержденіе прогрессистовъ, будто только подонки пролетаріата жаждутъ золотого дождя лассалевскихъ государственныхъ денегъ, все болѣе и болѣе вырисовывалось, какъ сознательная тенденціоз-

ная ложь. Всѣ болѣе или менѣе серьезныя буржуазныя газеты стали поневолѣ признавать тотъ фактъ, который давно отмѣтилъ Альбертъ Ланге, а именно, что самое активное участіе въ соціалъ-демократическомъ движеніи принимаютъ какъ разъ наиболѣе сознательные и наиболѣе стойкіе элементы рабочаго класса; что во Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ нарастаетъ новая сила, совершенно не похожая на ту, которая скрывалась въ мирныхъ кружкахъ самообразованія и потребительныхъ обществахъ, созданныхъ Шульце.

Соціалъ-демократическіе праздники, какъ могучее агитаціонное средство, тоже не со вчерашняго дня выступили на сцену. Сознательный пролетаріатъ съ самаго начала своего движенія показалъ одряхлѣвшей буржуазіи примѣръ, какъ справляются политическіе праздники настоящими политическими партіями. Въ рѣчахъ самыхъ простыхъ рабочихъ, произнесенныхъ на этихъ празднествахъ, сквозила свѣжая струя нарождающейся духовной силы.

Рѣчь, которую произнесъ осенью 1865 г. въ Аугсбургѣ на поминальномъ торжествѣ по Лассалѣ суконщикъ Валь, совсѣмъ еще юный парень, къ сожалѣнію, умершій въ слѣдующемъ году отъ рака желудка, произвела огромное впечатлѣніе даже въ буржуазныхъ кругахъ.

Но, несмотря на всѣ эти успѣхи, задача, выдвинутая смертью Лассаля, была рѣшена только наполовину. Организація молодой рабочей партіи не стояла на одной высотѣ съ ея тактикой. Правда, строгая централизованность „Союза“ во время его политической борьбы за свободу коалицій показала такую массу достоинствъ этой организаціи, что никто не думалъ на нее нападать. Она имѣла огромное нравственное вліяніе, далеко превзошедшее ту роль, которую Союзъ игралъ въ политической жизни страны. Но моральное вліяніе, какъ бы сильно оно ни было, еще далеко не

то же самое, что политическая власть; кромѣ духа, просвѣщающаго сознаніе и покоряющаго силой убѣжденія, рабочее движеніе нуждалось еще въ плоти, способной дѣйствовать и наносить удары.

Но въ этомъ отношеніи дѣло обстояло плохо. Какъ политическое тѣло, Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ все еще не стоялъ на твердой ногѣ; ему по-прежнему не хватало хорошей финансовой организаціи. „Соціалъ-демократъ“ поддерживался частными средствами Гофштетена; у него всего было нѣсколько подписчиковъ, и доходы съ изданія далеко еще не покрывали расходовъ. Личная диктатура Лассаля выродилась въ рукахъ Бернгарда Беккера въ каррикатуру. Нѣкоторые разумные порядки, введенные Беккеромъ, были ему предписаны Швейцеромъ; но тамъ, гдѣ онъ пробовалъ дѣйствовать самостоятельно, ничего, кромѣ нелѣпостей у него не выходило. Его единственной заслугой передъ Союзомъ остается его агитаціонная поѣздка по силезскому ткацко-промышленному округу, предпринятая имъ въ январѣ 1865 г. Онъ вообще компрометировалъ Союзъ своими выходками, подобно тому, какъ онъ обострилъ своимъ вмѣшательствомъ конфликтъ между Марксомъ и Швейцеромъ: то онъ выступитъ вдругъ въ роли „предводителя всего человѣчества“, то вызоветъ какой-нибудь мѣстный скандалъ, какъ, напр., во Франкфуртѣ, гдѣ онъ явился непрошеннымъ гостемъ на банкетѣ прогрессистовъ; то выкинетъ какую-нибудь другую безтактность, которая поставитъ въ тупикъ новыхъ членовъ-рабочихъ, какъ это было съ нимъ, по свидѣтельству Бракке, въ Брауншвейгѣ. Такъ не могло дольше продолжаться. Съ трудомъ завоеванная позиція могла быть удержана только въ томъ случаѣ, если-бъ изъ „Союза“ было устранено все сектантское, если-бъ онъ расширился до размѣровъ дѣйствительной рабочей партіи, которая при всей своей централизованности была бы такъ организована, чтобы случайная бездарность президента не могла тормозить

ея дѣятельность. Къ этому и стремился Швейцеръ, и въ этомъ отношенія ему болѣе или менѣе сочувствовали лучшіе члены Союза, какъ Аудорфъ, Бракке, Фрицше, Іоркъ и другіе.

Взаимныя тренія между президентомъ Союза и редакціей союзнаго органа перешли въ открытое столкновеніе, послѣ того, какъ Беккеръ сталъ настаивать на томъ, чтобы второе общее собраніе, назначенное на 25 ноября 1865 г., состоялось во Франкфуртѣ, его постоянномъ мѣстопребываніи послѣ его высылки изъ Берлина. Формально онъ имѣлъ право дѣлать такое распоряженіе, но фактически это былъ еще шагъ къ сектантскому извращенію Союза. Въ самомъ дѣлѣ, первое общее собраніе состоялось въ Дюссельдорфѣ, затѣмъ торжество въ память учрежденія Союза, которое до извѣстной степени представляло собою неоффиціальный съѣздъ, было отпраздновано во Франкфуртѣ; теперь предполагалось и второе общее собраніе созвать тоже въ югозападной Германіи, между тѣмъ какъ на сѣверовостокѣ готовилась великая политическая катастрофа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ центральномъ пунктѣ его, Берлинѣ, волненіе рабочихъ стало принимать уже внушительные размѣры. Это означало бы удаленіе Союза съ театра политическихъ событій и продленіе бездарной диктатуры Беккера, по крайней мѣрѣ, еще на годъ. Во Франкфуртѣ Беккеръ еще пользовался старинной популярностью, сохранившейся за нимъ съ лучшихъ дней его дѣятельности; но можно было предвидѣть, что если съѣздъ состоится здѣсь, то онъ будетъ крайне слабо представленъ иногородними организаціями. Особенно сильно протестовали противъ этого бѣдныя силезскія общины, которыя должны были въ продолженіе одного года въ третій разъ тратиться на посылку делегатовъ въ такой, сравнительно, далекій путь. Но для реорганизаціи Союза необходимо было, чтобы на общее собраніе явилось какъ можно больше представителей, и потому Швейцеръ требовалъ, чтобы оно за-

сѣдало въ Лейпцигѣ, мѣстѣ, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе удобномъ, чѣмъ Франкфуртъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ письменныя представленія, которыя онъ дѣлалъ по этому поводу Беккеру, остались безуспѣшными. Беккеръ сначала отдѣлывался пустыми увертками, а потомъ сталъ отвѣчать угрозами. Тогда „Соціалъ-демократъ“ открыто выступилъ съ требованіемъ созыва общаго собранія на 19 ноября въ Лейпцигѣ, при чемъ онъ указывалъ лишь на дешевизну и другія преимущества, говорившія въ пользу этого выбора. Его требованіе было встрѣчено во многихъ общинахъ съ полнымъ сочувствіемъ. Тогда Беккеръ 21 ноября объявилъ общее собраніе отсроченнымъ на неопредѣленное время и, передавъ свои полномочія вицепрезиденту Фрицше, сложилъ съ себя званіе президента.

Какую цѣль преслѣдовалъ при этомъ Беккеръ, — хотѣлъ ли онъ этимъ окончательно вложить мечъ въ ножны или вызвать замѣшательство, которое въ концѣ концовъ доставило бы побѣду ему, — объ этомъ тѣмъ труднѣе сказать что-либо опредѣленное, что онъ вообще не былъ человѣкомъ твердаго и опредѣленнаго характера. Какъ бы то ни было, но онъ своимъ поведеніемъ вызвалъ страшную сумятицу, которая осложнилась еще тѣмъ, что какъ разъ въ это время былъ арестованъ Швейцеръ. Фрицше, который вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе и планы Швейцера, отправился 26 ноября во Франкфуртъ, чтобы принять у Беккера всѣ союзные акты, но здѣсь онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ делегатовъ, которые прибыли на съѣздъ въ то время, когда онъ былъ уже отложенъ, и которые теперь уже настаивали на томъ, чтобы Фрицше созвалъ другой съѣздъ на 30 ноября во Франкфуртѣ. Это вызвало шумныя пререканія, такъ какъ общее собраніе, созванное Фрицше, формально не имѣло той законной силы, на которую могъ опираться съѣздъ, созванный первоначально Беккеромъ. Причины, руководившія образомъ дѣйствій съѣхав-

шихся во Франкфуртѣ делегатовъ были различныя; одни изъ нихъ, какъ, напр., Газенклеверъ и Тэльке утверждали, что забота о существованіи Союза должна доминировать надъ всѣми прочими соображеніями; другіе, какъ, напр., Гильманъ, которые, судя по ихъ дальнѣйшему поведенію, руководились менѣе важными мотивами, были, повидимому, вообще противъ коренного преобразованія Союза и связаннаго съ нимъ устраненія хозяйственной неурядицы. Указанія Фрицше на необходимость измѣненія организаціонныхъ статутовъ были гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ, и когда онъ 30 ноября открылъ общее собраніе, то онъ тотчасъ получилъ нѣчто вродѣ вотума недовѣрія, въ которомъ заключалось предложеніе о назначеніи новаго вице-президента. Фрицше тотчасъ покинулъ общее собраніе и, передавъ свои президентскія полномочія Гильману, возвратился въ Лейпцигъ, чтобы и тамъ сложить съ себя званіе уполномоченнаго. Послѣ этого онъ отдался устройству профессіональнаго союза рабочихъ-папиросниковъ, къ чему уже раньше сдѣлалъ нѣкоторые шаги.

Франкфуртскій съѣздъ засѣдалъ 30 ноября и 1 декабря. На немъ было представлено 20 делегатами 58 организацій, включавшихъ въ себѣ 9421 члена. Сильнѣе всѣхъ были представлены Майнскій и горнопромышленный округа. Послѣ бурныхъ дебатовъ былъ принятъ рядъ временныхъ постановленій, носившихъ характеръ компромисса. Генеральное собраніе выразило „рѣшительное порицаніе „Соціалъ-демократу“ за его публичныя нападки на безусловно правильный образъ дѣйствій Беккера въ дѣлѣ созыва съѣзда, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно выбрало въ президенты на мѣсто Беккера Тэльке, хотя всего лишь на 1 годъ и подъ условіемъ, чтобы онъ былъ утвержденъ общими собраніями членовъ Союза. А до тѣхъ поръ всѣми дѣлами Союза долженъ былъ завѣдывать вице-президентъ Гильманъ. Казначеемъ былъ выбранъ вмѣсто Леви

Ферстерлингъ. Эти постановленія вызвали рядъ бурныхъ столкновеній во многихъ общинахъ, такъ какъ законность ихъ являлась крайне сомнительной. Однако побѣдило направленіе, стремившееся, главнымъ образомъ, къ обезпеченію существованія Союза, и 1 января 1866 г. Тэльке могъ уже стать во главѣ управленія, такъ какъ онъ былъ утвержденъ общими собраніями.

„Соціалъ-демократъ" также согласился съ тѣмъ, что постановленія Франкфуртскаго съѣзда должны быть признаны пока правильными, чтобы не вызвать раскола въ партіи. Но онъ при этомъ прибавлялъ, что при первой возможности необходимо созвать новый съѣздъ для обсужденія вопроса о реорганизаціи Союза и продолжалъ подготовлять почву къ тому, чтобы эта реорганизація носила характеръ концентраціи всѣхъ соціалъ-демократическихъ элементовъ. Альбертъ Ланге, который теперь состоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ дуйсбургскими членами Союза, далъ въ своемъ „Bote vom Niederrhein" чрезвычайно мѣткую характеристику всего кризиса, говоря, что „Соціалъ-демократъ" стремится создать единую соціалъ-демократическую партію и хочетъ устранить тѣ односторонности, которыя этому мѣшаютъ, между тѣмъ какъ его противники считаютъ необходимымъ держаться сектантскихъ постановленій Союза.

Объявленный за это однимъ золингенскимъ фанатикомъ „врагомъ рабочихъ", Ланге былъ возстановленъ въ своей чести собраніемъ рейнско-вестфальскихъ членовъ Союза, состоявшимся 17 декабря въ Дуйсбургѣ. Точку зрѣнія Ланге раздѣлялъ и Вальтейхъ, который прислалъ въ редакцію „Соціалъ-демократа" короткое письмо съ выраженіемъ готовности оправдаться въ своемъ конфликтѣ съ Лассалемъ передъ ближайшимъ общимъ собраніемъ или на столбцахъ союзнаго органа. Гильманъ вздумалъ придраться къ тому, что газета помѣстила у себя это краткое и вполнѣ корректное объясненіе и назвалъ этотъ поступокъ со стороны „Со-

ціалъ-демократа“ „публичнымъ оскорбленіемъ памяти нашего великаго учителя Лассаля“, но получилъ такой ловкій отвѣтъ насчетъ „президентскаго терроризма и сектантскаго фанатизма“, что отказался отъ дальнѣйшей дискуссіи. Вмѣсто этого онъ въ послѣдній день своего вице-президентства, не говоря ни слова, лишилъ „Соціалъ-демократа“ права называться союзнымъ органомъ. Но это какъ разъ было на руку газетѣ; съ послѣднихъ номеровъ 1865 г. она начала выходить, какъ „органъ соціалъ-демократической партіи“.

Вступленіе въ должность президента Тэльке обѣщало положить конецъ этому хаосу. Умный и энергичный, Тэльке былъ человѣкомъ совершенно другой породы, чѣмъ Беккеръ; твердый лассальянецъ и строгій централистъ, онъ однако не былъ чуждъ общимъ воззрѣніямъ Швейцера. Въ первомъ же своемъ объявленіи онъ обѣщалъ безъ самой крайней необходимости никогда не предпринимать никакихъ рѣшеній по существеннымъ вопросамъ, не испрашивая согласія комитета. Онъ охотно принялъ проектъ пересмотра устава и до окончательнаго рѣшенія комитета призналъ „Соціалъ-демократа“ союзнымъ органомъ. Во всякомъ случаѣ теперь открылась надежда, что вновь созданная организація дастъ возможность пожать плоды принятой тактики. Только, къ сожалѣнію, еще слишкомъ много предстояло работы для того, чтобы сдѣлать изъ Союза политическую силу; въ кассѣ было всего лишь 6 талеровъ, когда Тэльке принялъ завѣдываніе дѣлами Союза. Потребовалось много труда, чтобы додѣлать то, что было упущено Беккеромъ—и это въ такое время, когда каждый день становился дорогъ, ибо политическій горизонтъ сталъ заволакиваться густыми грозовыми тучами и раньше, чѣмъ молодыя сѣмена „революціи снизу“ могли окрѣпнуть, надъ ними разразилась „революція сверху“, нахлынувшая, какъ грязный потокъ.

Глава третья.

Революція сверху.

---

1. Габсбурго-Гогенцоллернскій конфликтъ.

Какъ только Вѣнскій миръ въ октябрѣ 1864 г. передалъ герцогства, расположенныя въ бассейнѣ Эльбы въ общее владѣніе Австріи и Пруссіи, между обѣими этими державами началась борьба за обладаніе этой добычей. Въ абсолютистскомъ своенравіи и полномъ отсутствіи національнаго самосознанія берлинскій и вѣнскій кабинеты не уступали другъ другу; но въ шлезвигъ-голштинскомъ вопросѣ у Бисмарка были болѣе сильные козыри, чѣмъ у его столь же реакціоннаго соперника на Дунаѣ.

Ослѣпленная завистью и одновременно одержимая страхомъ передъ призракомъ „революціи", австрійская политика при самомъ возникновеніи шлезвигъ-голштинскаго вопроса попала въ сѣти, подставленныя Пруссіей. Этимъ она привела въ недоумѣніе средніе и мелкіе партикуляристскіе слои общества и подрубила самую надежную опору своего господства надъ германскимъ союзомъ. Участіе во владѣніи Шлезвигъ-Голштиніей тѣмъ менѣе могло ее вознаградить, что она вообще не могла ничего сдѣлать съ этимъ непріятнымъ подаркомъ. Ей поэтому ничего не оставалось, какъ съ сокрушеннымъ сердцемъ вернуться къ своей прежней политикѣ и помириться на томъ, чтобы передать рѣшеніе Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса парламенту и—что въ сущности было то же самое—отдать герцогскія владѣнія на Эльбѣ аугустенбургскому претенденту.

Но этого нельзя было сдѣлать безъ согласія прусскаго совладѣльца, а Бисмаркъ вовсе не былъ склоненъ играть роль благодѣтеля по отношенію къ принцу Аугустенбургскому. Самое большее, что онъ хотѣлъ сдѣлать, — это превратить безпомощнаго претендента

въ прусскаго вассала, но этотъ соусъ, подъ которымъ былъ приготовленъ февральскій договоръ 1865 г., онъ сдѣлалъ такимъ жидкимъ и при посредствѣ своихъ оффиціозовъ приправилъ его такими издѣвательствами и глумленіемъ, что его не могла переварить ни австрійская зависть, ни династическая надменность принца Аугустенбургскаго и другихъ, Божіей милостью царствовавшихъ особъ. Прусская дипломатія старалась упрочить могущество Гогенцоллерновъ, подобно тому, какъ австрійская дипломатія дѣйствовала исключительно въ интересахъ дома Габсбурговъ; нѣмецко-національная точка зрѣнія была одинаково чужда и той, и другой, и упреки въ поощреніи „революціи", которыми они бомбардировали другъ друга, были обѣими сторонами поняты, какъ пустая взаимная пикировка. У Висмарка было то преимущество, что сохраненіе парламента и учрежденіе карликоваго государства на Эльбѣ являлось рѣзкимъ противорѣчіемъ экономическимъ интересамъ Германіи; а это способствовало привлеченію большаго числа сторонниковъ прусской политики захвата и насилія.

Лѣтомъ 1865 г. отношенія между Австріей и Пруссіей обострились до того, что можно было каждую минуту ожидать полнаго разрыва между ними. Противники только временно чувствовали себя еще неготовыми для того, чтобы выступить другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ. Они еще разъ пытались замазать образовавшуюся между ними брешь послѣ Гаштейнскаго договора, по которому Шлезвигъ отдавался подъ власть Пруссіи, а Голштинія подъ управленіе Австріи, при условіи совмѣстнаго владѣнія обоими герцогствами. Всѣмъ было ясно, что такой исходъ означалъ бы только временную отсрочку катастрофы, и лучше всѣхъ это знали сами договаривавшіяся стороны. Обѣ пустились въ поиски за союзниками, при чемъ лучшіе козыри опять оказались въ рукахъ Бисмарка. Россія была куплена прусскимъ правительствомъ цѣною тѣхъ по-

лицейскихъ услугъ, которыя оно оказывало ей во время польскаго возстанія, а Бонапартъ, вынужденный своей внѣшней и внутренней политикой бросить кость итальянскому движенію въ видѣ Венеціи, настроилъ противъ себя Австрію, которая ни за деньги, ни за пріятныя слова не могла на это согласиться. Въ сентябрѣ 1865 г. Бисмаркъ поѣхалъ къ Бонапарту, чтобы выпросить у „высокаго покровителя національностей“ милостивое разрѣшеніе на „объединеніе Германіи“. Конспирація въ дипломатическихъ дѣлахъ, затѣянныхъ съ завоевательными цѣлями въ интересахъ династіи, была характерной чертой старопрусской политики, и, стремясь своимъ прусско-итальянскимъ наступательнымъ союзомъ противъ Австріи при благосклонномъ покровительствѣ Бонапарта попасть въ „національные герои“, Бисмаркъ нисколько не отступалъ отъ славныхъ традицій стараго Фрица. Циркулировавшее тогда мнѣніе, что Бисмаркъ взялъ на себя опредѣленное обязательство, въ случаѣ успѣха уступить Франціи часть нѣмецкой территоріи, было, пожалуй преувеличено; но несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что Бисмаркъ своими обѣщаніями разжигалъ аппетиты Бонапарта на германскія владѣнія,—что достаточно характеризуетъ его „нѣмецкій патріотизмъ“. Конечно, такимъ же образомъ поступали и всѣ другіе „нѣмецкіе государственные люди“ и въ Вѣнѣ, и въ Мюнхенѣ, и въ Дрезденѣ и повсюду. Жертвовать національными интересами въ интересахъ династическихъ было обычнымъ дѣломъ этихъ господъ; имъ только не доставало талантливости Бисмарка, который въ концѣ концовъ все-таки обернулъ Бонапарта вокругъ пальца. Своей нравственной физіономіей они всѣ были похожи другъ на друга; но Бисмаркъ обладалъ двумя такими цѣнными въ политикѣ особенностями, которыя ставили его цѣлой головой выше его друга на Сенѣ, а именно, у него была, во 1-хъ, твердая воля, во 2-хъ, ясно намѣченная цѣль.

Съ бонапартистскимъ протекторатомъ и итальян-

скимъ союзомъ были тѣснѣйшимъ образомъ связаны конституціонныя реформы, задуманныя Бисмаркомъ.

Генералу Говону, прибывшему въ Берлинъ въ качествѣ итальянскаго посредника, онъ сказалъ, что шлезвигъ-голштинскій вопросъ можетъ, пожалуй, легко стать причиной конфликта, но что для серьезной войны здѣсь все-таки нѣтъ достаточнаго повода. На первый планъ долженъ быть выдвинутъ обще-германскій вопросъ; если рѣчь будетъ идти о серьезномъ національномъ интересѣ, то Европа останется спокойной. „Европа" въ этомъ случаѣ означала Бонапарта, и вся конституціонная реформа Бисмарка выѣзжала прихрамывая на бонапартистскомъ конькѣ. Когда, 8 апрѣля 1866 г., былъ заключенъ наступательный союзъ между Пруссіей и Италіей, прусское правительство внесло въ парламентъ предложеніе, выбрать къ сроку, который будетъ назначенъ потомъ, всеобщимъ и прямымъ голосованіемъ національное собраніе для обсужденія и окончательнаго утвержденія проектовъ союзной конституціи, выработанныхъ германскими правительствами, временно же принять эти проекты въ томъ видѣ, какой они примутъ послѣ соглашенія относительно ихъ между правительствами. Оффиціальная мотивировка проекта представляла собою наборъ фразъ, которыми бонапартизмъ всегда любилъ прикрывать свою безпринципную, но коварную политику. Всеобщее, прямое избирательное право предполагалось, какъ консервативный принципъ, предпочтительнѣе, съ консервативной точки зрѣнія, всякой другой выборной системы, основанной на искусственныхъ комбинаціяхъ. Тогдашняя конституція, въ случаѣ европейскаго кризиса, отдавала судьбы Германіи либо въ руки революціи, либо подъ чужеземное господство; во избѣжаніе того и другого необходима была такая конституція, которая, какъ показалъ опытъ 1848 г., не могла быть добыта ни односторонней политикой правительствъ, ни односторонними усиліями націи; только соединеннымъ вліяніемъ обоихъ факто-

ровъ можетъ быть достигнута новая жизнеспособная конституція на основѣ стараго союза и въ предѣлахъ этого послѣдняго. Бисмаркъ, такимъ образомъ, предлагалъ, какъ панацею противъ всѣхъ золъ, раздиравшихъ страну, принципъ объединенія Германіи, который привелъ уже къ крушенію парламентъ революціоннаго года. Одно изъ двухъ: либо онъ, какъ заинтересованная сторона, искренно заблуждался въ оцѣнкѣ политическаго момента, какъ это съ нимъ часто бывало, либо ему просто ничего не стоило сказать нѣсколько лишнихъ красивыхъ фразъ, чтобы скрыть свои истинныя цѣли.

На эти истинныя цѣли самымъ недвусмысленнымъ образомъ указывала вся оффиціальная и оффиціозная печать. По образцу Бонапарта, Бисмаркъ велъ двойную игру, пожалуй, дважды двойную: съ одной стороны, между династіей и народомъ, съ другой — между буржуазіей и пролетаріатомъ. „Kreuzzeitung“ предупреждала правительства среднихъ и мелкихъ государствъ: „Берите то, что вамъ даютъ; того, что Бисмаркъ предлагаетъ вамъ сегодня, онъ вамъ завтра предлагать не станетъ. Собственными силами вы не справитесь съ гражданско-національнымъ движеніемъ; если вы хотите побить парламентаризмъ его собственнымъ оружіемъ, вамъ нуженъ для этого германскій парламентъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ парламентѣ только еще начнется настоящій спектакль, но противъ всѣхъ подобныхъ вылазокъ существуетъ простое испытанное средство: не обращать на нихъ никакого вниманія. Что такое средство примѣнимо, это съ неопровержимостью доказала вся прусская исторія за послѣднихъ 6 лѣтъ“.

Противоположное мнѣніе высказывала „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“. „Пруссія, къ своему сожалѣнію, предвидитъ, что нѣмецкія правительства когда-нибудь выступятъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ національной реформы. Что Вюртембергъ, Ганноверъ, Саксонія,

Гессенъ-Дармштадтъ и другія союзныя государства не изъ любви къ принцу Аугустенбургскому бросятся съ опасностью для жизни въ войну, это ясно каждому. Можно безошибочно утверждать, что правительства, бряцая своимъ оружіемъ, вызывая истребительную войну съ Пруссіей, вмѣстѣ съ тѣмъ ополчаются противъ самыхъ скромныхъ желаній народа".

И главный оффиціозъ, хотя и эзоповскимъ языкомъ, грозитъ „революціей", вѣрнѣе, раскассированіемъ упорныхъ карликовыхъ деспотовъ силой прусскаго оружія. Рядомъ съ этой игрой на два фронта между династіей и народомъ Бисмаркъ велъ двусмысленную игру между буржуазіей и пролетаріатомъ. Полуоффиціальная „Provinzialkorrespondenz" соблазняла прогрессистскую партію той иллюзіей, будто, такъ называемая, союзная реформа введеніемъ единой нѣмецкой арміи распредѣлитъ бремя милитаризма по всей Германіи и, такимъ образомъ, устранитъ причину конституціонной борьбы. Но уже чисто оффиціальный органъ „Staatsanzeiger" преподнесъ буржуазіи самое лакомое для нея блюдо въ видѣ цѣлаго ряда экономическихъ реформъ, какъ основныхъ принциповъ будущей союзной системы; таковы: свобода передвиженія, свобода промышленности и торговли, единая монета, единая система мѣръ и вѣсовъ, покровительство нѣмецкой торговлѣ за границей, учрежденіе нѣмецкихъ консульствъ и нѣкоторыя другія реформы, которыя клонились къ уничтоженію преградъ, стоявшихъ на пути капиталистическаго способа производства. На случай же, если буржуазія все-таки окажется несговорчивой, всеобщее и прямое избирательное право должно было подкупить пролетаріатъ. Бисмаркъ полагалъ, что моментъ вполнѣ благопріятенъ для того, чтобы пустить въ ходъ этотъ козырь. Онъ спекулировалъ на темноту, царившую въ массахъ восточно-прусскаго крестьянства, еще не проникнутаго ни единымъ лучомъ политическаго самосознанія; онъ разсчитывалъ на то, что отмѣной діэтъ (жало-

ванья депутатамъ) ему удастся въ той же мѣрѣ сузить пассивное избирательное право, въ какой расширится активное избирательное право уничтоженіемъ трехклассной системы выборовъ; кромѣ того, онъ все еще мечталъ о союзѣ съ „монархистомъ" Лассалемъ. Правда, кое-гдѣ уже раздавались тревожные свистки, которые могли нарушить его сладкій сонъ; начальникъ берлинской полиціи въ одномъ изъ своихъ рапортовъ откровенно признался, что онъ вначалѣ терпѣлъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ, хотя его существованіе было явнымъ нарушеніемъ статьи 8 Устава о союзахъ, воспрещавшей „союзы политическихъ обществъ"; онъ полагалъ, что Союзъ ведетъ „благоразумную и лояльную агитацію", но исторія съ кельнскимъ празднествомъ открыла ему глаза, и онъ поспѣшилъ распустить берлинскія рабочія организаціи. Но то, что было ясно простому полицейскому уму, въ теченіе долгаго времени оставалось недоступнымъ пониманію геніальнаго государственнаго мужа. Бисмаркъ полагалъ, что можно попробовать разъ поиграть съ огнемъ.

Комиссія, которую правительство во время борьбы за свободу коалицій обѣщало созвать для обсужденія рабочаго вопроса, лѣтомъ 1865 г. была дѣйствительно созвана, но послѣ нѣкоторыхъ словопреній разошлась, оставивъ послѣ себя ворохъ ничего не стоющей макулатуры, носившей на прусскомъ бюрократическомъ языкѣ названіе „цѣнныхъ матеріаловъ". Пришлось прибѣгнуть къ болѣе сильнымъ средствамъ для заклинанія краснаго призрака революціи. Въ октябрѣ 1865 г. Бухеръ обратился къ Марксу съ предложеніемъ сотрудничать въ оффиціальномъ правительственномъ органѣ „Staatsanzeiger". Получивъ понятный отказъ отъ Маркса, онъ съ тѣмъ же предложеніемъ обратился къ приватъ-доценту Евгенію Дюрингу, извѣстному въ то время нѣкоторыми своими политико-экономическими сочиненіями. Дюрингъ воспроизвелъ старую идею Сисмонди о „недоѣданіи рабочаго класса", какъ главномъ злѣ

капиталистическаго способа производства, но полагая, что съ этимъ зломъ слѣдуетъ бороться не законодательнымъ регулированіемъ рабочаго дня, какъ этого требовалъ Родбертусъ, а организаціей, по инициативѣ самихъ рабочихъ, независимыхъ профессіональныхъ союзовъ для защиты экономическихъ интересовъ рабочаго класса. Дюрингъ принялъ сотрудничество въ „Staatsanzeiger'ѣ, но тотчасъ разошелся съ редакціей. Несмотря на это, къ нему въ апрѣлѣ 1866 г. явился Вагнеръ и заказалъ у него для „интимныхъ надобностей“ министерства сочиненіе по вопросу о томъ, какъ можно „нѣсколько улучшить бытъ рабочаго класса“. Дюрингъ исполнилъ и этотъ заказъ. 9-го мая былъ выпущенъ изъ тюрьмы Швейцеръ, котораго раньше ни за что не хотѣли освободить, несмотря на всѣ медицинскія свидѣтельства о его болѣзненномъ состояніи, представленныя имъ въ теченіе зимы. Наконецъ, графиня Гатцфельдъ, которая, начиная съ 1866 г., продолжала неустанно свои происки, взялась за дѣло съ особеннымъ рвеніемъ. Въ своемъ ослѣпленіи она отождествляла прусскую союзную реформу съ національной программой Лассаля, и можно сказать, что вся ея демагогическая дѣятельность сводилась къ тому, чтобы сдѣлать Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ орудіемъ въ рукахъ Бисмарка, все равно, была ли она въ близкихъ или далекихъ отношеніяхъ съ „великимъ министромъ“, и швыряла ли она безъ толку своими собственными деньгами, или суммами, полученными ею изъ другихъ источниковъ.

Такова была картина „революціи сверху“. Противъ ничтожества тогдашняго парламента она была вооружена достаточно сильно. Ее одолѣть могла бы только революція снизу, но революція снизу была невозможна. Рабочій классъ, который хотѣлъ ее поднять, не въ силахъ былъ это сдѣлать, а буржуазія, которая могла бы ее совершить, не хотѣла и пальцемъ пошевелить за свободу народа. Какъ только дѣло

запахло вооруженнымъ столкновеніемъ, пресловутое единеніе прогрессистской партіи превратилось въ самую дикую разноголосицу. У однихъ сквозь красивыя патріотическія рѣчи выглядывалъ самый подлинный прусскій партикуляризмъ. Твестенъ утверждалъ, что „всякій исходъ лучше пораженія прусской политики“, а Циглеръ увѣрялъ своихъ бреславскихъ избирателей въ томъ, что сердце демократіи всегда вмѣстѣ съ военными знаменами страны. Другіе разражались безсильными жалобами на опасности, угрожающія матеріальнымъ интересамъ буржуазіи, и посылали проклятія войнѣ. Особенно возмущался противъ нарушенія мира Національный ферейнъ, который горячо осуждалъ и союзную реформу, проектированную Бисмаркомъ. Беннигсенъ и компанія слишкомъ много сдѣлали для утвержденія „прусскаго главенства“, и когда это „главенство“ выступило въ своемъ настоящемъ видѣ, какъ оно было, и какимъ оно не могло не быть, они начали кричать караулъ.

Третью группу составляла Нѣмецкая народная партія, которая, разочаровавшись въ политикѣ прогрессистовъ и Національнаго ферейна, съ нѣкоторыхъ поръ стала отмежевываться отъ нихъ. Къ этой партіи принадлежали нѣкоторые честные и дѣльные демократы, какъ Бюхеръ, Эккартъ, Ладендорфъ, Пфау, но въ нее входили и довольно сомнительные элементы: мнимые франкфуртскіе республиканцы a la Зонnеманъ, аугустенбургскіе и гвельфскіе партикуляристы, у которыхъ предстоящее упраздненіе правъ ихъ родовитыхъ князей исторгало самыя горькія слезы жалости и которыхъ это развѣнчиваніе старыхъ кумировъ, быть можетъ, еще больше возмущало, чѣмъ всѣ прочія беззаконія Бисмарка. Когда въ 1865 г. въ Дармштадтѣ былъ созванъ учредительный съѣздъ Нѣмецкой народной партіи, то сразу выяснилось, что по двумъ важнѣйшимъ проблемамъ, выдвинутымъ переживаемымъ моментомъ, а именно, по національному и со-

ціальному вопросамъ, въ партіи не можетъ быть единенія. Партикуляристы цѣплялись за свой излюбленный принципъ федераціи, при чемъ осталось неизвѣстнымъ, въ монархическомъ или республиканскомъ смыслѣ они понимаютъ этотъ принципъ, — а биржевые демократы отвергли всякія соціальныя реформы, которыми Бюхнеръ и Эккартъ хотѣли приблизить партію къ Всеобщему Германскому Рабочему Союзу. Органъ Нѣмецкой народной партіи, „Deutsches Wochenblatt“, выходившій въ Маннгеймѣ, заявилъ, что для него національный и соціальный вопросы остаются открытыми!

Однако по жгучему, злободневному вопросу о положеніи страны въ партіи состоялось нѣчто вродѣ соглашенія; всѣ пришли къ заключенію, что началомъ объединенія и освобожденія Германіи должна служить „федерація среднихъ и мелкихъ государствъ“. Людвигъ Пфау въ особомъ летучемъ листкѣ разъяснилъ, что этой федераціей отнюдь не думаютъ воскресить старой идеи о „тройственномъ союзѣ“, которая сводится къ раздѣленію Германіи на Австрію, Пруссію и Союзъ среднихъ и мелкихъ государствъ; что эта идея представляетъ собою — „уродливый недоносокъ профессорскаго высокомѣрія и придворнаго холопства, рожденный на позорномъ ложѣ революціи“. Та коалиція средне-германскихъ государствъ, которой добивается нѣмецкая народная партія, будетъ служить не конечнымъ, а начальнымъ пунктомъ ея стремленій, не цѣлью, а средствомъ къ болѣе отдаленной цѣли, — основнымъ ядромъ, вокругъ котораго могли бы группироваться всѣ живые элементы страны.

Эккартъ же въ своемъ „Deutsches Wochenblatt“ писалъ, что народную партію упрекаютъ въ томъ, что она одной рукой держитъ легитимистское, другой— республиканское знамя, но что это противорѣчіе только кажущееся. Члены партіи въ душѣ республиканцы, но тѣмъ не менѣе они искренно хотятъ федераціи

среднихъ и мелкихъ германскихъ государствъ, являющейся послѣднимъ предположеніемъ, съ которымъ нѣмецкій народъ обращается къ своимъ правителямъ. Согласятся государи на союзное монархическое государство—нѣмецкая народная партія будетъ готова ихъ поддержать; не согласятся—пусть пеняютъ на себя, когда попадутъ въ пасть къ Бисмарку. Если такимъ безнадежнымъ мракомъ были окутаны умы у лучшихъ и наиболѣе сознательныхъ представителей народной партіи, то она, конечно, не была призвана рѣшать судьбу Германіи.

Въ этомъ дикомъ хаосѣ противоположныхъ мнѣній и интересовъ должна была оріентироваться молодая рабочая партія.

2. Рабочій классъ наканунѣ австро-прусской войны.

Начиная съ первыхъ статей о Бисмаркѣ, „Соціалъ-демократъ" преслѣдовалъ все ту же германскую политику, избѣгая только тѣхъ, сомнительнаго достоинства, красотъ, которыми блестѣли упомянутыя статьи. Если въ этихъ послѣднихъ онъ говорилъ о „важномъ значеніи" политики Бисмарка, то онъ теперь подвергъ язвительнымъ насмѣшкамъ паломничество Бисмарка ко двору Бонапарта, сокрушаясь о „бѣдной Пруссіи", которая „съ грузомъ великихъ проектовъ спѣшитъ въ Парижъ", чтобы „цѣною нѣмецкихъ владѣній выпросить милости у Бонапарта". Отъ старопрусской демократіи Вальдека и Циглера „Соціалъ-демократъ" держался совершенно въ сторонѣ. Онъ говорилъ, что прусскаго кулака нельзя разогнуть въ ладонь, и что, если реакція выступитъ подъ фиговымъ листомъ либерализма, то это внесетъ только больше путаницы въ положеніе дѣлъ. Пруссія, по самому характеру своему, государство абсолютистское; либеральной Пруссіи никогда не было и не могло быть. Надѣяться на какую нибудь перемѣну въ этомъ отношеніи, значитъ ожи-

дать чего-то сверхъестественнаго". Съ тѣмъ же правомъ можно было бы ожидать, что турецкіе муфтіи и улемы въ одинъ прекрасный день станутъ проповѣдывать христіанство.

Съ той же рѣзкостью, съ которой „Соціалъ-демократъ" нападалъ на „прусскій абсолютизмъ", онъ обрушивался и на австрійскій конкордатъ. По его мнѣнію, все зло нѣмецкой разъединенности исходитъ отъ Австріи, — поэтому то всѣ реакціонныя правительства среднихъ и мелкихъ государствъ и подерживаютъ ее. Но если идея подчиненія Германіи господству Австріи или Пруссіи вредна и отвратительна, то мысль о какомъ бы то ни было „тріо", кромѣ смѣха и презрѣнія, ничего другого не заслуживаетъ. „Соціалъ-демократъ" привѣтствовалъ основаніе Нѣмецкой народной партіи, какъ первую попытку организаціи буржуазно-демократическихъ элементовъ, которая сама по себѣ заслуживаетъ одобренія, и выражалъ, съ своей стороны, готовность поддерживать ея тактику, поскольку она будетъ отстаивать интересы рабочаго класса, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ безпощадно обличалъ ту путаницу, которая господствовала въ ея воззрѣніяхъ на національный и соціальный вопросы. Онъ подчеркивалъ тотъ фактъ, что всѣ эти Бейсты и Дальвигки и прочіе дипломаты мелкаго и средняго калибра, разыгрывавшіе „истинно-нѣмецкихъ государственныхъ людей", все это—бывшіе „министры эпохи кровавой и грубой реакціи, насквозь пропитанные духомъ придворнаго лакейства"; федеративныя вожделѣнія Нѣмецкой народной партіи онъ раздѣлалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Если-бъ вопросъ былъ поставленъ серьезно, и какому-нибудь нѣмецкому князю пришлось бы сдѣлать рѣшительный и безповоротный выборъ между служеніемъ народу и подчиненіемъ какому-нибудь царственному суверену, то онъ предпочелъ бы броситься къ ногамъ своего коронованнаго коллеги, лишь бы не пройтись вмѣстѣ съ ликующимъ народомъ по улицамъ своей столицы".

Единственнымъ путемъ къ объединенію и освобожденію Германіи „Соціалъ-демократъ“ признавалъ путь революціи. Такъ какъ предстоявшая война между двумя великими нѣмецкими державами могла создать условія, благопріятныя для такой революціи, то газета не присоединяла своего голоса къ тѣмъ крикамъ о мирѣ, которые раздавались изъ буржуазнаго лагеря. Такимъ же образомъ смотрѣлъ на войну и Альбертъ Ланге, который въ своемъ „Bote vom Niederrhein“ писалъ, что каждый прозорливый политикъ, дѣйствительно желающій, чтобы попытка Бисмарка осуществить свою программу приблизила торжество республиканской партіи, долженъ дать ему спокойно вести свою линію, пока она не заведетъ его въ такой тупикъ, откуда не будетъ возврата. А. Бебель на одномъ собраніи лейпцигскихъ прогрессистовъ и членовъ Національнаго ферейна, гдѣ раздавались вопли и стоны по поводу предстоявшей войны, въ качествѣ единственнаго оппонента разъяснилъ, что нѣтъ основаній приходить въ такое отчаніе; война можетъ повлечь за собою совершенно иныя послѣдствія, чѣмъ тѣ, на которыя разсчитываютъ ея инициаторы; въ надлежащій моментъ народъ самъ поднимется и окончитъ войну по-своему.

Стоять на стражѣ въ полномъ вооруженіи, въ полной готовности каждую минуту броситься въ бой, никому не довѣрять, а полагаться исключительно на собственныя силы, — такова была тактика, которую предлагалъ рабочему классу „Соціалъ-демократъ“ во время кризиса 1866 года.

Первый благопріятный случай для активнаго выступленія газета нашла въ томъ дипломатическомъ шагѣ, который Бисмаркъ сдѣлалъ своимъ проектомъ общеизбирательнаго права. Она, конечно, не обманывалась насчетъ истинныхъ мотивовъ, руководившихъ при этомъ Бисмаркомъ, и на медовыя рѣчи оффиціозной печати отвѣчала слѣдующимъ образомъ: „Что

касается насъ, то мы отлично знаемъ, чего мы хотимъ; намъ не нужно ни Великой Пруссіи, ни Великой Австріи, намъ нужна свободная, единая Германія, управляемая волей всей націи. Если Пруссія хочетъ помочь осуществленію этой цѣли — прекрасно; пусть она сдѣлаетъ попытку превратиться въ свою противоположность. Въ этомъ случаѣ, т. е., когда она сдѣлаетъ наше дѣло своимъ, мы готовы будетъ поддерживать ее всѣми своими силами, но только въ этомъ случаѣ, и ни въ какомъ другомъ... Таковымъ, именно, рисуется намъ настроеніе рабочихъ, не питающихъ никакой симпатіи къ идеѣ „Велико-Пруссіи," и сообразно съ этимъ слѣдуетъ намѣтить то положеніе, которое рабочіе должны занять по отношенію къ прусскому правительству и его завоевательнымъ стремленіямъ. Все остальное должно быть отнесено къ области оффиціозныхъ мечтаній и иллюзій". „Соціалъ-демократъ" высказывалъ ту мысль, что Бисмаркъ „не по своей волѣ созываетъ этотъ половинчатый парламентъ", а что онъ „вынужденъ къ этому шагу неумолимой силой обстоятельствъ"; точно также онъ вполнѣ открыто заявлялъ, что было бы „самымъ печальнымъ заблужденіемъ" со стороны рабочихъ, оцѣнивать этотъ фактъ иначе, но онъ совѣтовалъ использовать затруднительное положеніе прусскаго министра. Ни одинъ крупный историческій успѣхъ еще не былъ достигнутъ благодаря доброй волѣ власть имущихъ, но зато многое было достигнуто умѣло использованными затрудненіями, въ которыхъ они находились. Предложенное оружіе рабочій классъ долженъ употребить „не такъ, какъ того хотятъ другіе, а какъ ему самому выгодно", а потому „Соціалъ-демократъ" далъ лозунгъ: „Выбирать! Мы выбираемъ не потому, что Бисмаркъ созвалъ этотъ парламентъ; мы не говоримъ также: будемъ выбирать, несмотря на то, что этотъ парламентъ созванъ Бисмаркомъ. Нѣтъ! Мы выбираемъ потому, что хотимъ оставить пассивную политику безучастныхъ

зрителей историческихъ событій, потому что мы хотимъ принять активное участіе въ политической жизни страны, потому что только мы, рабочая партія, можемъ удержать трусливую либеральную буржуазію отъ новой измѣны народному дѣлу". Вмѣстѣ съ тѣмъ „Соціалъ-демократъ" предлагалъ поднять оживленную агитацію въ пользу всеобщаго избирательнаго права, чтобы тѣмъ подталкивать Бисмарка все впередъ и впередъ по тому пути, на который онъ вступилъ противъ воли.

Изложенная вкратцѣ тактика проходитъ красной нитью черезъ всѣ статьи „Соціалъ-демократа" по германскому вопросу, напечатанныя до и послѣ ареста Швейцера. Если съ его освобожденіемъ изъ тюрьмы была связана какая-нибудь задняя мысль правительства, то Швейцеръ, во всякомъ случаѣ, не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ; онъ отвѣтилъ правительству такой же благодарностью, съ какой отвѣтилъ Марксъ на любезное приглашеніе Бюхера. Во всемъ, что писалось въ то время въ „Соціалъ-демократѣ" нельзя найти ни одной строчки, прямо или косвенно защищающей прусскую политику насилія. Тактика, которую предлагалъ рабочему классу Швейцеръ, была бы безусловно одобрена Лассалемъ, если-бъ онъ жилъ въ это время.

Больнымъ мѣстомъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза была не его тогдашняя тактика, но его организація. Союзъ не представлялъ еще тогда прочно сложившагося организма, настолько крѣпкаго и сплоченнаго, чтобы надвигавшаяся военная гроза не могла его опрокинуть. Въ массѣ нѣмецкихъ рабочихъ классовое самосознаніе еще вовсе не проснулось, а тамъ, гдѣ оно уже начало пробиваться, рабочіе еще не такъ ясно сознавали свои интересы, чтобы не дать себя вовлечь въ ту пучину, которая грозила катастрофой всему положенію германскихъ дѣлъ.

Старыя отборныя организаціи держались довольно

храбро, но не въ силахъ были бороться съ бурными волнами „революціи сверху"

Нигдѣ въ Германіи національныя и соціальныя противорѣчія такъ рѣзко не столкнулись на одномъ узкомъ пространствѣ, какъ въ королевствѣ Саксоніи. Здѣсь, въ этой маленькой высоко культурной странѣ, вкрапленной между Пруссіей и Австріей и обреченной стать ареной кровавой войны, буржуазія и пролетаріатъ стояли непосредственно другъ противъ друга въ сознаніи своихъ противоположныхъ интересовъ. Саксонской политикой руководилъ противникъ Австріи Бейстъ, быть можетъ, самый ловкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ самый отвратительный и самый низкій дипломатъ, который, еще не умывшись отъ крови и грязи бѣлаго террора, съ веселымъ видомъ сыпалъ направо и налѣво крылатыми нѣмецко-національными словечками. Своими военными приготовленіями онъ возбудилъ недовольство буржуазіи, которая, во 1-хъ, ни за что не хотѣла пріостановить свои дѣла, во 2-хъ, — какъ это вообще бываетъ съ буржуазіей маленькой страны съ сильно развитой промышленностью и торговлей, — тяготилась косностью мелкаго государства и хотѣла быть поглощенной Пруссіей. Положеніе саксонскаго пролетаріата стало вслѣдствіе этого крайне затруднительнымъ; революціи поднять онъ не могъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ также принять выжидательно-боевого положенія, какъ это сдѣлалъ рейнсковестфальскій пролетаріатъ, такъ какъ военный пожаръ надвигался все ближе и ближе.

Самъ по себѣ саксонскій пролетаріатъ какъ разъ въ это время переживалъ одинъ изъ цвѣтущихъ періодовъ своего развитія. Саксонскіе рабочіе кружки самообразованія служили корнемъ и стволомъ всѣхъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ вообще; дрезденскій ферейнъ процвѣталъ подъ руководствомъ сапожника Кнэфеля, лейпцигскій союзъ поддерживался на прежней высотѣ Бебелемъ; между дѣятельными руководителями

этого союза былъ также Либкнехтъ, поселившійся въ Лейпцигѣ послѣ своей высылки изъ Берлина. Благодаря стараніямъ Бебеля, всѣ саксонскіе рабочіе ферейны образовали одинъ областной союзъ, въ который входило 29 ферейновъ съ 4579 членами, насчитывавшихъ въ числѣ своихъ товарищескихъ учрежденій 5 сберегательныхъ кассъ, 2 кассы ссудъ, 5 потребительныхъ обществъ, 1 кооперативную хлѣбопекарню, 4 инвалидныхъ кассы, 2 похоронныхъ кассы и 1 ткацкое производительное товарищество. Эти ферейны находились уже въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ саксонскими общинами Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза; рабочіе обоихъ союзовъ часто устраивали большія общія народныя собранія, и какъ разъ теперь лейпцигскій рабочій ферейнъ окончательно порвалъ съ полупрогрессистской полуманчестерской агитаціей „Volkszeitung". Съ самаго начала и національный вопросъ не подавалъ никакого повода къ разногласіямъ. 28 апрѣля въ Дрезденѣ состоялось собраніе рабочихъ въ 2500 человѣкъ, созванное Ферстерлингомъ и Кнэфелемъ и засѣдавшее подъ ихъ общимъ предсѣдательствомъ. Собраніе постановило требовать созыва — на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голоса и неограниченной избираемостью — учредительнаго нѣмецкаго парламента для рѣшенія не только политическаго, но и соціальнаго вопроса; для поддержки этого парламента собраніе требовало всенароднаго вооруженія. Принципіально это постановленіе вполнѣ согласовалось съ тактикой, предложенной „Соціалъ-демократомъ"; онъ не переставая твердилъ что только нѣмецкая революція въ состояніи спасти свободу и единство Германіи. Но, конечно, этимъ еще ничего не было сказано о той тактикѣ, которой пролетаріатъ долженъ держаться въ отношеніи къ воюющимъ державамъ.

Этотъ вопросъ сталъ особенно жгучимъ въ тотъ моментъ, когда лейпцигская буржуазія, съ городскими

властями во главѣ, потребовала отъ саксонскаго министерства распущенія войска и тѣмъ подняла пруссофильскую агитацію. Въ цѣляхъ контръ-агитаціи въ Лейпцигѣ 8 мая было созвано собраніе, на которое пришло около 6000 рабочихъ обоихъ направленій, подобно тому, какъ это было въ Дрезденѣ. Присутствовали Фрицше, Вутке, Бебель и Либкнехтъ; предсѣдательствовалъ Штейнертъ, который, въ качествѣ преемника Фрицше, руководилъ лейпцигской общиной Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Въ своей вполнѣ основательной оппозиціи бисмарковскимъ тенденціямъ, которыми были проникнуты толстосумы буржуазіи, собраніе перешло за предѣлы, намѣченные „Соціалъ-демократомъ“. Старые демократы 1848 года полагали, что, хотя прошлое Бейста далеко не безупречно, однако онъ въ данную минуту, подобно австрійскому правительству, стоитъ на германско точкѣ зрѣнія. Резолюція, внесенная Бебелемъ, въ основѣ своей опиралась на дрезденскую резолюцію, но слишкомъ одн осторонне выступала противъ прусской политики захвата и одобряла, какъ „мѣры самозащиты“, военныя приготовленія министра Бейста, между тѣмъ какъ резолюція, внесенная Вутке, прямо поощряла всю политику Бейста безъ оговорокъ. Обѣ резолюціи были приняты послѣ того, какъ за нихъ, кромѣ ихъ авторовъ, высказались Фрицше и Либкнехтъ; это было первымъ важнымъ уклоненіемъ отъ тактики „Соціалъ демократа“.

Въ Майнскомъ округѣ положеніе дѣлъ было такое же, какъ въ королевствѣ Саксоніи, съ тою только разницей, что здѣсь классовой антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ не выступалъ еще такъ рѣзко, какъ тамъ. Ураганъ, перевернувшій вверхъ дномъ всѣ условія нѣмецкой жизни на юго-западѣ Германіи, заставилъ заговорить и мелко-буржуазные слои общества. 20 мая во Франкфуртѣ состоялось народное собраніе въ 3000 человѣкъ, на которомъ господ-

ствовали матадоры Нѣмецкой народной партіи, хотя въ немъ участвовали и рабочіе, какъ напримѣръ, Бебель отъ Рабочаго ферейна самообразованія и Велькеръ отъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Заключенія этого собранія существеннымъ образомъ отличались отъ дрезденской и лейпцигской резолюціи. Собраніе высказалось рѣшительно противъ воинственной политики Бисмарка, и всякое нейтральное отношеніе къ войнѣ заклеймило, какъ трусость и измѣну. Безусловно отвергая прусскую союзную реформу, резолюція собранія требовала немедленнаго конституированія отдѣльнаго Шлезвигъ-Голштинскаго государства; затѣмъ, не упоминая ни словомъ объ избирательномъ правѣ, она настаивала на „созывѣ учредительнаго парламента, облеченнаго надлежащей властью", и наконецъ, требовала отъ существующаго правительства, „введеніе законодательнымъ порядкомъ всеобщаго народнаго вооруженія", что представляло собою ужъ нѣчто прямо сверхъестественное. Противъ этихъ заключеній Велькеръ высказался уже категорически, между тѣмъ какъ Бебель еще одобрялъ ихъ и вступилъ въ комитетъ Народной партіи, назначенный для выработки программы противодѣйствія властолюбивымъ стремленіямъ Пруссіи. Эта вскорѣ послѣ того опубликованная программа, въ общемъ, основывалась на резолюціи Франкфуртскаго съѣзда, но отличалась отъ нея тѣмъ, что она, вмѣстѣ съ прусскимъ главенствомъ, отвергала и австрійское господство. Она выставляла своимъ лозунгомъ объединеніе Германіи въ федеративный союзъ нѣмецкихъ государствъ на началахъ автономіи и самоопредѣленія, а опасность войны со стороны Австріи она думала ослабить обязательствомъ, чтобы союзники въ войнѣ никогда не преслѣдовали никакихъ династическихъ цѣлей, а защищали исключительно народные интересы; требованіе — само по себѣ прекрасное, но обращенное къ Бейсту и компаніи, похожее на то, какъ если-бъ стали упрашивать гіену

не осквернять могилъ и не вырывать труповъ, а питаться травой, подобно овцамъ на лугу.

Вслѣдствіе тревожнаго времени, съѣзда членовъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза въ этомъ году не было, но 10-го іюня въ Манигеймѣ состоялось засѣданіе бюро, на которомъ выяснилось, что меньшинство склоняется къ политикѣ дружественной Пруссіи, а большинство раздѣляетъ точку зрѣнія Народной партіи. Затѣмъ многіе жаловались на то, что рабочіе относятся индифферентно къ кружкамъ самообразованія, что огромное большинство членовъ уже давно не дѣлало взносовъ. Дезорганизація нѣмецкаго пролетаріата казалось столь ужасной, что Альбертъ Ланге потерялъ всякую надежду на возможность какой бы то ни было плодотворной работы среди него. Онъ прекратилъ изданіе своего „Boten vom Niederrhein“ и въ послѣднемъ номерѣ этой газеты отъ 29 іюня заявилъ, что онъ все время старался только развить въ рабочихъ стремленіе къ объединенію, сознательное отношеніе къ своему положенію и способность пользоваться своими силами въ интересахъ своего класса. Но теперь массы находятся подъ вліяніемъ другихъ агентовъ, которые преслѣдуютъ иныя цѣли, и которые, повидимому, располагаютъ бо́льшими средствами чѣмъ онъ. Осенью того же года Ланге уѣхалъ въ Швейцарію, откуда онъ потомъ снова вернулся въ Германію, но, къ сожалѣнію, уже смертельно больнымъ человѣкомъ.

Противъ агентовъ съ богатыми средствами поднялъ свой голосъ и „Соціалъ-демократъ“. Но онъ не постѣснялся назвать вещь ея настоящимъ именемъ и указалъ на графиню Гатцфельдъ, какъ на главную виновницу, стоящую за спиной этихъ агентовъ. Она старалась привлечь рабочихъ на свою сторону, обѣщая имъ золотыя горы и покровительство высокопоставленныхъ людей; но Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ не долженъ забывать, что онъ является нѣмецко-демократической партіей, которая свободу цѣнитъ такъ же

высоко, какъ равенство, и которая только черезъ свободу и сможетъ достигнуть равенства. Не желая раскрыть своихъ картъ передъ рабочими, графиня Гатцфельдъ ухватилась за два совершенно постороннихъ обстоятельства; во-первыхъ, за то, что администрація города Лейпцига, гдѣ засѣдалъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ, не согласилась утвердить Тэльке въ должности президента, раньше чѣмъ онъ докажетъ, что обстоятельство, вслѣдствіе котораго онъ былъ лишенъ національной кокарды, не повлекло для него за собою лишенія особыхъ гражданскихъ правъ; во-вторыхъ, она рѣшила воспользоваться тѣмъ, что сліяніе президіума съ секретаріатомъ было нарушеніемъ союзныхъ статутовъ. 12 марта графиня видѣлась съ Тэльке въ Фовинкелѣ, близъ Эльберфельда, и предложила ему совершить „спасительный государственный переворотъ“, а именно, издать циркуляръ, которымъ все, что происходило въ Союзѣ со времени Дюссельдорфскаго съѣзда, сводилось бы къ нулю, и объявить себя прямымъ преемникомъ Лассаля, а Вильмса секретаремъ Союза. За это графиня обѣщала ему добиться утвержденія его въ должности президента лейпцигской полиціей. Тэльке однако остался твердъ и, чтобы отнять у графини всякую возможность къ дальнѣйшимъ интригамъ, онъ 29 марта издалъ постановленіе, которымъ секретаріатъ снова былъ отдѣленъ отъ президіума, и секретаремъ Союза назначилъ Газенклевера. 1-го мая Газенклеверъ долженъ былъ переселиться въ Изерлонъ, мѣсто жительства Тэльке; по вопросу о вознагражденіи между ними состоялось соглашеніе, „не затрагивавшее интересовъ кассы“. Затѣмъ, до своего утвержденія администраціей, Тэльке назначилъ вице-президентомъ гамбургскаго уполномоченнаго Перля.

Все это, разумѣется, не могло нравиться графинѣ Гатцфельдъ. Несмотря на то, что въ своемъ разговорѣ съ Тэльке она выставляла Гильмана главнымъ винов-

никомъ хозяйственной неурядицы, царившей въ Союзѣ, она однако съ ловкостью дипломата сдѣлала его теперь своимъ человѣкомъ, и Гильманъ согласился на эту незавидную роль. Пока выборъ Тэльке не былъ оффиціально утвержденъ, до тѣхъ поръ онъ не могъ въ качествѣ президента издавать обязательныхъ для членовъ Союза распоряженій; единственнымъ правомочнымъ представителемъ Союза оставался все еще Гильманъ, которому франкфуртское общее собраніе поручило руководство первичными выборами, санкціонировавшими назначеніе Тэльке президентомъ; таковы были выводы, къ которымъ пришли Гильманъ, графиня Гатцфельдъ и лейпцигская полиція.

Поведеніе администраціи во всемъ этомъ дѣлѣ было крайне двусмысленнымъ. Пристрастная юстиція прусскаго ноябрьскаго переворота часто лишала національной кокарды самыхъ честныхъ людей, между прочимъ, ея былъ лишенъ и старикъ Циглеръ, который любилъ подшучивать надъ потерей этого драгоцѣннаго украшенія. Но если, съ одной стороны, прусскіе юнкеры умоляли Циглера перестать дразнить ихъ этой глупостью, о которой имъ такъ непріятно вспоминать, то, съ другой стороны, это же обстоятельство не помѣшало какимъ-нибудь мелкимъ провинціальнымъ сошкамъ, вродѣ чиновниковъ лейпцигской полиціи, сдѣлать изъ такого пустяка моральную петлю для Тэльке. Напрасно Тэльке ссылками на ясныя статьи закона доказывалъ, что если-бъ онъ даже когда-нибудь и былъ лишенъ особыхъ правъ, онъ уже давно возстановленъ въ нихъ; лейпцигская полиція требовала непремѣнно удостовѣренія отъ изерлонской администраціи, а бургомистръ Гильсманъ, тайный врагъ Тэльке, конечно, отказывалъ ему въ выдачѣ таковаго. Но это еще не все! Чѣмъ усерднѣе лейпцигская полиція искала сучка въ глазу Тэльке, тѣмъ старательнѣе она обходила бревно въ глазу Гильмана. Дѣло въ томъ, что имущество Гильмана уже около

огда находилось подъ конкурсомъ, вслѣдствіе чего онъ, согласно саксонскимъ законамъ о союзахъ, не имѣлъ права быть даже членомъ политическаго союза, не то что вице-президентомъ. Это странное поведеніе лейпцигской администраціи, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, которое на первый взглядъ, казалось, дѣлало это поведеніе еще болѣе страннымъ: мѣстныя власти находились въ зависимости отъ городского совѣта и городскихъ депутатовъ, которые какъ разъ въ это время поддерживали политику Бисмарка, подобно графинѣ Гатцфельдъ, которая не могла достаточно нахвастаться своимъ вліяніемъ на лейпцигскую полицію.

10 мая Гильманъ совершилъ тотъ самый coup d'état, на который Тэльке не пожелалъ идти. Онъ назначилъ на 20 мая выборы новаго президента въ общинахъ, созвалъ на 3 іюня чрезвычайное общее собраніе въ Барменѣ и произвелъ Вильмса въ секретари Союза, при чемъ онъ не пожалѣлъ красивыхъ словъ для защиты права Вильмса на пособіе, завѣщанное Лассалемъ. На этотъ „государственный переворотъ" Тэльке отвѣтилъ созывомъ бюро въ Гамбургѣ на 21 мая. Поднялась невообразимая сумятица. Хотя старые члены Союза остались вѣрными своему знамени, и президентскіе выборы 20 мая, назначенные Гильманомъ, прошли только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ общинахъ, тѣмъ не менѣе опять обнаружился прискорбный фактъ крайняго ослабленія Союза вслѣдствіе безпорядочнаго веденія его хозяйства. Уже къ 1-му апрѣля пришлось пріостановить ежедневный выпускъ „Соціалъ-демократа" вслѣдствіе непрекращавшихся жалобъ абонентовъ на высокую подписную цѣну, и газета снова начала выходить только три раза въ недѣлю. Въ союзной кассѣ не было ни гроша, несмотря на то, что графиня Гатцфельдъ щедрой рукой сыпала въ нее золото; Тэльке не могъ изъ нея получить денегъ на поѣздку въ Гамбургъ, на созванный имъ съѣздъ бюро. Послѣднее

вообще собралось въ количествѣ недостаточномъ для принятія какихъ-либо рѣшеній; всего собралось 6 пред ставителей отъ Гамбурга и близъ лежащихъ городовъ, такъ, кромѣ Аудорфа и Перля, явились Іоркъ отъ Гарбурга, Деквицъ отъ Бремена, Бракке отъ Брауншвейга, Ферстерлингъ отъ Дрездена.

Изъ Берлина явился въ качествѣ представителя отъ союзнаго органа Швейцеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибыла на съѣздъ и графиня Гатцфельдъ. Теперь она раскрыла свои карты. Она обѣщала помочь Союзу во всѣхъ его затрудненіяхъ и взялась платить жалованье президенту и секретарю изъ своего кармана только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы презид нтомъ былъ выбранъ Гильманъ. Большинство присутствовавшихъ отвѣтило ей словами Ліонеля изъ „Орлеанской дѣвы“: „Madame, идите себѣ домой! Мы думаемъ побѣдить хорошимъ оружіемъ, а не женщинами“. Однако графинѣ удалось привлечь на свою сторону Деквица, а главное, и союзнаго кассира Ферстерлинга. Съ этого момента организація Союза была разстроена постольку, поскольку въ ней не осталось ни одного должностного лица съ неоспоримыми правами на свои полномочія.

При такомъ положеніи дѣлъ Швейцеръ и члены бюро, оставшіеся вѣрными своей организаціи, рѣшили пойти на уступки лейпцигской полиціи. Они полагали, что большинство членовъ ни въ коемъ случаѣ не дастъ себя обмануть слишкомъ ясной игрой графини Гатцфельдъ. Но разъ общее собраніе отказалось выбрать въ президенты креатуру графини, то этимъ лучше всего устранялись всѣ распри. Такъ какъ Тэльке не явился въ Гамбургъ, и съ нимъ вмѣстѣ обсудить дѣло было нельзя, то было рѣшено объявить въ „Соціалъ-демократѣ“ кандидатомъ въ президенты Перля и призывать къ голосованію за него всѣхъ членовъ, не желающихъ отдать судьбы Союза въ руки Гатцфельдъ и ея приверженцевъ Исполняя это порученіе, „Соціалъ-демократъ“ вмѣстѣ съ тѣмъ разъяс-

нялъ рабочимъ всю необходимость для Союза разумной финансово-хозяйственной организаціи, ибо недостойно рабочихъ полагаться на подачки и завѣщанія. Вполнѣ понятно, что при „неслыханной неурядицѣ, царившей въ финансовомъ хозяйствѣ“ Союза, рабочіе не хотѣли вносить въ кассу своихъ грошей; но тѣмъ настоятельнѣе является для нихъ потребность въ хорошей финансовой организаціи. Германское рабочее движеніе не должно разбиться о такое ничтожное препятствіе, котораго не знало ни французское, ни англійское рабочее движеніе.

Энергичный натискъ оказалъ свое дѣйствіе. Графиня Гатцфельдъ и ея послушные манекены старались только выиграть время для новыхъ интригъ; они отложили общее собраніе съ 3 на 17 іюня, а затѣмъ, когда рейнско-вестфальскіе рабочіе въ массѣ своей отвернулись отъ Гильмана, они перенесли съѣздъ изъ Бармена въ Лейпцигъ. Но всѣ ихъ продѣлки и ухищренія ни къ чему не привели. 17-го іюня состоялось третье общее собраніе въ Лейпцигѣ, и на немъ 6082 голосами противъ 3140, поданныхъ за Гильмана, президентомъ на остальную часть года былъ выбранъ Перль. Присутствовало 12 представителей отъ 34 общинъ. Большинство, высказавшееся въ пользу Перля, было бы еще болѣе подавляющимъ, если-бъ желѣзнодорожное сообщеніе съ западомъ не было уже прервано, такъ что изъ всѣхъ рейнско-вестфальскихъ общинъ, которыя на первичныхъ собраніяхъ почти цѣликомъ голосовали за него, на съѣздѣ была представлена одна только барменская. Гильманъ далъ слово подчиниться рѣшенію большинства, за что общее собраніе выразило ему свою благодарность; это однако не помѣшало ему и его сторонникамъ на другой же день начать новыя козни

Борьба изъ-за должности дѣлопроизводителя потеряла свое практическое значеніе, такъ какъ и Газенклеверъ, и Вильмсъ въ качествѣ запасныхъ были

призваны на военную службу. Временно были назначены І. Левинъ въ Гамбургѣ дѣлопроизводителемъ и І. М. Гиршъ въ Эрфуртѣ кассиромъ. Гиршъ былъ управляющимъ виннаго склада, но несмотря на это, онъ сохранилъ всѣ типичныя черты настоящаго пролетарія; его отецъ былъ ткачемъ, самъ онъ просидѣлъ 4 года за ткацкимъ станкомъ и прошелъ всѣ мытарства своего класса, пролетаризованнаго машиннымъ производствомъ, пока случай не бросилъ его въ винную торговлю, гдѣ онъ первое время былъ на побѣгушкахъ.

Такимъ образомъ, временно Союзъ снова былъ поставленъ на ноги и могъ опять думать о политической дѣятельности. Во время продолжительной неурядицы была парализована и дѣятельность „Соціалъ-демократа". Одну изъ своихъ руководящихъ статей о „Габсбургѣ, Гогенцоллернѣ и нѣмецкой соціалъ-демократіи" онъ обрываетъ горькимъ замѣчаніемъ, что пока Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ не вышелъ изъ стадіи раздоровъ и интригъ и не сталъ серьезной и дѣятельной партіей, до тѣхъ поръ смѣшно вести соціалъ-демократическую политику. Сказка о томъ, будто Швейцеръ послѣ своего освобожденія изъ тюрьмы частью въ „Соціалъ-демократѣ", частью въ своихъ рѣчахъ во время своихъ агитаторскихъ разъѣздовъ по всей Германіи, измѣннически рекламировалъ политику Бисмарка, такъ и остается сказкой. За весь іюнь мѣсяцъ онъ три раза высказалъ публично свои взгляды: разъ — на столбцахъ „Соціалъ-демократа" въ номерахъ отъ 6 и 8 іюня, другой разъ—въ докладѣ, прочитанномъ имъ 11 іюня передъ собраніемъ рабочихъ въ 1500 человѣкъ въ Эрфуртѣ, и, наконецъ, въ 3-й разъ— въ одной рѣчи, произнесенной имъ 16-го іюня, наканунѣ общаго собранія въ Лейпцигѣ, — и всѣ три его выступленія свидѣтельствуютъ о его безукоризненной честности и талантѣ.

Статья въ „Соціалъ-демократѣ" разбирала вопросъ о ссудныхъ кассахъ, основанныхъ въ серединѣ мая

прусскимъ правительствомъ, предполагавшимъ выпустить на сумму въ 25 милліоновъ талеровъ акцій, которыя принимались бы по ихъ полной номинальной стоимости всѣми государственными казначействами, но не обладали бы принудительнымъ курсомъ для частныхъ лицъ и учрежденій. Цѣль этихъ кассъ состояла въ „удовлетвореніи потребности въ кредитѣ", которая стала чувствоваться все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ обострялся хозяйственный кризисъ, вызванный политическимъ кризисомъ. Поскольку ссудныя кассы удовлетворяли этой потребности, постольку онѣ являлись, несомнѣнно, опорой бисмарковской политики. Но консервативная и либеральная печать переоцѣнивала значеніе этого учрежденія съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Консервативныя газеты обрисовали дѣло такъ, будто учрежденіе ссудныхъ кассъ является геніальнымъ мѣропріятіемъ со стороны правительства, которое видитъ въ немъ панацею отъ всѣхъ экономическихъ золъ, тяготѣющихъ надъ массой. Либеральная же пресса предостерегала, публику отъ пріема этихъ „фальшивыхъ денегъ", такъ какъ, согласно конституціи, правительство врядъ ли имѣетъ право учреждать кассы ссудъ, а санкціи палаты, необходимой во всякомъ случаѣ, этотъ проектъ никогда не получитъ. Кромѣ того, представители либеральной буржуазіи утверждали, что эти кассы будутъ полезны только крупнымъ капиталистамъ, противъ чего благородные манчестерцы вдругъ возмутились до глубины души.

Противъ этихъ пріемовъ, пущенныхъ въ ходъ справа и слѣва буржуазными партіями, Швейцеръ счелъ своимъ долгомъ публициста выступить съ обличеніемъ шарлатанства и лжи и съ разъясненіемъ въ высшей степени важнаго для массы вопроса о томъ, что дадутъ ей новыя деньги. Онъ изслѣдовалъ прежде всего финансово-техническія условія выпуска новыхъ денегъ и пришелъ къ заключенію, что

этотъ ничего нестоющій клочекъ бумаги можетъ, однако, прекрасно выполнять роль настоящихъ денегъ; что акціи ссудныхъ кассъ—такія же деньги, какъ и прусскія государственныя ассигнаціи. То, что одна бумажка издана на основаніи конституціонныхъ законовъ, а другая вопреки этимъ законамъ, это очень мало тревожитъ коммерческія сферы, которыя больше, чѣмъ какая-либо другая часть общества, принимаютъ во вниманіе только реальный, бьющій въ глаза фактъ, а не доктринерско-теоретическія дискуссіи, въ которыя уже давно выродилась прусская конституціонная борьба. Если дѣла Пруссіи пойдутъ хорошо, то нѣтъ никакой опасности въ пріемѣ кассовыхъ акцій; въ противномъ случаѣ, нѣтъ вообще никакихъ гарантій ни за какія бумаги, ибо въ критическую минуту правительство живо покончитъ со всѣми своими обязательствами.

О самихъ ссудныхъ кассахъ Швейцеръ отозвался въ томъ смыслѣ, что ничего геніальнаго въ этомъ открытіи нѣтъ, а что оно является обычнымъ, давно практикуемымъ правительствами средствомъ для смягченія тяжелыхъ послѣдствій, вызываемыхъ острыми кризисами.

Общаго же экономическаго положенія онѣ не могутъ измѣнить. Въ настоящемъ хозяйственномъ кризисѣ виноваты тѣ, которые въ династическихъ цѣляхъ затѣяли войну; ссудныя кассы не устранятъ кризиса, а только нѣсколько его ослабятъ. Но крупному капиталу эти кассы будутъ на руку лишь постольку, поскольку вообще все въ капиталистическомъ обществѣ идетъ ему на пользу; при этой общей предпосылкѣ, онѣ будутъ служить преимущественно интересамъ мелкой буржуазіи, „только, разумѣется, въ своей единственно возможной при современныхъ условіяхъ и не столь утѣшительной формѣ“. Что касается рабочихъ, то ихъ все равно будетъ эксплоатировать и крупный, и мелкій капиталъ; для нихъ ссудныя кассы полезны лишь постольку, поскольку возможность быть эксплоатируемымъ предпочтительнѣе

перспективы голодной смерти. Если-бъ агитація прогрессистовъ противъ ссудныхъ кассъ могла привести къ прочному установленію бюджетнаго права народныхъ представителей, то рабочіе, несомнѣнно, должны были бы первыми участвовать въ этой борьбѣ; но на такой результатъ нѣтъ ни малѣйшей надежды послѣ того, какъ либеральная буржуазія изъ трусости упустила надлежащій моментъ для рѣшительнаго выступленія.

Докладъ, прочитанный Швейцеромъ 11 іюля въ Эрфуртѣ, трактовалъ о соціализмѣ и частной собственности на землю. Въ самой популярной формѣ Швейцеръ изложилъ сущность поземельной ренты и разсѣялъ химерическія представленія, которыя до сихъ поръ еще властвуютъ надъ умами многихъ аграрныхъ реформаторовъ. Онъ доказывалъ, что только обобществленіе средствъ производства положитъ конецъ тому ужасному злу, которое тяготѣетъ надъ рабочимъ классомъ, благодаря частной собственности на землю Этотъ докладъ принадлежитъ не только къ лучшимъ произведеніямъ Швейцера, но онъ представляетъ собою одинъ изъ шедевровъ соціалистической литературы по аграрному вопросу: съ такой ясностью и полнотой, несмотря на сжатость изложенія, пожалуй, никто еще не разобралъ этого вопроса.

Наконецъ, въ своей лейпцигской рѣчи Швейцеръ изложилъ свой взглядъ на современныя задачи соціалъ-демократической партіи. Онъ резюмировалъ все то, что было высказано по вопросу объ объединеніи Германіи въ „Соціалъ-демократѣ“. Самое ужасное зло онъ видѣлъ въ томъ, что рѣчь идетъ только о господствѣ надъ Германіей либо Пруссіи, либо Австріи, и что третьяго исхода нѣтъ ни для настоящаго момента, ни для болѣе или менѣе близкаго къ намъ будущаго. Молодая рабочая партія, существующая всего нѣсколько лѣтъ, не можетъ по мановенію руки измѣнить положеніе вещей; она можетъ въ эту роковую минуту только кон-

статировать, что если возстаніе народа противъ своей династіи въ настоящее время невозможно, то въ этомъ виноваты либералы, особенно либеральная мелкая буржуазія. Ни прусскій абсолютизмъ, ни удушающее господство Австріи не могутъ плѣнить рабочую партію; она можетъ только приложить всѣ свои силы къ тому, чтобы тѣ уступки, которыя прусское правительство въ своемъ тяжеломъ положеніи вынуждено дѣлать рабочему классу, превратились въ дѣйствительныя, прочныя завоеванія. „Во всемъ прусскомъ государствѣ, а затѣмъ и во всей Германіи, куда только ни проникаетъ наше вліяніе, нужно устраивать массовыя собранія, которыя должны настойчиво, даже угрожающе требовать всеобщаго избирательнаго права, какъ естественнаго неотъемлемаго права народа“. Если же кто-нибудь спроситъ, не должны ли рабочіе все-таки вмѣшаться въ войну между Австріей и Пруссіей, то на это слѣдуетъ отвѣчать: „Нѣтъ, пока еще рано. Но если намъ удастся впредь толкать прусское правительство все дальше и дальше но пути уступокъ, — если обстоятельства сложатся такъ, что нашей операціонной базой можетъ стать только Пруссія, между тѣмъ какъ въ Австріи мы по-прежнему останемся со связанными руками, тогда, и только тогда, наша партія выступитъ не противъ свободы народа, какъ это утверждаютъ намѣренные враги и простодушные болтуны, а противъ австрійскаго правительства и противъ господства нынѣшней союзной системы; тогда всѣ надежды, стремленія и силы сконцентрируются вокругъ прусскаго, а не австрійскаго знамени; тогда мы будемъ желать и стараться, чтобы побѣдили Бисмаркъ и Гарибальди, а не Бенедеки“. Согласно этимъ взглядамъ, общее собраніе на другой же день рѣшило немедленно начать самую энергичную операцію въ пользу всеобщей подачи голосовъ на выборахъ, не только въ германскій парламентъ, но и въ отдѣльные нѣмецкіе ландтаги.

Въ тотъ моментъ, когда это рѣшеніе было принято, судьба нѣмецкаго народа была уже рѣшена.

3. Рабочій классъ послѣ австро-прусской войны.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль положеніе вещей совершенно измѣнилось. Быстрыми ударами прусская армія опрокинула австрійскія военныя силы и войска среднегерманскихъ государствъ, которыя въ рѣшительную минуту стали на сторону Габсбурговъ. Побѣжденныя правительства, включая вѣнское и исключая Карлсруэское, высказали свой нѣмецкій патріотизмъ тѣмъ, что въ поискахъ за помощью бросились въ объятія Бонапарта. Французское вмѣшательство остановило побѣдоносное шествіе прусскихъ штыковъ, и миръ, продиктованный Франціей, былъ заключенъ. Революція сверху сохранила свой специфическій характеръ и въ томъ, что она остановилась на полпути, повинуясь грозному приказу внѣшняго деспота.

Положеніе дѣлъ, такимъ образомъ, осталось неопредѣленнымъ. Австрія отказалась отъ вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ Германія потеряла австрійскія нѣмецкія провинціи. Государства, лежащія къ сѣверу отъ рѣки Майна, образовали союзъ, въ которомъ прусскій царствующій домъ, могущество котораго было значительно усилено присоединеніемъ Шлезвигъ-Голштиніи, Ганновера, курфюршества Гессена, Нассау и Франкфурта, получилъ подавляющую власть надъ множествомъ мелкихъ вассаловъ. Государства же, расположенныя къ югу отъ Майна, — Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и часть герцогства Гессенъ-Дармштадтскаго—остались висѣть въ воздухѣ. Они могли, какъ угодно, либо порознь, либо вмѣстѣ играть роль европейской державы, или вступить въ „Національную коалицію“ съ Сѣверогерманскимъ Союзомъ.

По всему видно было, что такое положеніе вещей ни въ коемъ случаѣ не можетъ долго длиться, и дѣйствительно никто не вѣрилъ въ его прочность.

Правда, объединеніе всей Германіи, включая и нѣмецко-австрійскія провинціи, какъ и раньше, возможно было только путемъ революціи снизу, революціи, которая, послѣ блестящаго успѣха прусскаго оружія, являлась болѣе отдаленной, чѣмъ когда-либо раньше со времени Мартовской революціи 1848 г. Однако съ тѣхъ поръ, какъ Австрія была выброшена изъ Германской имперіи, раздѣльная линія Майна, какъ бы она ни соотвѣтствовала традиціямъ прусскаго дипломатическаго искусства, и какую бы роль она ни играла въ переговорахъ между Бисмаркомъ и Бонапартомъ, потеряла свой прежній измѣннический для Германіи характеръ. При Кениггрецѣ побѣдилъ не прусскій учитель, какъ гласитъ крылатое слово, а Таможенный Союзъ, который въ теченіе 30 лѣтъ до этой войны создалъ огромную область для развитія германской промышленности. Экономическая потребность въ этой области, отъ которой капиталистическое производство каждый день завоевывало все новыя и новыя полосы, явилась той реальной почвой, на которой выросли всѣ стремленія къ національному объединенію. Политическія узы, связавшія эту хозяйственную область съ Австріей, тѣмъ легче могли быть порваны, чѣмъ больше онѣ сковывали ея экономическое развитіе; но тѣмъ труднѣе было разными государственно-правовыми установленіями уничтожить ея внутреннія экономическія связи. Южно-нѣмецкія государства не могли играть роли европейскихъ державъ, равнымъ образомъ, не могли они стать вассальными княжествами Австріи или Франціи, это было бы все равно, что огромному, сросшемуся въ теченіе 30 лѣтъ хозяйственному организму, во цвѣтѣ своихъ юныхъ производительныхъ силъ, раздробиться на тысячу отдѣльныхъ кусковъ, — это была прямо историческая невозможность.

Бисмаркъ понялъ положеніе вещей и сумѣлъ его замѣчательно ловко использовать въ интере-

сахъ своей политики. Онъ какъ разъ въ это время былъ занятъ осуществленіемъ своей программы, которую онъ изложилъ или, будто бы, изложилъ русскому уполномоченному Эверту. „Однихъ подкуплю, на другихъ наведу ужасъ, третьихъ изобью, но въ концѣ концовъ всѣ будутъ въ моихъ рукахъ въ тотъ моментъ, когда я ихъ поведу противъ Франціи". Теперь Бисмаркъ старался укротить жадность короля, котораго раньше нужно было силой тянуть въ войну, но который потомъ сталъ угрожать своему министру отставкой, если тотъ не дастъ ему проглатить по своему старому прусскому обыкновенію столько земли и людей, сколько въ данную минуту находится въ его власти. Какъ для самой Австріи, такъ и для южногерманскихъ государствъ условія мира были самыми легкими; наступательный и оборонительный союзъ, который Бисмаркъ выторговалъ за этотъ миръ, и который пока долженъ былъ остаться секретомъ, былъ для него важнѣе, чѣмъ нѣсколько квадратныхъ миль баварской или швабской земли. Но съ честнымъ маклеромъ Бонапартомъ, который понемногу сталъ требовать „компенсаціи", Бисмаркъ обошелся по нѣмецкой поговоркѣ: „На одного мошенника нужно полтора". Онъ сталъ разыгривать передъ нимъ патріота, стоящаго на стражѣ нѣмецкой чести, конечно, не изъ національныхъ соображеній, совершенно чуждыхъ ему и его королю, а исключительно руководствуясь прекрасно понятыми имъ интересами прусской политики. Онъ по-прежнему все „отсрочивалъ" удовлетвореніе аппетитовъ Бонапарта на нѣмецкія земли, но это было съ его стороны только лишней приманкой, чтобы вѣрнѣе загнать Бонапарта въ ловушку.

Буржуазія, по-своему, тоже поняла положеніе дѣлъ, но опять-таки только по-своему. Еще до начала военныхъ дѣйствій Бисмаркъ распустилъ палату депутатовъ, и на этотъ разъ его игра на національномъ чувствѣ была удачнѣе, чѣмъ въ 1863 г. 3 іюля,

въ тотъ самый день, когда на театрѣ войны происходилъ главный, рѣшительный бой, большинство прогрессистской партіи на выборахъ растаяло, и къ тому еще въ самой этой господствовавшей тогда партіи произошелъ расколъ. Подобно тому какъ отъ старой феодальной партіи отдѣлилась фракція независимыхъ консерваторовъ, которые поняли, наконецъ, что безъ извѣстныхъ уступокъ капитализму нельзя достигнуть опрусенія Германіи, точно такъ же отъ прогрессистской партіи откололась націоналъ-либеральная фракція, которая безъ долгихъ размышленій отказалась отъ политическихъ притязаній буржуазіи, при условіи удовлетворенія матеріальныхъ интересовъ этого класса. Она была глубоко тронута, когда Бисмаркъ внесъ проектъ индемнитета[1] по поводу безконтрольнаго правительственнаго хозяйничанья финансами страны за послѣдніе годы; не понимая или не желая понять, насколько индемнитетъ нуженъ самому правительству, не дѣлая даже никакой попытки къ такому измѣненію статьи 99 конституціи, которое гарантировало бы палатѣ ея бюджетное право, огромное парламентское большинство приняло проектъ индемнитета только для того, чтобы удостоиться обѣщанія короля, что онъ въ подобныхъ случаяхъ всегда будетъ поступать такъ, какъ во время борьбы за конституцію. Вполнѣ правильно оцѣнилъ этотъ родъ индемнитета Вагенеръ, говоря, что онъ не устранилъ правительственнаго произвола, а санкціонировалъ правительственное право.

Было бы еще съ полбѣды, если-бъ изъ этихъ остатковъ прогрессистской партіи, сохранившихъ свое старое наименованіе и старую программу, развивалась хоть, по меньшей мѣрѣ, мелкобуржуазная демократія! Но и объ этомъ не могло быть рѣчи. Прогрессистская пар-

---

[1] Снятіе парламентомъ отвѣтственности съ министровъ, парламентское одобреніе заднимъ числомъ незаконныхъ самовольныхъ дѣйствій министерства. *Прим. перев.*

тія была сплавлена изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ; рядомъ съ мелкобуржуазными демократами сидѣли конституціоналисты, вродѣ Классенъ-Каппельмана, заядлые пруссаки, вродѣ Вальдека и Циглера, безпардонные сикофанты крупнаго капитала, какъ Евгеній Рихтеръ, который, будучи рожденъ для того, чтобы служить приказчикомъ у Блейхредера, по тяготясь неудачнымъ выборомъ профессіи, напалъ на несчастную мысль разыгрывать изъ себя вождя политической партіи. Только одинъ человѣкъ изъ всей старой прогрессистской партіи мыслилъ честно и обладалъ достаточнымъ мужествомъ для того, чтобы держаться независимо отъ власть имущихъ и по-прежнему защищать свои буржуазные идеалы; Іоаннъ Якоби говорилъ словами римскихъ лициніевыхъ законовъ: Contra hostem aeterna auctoritas esto, передъ врагами свободы никогда не умолкнетъ голосъ народа, требующаго своихъ правъ.

На такую жалкую политику, которую вела буржуазія, пролетаріатъ никогда не былъ способенъ. Его великая конечная цѣль не могла измѣниться отъ того переворота, который произошелъ въ условіяхъ нѣмецкой жизни; могла быть рѣчь только объ измѣненіи средствъ къ достиженію этой цѣли. Но и этотъ вопросъ не допускалъ двухъ рѣшеній послѣ того, какъ побѣда Пруссіи оказалась побѣдой реакціи, и борьба за политическую свободу, безъ которой пролетаріатъ не можетъ достигнуть своихъ соціальныхъ цѣлей, стала еще труднѣе, а стало быть, еще необходимѣе. Оставалось только рѣшить вопросъ, какъ можно наиболѣе плодотворно вести освободительную борьбу пролетаріата, на почвѣ ли вновь созданныхъ условій, или внѣ этихъ послѣднихъ? Этотъ вопросъ сводился къ другому: какъ слѣдуетъ оцѣнить совершившіяся событія? Была ли побѣда подъ Кенигтрецомъ заранѣе предрѣшена исторіей, или она являлась простой случайностью, слѣпой удачей авантюристской политики;

былъ ли ею предначертанъ новый путь въ исторіи развитія нѣмецкаго народа, или она завела страну въ тупой уголъ, изъ котораго прежде всего слѣдуетъ найти выходъ? Различныя рѣшенія этого вопроса явились причиной многолѣтней розни въ нѣмецкомъ рабочемъ классѣ, который этимъ заплатилъ послѣднюю дань несчастной германской раздробленности.

Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ рѣшилъ бороться на почвѣ новыхъ условій. Во время самой войны агитація за общеизбирательное право, поднятая по постановленію Лейпцигскаго съѣзда, охватила всю страну. По распоряженію новаго президента, Перля, временно переселившагося въ Берлинъ, прежде всего выступили съ огромными митингами силезскіе члены Союза; въ теченіе первой недѣли іюля собранія происходили въ Эрнсдорфѣ, Дрейсиггубенѣ, Лангенбилау, Петерсвальдау, Штейнзейферсдорфѣ, Штольбергсдорфѣ, Вистъ-Гирсдорфѣ и закончились общесилезскимъ рабочимъ митингомъ въ Вистъ-Вальтерсдорфѣ. Во вторую недѣлю іюля собранія устраивали сѣверно-германскія общины въ Гамбургѣ, Альтонѣ, Килѣ, Пиннебергѣ, Эльмсгорнѣ, Гликштдта тѣ, Итцегоэ, Бременѣ, Гарбургѣ, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Магдебургѣ и Штеттинѣ; этотъ рядъ собраній завершился сѣверо-германскимъ рабочимъ митингомъ, состоявшимся въ Гамбургѣ; съ такими же массовыми собраніями выступили во вторую половину іюля средне-и южно-германскія общины: Лейпцигъ, Тонбергъ, Штетерицъ, Нейштадтъ, Оберкендлеръ, Грюна, Пляуеншеръ-Грундъ, Гроссенгайнъ, Глаухау, Дрезденъ, Лейпцигъ, Боленъ, Наумбургъ, Апольда, Беерфельденъ, Эрфуртъ, Майнцъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Оффенбахъ, Аугсбургъ и Ашъ въ Богеміи; общее собраніе средне- и южногерманскихъ рабочихъ въ Лейпцигѣ заключило эту серію митинговъ; Наконецъ, послѣдовали рейнсковестфальскія общины: Кельнъ, Барменъ, Эльберфельдъ, Ронсдорфъ, Ремшейдъ, Золингенъ, Вальдъ, Вермель-

скирхеръ, Дюссельдорфъ, Герресгеймъ, Гильденъ, Дерендорфъ, Дуисбургъ, Мейдерихъ, Дюнвальдъ, Мюльгеймъ, Альтена, Гагенъ, Изерлонъ, Гэрде и нѣкоторыя другія; общее собраніе рейнско-вестфальскихъ рабочихъ въ Лейпцигѣ закончило въ августѣ всю эту своеобразную и величественную демонстрацію.

Къ тому времени пороховой дымъ успѣлъ разсѣяться настолько, что явилась возможность бросить бѣглый взглядъ на результаты пережитой войны. Лучше всѣхъ другихъ нѣмецкихъ газетъ освѣтилъ вопросъ „Соціалъ-демократъ". Онъ безпощадно бичевалъ омерзительное холопство австрійскаго кабинета и всей мелкой „дипломатической сволочи" передъ Бонапартомъ, но не менѣе жестоко разносилъ въ одномъ номерѣ, трижды конфискованномъ полиціей, агитацію въ пользу майнской раздѣльной линіи, единодушно поднятую газетами „Kreuzzeitung" и „Nationalzeitung". „Если вы потребовали крови и желѣза для того, чтобы постыдное разъединеніе нашего отечества замѣнить еще болѣе позорнымъ раздробленіемъ его, то ясно, что вы не остановитесь передъ безсовѣстнымъ пролитіемъ народной крови въ интересахъ жалкой династіи". Наканунѣ заключенія мира „Соціалъ-демократъ" одинаково высмѣялъ и пруссофобскіе вопли о новой майнской границѣ, и хвалебные гимны въ честь Пруссіи за ея, яко-бы, содѣйствіе объединенію Германіи. „Новая Германія — не та, которая создана майнской раздѣльной линіей... Судя по положенію дѣлъ, южно-германскій союзъ, противопоставленный могуществу вновь созданной сѣверо-германской державы, сможетъ влачить только самое жалкое существованіе, такъ что ни о какомъ серьезномъ сопротивленіи съ его стороны Пруссіи не можетъ быть и рѣчи; скорѣе слѣдуетъ ожидать, что и южныя провинціи неизбѣжно будутъ тяготѣть къ Пруссіи, какъ единственной покровительницѣ мѣстныхъ національныхъ интересовъ. Весь югъ превратился какъ бы въ колонію,

вѣчно стремящуюся къ сліянію съ своей метрополіей. Но если-бъ даже такая оцѣнка значенія майнской границы была ошибочной, то прусское правительство все-таки заслуживало бы не менѣе суроваго осужденія. Ему не смыть съ себя пролитой имъ крови, если въ результатѣ войны не будетъ создано истинно національное государство. Оффиціальный органъ прусскаго правительства требовалъ, какъ исполненія высшаго патріотическаго долга, прекращенія агитаціи въ пользу созданія единаго отечества, которое охватило бы всю страну. „Здѣсь нужно считаться не съ тѣмъ, что пріятно или непріятно прусскому правительству и его „Staatsanzeiger", а только съ неизмѣнными и незыблемыми правами націи. Мы, правда, не получили никакой майнской границы, но мы также не достигли никакого объединенія Германіи. Національная агитація не должна прекратиться до тѣхъ поръ, пока въ сердцѣ Европы не утвердится великая и единая Германія".

Но особенно ярко выступала точка зрѣнія „Соціалъ-демократа" въ его отзывѣ о рѣчи Іоганна Якоби, который въ прусской палатѣ депутатовъ протестовалъ противъ переворота, произведеннаго войной въ германской политической жизни. „Соціалъ-демократъ" полностью напечаталъ эту рѣчь на первой страницѣ (за что, между прочимъ, опять подвергся конфискаціи) и прибавилъ: „Эта рѣчь поистинѣ достойна удивленія. Среди дикаго смятенія и разброда мы слышимъ вдругъ могучій голосъ человѣка, не ослѣпленнаго грандіозностью разыгравшихся на его глазахъ историческихъ событій, не поддавшагося вліянію своей среды, зараженной измѣной и ренегатствомъ, и со старымъ лозунгомъ на устахъ, тѣмъ лозунгомъ, который служилъ ему боевымъ кличемъ въ теченіе всей его многолѣтней жизни, призывающаго насъ къ борьбѣ въ защиту свободы". Но на замѣчаніе Якоби, что его не радуетъ побѣда Пруссіи, что она только отодвинула насъ отъ желанной цѣли—

объединенія и освобожденія Германіи—еще дальше, чѣмъ мы стояли къ ней до войны и при прежнемъ парламентѣ, „Соціалъ-демократъ“ смотрѣлъ какъ на простое недоразумѣніе. Конечно, о прусской побѣдѣ можно пожалѣть потому, что, благодаря ей, первый камень въ зданіи объединенной Германіи положенъ не самостоятельнымъ народнымъ движеніемъ, а династической войной. „Но все же на нашихъ глазахъ совершились крупныя событія, и мы не можемъ повернуть назадъ колесо исторіи. Двѣ нѣмецкихъ державы вступили между собою въ войну за обладаніе нашимъ отечествомъ, побѣда досталась Пруссіи, и отнынѣ есть только одна великая нѣмецкая держава. Конечно, это не то рѣшеніе вопроса, котораго мы хотѣли, но это все же рѣшеніе, ставшее уже фактомъ. А разъ обстоятельства сложились такъ, что борьба шла не между Пруссіей и нѣмецкимъ народомъ, а между Австріей и Пруссіей, то нѣмецкіе либеральные элементы, а въ особенности нѣмецкій рабочій классъ, должны быть рады тому, что пруссаки стояли подъ Вѣной, а не австрійцы подъ Берлиномъ. Поймите, что мы хотимъ сказать: то обстоятельство, что мы очутились между Пруссіей и Австріей, само по себѣ—фактъ глубоко печальный, и въ немъ меньше всего повинна наша молодая, только что основанная рабочая партія. Но разъ вопросъ былъ фактически такъ поставленъ, то лучше, что побѣдила Пруссія, а не Австрія. Что дала бы намъ побѣда Габсбурга? Возобновленіе стараго союза со всѣми его недостатками, съ полнымъ безсиліемъ и безоружностью Германіи въ случаѣ внѣшнихъ столкновеній, съ мелочной до смѣшного внутренней политикой, съ прибавленіемъ іезуитизма, деспотизма и деморализаціи. Мы отлично знаемъ, что и Пруссія не Богъ вѣсть какія блага уготовила намъ, но при ея побѣдѣ у насъ, по крайней мѣрѣ, остается надежда на лучшее будущее, къ осуществленію котораго и должна быть направлена агитаціонная дѣя-

тельность всѣхъ демократическихъ элементовъ Германіи. Нѣтъ, это невѣрно, будто мы стоимъ теперь дальше отъ объединенія Германіи, чѣмъ стояли при прежнемъ Союзѣ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что эта точка зрѣнія вполнѣ соотвѣтствовала тѣмъ взглядамъ, которые господствовали въ рабочихъ массахъ, главнымъ образомъ, въ сѣверныхъ провинціяхъ, но отчасти и въ средне-германскихъ и южно германскихъ государствахъ. Послѣ всѣхъ бѣдствій, перенесенныхъ пролетаріатомъ отъ прежняго союзнаго режима, неудивительно, что этотъ классъ привѣтствовалъ такую перемѣну положенія, которая обѣщала ему хоть нѣкоторое облегченіе, какъ меньшее зло, отрадное лишь постольку, поскольку въ данную минуту нѣтъ ничего лучшаго. Со стороны Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза не раздалось ни одного протеста противъ позиціи, занятой въ этомъ вопросѣ „Соціалъ-демократомъ", но высказывались взгляды, шедшіе въ симпатизированіи Пруссіи еще дальше „Соціалъ-демократа" Газенклеверъ, призванный, какъ ополченецъ на военную службу и квартировавшій въ родовомъ замкѣ принца Аугустенбургскаго, напечаталъ въ одной фленсбургской газетѣ сихотвореніе въ честь „творца объединенной Германіи", Бисмарка, а Тэльке въ цѣломъ рядѣ статей излагалъ проектъ партійной программы, которая прямо ставила своей задачей „объединеніе Германіи подъ скипетромъ Гогенцоллерновъ, при полной политической свободѣ и свободѣ промышленности и торговли". Швейцеръ и здѣсь счелъ нужнымъ высказаться въ самомъ корректномъ тонѣ, какъ это онъ дѣлалъ тогда, когда рабочіе отказались идти въ хвостѣ прогрессистской партіи.

Въ цѣломъ рядѣ статей о „Нашей партійной программѣ" онъ доказывалъ Тэльке, что соціальное требованіе пролетаріата—освобожденіе труда отъ власти капитала—важнѣе всякихъ политическихъ переворо-

товъ Точно также онъ разъяснилъ, что нѣмецкая соціалъ-демократія можетъ требовать разрѣшенія рабочаго вопроса только отъ народнаго правительства, что никогда нѣмецкіе рабочіе не должны стать орудіемъ въ рукахъ властолюбивыхъ юнкеровъ. Побѣда Пруссіи надъ Австріей придала прусскимъ реакціоннымъ элементамъ небывалую до тѣхъ поръ силу и вліяніе; такимъ образомъ, борьба за дѣло свободы должна вестись по-прежнему Въ дѣлѣ же объединенія обстоятельства измѣнились постольку, поскольку они привели къ паденію нѣмецкаго дуализма. „За прусскимъ правительствомъ остается та заслуга, что оно создало ядро національной силы, которое, правда, не является еще залогомъ будущаго могущества и величія, но можетъ, должно стать и непремѣнно станетъ такимъ залогомъ, если нація будетъ дѣлать свое дѣло". Не слѣдуетъ поэтому заблуждаться насчетъ истинныхъ мотивовъ, руководящихъ прусскимъ правительствомъ; нужно всегда имѣть въ виду, что оно руководствуется только своими чисто прусскими интересами, что всѣ его мнимыя заботы объ объединеніи нѣмецкаго народа сводятся лишь къ пустымъ обѣщаніямъ. Но подобная двусмысленная политика имѣетъ и обратную сторону: кое-какія уступки приходится все-таки дѣлать, чтобы совершенно не лишиться довѣрія. Вотъ почему прусское правительство и рѣшилось созвать нѣмецкій парламентъ, выбранный всеобщимъ голосованіемъ; пусть со временемъ отъ этого проекта останутся одни жалкіе обрывки, но даже сѣверо-германскій парламентъ, при всемъ его безсиліи бороться съ могущественнымъ прусскимъ правительствомъ, долженъ быть использованъ рабочимъ классомъ въ интересахъ національнаго дѣла; при извѣстныхъ обстоятельствахъ и этотъ парламентъ можетъ стать силой. Но наша національная задача не можетъ заключаться въ томъ, чтобы вычеркнуть изъ исторіи событіе 1866 г., возстановить старый дуа-

лизмъ или на мѣсто реакціоннаго прусскаго правительства поставить еще болѣе реакціонную австрійскую камарилью.

Центральнымъ пунктомъ, на который слѣдуетъ дѣйствовать, чтобы создать единое нѣмецкое государство, является Берлинъ. „Къ общему центру должны быть притянуты не только южно-германскія государства, но и нѣмецкая Австрія, которая принадлежитъ намъ и останется нашей до тѣхъ поръ, пока въ ней будетъ раздаваться нѣмецкая рѣчь“. Но намъ необходимо именно единое, а не союзное государство. Такая федерація, въ которой одно какое-нибудь государство обладаетъ большей силой, чѣмъ всѣ остальныя вмѣстѣ взятыя, носитъ въ себѣ самой противорѣчіе, которое даетъ себя чувствовать на каждомъ шагу, является открытымъ обманомъ, гораздо болѣе опаснымъ для дѣла свободы, чѣмъ единодержавное государство, потому что правительство наиболѣе могущественнаго союзнаго государства держитъ фактически въ своихъ рукахъ всю власть, въ то время какъ противопоставленныя ему силы народа до крайности разрознены и разбиты. „Можетъ, конечно, случится, что въ какомъ-нибудь маленькомъ заброшенномъ государствѣ свободнѣе дышется, чѣмъ въ главномъ государствѣ,— и это вводитъ многихъ въ заблужденіе, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что все, что говорится и творится въ такомъ глухомъ уголкѣ, не имѣетъ вообще никакого значенія“. Поэтому рабочій классъ долженъ поддерживать прусское правительство противъ всякихъ партикуляристскихъ и габсбурго-династическихъ поползновеній, а главное,—и это онъ долженъ выполнять со всѣмъ пыломъ любви къ своему отечеству—во время конфликтовъ защищать правительство противъ всякихъ внѣшнихъ происковъ и притязаній. Но рабочій классъ долженъ твердо помнить, что онъ имѣетъ дѣло не съ свободолюбивымъ народнымъ правительствомъ и, невзирая ни на какія

льстивыя рѣчи, расточаемыя власть имущими, зорко слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ; стоя вѣчно на стражѣ своихъ интересовъ, пролетаріатъ долженъ твердо держаться принципа всякой истинно народной партіи, формулируемаго словами: „демократическое недовѣріе“.

Къ моменту, когда эта программа Швейцера была опубликована, саксонскіе рабочіе подъ впечатлѣніемъ войны уже объединились на другой программѣ, принятой 19 августа 1866 г. на одномъ „общемъ собраніи саксонской демократической партіи“ въ Хемницѣ. Собраніе состояло исключительно или преимущественно изъ делегатовъ саксонскихъ рабочихъ ферейновъ, изъ которыхъ большинство, какъ Росмэслеръ, Бебель, Либкнехтъ, Кнефель, адвокаты Шрапсъ и братья Фрейтагъ являлись представителями рабочихъ кружковъ самообразованія, а меньшинство было послано дрезденской, лейпцигской, глаубахской, лимбахской и хемницкой общинами Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Послѣ шестичасового совѣщанія была принята платформа, предлагавшая участвовать въ выборахъ въ сѣверо-германскій парламентъ, но только съ той цѣлью, чтобы вести непримиримую борьбу съ положеніемъ, созданнымъ войной, отстаивать великую демократическую идею нѣмецкаго объединенія во всей ея полнотѣ и поднять дѣятельную агитацію за созывъ учредительнаго парламента, на которомъ были бы представлены всѣ нѣмецкія государства включая сюда и нѣмецкую Австрію. Затѣмъ хемницкая программа выставляла слѣдующія требованія: полную демократизацію государства, всеобщее право голоса при выборахъ во всѣ представительныя учрежденія, народное вооруженіе вмѣсто постоянной арміи, свободу печати, союзовъ и собраній, мѣстное самоуправленіе независимый судъ, отдѣленіе школы отъ церкви и церкви отъ государства, реформу народнаго образованія и т. п. Спеціально для пролетаріата программа

требовала освобожденія труда и трудящихся отъ всякаго гнета и кабалы, улучшенія положенія рабочаго класса, свободы передвиженія, свободы промышленности, общегерманскаго права гражданства, государственной помощи профессіональнымъ союзамъ, главнымъ образомъ, производительнымъ товариществамъ, съ цѣлью сгладить противорѣчія между трудомъ и капиталомъ. Всѣ эти требованія съ внѣшней стороны вполнѣ соотвѣтствовали программѣ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, но по существу отличались отъ нея своимъ буржуазно-демократическимъ характеромъ. Подъ общеизбирательнымъ правомъ хемницкая платформа не подразумѣвала еще диктатуры пролетаріата, а государственная помощь производительнымъ товариществамъ не означала еше переворота въ капиталистическомъ способѣ производства. Хемницкая программа дебатировалась подъ предсѣдательствомъ того самаго Росмэслера, который такъ упорно противился программѣ Лассаля, хотя теперь онъ, конечно, оказался настолько честнымъ, что до извѣстной степени призналъ свою неправоту передъ Лассалемъ; новая партія присвоила себѣ названіе Саксонской народной партіи и считала себя вѣтвью Нѣмецкой народной партіи.

Конечно, разъ ядро этой партіи составляли рабочіе, она была гарантирована отъ скандала, приключившагося съ Нѣмецкой народной партіей, которая послѣ своихъ безалаберныхъ съѣздовъ въ Дармштадтѣ и Франкфуртѣ, все-таки сама не знала, чего она собственно добивалась въ національномъ и соціальномъ вопросахъ. Только въ Вюртембергѣ она кое-какъ сорганизовалась, и здѣсь ея швабскій партикуляризмъ расцвѣлъ пышнымъ цвѣтомъ. Такъ, напримѣръ, ея главный органъ, „Stuttgarter Beobachter“ вздумалъ воспользоваться тѣмъ случайнымъ обстоятельствомъ, что въ Веймарѣ ландтагъ вычеркнулъ изъ цивильнаго листа герцога пару тысячъ талеровъ, чтобы „по

долгу своей роли Эккарта"[1] указать южно-германскимъ князьямъ на опасность, угрожающую имъ со стороны Сѣверо-германскаго союза; если-бъ князья рѣшились дѣйствовать заодно съ Нѣмецкой народной партіей и основать конституціонно - милитаристскій Союзъ южно-германскихъ государствъ, то народъ былъ бы имъ такъ благодаренъ, что даже „при его оппозиціонномъ настроеніи, лишеніе трона матеріальной поддержки было бы прямо невозможно". Подобныя иллюзіи насчетъ „тройственнаго союза" не плѣняли, конечно, Саксонской народной партіи. Ея точка зрѣнія вполнѣ опредѣлялась слѣдующими программными тезисами: „Превращеніе Германіи въ единое демократическое государство. Никакой наслѣдственной центральной власти,—никакой „Малогерманіи" подъ главенствомъ Пруссіи, никакого расширенія Пруссіи на счетъ другихъ государствъ, никакой „Великопруссіи" подъ австрійскимъ господствомъ, никакихъ тройственныхъ союзовъ. Противъ всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ династически-партикуляристскихъ тенденцій, ведущихъ только къ раздѣленію страны, порабощенію ея чужеземнымъ государствомъ, демократическая партія должна бороться самымъ рѣшительнымъ образомъ" Принципіально эта точка зрѣнія совпадала съ той, на которой стоялъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ. Обѣ партіи расходились только въ вопросѣ о томъ, требуютъ ли событія 1866 г. измѣненія тактики, или нѣтъ Хемницкая программа давала на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ, между тѣмъ какъ „Соціалъ-демократъ" рѣшалъ его въ положительномъ смыслѣ.

Члены Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, участвовавшіе въ обсужденіи хемницкой программы, давали отчеты о собраніи въ союзномъ органѣ, который въ нѣсколькихъ редакціонныхъ примѣчаніяхъ совѣтовалъ

[1] Эккартъ Вѣрный — фигура мифическая. По народному вѣрованію, онъ шествуетъ впереди войска и предостерегаетъ дѣтей. Роль Эккарта — роль предостерегателя. *Прим. перев.*

относиться къ этимъ сообщеніямъ „съ осторожностью"; кто искренно преданъ интересамъ рабочаго класса, тотъ можетъ просто примкнуть къ соціалъ-демократической партіи. Однако, до серьезныхъ столкновеній дѣло не дошло. Обѣ организаціи могли прекрасно ужиться рядомъ. Хотя саксонское королевство является колыбелью соціалистическаго рабочаго движенія, однако здѣсь, при всемъ расцвѣтѣ промышленности этой страны, движеніе развивалось далеко не такъ интенсивно, какъ въ Гамбургѣ и Рейнской Вестфаліи. Было бы фактически невѣрно объяснить это явленіе, яко бы, пруссофильскимъ и сектантскимъ характеромъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, будто бы, отталкивавшимъ отъ него слишкомъ развитыхъ саксонскихъ рабочихъ; какъ разъ къ этому времени дѣйствительно пруссофильская и дѣйствительно сектантская форма нѣмецкаго рабочаго движенія, ортодоксальное лассальянство графини Гатцфельдъ, свило себѣ гнѣздо, именно въ Саксоніи, гдѣ оно нашло самую благодарную почву для своего развитія. Гораздо ближе къ истинѣ будетъ противоположное мнѣніе, въ пользу котораго говорятъ и нѣкоторыя другія явленія, а именно, что, съ одной стороны, въ Саксоніи здоровый буржуазный радикализмъ былъ еще настолько силенъ, что могъ привлечь подъ свое знамя наиболѣе прогрессивные слои рабочаго класса, съ другой — значительная часть саксонскаго пролетаріата, та, которая занята въ домашней промышленности, была еще сравнительно мало развита.

Если это предположеніе соотвѣтствовало истинѣ, то слѣдуетъ признать отраднымъ явленіемъ то, что демократическіе элементы саксонскаго пролетаріата организовались на почвѣ такой программы, которая по своему содержанію была уже цѣликомъ проникнута пролетарскимъ духомъ, и которой нужно было только сбросить съ себя буржуазную оболочку для того, чтобы слиться съ программой Всеобщаго Германскаго Рабо-

чаго Союза. Съ тактикой замалчиванія національнаго вопроса пришлось примириться, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, такъ какъ взгляды хемницкой программы, несомнѣнно, соотвѣтствовали воззрѣніямъ саксонскихъ, какъ и многихъ среднегерманскихъ и южногерманскихъ рабочихъ круговъ. Подозрительно было только то, что Саксонская народная партія, сознавая, что сама она не въ состояніи совершить великой нѣмецкой революціи, искала сближенія съ Нѣмецкой народной партіей, съ которой она въ сущности не имѣла ничего общаго, кромѣ чисто отрицательнаго свойства — ненависти къ Пруссіи, ненависти, которая, между прочимъ, вытекала у той и другой партіи изъ совершенно различныхъ источниковъ; у Саксонской партіи, главнымъ образомъ, изъ ея революціоннаго демократическаго направленія и у Нѣмецкой народной партіи изъ ея партикуляристской мелочности и т. п. причинъ, побуждавшихъ ее скрывать свои темныя цѣли подъ маской велико-нѣмецкой программы. Но къ лозунгамъ, выдвинутымъ Зоннеманномъ и подобными ему врагами сознательнаго пролетаріата, члены Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза питали столько же рѣшительное, сколько и справедливое отвращеніе.

Черезъ двѣ недѣли послѣ хемницкаго съѣзда состоялся первый конгрессъ Интернаціонала. Онъ засѣдалъ въ Женевѣ, гдѣ Іоганнъ Филиппъ Беккеръ создалъ центръ организаціи нѣмецкой секціи и съ 1866 г. издавалъ на нѣмецкомъ языкѣ ежемѣсячный журналъ „Vorbote“, который являлся центральнымъ органомъ секціи. Въ Германіи союзъ еще тогда имѣлъ лишь нѣсколько небольшихъ секцій въ Силезіи, Саксоніи, Шлезвигъ-Голштиніи, на Рейнѣ. Въ общемъ конгрессъ, засѣдавшій въ теченіе первой недѣли сентября, былъ представленъ 60 делегатами, среди которыхъ было трое отъ Германіи, 7 отъ Англіи, 7 отъ Франціи; большинство, какъ этого слѣдовало ожидать, состояло изъ швейцарскихъ представителей.

Генеральный Совѣтъ былъ представленъ Оджеромъ, Эккаріусомъ и часовщикомъ Юнгомъ; изъ нихъ предсѣдателемъ конгресса былъ выбранъ Юнгъ. Программа и статуты Интернаціонала съ незначительными измѣненіями были окончательно приняты конгрессомъ, при чемъ предложеніе французскихъ делегатовъ о допущеніи въ Союзъ однихъ только ремесленниковъ было отвергнуто огромнымъ большинствомъ. Однако подробное изложеніе дебатовъ, происходившихъ на конгрессѣ, принадлежитъ исторіи Интернаціонала; здѣсь мы должны ограничиться лишь тѣми постановленіями его, которыя вносили въ общую освободительную борьбу интернаціональнаго пролетаріата единыя идеи, и въ которыхъ, безспорно, лежитъ центръ тяжести всего, что сдѣлано конгрессомъ.

Постановленіе объ учрежденіи общей статистики положенія современнаго рабочаго класса было, конечно, одобрено, лишь какъ полезное предпріятіе, имѣющее извѣстную научную цѣнность. О кооперативныхъ организаціяхъ конгрессъ вынесъ резолюцію въ духѣ „Торжественнаго Адреса“: онѣ важны постольку, поскольку онѣ показываютъ обществу, что производство можетъ обойтись безъ угнетенія труда капиталомъ, но опрокинуть весь капиталистическій строй въ его цѣломъ онѣ не въ состояніи. А для того, чтобы онѣ не выродились въ буржуазныя, чисто коммерческія предпріятія, конгрессъ рекомендовалъ кооперацiямъ часть доходовъ превратить въ фондъ въ цѣляхъ пропаганды, а общую сумму прибыли дѣлить поровну между всѣми, занятыми въ данномъ производствѣ рабочими, безразлично, состоятъ ли они акціонерами или нѣтъ; какъ чисто временную мѣру, предлагалось на первыхъ порахъ выдавать за участіе въ дѣлѣ акціонерамъ небольшой процентъ.

Самыми важными были резолюціи Женевскаго конгресса о законодательной охранѣ труда и о профессіональныхъ союзахъ, объ этомъ орудіи пролетарской осво-

бодительной борьбы, значеніе котораго переоцѣнивается англійскими рабочими и недооцѣнивается французскими и нѣмецкими рабочими. Конгрессъ призналъ необходимость для рабочаго класса добиваться законодательной защиты труда. „Осуществляя такіе законы, рабочіе этимъ вовсе не поддерживаютъ господствующій режимъ. Наоборотъ, они превращаютъ существующую власть, въ настоящее время направленную противъ нихъ, въ орудіе для собственныхъ цѣлей". Однимъ общимъ закономъ они достигаютъ того, чего изолированной борьбой отдѣльныхъ лицъ безполезно было бы добиваться. Ограниченіе рабочаго дня конгрессъ призналъ первымъ условіемъ, котораго рабочіе должны добиться, безъ котораго всѣ ихъ дальнѣйшія стремленія къ своему освобожденію осуждены на неудачу. Оно необходимо для возстановленія физическаго здоровья рабочаго класса, для предоставленія ему досуга, который пролетаріатъ могъ бы употребить на свое умственное развитіе, на участіе въ общественной жизни и политической дѣятельности страны. За законодательную норму рабочаго дня конгрессъ предлагалъ принять 8 часовъ, которые должны занимать опредѣленную часть дня такимъ образомъ, чтобы этотъ періодъ включалъ въ себя и рабочіе часы, и перерывы для завтрака и обѣда. Законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ долженъ распространяться на всѣхъ совершеннолѣтнихъ рабочихъ обоего пола, считая совершеннолѣтіе съ конца 18 года.

Ночная работа должна быть въ принципѣ запрещена; исключенія, вызываемыя необходимостью, должны быть установлены закономъ. Ночная работа женщинъ запрещается безусловно; кромѣ того женщина должна быть устранена отъ всякихъ работъ, опасныхъ для ея организма или оскорбляющихъ ея нравственное чувство.

Въ тенденціи современной индустріи притянуть къ участію въ общественномъ производствѣ молодежь обоего пола конгрессъ усмотрѣлъ закономѣрное про

грессивное явленіе, какъ бы ни была отвратительна та форма, которую это явленіе приняло подъ господствомъ капитала. Въ нормальномъ общественномъ строѣ каждый ребенокъ, достигшій 9 лѣтъ, долженъ стать производительнымъ работникомъ, подобно тому, какъ каждый взрослый человѣкъ обязательно долженъ подчиняться естественному закону: работать для того, чтобы ѣсть, и работать не только мозгами, но и руками. Въ современномъ обществѣ было бы раціонально дѣлить молодежь на три категоріи: на дѣтей въ возрастѣ 9—12 л., затѣмъ на подростковъ 13—15 л. и, наконецъ, на юношей и дѣвицъ 16 и 17 лѣтъ; каждую категорію, соотвѣтственно ея возрасту, слѣдуетъ обставлять различными условіями труда. Рабочее время первой группы должно ограничиваться 2 часами, второй — 4, третьей — 6, при чемъ третьей категоріи долженъ быть обязательно предоставленъ перерывъ для обѣда и отдыха minimum въ 1 часъ. Однако производительный трудъ дѣтей допустимъ только въ томъ случаѣ, когда онъ соединенъ съ образованіемъ, подъ чѣмъ слѣдуетъ подразумѣвать: умственное и физическое развитіе и техническое воспитаніе, которое давало бы подрастающему поколѣнію обоего пола общія научныя свѣдѣнія о всѣхъ процессахъ производства и на практикѣ знакомило бы ихъ съ дѣйствіемъ элементарныхъ орудій, примѣняемыхъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности.

Дѣятельность профессіональныхъ союзовъ Женевскій конгрессъ призналъ не только правильной, но прямо необходимой. Они даютъ возможность пролетаріату противоставить соціальной власти, сконцентрированной въ рукахъ капиталистовъ, единственную соціальную силу, которой онъ самъ обладаетъ, именно, свою численность. Пока существуетъ капитилистическій способъ производства, до тѣхъ поръ отъ устройства профессіональныхъ союзовъ ни въ коемъ случаѣ нельзя отказаться; скорѣе слѣдуетъ расширять ихъ и

объединеніемъ пролетаріата различныхъ странъ распространить ихъ дѣятельность на весь промышленный міръ. Выступая сознательно противъ одолѣвающаго все и всѣхъ могущества капитала, союзы невольно становятся центрами организаціи рабочаго класса, подобно тому, какъ средневѣковая коммуна становилась ядромъ, вокругъ котораго группировался весь классъ буржуазіи. Постоянная партизанская война между трудомъ и капиталомъ дѣлаетъ профессіональные союзы еще болѣе могущественнымъ орудіемъ для уничтоженія наемнаго труда. До сихъ поръ рабочіе союзы ограничивались исключительной экономической борьбой съ капиталомъ, въ будущемъ они должны принимать дѣятельное участіе въ соціально-политическомъ движеніи своего класса. Они только тогда станутъ популярными въ широкой массѣ пролетаріата, когда эта масса убѣдится въ томъ, что они преслѣдуютъ не узко-эгоистическія цѣли, а ставятъ своей задачей общее освобожденіе многомилліоннаго рабочаго класса отъ гнета капитализма.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ по всей Европѣ носилось еще гулкое эхо грома войны, начавшей собою новую эру, эру „крови и желѣза“, первые интернаціональные союзы современнаго пролетаріата прокладывали вѣрный и широкій путь къ освобожденію всего человѣчества.

4. Первый опытъ всеобщаго избирательнаго права.

При всемъ своемъ грандіозномъ успѣхѣ Бисмаркъ однако не могъ взять обратно разъ выпущенный имъ козырь всеобщаго избирательнаго права. Ему необходимо было подпустить въ свою политику хоть немного демократическаго елея для того, чтобы помазать себя передъ всей Европой на роль вершителя нѣмецкой національной воли и устранить непріятный скрипъ дверей, черезъ которыя сѣверогерманскіе средніе и мелкіе князьки должны были пройти въ храмъ единой Германской имперіи.

Кромѣ того, онъ не безъ основанія разсчитывалъ на то, что подъ впечатлѣніемъ побѣдоносной войны всеобщее избирательное право дастъ ему еще болѣе покладистый парламентъ, чѣмъ тотъ, который онъ имѣлъ теперь въ лицѣ прусской палаты депутатовъ. Эти достойные народные представители раздѣляли взгляды Бисмарка и старались обезпечить себя тѣмъ, что еще больше урѣзывали прерогативы сѣверогерманскаго рейхстага, чѣмъ это хотѣлъ дѣлать самъ Бисмаркъ; они отмѣнили его право утверждать и не утверждать законы и оставили ему только право высказывать свои „соображенія", предоставивъ ландтагамъ отдѣльныхъ государствъ право Veto относительно постановленій рейхстага. Бисмаркъ, конечно, согласился на это съ большимъ удовольствіемъ. Это развязывало ему руки по отношенію къ сѣверогерманскому рейхстагу, и, какъ умный политикъ, онъ зналъ, что разъ правительства столкуются съ парламентомъ, выбраннымъ всеобщимъ голосованіемъ, относительно конституціи Сѣверогерманскаго Союза, то цензовые представители отдѣльныхъ государствъ ничего тутъ не подѣлаютъ.

Для рабочаго класса рѣчь могла идти о томъ, есть-ли возможность использовать, какъ орудіе для своихъ интересовъ, всеобщее, равное и прямое избирательное право съ тайной подачей голоса, въ томъ видѣ, въ ка омъ оно дано Бисмаркомъ. „Соціалъ-демократъ" указывалъ на то, что безоружный сѣверогерманскій рейхстагъ, не имѣющій никакой надежды сконцентрировать вокругъ себя революціонныя народныя силы, поставленъ лицомъ къ лицу съ могущественнымъ правительствомъ, которое только что вышло побѣдителемъ изъ внѣшней и внутренней войны, и въ распоряженіи котораго находится огромная армія и другія средства сильнаго государства. Врядъ ли найдется какой-нибидь парламентъ, до такой степени лишенный всякой реальной силы, какъ этотъ. И несмотря на это,

рабочіе должны участвовать въ выборахъ, во-первыхъ, потому, что изъ простого ничего неделанія, изъ безучастнаго наблюденія событій ничего вообще не можетъ выйти, во-вторыхъ, потому, что въ высшей степени важно, чтобы требованія рабочихъ предъявлялись всегда правильно функціонирующей государственной организаціей, которая уничтожила бы систему замалчиванія и науськиванія противниковъ, въ третьихъ, потому, что тѣ обстоятельства, которыя дѣлаютъ парламентъ безсильнымъ, могутъ все-таки измѣниться, несмотря на то, что сейчасъ это кажется невѣроятнымъ. Такимъ образомъ, пароль долженъ быть данъ: выбирать, и не только выбирать, но предварительно энергично подготовляться къ этимъ выборамъ.

Въ этой предвыборной агитаціи принялъ дѣятельное участіе и Швейцеръ. Объявленная послѣ войны амнистія освободила его отъ всѣхъ послѣдствій тяготѣвшаго надъ нимъ приговора и цѣлаго ряда новыхъ обвиненій. Оковы спали съ его рукъ, и онъ дѣятельно принялся за дѣло. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ общины Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза были закрыты полиціей, какъ напр., въ Берлинѣ, онъ основывалъ соціалъ-демократическіе союзы; для поддержки союзной кассы онъ устроилъ въ извѣстномъ отелѣ „Unter den Linden" рядъ чтеній съ платой за входъ въ 1 талеръ и прочелъ 6 лекцій о капиталѣ и трудѣ, на которыхъ присутствовала многочисленная публика изъ различныхъ буржуазныхъ круговъ. Но эти и подобныя имъ средства были каплей въ морѣ нужды рабочихъ организацій. Такъ какъ наиболѣе тяжелымъ бременемъ разорительныя послѣдствія войны легли на плечи рабочаго класса, о какихъ-нибудь крупныхъ затратахъ на выборную агитацію не могло быть и рѣчи. Для реорганизаціи Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза время было самое неблагопріятное; къ тому же еще съ неослабной энергіей продолжала свои козни и графиня Гатцфельдъ. Она объявила выборы Перльса президентомъ

недѣйствительными, такъ какъ онъ выбранъ съѣздомъ, а не первичными собраніями членовъ Правда, противъ нея говорилъ ясный и точный смыслъ партійнаго устава, но ей ничего не стоило разными искусными хитросплетеніями извратить снова уставъ въ желательномъ ей смыслѣ. Теперь заниматься раскапываніемъ всѣхъ ея толкованій и комментаріевъ было бы напрасной тратой времени; главное—графинѣ нужно было непремѣнно посадить на президентское мѣсто свою креатуру, а для этой цѣли у нея, къ сожалѣнію, были еще болѣе дѣйствительныя средства, чѣмъ ея схоластическое искусство, которому могъ бы позавидовать любой ортодоксальный теологъ.

Ея сила основывалась на томъ ореолѣ, которымъ она была окружена въ глазахъ многихъ рабочихъ, какъ старый другъ Лассаля и, яко бы, вѣрная толковательница его воли, да еще на ея туго набитомъ карманѣ, при посредствѣ котораго ей удалось привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ вліятельныхъ агитаторовъ, стоявшихъ въ центрѣ движенія; таковы: Гильманъ на Рейнѣ, Ферстерлингъ въ Саксоніи, Флоріанъ Пауль въ Силезіи и отдѣльные члены въ Гамбургѣ. При ихъ помощи была брошена въ рабочія массы и одобрена ими такая выборная программа, которая въ своей ортодоксальной преданности буквѣ лассалевскаго ученія была наполовину утопически-революціонной, наполовину узко-національной и въ своемъ конечномъ практическомъ выводѣ — „черезъ единство къ свободѣ"—была, какъ двѣ капли воды, похожа на программу националъ-либераловъ. Теперь графиня надѣялась, что на очередномъ съѣздѣ, назначенномъ Перлемъ на 27 декабря въ Эрфуртѣ, ей удастся, наконецъ, достигнуть своей цѣли и провести на президентскихъ выборахъ Ферстерлинга.

Однако четвертое общее собраніе показало, что старая организація Союза еще крѣпка и непоколебима; 12 делегатовъ, отъ 26 общинъ, между ними

Аудорфъ, Эльнеръ, Тэльке и не помышляли о томъ, чтобы плясать по дудкѣ графини.

Изъ оруженосцевъ графини на съѣздъ явилось 6 человѣкъ, между ними Ферстерлигъ и Деквицъ. Они сразу увидѣли, что ихъ игра проиграна и отказались представить для провѣрки свои мнимые мандаты отъ Бремена, Гамбурга, Дрездена и Хемница, заявляя, что Перль вообще не имѣетъ никакого права созывать общее собраніе. Графиня Гатцфельдъ сама появилась въ Эрфуртѣ, и Швейцеръ еще до собранія съѣзда вступилъ съ нею въ мирные переговоры, въ которыхъ онъ пошелъ на серьезныя уступки ея притязаніямъ. Онъ согласился на то, чтобы президентъ и впредь не получалъ никакого содержанія, и чтобы жалованье секретаря было установлено въ 400 талеровъ, какъ во времена Лассаля; пущеная графиней въ оборотъ платформа была, благодаря стараніямъ Швейцера, принята съѣздомъ, лишь съ нѣкоторыми необходимыми, даже существенными поправками. Тогда 12 делегатовъ и 6 приверженцевъ графини собрались на частное совѣщаніе, на которомъ Аудорфъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы президентскіе выборы, въ которыхъ должна участвовать и оппозиція, послѣ провѣрки ея пономочій, подлежали еще утвержденію или кассаціи общихъ собраній всѣхъ членовъ Союза. Послѣ продолжительнаго совѣщанія Ферстерлингъ и его товарищи отправились съ этимъ проектомъ къ графинѣ, но не возвращались до полуночи; тогда общее собраніе выбрало президентомъ Перля, секретаремъ Аудорфа и кассиромъ І. М. Гирша. Такъ какъ выборъ Ферстерлинга президентомъ заранѣе исключался, то графиня не шла ни на какія уступки.

Тактика, предложенная съѣзду Швейцеромъ, была безусловно слишкомъ рискована. Она стоила „Соціалъ-демократу" сотрудничества послѣдняго „стараго соціалиста", который до сихъ поръ оставался ему вѣрнымъ; Мозесъ Гессъ отвергъ эрфуртскую предвы-

борную платформу. И въ самомъ дѣлѣ, первое положеніе ея, устранявшее всякую федерацію, всякіе государственные союзы и выраженіе желан я объединить всѣ нѣмецкія народности въ единую тѣсно сплоченную государственную организацію, и черезъ это единство идти къ свободѣ, имѣло какую-то подозрительную силу для разныхъ, такъ называемыхъ, „друзей“ рабочаго класса, которые въ этомъ „кардинальномъ вопросѣ“ хотѣли слиться съ пролетаріатомъ. Они готовы были также „въ существенныхъ чертахъ“ принять и остальные пункты платформы—всеобщее избирательное право вмѣстѣ съ діетами для депутатовъ всѣхъ нѣмецкихъ парламентовъ, обезпеченіе народныхъ правъ и народной свободы, рѣшающій, а не только совѣщательный голосъ для сѣверогерманскаго рейхстага, свободу ассоціацій для рабочихъ по принципу Лассаля, съ цѣлью проложить путь къ рѣшенію соціальнаго вопроса; самое большее, чего они могли требовать, — это развѣ то, чтобы не особенно спѣшили съ лозунгомъ государственной помощи рабочимъ союзамъ. Конечно, нѣкоторая опасность въ этомъ, несомнѣнно, была, какъ было вообще мало отраднаго въ томъ, что молодая рабочая партія вступила въ свою первую предвыборную кампанію подъ флагомъ сомнительнаго достоинства.

Но Швейцеръ видѣлъ еще большую опасность въ возбужденіи наканунѣ выборовъ дискуссіи изъ-за программныхъ вопросовъ, которая вовлекла бы пролетаріатъ въ братоубійственную войну и разстроила его ряды передъ первой избирательной борьбой. Разъ графиня Гатцфельдъ была связана своей собственной программой, то нечего было бояться махинацій буржуазныхъ партій, которыя могли воспользоваться этой программой въ своихъ цѣляхъ; ихъ планы рушились бы о стойкое сопротивленіе дисциплинированнаго ядра Союза. Но сверхъ того, Швейцеръ далъ рабочимъ правильный совѣтъ — поставить вопросъ объ отношеніи буржуазіи къ эрфуртской предвыборной плат-

формѣ на второмъ мѣстѣ, въ первую же голову выдвинуть передъ своими буржуазными друзьями вопросъ о томъ, намѣрены ли они защищать интересы пролетаріата, какъ класса, или нѣтъ, и въ случаѣ уклончиваго отвѣта тотчасъ же повернуться къ нимъ спиною.

Къ счастью, довѣріе, которое питалъ Швейцеръ къ здравому смыслу рабочихъ, вполнѣ оправдалось. На дѣлѣ ничего дурного изъ эрфуртской выборной программы не вышло; съ другой стороны, она совершенно парализовала на время выборовъ агитацію графини Гатцфельдъ. Ея досада по этому поводу выразилась въ томъ недостойномъ поступкѣ ея, что въ обоихъ избирательныхъ округахъ, въ которыхъ Швейцеръ съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ выставилъ свою кондидатуру, она, къ великому удовольствію прогрессистскихъ и реакціонныхъ противниковъ рабочихъ, старалась подорвать эти шансы. Въ Эльберфельдъ Барменѣ она натравила на Швейцера Гильмана и наводнила избирательный округъ напечатаннымъ въ Женевѣ памфлетомъ, содержавшимъ въ себѣ нелѣпыя обвиненія противъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза; въ Рейхенбахъ-Нейродѣ ея агенты вели открытую агитацію противъ Швейцера въ пользу ландрата Олеаріуса. Швейцеру это, положимъ, мало повредило, но графиня Гатцфельдъ потеряла, благодаря этому, послѣднюю тѣнь уваженія, которымъ она пользовалась среди рейнскихъ и силезскихъ рабочихъ.

Вслѣдствіе ея интригъ Всеобщему Германскому Рабочему Союзу пришлось вступить въ избирательную борьбу почти неподготовленнымъ, голыми руками преодолѣвать всѣ препятствія, которыя ставила ему правительственная власть, и всѣ тѣ тысячи мелкихъ, незримыхъ, но тѣмъ болѣе опасныхъ загражденій; которыя воздвигала противъ него плутократія. Рабочіе старались своей агитаціонной энергіей наверстать недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Крайне поздно правитель-

ство назначило день выборовъ на 12 февраля 1867 г. и въ нѣсколько недѣль разыгралась рѣшительная избирательная борьба. Наибольшій относительный успѣхъ соціалъ-демократія имѣла въ горнопромышленномъ округѣ, гдѣ за нее было подано 18000 голосовъ. Въ Альтонѣ-Изерлонѣ было подано 1124 голоса за Газенклевера, въ Гагенѣ 1589 голосовъ за доктора Рейнке, который своей самоотверженной дѣятельностью пріобрѣлъ сильную любовь рабочихъ, и которому его гуманный образъ мыслей замѣнилъ убѣжденія соціалиста. Риттинггаузенъ, который былъ еще одержимъ склонностью къ до-мартовскому утопическому соціализму и въ непосредственномъ народномъ законодательствѣ видѣлъ единственное орудіе для водворенія соціалистическаго строя, получилъ въ Кельнѣ 1095 голосовъ, Швейцеръ въ Дюссельдорфѣ—664, портной Шобъ въ Мюльгеймѣ на Рейнѣ—1059, заводскій рабочій Бэмъ въ Дуисбургѣ—1686, Мартини въ Золингенѣ—1437, Аудорфъ въ Леннепъ-Меттманѣ 4034 и Швейцеръ въ Эльберфельдъ-Барменѣ 4668 голосовъ.

Въ Эльберфельдъ-Бартенѣ Швейцеръ состязался съ Бисмаркомъ, какъ консервативнымъ кандидатомъ, и съ президентомъ прусской палаты депутатовъ, Форкенбекомъ, какъ съ соперникомъ изъ либеральнаго лагеря. 70% всѣхъ правомочныхъ избирателей приняло участіе въ этой кампаніи, за которой вся Германія слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ. Ругательства, которыми осыпала Швейцера вся консервативная и либеральная печать, превосходили всякую мѣру; не только выкапывались и размалевывались до отвращенія всѣ грѣхи его молодости, но его прямо называли воромъ и мошенникомъ. И вся гадость его буржуазныхъ противниковъ была еще превзойдена клеветническими нападками графини Гатцфельдъ и ея прихвостней. Но Эльберфельдъ-Барменскіе рабочіе не дали себя одурачить; они прямо заявили: „Мы будемъ выбирать Швейцера, если-бъ онъ даже былъ первымъ

разбойникомъ въ мірѣ". Они отлично знали, почему ихъ кандидатъ подвергается такимъ нападкамъ. Гильманъ, который въ теченіе 2 лѣтъ былъ любимѣйшимъ агитаторомъ рейнскихъ провинцій, получилъ въ качествѣ противника соціалъ-демократическаго кандидата всего 52 голоса. Побѣда, конечно, не могла остаться за рабочими; Швейцеръ не дошелъ даже до перебаллотировки, такъ какъ Бисмаркъ получилъ 6523, а Форкенбекъ 6123 голоса.

Послѣ рейнскихъ провинцій наибольшій успѣхъ соціалъ-демократическая выборная агитація имѣла въ сѣверозападной Германіи. Перль въ обоихъ округахъ города Гамбурга вмѣстѣ получилъ 3223 голоса, Іоркъ въ Гарбургѣ — 3660, саксонскій писатель Вальстеръ въ Браушвейгѣ—2267 голосовъ. Кромѣ этихъ 9000 голосовъ, Силезія подала за соціалъ-демократовъ 4000 голосовъ, изъ которыхъ 3109 въ Рейхенбахъ-Нейродѣ получилъ Швейцеръ и 891 голосъ—въ Вальденбургѣ старый дѣятельный членъ Союза, ткачъ Генрихъ Шнабель.

Въ королевствѣ Саксонскомъ получили: Виркертъ, въ городѣ Лейпцигѣ и Фрицше въ лейпцигскомъ округѣ каждый, приблизительно, по 1000 голосовъ,— Виркертъ немного больше, Фрицше нѣсколько меньше. Кромѣ того, Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ собралъ въ Саксоніи еще 6000 голосовъ: 800 въ Дрезденѣ, 1300 въ Хемницѣ и 3081 во Фрейбергѣ, но они сгруппировались почти исключительно около сторонниковъ графини Гатцфельдъ. Изъ кандидатовъ Саксонской народной партіи побѣдили: Бебель въ Глаухау-Мееранѣ и Шрапсъ въ Цвиккау-Криммичау, оба лишь на перебаллотировкѣ. Либкнехтъ тогда еще потерпѣлъ пораженіе въ Штольбергъ-Шнееберге, вѣроятно, потому, что былъ лишенъ возможности лично принимать участіе въ выборной агитаціи; первые шаги политики „нѣмецкаго объединенія" стоили ему свободы, какъ разъ во время выборовъ. Послѣ указа о прусской амнистіи

онъ посѣтилъ Берлинъ и держалъ рѣчь въ союзѣ книгопечатниковъ; за это нарушеніе правилъ объ отлучкѣ онъ былъ арестованъ, преданъ суду и приговоренъ къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы, гдѣ онъ просидѣлъ до конца выборовъ. Даже сами судьи стыдились немного этого скандальнаго приговора и заплетающимся языкомъ борматали что-то въ извиненіе, но отъ этого тюремный клоповникъ не превратился для Либкнехта въ храмъ нѣмецкой свободы. Въ трехъ избирательныхъ округахъ, въ которыхъ Либкнехтъ, Бебель и Шрапсъ выставили свои кандидатуры, мелкая домашняя индустрія вела отчаянную борьбу за существованіе съ машиннымъ производствомъ, въ Глаухау-Мееранѣ въ 1863 г. было 307000 ручныхъ ткацкихъ станковъ, въ 1880 г. только 3194; по меньшей мѣрѣ, 40000 человѣкъ было въ одномъ округѣ въ теченіе человѣческаго вѣка выброшено за бортъ, благодаря введенію механическаго производства. Сколько вообще голосовъ получила Саксонская народная партія на февральскихъ выборахъ 1867 г., — трудно съ точностью сказать, ибо партія еще не имѣла тогда своего органа, который болѣе или менѣе полно освѣщалъ бы ходъ ея развитія; насколько можно судить по разнорѣчивымъ отзывамъ, за нее высказалось 12000—15000 голосовъ.

Но у нея было два мандата въ парламентѣ, между тѣмъ какъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ со всѣми своими 40000 голосами не получилъ ни одного. Въ одномъ только Леннепъ-Меттманѣ на перебаллотировкѣ стоялъ соціалъ-демократическій — депутатъ Аудорфъ, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ другихъ округахъ рабочимъ пришлось выбирать между консервативными и либеральными кандидатами. Для выборовъ „Соціалъ-демократъ“ издалъ пароль: ни въ коемъ случаѣ не идти ни на какіе компромиссы; лучше остаться въ ничтожномъ меньшинствѣ и, не измѣняя своимъ принципамъ, баллотировать за своихъ кандидатовъ, хотя бы

безъ малѣйшаго шанса на успѣхъ, чѣмъ заключать неестественные союзы вопреки своимъ принципамъ.

Единственное, что онъ считалъ при извѣстныхъ мѣстныхъ условіяхъ допустимымъ,—это вступать съ другими партіями въ такія соглашенія, чтобы—безъ всякаго ущерба для принциповъ той и другой стороны — рабочіе подавали голоса за буржуазныхъ кандидатовъ въ одномъ округѣ, а буржуазная партія обезпечила имъ успѣхъ соціалъ-демократическихъ кандидатовъ въ другомъ округѣ. На главныхъ выборахъ этотъ случай вообще невозможенъ, онъ возможенъ только при перебаллотировкахъ. Въ февралѣ 1867 г. дѣло обстояло довольно просто. Если-бъ прогрессисты согласились поддерживать соціалъ-демократическаго кандидата противъ бисмарковскаго ставленника, Зибеля, въ Леннепъ Меттманѣ, то соціалъ-демократы могли бы поддерживать прогрессистовъ противъ консервативныхъ кандидатовъ въ Дюссельдорфѣ, Эльберфельдъ-Барменѣ и Рейхенбахъ Нейродѣ. Но „благородные“ прогрессисты стали тогда на ту курьезную точку зрѣнія (которой они, между прочимъ, навсегда остались вѣрны), что незапятнанная репутація „мужественныхъ борцовъ“ требуетъ, чтобы они на переизбраніяхъ отдавали предпочтеніе глупому реакціонеру передъ умнымъ соціалъ-демократомъ; но если соціалъ-демократы на перебаллотировкахъ отказывались тащить прогрессистскій шлейфъ, то прогрессисты клеймили ихъ „наемниками реакціи“. Они въ Леппепъ-Меттманѣ и вотировали противъ Аудорфа и за Зибеля.

Такимъ образомъ, соціалъ-демократическимъ избирателямъ приходилось на перебаллотировкахъ пробиваться всюду собственными руками. Въ Дюссельдорфѣ они голосовали за прогрессиста, такъ какъ политическая свобода одинаково необходима, какъ всему народу, такъ въ особенности рабочему классу, въ его борьбѣ за свои интересы. Въ то же время они въ Эльберфельдъ-Барменѣ рѣшили воздержаться отъ голосо-

ваніяна перебаллотировкѣ, такъ какъ вотировать за консерватора они не могли принципіально, а отвратительное поведеніе прогрессистовъ ни въ коемъ случаѣ не позволяло на этотъ разъ идти рядомъ съ ними. Оба рѣшенія были предложены Швейцаромъ и приняты какъ въ Дюссельдорфѣ, такъ и въ Эльберфельдѣ, несмотря на упорное сопротивленіе рабочихъ, которые подъ давленіемъ голода, въ объятія котораго ихъ бросили господа прогрессистскіе фабриканты, готовы были голосовать за консерваторовъ. Между прочимъ, Эльберфельдское рѣшеніе было самымъ правильнымъ, какое только могло быть, ибо будетъ ли засѣдать въ сѣверогерманскихъ рейхстагѣ Бисмаркъ или его „другъ и пріятель" Форкенбекъ, который въ концѣ концовъ будетъ только его слѣпымъ орудіемъ, — это для рабочихъ было безразлично; но зато для рабочей партіи было въ высшей степени важно положить разъ навсегда конецъ системѣ лжи и обмана, которые все еще распространялись среди огромной части рабочаго класса относительно соціалъ-демократической агитаціи.

Аналогично тому, какъ въ Эльберфельдъ-Барменѣ, было положеніе дѣла и въ Рейхенбахъ-Нейродѣ, но въ обоихъ округахъ выборы все-таки прошли различно, такъ что въ то время, какъ саксонскіе рабочіе либо воздержались, либо вотировали за либеральнаго кандидата Твестена, который, такимъ образомъ, одержалъ побѣду надъ Олеаріусомъ, рейнскіе рабочіе подавали голосъ за Бисмарка противъ Форкенбека. Это рѣшеніе было вызвано, во-первыхъ крайнимъ озлобленіемъ противъ поведенія прогрессистовъ на выборахъ, во-вторыхъ, тѣмъ соображеніемъ, что побѣда Бисмарка сдѣлаетъ необходимой новую избирательную борьбу, такъ какъ онъ былъ уже выбранъ въ другомъ округѣ. Швейцеръ назвалъ это рѣшеніе рабочихъ „роковымъ шагомъ" съ ихъ стороны, но видѣлъ въ немъ „глубоко поучительное" для прогрессистской партіи явленіе, все равно, было ли это отвѣтомъ на ея отврати-

тельныя выходки и грубое извращеніе избирательнаго права, или выраженіемъ признательности Бисмарку, конечно, не какъ кандидату консервативной партіи, а какъ министру, вернувшему народу по собственному побужденію тѣ самыя права, которыхъ либеральная оппозиція такъ упорно забывала требовать. Бисмаркъ дѣйствительно отказался отъ своего мандата, вслѣдствіе чего были назначены новые выборы, которые привели къ перебаллотировкѣ между Швейцеромъ, получившимъ 4919 голосовъ и либеральнымъ кандидатомъ Гнейстомъ, получившимъ 4291 голосъ. Консерваторы дали перевѣсъ Гнейсту и тѣмъ разсѣяли всякія иллюзіи на счетъ своей преданности интересамъ рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла послѣдняя надежда на представительство сознательнаго пролетаріата въ первомъ сѣверогерманскомъ рейхстагѣ. Но не даромъ рабочіе въ теченіе восьми недѣль работали изо всѣхъ силъ, ведя предвыборную агитацію; они, какъ Швейцеръ говорилъ въ одной изъ своихъ прощальныхъ рѣчей выборщикамъ, кое чему научились; они поняли, во 1-хъ, что прогрессистская партія никогда не брезгаетъ никакими средствами, даже самыми безчестными, для того, чтобы затушевать интересы пролетаріата; они увидѣли во 2-хъ, что консервативная партія, вопреки всѣмъ своимъ красивымъ словамъ, готова въ рѣшительную минуту измѣнить имъ и отказать въ своей поддержкѣ.

Объ общемъ результатѣ выборовъ „Соціалъ-демократъ“ писалъ: „Долгожданный, давно желанный день 12 февраля уже прошелъ, и мы разбиты на всѣхъ пунктахъ. Этого мало кто ожидалъ, и, безъ сомнѣнія, многіе стоятъ передъ этимъ исходомъ выборовъ, какъ передъ неразрѣшимой загадкой. Послѣ всѣхъ этихъ шумныхъ собраній, прошедшихъ съ такимъ воодушевленіемъ и тріумфомъ, послѣ агитаціонной бури, поднятой въ массахъ, — пораженіе, въ однихъ мѣстахъ позорное, въ другихъ почетное!“ Чувство горькаго

разочарованія имѣло слишкомъ достаточное основаніе. Если, съ одной стороны, даже тамъ, гдѣ соціалъ-демократы потерпѣли „почетное пораженіе“, успѣхъ выборовъ все-таки превзошелъ ожиданія, то, съ другой стороны, были огромные избирательные округа, гдѣ соціалъ-демократическая агитація уже пустила глубокіе корни, гдѣ послѣ многолюднѣйшихъ, блестяще проведенныхъ собраній, побѣда казалась обезпеченной, и гдѣ, несмотря на это, у партіи въ самый день выборовъ почва выскользнула изъ подъ ногъ, какъ зыбкій песокъ. Такъ было въ Тюрингенскихъ округахъ, такъ было и въ Майнской области, — этихъ мѣстахъ многочисленныхъ тріумфовъ. Во Франкфуртѣ Велькеръ получилъ жалкихъ 150 голосовъ, между тѣмъ вокругъ золотого тельца, выставленнаго буржуазными партіями въ лицѣ Ротшильда, объединилось въ сорокъ разъ большее число избирателей всякаго сброда. Еще болѣе печальное пораженіе партія потерпѣла въ Берлинѣ, гдѣ рабочее населеніе все-таки уже два года стояло подъ знаменемъ соціалъ-демократіи. Книгопечатникъ-подмастерье Фейстель, общій кандидатъ всѣхъ берлинскихъ рабочихъ слоевъ, не пожелавшихъ идти во хвостѣ прогрессистской партіи, получилъ во всѣхъ 6 избирательныхъ округахъ едва 75 голосовъ.

Конечно, можно привести массу обстоятельствъ, которыя оправдываютъ и объясняютъ это пораженіе. Въ Берлинѣ, гдѣ среди филистеровъ свирѣпствовалъ самый низкопробный шовинизмъ, реакція выставила своими кандидатами министровъ и. генераловъ, отличившихся въ войнѣ 1866 г.; чтобы, по крайней мѣрѣ, провалить ихъ, многіе рабочіе въ послѣдній моментъ рѣшили подать голосъ за прогрессистскаго кандидата. На Рейнѣ и въ другихъ мѣстахъ оказала свое дѣйствіе хитроумная распланировка избирательныхъ округовъ; Аудорфъ обязанъ своимъ проваломъ въ Ленneппъ-Меттманѣ, главнымъ образомъ, тому, что ткацкія селенія Вупперталя были присоединены не къ Золингену,

какъ это бывало при выборахъ въ прусскую палату депутатовъ, а къ Ремшейду, гдѣ мелкое ремесло имѣло еще сравнительно глубокіе корни. Къ этому нужно прибавить массу пробѣловъ въ избирательныхъ спискахъ, давленіе полиціи, методъ замариванія голодомъ, пущенный въ ходъ фабрикантами, и другіе омерзительные способы избирательной борьбы, извѣстные въ бюрократической и капиталистической практикѣ. Но въ отличіе отъ буржуазной оппозиціи, которая привыкла искать причинъ своихъ пораженій повсюду, только не въ себѣ самой, пролетарская оппозиціонная партія всегда слѣдовала драгоцѣнному правилу прежде всего въ случаѣ неудачи стараться проанализировать самое себя. Она умѣла отдавать себѣ отчетъ въ своихъ ошибкахъ и выяснять себѣ диллему, передъ которой она стояла.

Блестящіе результаты, которыхъ она добилась за 4 года, снова ускользнули изъ ея рукъ, потому что у нея не было той сокровищницы, въ которой она могла бы сохранить пріобрѣтенную ею драгоцѣнную добычу. Консервативная партія располагала давно и прочно поставленной организаціей государственной власти, въ рукахъ либеральной партіи была невидимая, но могущественная соціальная сила, властвующая надъ всей современной жизнью, сила капитала; чтобы рабочая партія могла съ успѣхомъ бороться съ такими сильными противниками, ей нужно было создать себѣ такую же прочную, крѣпко сплоченную организацію. Нельзя было допустить, чтобы и впредь какой-нибудь денежный мѣшокъ, вродѣ графини Гатцфельдъ, могъ сдѣлать рабочее движеніе посмѣшищемъ всего міра. Знамени, вокругъ котораго вновь собралась старая гвардія пролетаріата, и безъ того грозило крушеніе; ничтожныя средства „Соціалъ-демократа“ были исчерпаны, и онъ долженъ былъ бы прекратить свое существованіе, если-бъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ оставался на прежней, въ финансовомъ отношеніи крайне

шаткой почвѣ. О томъ, чтобы уничтожить лассалевскую организацію, не могло быть и рѣчи, такъ какъ ей, по крайней мѣрѣ, Союзъ былъ обязанъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ; скорѣе слѣдовало стараться о томъ, чтобы придать ей больше силы, поддерживая ея моральное вліяніе политической властью.

Если перевести это съ почвы историческихъ фактовъ въ область личныхъ отношеній, то все это имѣло тотъ смыслъ, что моральная диктатура, перешедшая со смертью Лассаля къ Швейцеру, должна была превратиться въ политическую. Нерасположеніе рабочихъ къ Швейцеру постепенно исчезло; въ этомъ отношеніи вся та грязь, которой буржуазная пресса его забрасывала, не только не достигала своей цѣли, но оказывала совершенно обратное воздѣйствіе. Швейцеръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы воображать, будто массовое пролетарское движеніе можетъ долгое время подчиняться диктатурѣ отдѣльнаго лица; съ другой стороны, и члены союза были достаточно благоразумны, чтобы понимать, что при тогдашнихъ, во многихъ отношеніяхъ критическихъ обстоятельствахъ все еще необходима временная диктатура. По свидѣтельству Тэльке, Іоркъ, — демократъ до мозга костей, котораго тяготила уже диктатура Лассаля,—опредѣлялъ время, въ теченіе котораго еще необходима будетъ диктатура, даже болѣе продолжительнымъ, чѣмъ самъ Швейцеръ. Всякая диктатура оказывается роковой прежде всего для самого диктатора; не избѣжалъ своей судьбы и Швейцеръ: за свою вину онъ поплатился своимъ добрымъ именемъ. Но все это нисколько не мѣняетъ дѣла, и фактъ тотъ, что въ 1867 г. старѣйшіе и вѣрнѣйшіе члены Союза считали необходимой его диктатуру.

Фактически онъ уже былъ руководителемъ избирательной кампаніи, и когда она закончилась, онъ поручилъ президенту Перлю созвать на 19-е мая экстренный съѣздъ въ Брауншвейгѣ. Въ этомъ съѣздѣ приняло участіе 18 делегатовъ, имѣвшихъ представитель-

ство отъ 45 мѣстъ съ 2508 членами. Число членовъ было крайне низко; оно равнялось едва четвертой части членовъ, представленныхъ годомъ раньше на Лейпцигскомъ съѣздѣ. Но пока не былъ введенъ строгій контроль членскихъ взносовъ, всѣ эти цифры вообще представляли весьма проблематическую цѣнность.

Пятый съѣздъ принялъ программу, закрывавшую двери сторонникамъ графини Гатцфельдъ. Главными пунктами этой программы были: единое и свободное народное государство; обобществленіе производства, а въ качествѣ зачатковъ новаго общественнаго строя— производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, согласно принципамъ Лассаля; общность интересовъ рабочихъ всѣхъ культурныхъ народовъ; въ цѣляхъ вліянія на общественныя власти — введеніе всеобщаго равнаго избирательнаго права съ прямой и тайной подачей голосовъ и діэты депутатамъ. Руководясь этой программой, должны были быть провѣрены списки союзовъ и исключены всѣ члены, не принимающіе ея безъ всякихъ оговорокъ. Затѣмъ должны были состояться новые выборы всѣхъ уполномоченныхъ, срокъ полномочій которыхъ опредѣляется промежуткомъ времени отъ одного очередного съѣзда до слѣдующаго. Право утвержденія выборовъ было оставлено за президентомъ; формально онъ пользовался даже правомъ назначать уполномоченныхъ, такъ какъ въ выборахъ ихъ полиція усматривала признакъ „самостоятельныхъ союзовъ“ Тѣмъ не менѣе была назначена комиссія, на обязанности которой было принимать жалобы на президента и представлять ихъ на разсмотрѣніе ближайшаго съѣзда. Чтобы избѣжать полицейскихъ преслѣдованій, были также выкинуты всѣ добавленія относительно „образованія отдѣленій союза“, было вычеркнуто наименованіе мѣстныхъ организацій общинами, и союзу былъ приданъ характеръ единства и замкнутости пунктомъ, по которому союзъ имѣетъ свои засѣданія въ Лейпцигѣ и подчиняется саксонскому за-

кону о союзахъ, въ другихъ же мѣстахъ происходятъ лишь собранія членовъ. Всѣ эти мѣры предосторожности временно достигли своей цѣли въ Берлинѣ и другихъ городахъ, однако, при растяжимости и несовершенствѣ германскихъ законовъ о союзахъ, не могли представить дѣйствительнаго оплота противъ полицейскаго произвола. Для лучшей постановки финансовой стороны, было, между прочимъ, постановлено, чтобы, по крайней мѣрѣ, половина всѣхъ взносовъ мѣстныхъ организацій поступала въ союзную кассу, и кассиръ обязанъ былъ ежемѣсячно публиковать въ „Социалъ-демократѣ" всѣ организаціи, неаккуратно дѣлавшія свои взносы. Кассиромъ былъ выбранъ I. М. Гиршъ, но такъ какъ онъ вскорѣ, за изданіе перваго сборника соціалъ-демократическихъ пѣсенъ, былъ арестованъ и приговоренъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, то функція эта перешла къ Бракке. Президентомъ былъ выбранъ Швейцеръ, и секретаріатъ былъ переведенъ въ мѣсто его жительства. Вмѣсто Аудорфа, уѣхавшаго черезъ годъ въ Россію, былъ выбранъ стенографъ Роллеръ.

Первымъ результатомъ этой реорганизаціи было то, что партія окончательно порвала съ графиней Гацтфельдъ. Она основала свою особую секту подъ именемъ Лассалевскаго Общегерманскаго Рабочаго Союза. Ей удалось привлечь на свою сторону около шестой части членовъ стараго Союза, главную массу рабочихъ саксонскаго королевства и отдѣльныхъ отщепенцевъ въ Килѣ, Бременѣ и другихъ мѣстахъ. Президентомъ новаго союза, по ея предложенію, былъ выбранъ Ферстерлингъ, его помощникомъ—правая рука графини—молодой Фрицъ Менде, человѣкъ безъ всякихъ интеллектуальныхъ и моральныхъ качествъ, необходимыхъ для роли руководителя рабочихъ. Нѣтъ никакого оправданія тому оскорбленію, которое графиня своими выходками нанесла памяти своего покойнаго друга. Опасности никакой не было въ ея образѣ дѣйствій, ибо

можно было предвидѣть, что у тѣхъ нѣсколькихъ тысячъ честныхъ рабочихъ, которыхъ ей удалось провести именемъ Лассаля, повязка скоро спадетъ съ глазъ, и они либо вернутся къ старому Союзу, либо примкнутъ къ Саксонской народной партіи. Но крайне досадно было то, что ея нелѣпое поведеніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ давала пищу пошлому остроумію буржуазной прессы.

Послѣ того, какъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ принялъ заключенія Брауншвейгскаго съѣзда, онъ снова сталъ во главѣ европейскаго соціалистическаго движенія. Пробнымъ камнемъ для этого послужилъ ей второй конгрессъ Интернаціонала, который собрался спустя нѣкоторое время въ первую недѣлю сентября въ Лозаннѣ. Онъ былъ представленъ 64 делегатами, большинство которыхъ составляли швейцарцы, затѣмъ 6 нѣмцевъ, 6 англичанъ, 17 французовъ, 2 итальянца и 2 бельгійца. Въ числѣ нѣмецкихъ делегатовъ были Альбертъ Ланге, Людвигъ Бюхнеръ и Ладендорфъ.

Конгрессъ вынесъ резолюцію, что соціальное освобожденіе рабочаго класса неразрывно связано съ его политическимъ освобожденіемъ, что завоеваніе политической свободы является первой, абсолютной необходимостью для пролетаріата. Это вполнѣ совпадало съ брауншвейгской программой; но затѣмъ, на конгрессѣ интернаціоналистовъ обнаружилось глубокое разногласіе въ партіи по вопросу относительно обобществленія земельной собственности, по которому Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ давно выработалъ себѣ вполнѣ опредѣленный взглядъ. Это чисто соціалистическое требованіе не стояло прямо въ порядкѣ дня Лозанскаго конгресса, но по тому или другому поводу выплывало часто наружу, какъ, напр., при вторично поднятомъ вопросѣ о коопераціяхъ, о которыхъ конгрессъ вынесъ заключеніе, что въ рамкахъ капиталистическаго общества они могутъ превратиться только въ жалкое пятое сословіе,—

равно какъ по вопросу относительно обобществленія средствъ сообщенія и передвиженія, рѣшенному конгрессомъ въ утвердительномъ смыслѣ. Именно, французы выступили ярыми защитниками частной собственности на землю, между тѣмъ какъ другіе делегаты, какъ, напримѣръ, Ладендорфъ, отстаивали общественную земельную собственность, хотя были далеки отъ коммунистически-революціоннаго пониманія этой идеи. Почти единственными делегатами, освѣтившими вопросъ съ тою же ясностью и основательностью, съ какою высказался о немъ полтора года тому назадъ въ своей эрфуртской рѣчи Швейцеръ, были Эккаріусъ и Леснеръ, эти старые члены Союза Коммунистовъ, которые сидѣли теперь въ Генеральномъ Совѣтѣ Интернаціонала. Спустя мѣсяцъ состоялся въ Гера IV съѣздъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ. Среди членовъ стали рѣзче обозначаться различныя теченія. Улихъ внесъ цѣлый рядъ резолюцій, согласно которымъ организація школъ должна быть основана на „вѣчныхъ законахъ человѣческой души, а Зонneманъ повергъ въ величайшее изумленіе все собраніе, объявивъ, что онъ, наконецъ, рѣшилъ соціальный вопросъ и даже основалъ во Франкфуртѣ производительное товарищество книгопечатниковъ на соціалистическихъ началахъ, въ которомъ онъ состоитъ простымъ членомъ на равныхъ правахъ съ каждымъ наборщикомъ; онъ выражалъ надежду, что лѣтъ черезъ пять рабочіе въ братскомъ единеніи съ нимъ будутъ владѣть всѣмъ предпріятіемъ. Само собою разумѣется, что рѣчь шла о производствѣ чисто капиталистическаго характера; франкфуртская кооперативная типографія представляетъ въ настоящее время милліонное дѣло, въ которомъ „другъ рабочихъ“ Зонneманъ эксплоатируетъ „своихъ“ наборщиковъ ничуть не хуже любого капиталиста. Возмущенный этой пошлой рекламой, Бебель въ прекрасной рѣчи изобразилъ ужасающее положеніе рудокоповъ въ каменноугольныхъ шахтахъ Лугау, гдѣ свыше ста рабочихъ пало

жертвами преступной жадности капитала и непростительной небрежности саксонской горной полиціи; въ то же время суконщикъ Моттелеръ нарисовалъ яркую, захватывающую картину бѣдственныхъ условій дѣтскаго труда на фабрикахъ. Оба оратора настоятельно требовали вмѣшательства государственной власти въ цѣляхъ огражденія рабочаго класса отъ ненасытной эксплоатаціи капитала. Наиболѣе сильные элементы изъ рабочихъ ферейновъ почувствовали потребность болѣе тѣсной взаимной связи, чѣмъ та, которая осуществлялась въ разбросанномъ по всей Германіи комитетѣ. Пришлось и тутъ разными тонкими ухищреніями обойти преграды нѣмецкихъ законовъ о союзахъ. Одному изъ крупнѣйшихъ ферейновъ было поручено завѣдывать всѣми дѣлами съѣзда; мѣсто пребыванія этого ферейна сдѣлалось постояннымъ мѣстомъ засѣданій съѣзда; его комитетъ отнынѣ состоялъ изъ семи членовъ, изъ которыхъ шесть выбирались изъ среды руководящаго ферейна, предсѣдатель же назначался самимъ съѣздомъ. Въ сущности рѣчь шла о томъ, хочетъ ли съѣздъ остаться подъ опекой буржуазіи или онъ намѣренъ развить свою самостоятельную пролетарскую политику. Кандидатами на президентскихъ выборахъ выступили Бебель и Максъ Гиршъ, и подавляющимъ большинствомъ былъ выбранъ Бебель, что явилось огромнымъ успѣхомъ для партіи.

Тѣмъ временемъ энергично подвинулось дѣло реорганизаціи Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. 22 ноября въ Берлинѣ открыло свои засѣданія шестое общее собраніе, на которомъ двадцатью делегатами было представлено 3408 членовъ. Число дѣйствительныхъ членовъ Союза все еще не могло быть въ точности установлено, ибо общее собраніе на этотъ разъ еще не строго придерживалось практической резолюціи Брауншвейгскаго конгресса, согласно которой на съѣздъ должны были быть допущены делегаты только тѣхъ организацій, которыя исправно выполнили свои обя-

занности по отношенію къ союзной кассѣ. Но дѣла кассы были уже приведены въ полный порядокъ Бракке; число подписчиковъ на „Соціалъ-демократъ", считая отъ начала года, почти утроилось. Оно возросло съ 450 до 1200; до 10 экземпляровъ получали 83 города, до 25 экземпляровъ — 25 городовъ; впереди всѣхъ шли Франкфуртъ съ 50, затѣмъ Эльберфельдъ-Барменъ со 175, а въ особенности Гамбургъ съ 375 подписчиками. Единогласное избраніе Швейцера президентомъ было обезпечено заранѣе. Тѣмъ не менѣе общее собраніе приняло проектированную еще въ Брауншвейгѣ, но тогда отложенную реформу, которая кореннымъ образомъ измѣнила порядокъ президентскихъ выборовъ, установленный въ статутахъ; президентъ долженъ былъ отнынѣ избираться на общихъ собраніяхъ всѣхъ членовъ, по меньшей мѣрѣ, за 6 недѣль до очередного генеральнаго собранія. Это постановленіе было принято 2264 голосами противъ 835, при 306, подъ руководствомъ Швейцера, воздержавшихся отъ голосованія. Оппозицію составляли, главнымъ образомъ, гамбургскіе и изерлонскіе члены Союза; хотя цѣлью постановленія было возможно большее демократизированіе президентской власти, однако оно оказалось обоюдоострымъ: оно усилило вліяніе президента по сравненію съ другими должностными лицами Союза.

Пока еще ни одно облако не омрачило возстановленнаго въ партіи единенія. Озабоченный постоянно развитіемъ самосознанія рабочихъ, Швейцеръ впервые открылъ при съѣздѣ рядъ публичныхъ собраній, на которыхъ разбирались различные теоретическіе вопросы, имѣющіе весьма важное значеніе. Порядокъ дня на этихъ собраніяхъ вышелъ черезчуръ обильный; такъ, въ немъ значились: прусскій и нѣмецкій вопросы, вопросы объ общеизбирательномъ правѣ, объ отмѣненномъ законѣ о ростовщичествѣ, о женскомъ трудѣ, о работахъ въ исправительныхъ домахъ, о фальсификаціи жизненныхъ продуктовъ и спо-

собахъ рекламы, о нормальномъ рабочемъ днѣ и англійскомъ фабричномъ законодательствѣ. Естественно, что многія сужденія, которыя высказывались на этихъ собраніяхъ, носили поверхностный и односторонній характеръ, но желѣзное терпѣніе и выдержка ораторовъ и публики сильно импонировали болѣе прозорливымъ органамъ буржуазной прессы. Они писали: почетъ и уваженіе социалъ-демократамъ! Гдѣ мы видѣли примѣръ, чтобы у публики, состоящей сплошь изъ простонародья, хватило терпѣнія простоять въ теченіе 11 часовъ подрядъ въ сравнительно холодномъ помѣщеніи для того, чтобы слушать дискуссію о различныхъ политическихъ реформахъ. На большихъ научныхъ конгрессахъ эти люди умѣютъ отлично устраиваться и свои чрезмѣрно-утомляющія умственныя занятія они умѣютъ разнообразить своевременными развлеченіями.

Подъему духа общаго собранія значительно содѣйствовало то, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ только что вышелъ съ честью, хотя и не безъ потерь, изъ своей первой парламентской борьбы.

5. Первые шаги соціалъ-демократіи въ парламентѣ.

Конституція, выработанная избраннымъ 12-го февраля рейхстагомъ совмѣстно съ союзными правительствами Сѣверногерманскаго Союза, вполнѣ соотвѣтствовала предначертаніямъ Бисмарка. Вина за такой исходъ лежала, главнымъ образомъ, на буржуазіи вошедшихъ въ союзъ, равно какъ и не примкнувшихъ еще къ нему мелкихъ и среднихъ государствъ, — буржуазіи, предвкушавшей всѣ прелести единаго и великаго хозяйственнаго организма; если въ блаженной памяти національномъ Союзѣ подвизались ея наиболѣе шумные словесные герои, то теперь она дала прусскому абсолютизму въ лицѣ тѣхъ же „государственныхъ мужей“,— трусливѣйшихъ перебѣзчиковъ. Остатки прежнихъ прогрессистовъ гнѣвно, но, какъ всегда, весьма спу

танно, излили всю свою горечь въ оффиціальномъ документѣ: „Новая конституція,—писали они,—правительству даетъ, а у народа отнимаетъ больше правъ, чѣмъ они имѣли ихъ до нея“. Тѣмъ не менѣе, было, по крайней мѣрѣ, сохранено всеобщее избирательное право, хотя Бисмаркъ и постарался провести отказъ отъ діэтъ депутатамъ, превративъ его въ вопросъ жизни кабинета. „Мы не дадимъ нашимъ депутатамъ умереть съ голоду“, заявляли рабочіе и снова бодро приступили къ дѣлу, когда 31 августа 1867 г. состоялись выборы въ сѣверногерманскій рейхстагъ съ трехлѣтнимъ законодательнымъ періодомъ по новой конституціи.

На этихъ выборахъ успѣхи соціалъ-демократіи въ численномъ отношеніи остались далеко позади того, что было достигнуто во время февральскихъ выборовъ. За исключеніемъ Эссенскаго округа и города Ганновера, давшихъ впервые каждый по 1100 голосовъ, не было сдѣлано ни одного новаго завоеванія, и кромѣ городовъ Эльберафельда и Бармена, гдѣ за Швейцера при первой баллотировкѣ было подано 6110 голосовъ, нигдѣ не было получено столько голосовъ, какъ 6 мѣсяцевъ тому назадъ. Даже испытанная крѣпость соціалъ-демократіи, Гамбургъ, гдѣ выступилъ кандидатомъ книготорговецъ Августъ Гейбъ, — и тотъ далъ лишь немногимъ больше 2000 голосовъ. Тѣмъ не менѣе Союзъ, полный надеждъ на быстро подвигавшуюся реорганизацію его, не особенно унывалъ, тѣмъ болѣе, что всѣ другія партіи испытывали еще большее утомленіе въ избирательной борьбѣ. Какъ и въ Эльберфельдѣ-Барменѣ, Швейцеру предстояла перебаллотировка также въ Рейхенбадѣ-Нейродѣ, хотя этотъ округъ далъ ему едва половину того числа голосовъ, какое онъ получилъ въ февралѣ. Затѣмъ, въ Эссенѣ Газенклеверу предстояла перебаллотировка съ консерваторомъ, ландратомъ Девенсомъ, а Рейнке въ Леннепѣ-Меттманѣ — со старымъ Людольфомъ Камп-

гаузеномъ. Рейнке, который въ теченіе всего лѣта велъ на страницахъ вестфальскихъ газетъ нескончаемый споръ съ прогрессистомъ Гаркортомъ о преимуществахъ соціализма и тѣмъ завоевалъ симпатіи и признательность рабочихъ, былъ выставленъ соціалъ-демократическимъ кандидатомъ, кромѣ Леннепъ-Меттмана, въ цѣломъ рядѣ другихъ рейнско-вестфальскихъ избирательныхъ округовъ: въ Дюссельдорфѣ, Мюльгеймѣ, Дуисбургѣ, Золингенѣ и Гагенѣ. Тщетно Швейцеръ, которому Браушвейгскимъ генеральнымъ собраніемъ было поручено руководство выборами, убѣждалъ рабочихъ, не стѣсняясь, выставлять кандидатами рабочихъ же; напрасно онъ увѣрялъ ихъ, что мнѣніе, будто рабочій въ качествѣ кандидата въ парламентъ, не внушаетъ къ себѣ достаточно уваженія, — „проклятый предразсудокъ“, внушенный рабочимъ господствующими классами въ ихъ собственныхъ интересахъ, и потому съ нимъ слѣдуетъ всѣми силами бороться. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, дѣйствительно убѣдительнымъ могъ быть одинъ лишь практическій опытъ.

Для перебаллотировокъ Швейцеромъ дана была рабочимъ директива,—принимать въ нихъ участіе при всякихъ обстоятельствахъ, даже въ томъ случаѣ, когда оба кандидата буржуазные. Давая такой лозунгъ, Швейцеръ исходилъ изъ соображеній, какъ принципіальнаго характера (при неразрывной связи политики съ соціальными отношеніями для рабочихъ не безразлично, какой изъ кандидатовъ побѣдитъ), такъ и практическихъ (политическая партія должна пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы проявлять свое вліяніе). Что касается того, какую изъ борющихся партій должны поддерживать рабочіе, то при рѣшеніи этого вопроса прежде всего слѣдуетъ руководиться тѣмъ, какъ онѣ вели себя по отношенію къ рабочимъ, особенно, во время главныхъ выборовъ. Какъ партія молодая, соціалъ-демократія прежде всего должна укрѣ-

ниться, занять прочное положеніе, и разрушить ту систему клеветничества, при помощи которой старыя партіи пытаются ее разбить. Во время февральскихъ выборовъ прогрессистская партія вышла побѣдительницей только благодаря рабочимъ, и, въ награду за это, выходящая въ Дюссельдорфѣ „Рейская Газета" все лѣто помѣщала у себя однѣ только злобныя ругательныя статьи, направленныя противъ рабочаго движенія. Отъ такого позорнаго способа борьбы слѣдуетъ отучить либераловъ, и потому тамъ, гдѣ они прибѣгали къ такому способу, рабочіе при перебаллотировкахъ безусловно должны голосовать за ихъ противника; успѣхи партіи, содѣйствіе ея укрѣпленію должны стоять на первомъ планѣ, имъ должны уступать всякія другія соображенія. Тамъ же, гдѣ либералы боролись съ рабочей партіей честно, стоя на почвѣ фактовъ, — а этого права ихъ, понятно, нельзя лишать, — тамъ рабочіе при перебаллотировкахъ должны голосовать за либеральныхъ кандидатовъ. Однако, такъ называемыхъ націоналъ-либераловъ не слѣдуетъ причислять къ либераламъ, они—тѣ же реакціонеры въ либеральной шкурѣ и потому гораздо вреднѣе и опаснѣе откровенныхъ консерваторовъ.

Этой точки зрѣнія и держалась партія на перебаллотировкахъ въ горнопромышленномъ округѣ. Въ Дюссельдорфѣ рабочіе своей поддержкой доставили побѣду правительственному кандидату Михаэлису надъ прогрессистомъ Бюргерсомъ, за что часть консерваторовъ и націоналъ-либераловъ дала своими голосами въ Эльберфельдъ-Барменѣ перевѣсъ Швейцеру противъ прогрессистскаго кандидата Леве Кальбе. Эта, принятая соціалъ-демократической партіей тактика горячо осуждалась тогда съ разныхъ сторонъ, и, безъ сомнѣнія, она имѣла свои дурныя стороны. Но было бы совершенно невѣрно истолковать ее, какъ тайную измѣнническую сдѣлку съ консервативной партіей или съ правительствомъ. Скорѣе это была открытая так-

тика, принятая задолго до главныхъ выборовъ и объявленная въ „Соціалъ-демократѣ“, не какъ принципіально правильная, а наоборотъ, какъ принципіально неправильная, но вызываемая въ извѣстныхъ случаяхъ необходимостью, вслѣдствіе недостойнаго поведенія прогрессистской партіи. Во всякомъ случаѣ, она имѣла то преимущество, что, по крайней мѣрѣ, достигла намѣченной цѣли. Какъ только прогрессисты увидѣли что рабочіе вовсе не склонны слѣдовать за ними, какъ безмолвное стадо, и позволять себя третировать, какъ угодно, они стали гораздо приличнѣе вести себя по отношенію къ нимъ. Послѣ взаимнаго соглашенія соціалъ-демократы вотировали за прогрессистовъ въ Гагенѣ и Золингенѣ, а прогрессистскіе избиратели подавали голоса за соціалъ-демократовъ въ Эссенѣ и Леннеппъ-Метманѣ. Фактическимъ результатомъ этого соглашенія была побѣда Гаркорта въ Гагенѣ и Рейнке въ Леннепъ-Меттманѣ, между тѣмъ какъ Газенклеверъ въ Эссенѣ и Евгеній Рихтеръ въ Золингенѣ потерпѣли пораженіе. Въ Рейхенбахъ-Нейродѣ Швейцеръ былъ побѣжденъ либеральнымъ кандидатомъ Твестеномъ.

Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ выигралъ, такимъ образомъ, въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ 2 мѣста. Но Саксонская народная партія не только удержала свои позиціи въ Глаухау-Мееранѣ и Цвикау-Криммичау, но выиграла еще два новыхъ мѣста; Штальбергъ-Шнеебергъ, гдѣ побѣдилъ Либкнехтъ, и лейпцигскій земледѣльческій округъ, гдѣ былъ избранъ врачъ Гецъ При условіяхъ довольно сомнительнаго свойства побѣдилъ Ферстерлингъ въ Хемницкомъ округѣ. Онъ состязался на перебаллотировкѣ съ однимъ великонѣмецкимъ демократомъ, и тогда говорили, что тѣ лишніе 3500 голосовъ, которые Ферстерлингъ получилъ на перебаллотировкѣ по сравненію съ главными выборами, исходили отчасти изъ лагеря, враждебнаго рабочему классу, но предполагавшаго, что вступленіе

Ферстерлинга въ рейхстагъ повредитъ дѣлу соціалъ-демократіи.

Справедливо ли было это мнѣніе или нѣтъ, но уже на первымъ засѣданіи первой сессіи рейхстага 10-го сентября, во время обсужденія адреса, Ферстерлингъ своей безсмысленной трескотней и шумихой фразъ, вырванныхъ по отдѣльнымъ кусочкамъ изъ сочиненій Лассаля, какъ парламентарій, сталъ совершенно невозможенъ. Но и Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ могъ считать для себя потеряннымъ одного изъ своихъ депутатовъ въ лицѣ Рейнке, который воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы отрицать для пролетаріата значеніе классовой борьбы и заявить, что задача соціализма не въ разжиганіи вражды между буржуазіей и пролетаріатомъ, а въ примиреніи этихъ двухъ классовъ. Союзу ничего не оставалось дѣлать, какъ окончательно порвать съ своимъ парламентскимъ представителемъ, что и было совершено на общемъ собраніи въ Берлинѣ. Гецъ и Шрансъ были, въ сущности, буржуазными демократами, которые съ обостреніемъ пролетарской классовой борьбы превратились въ ярыхъ противниковъ соціалъ-демократіи, между тѣмъ какъ Бебель находился еще такъсказать въ періодѣ линянія, переходя отъ буржуазно-радикальныхъ къ соціалъ-демократическимъ воззрѣніямъ. Такимъ образомъ, главными представителями точки зрѣнія революціоннаго пролетаріата въ парламентѣ остались Либкнехтъ и Швейцеръ, и между ними тотчасъ возгорѣлась старая борьба по вопросу о правильной тактикѣ.

Либкнехтъ смотрѣлъ на Сѣверогерманскій Союзъ какъ на реакціонное созданіе насилія и произвола, которое, во всякомъ случаѣ, подлежитъ уничтоженію; чтобы не содѣйствовать его упроченію, онъ отвергалъ всякое участіе въ законодательной дѣятельности рейхстага; парламентская трибуна служила для него только позиціей, съ которой онъ бросалъ въ рабочія массы

свои протесты противъ новаго германскаго режима. Швейцеръ же призналъ Сѣверогерманскій Союзъ, хотя далеко не отраднымъ и не желательнымъ, но тѣмъ не менѣе уже совершившимся фактомъ, съ которымъ соціалъ-демократія должна считаться, и на почвѣ котораго она должна построить свою рѣзкую оппозицію, если она хочетъ остаться политической партіей. Въ то время какъ Либкнехтъ высмѣивалъ его, какъ „двойника Вагенера", Швейцеръ не говорилъ о Либкнехтѣ, какъ о защитникѣ интересовъ развѣнчанныхъ князей и австрійскаго правительства; онъ только говорилъ, что не можетъ раздѣлять точки зрѣнія Либкнехта, такъ какъ распаденіе Сѣверогерманскаго Союза, послѣ того, какъ буржуазія стала на сторону Бисмарка, невозможно, развѣ только подъ давленіемъ внѣшняго врага, но это означало бы попасть изъ огня да въ полымя. Противъ бонапартистскихъ казней и вожделѣній реванша, которыя питалъ карьеристъ Бейстъ, добивавшійся поста австрійскаго премьера, рабочій классъ, по мнѣнію Швейцера, долженъ былъ бороться рука объ руку съ другими классами, между тѣмъ какъ Либкнехтъ на вытѣсненіе Бисмарка Бонапартомъ и Бейстомъ смотрѣлъ какъ на логически неизбѣжное слѣдствіе политики насилія и захвата.

Исходя изъ этого, Либкнехтъ 17 октября, при обсужденіи новаго союзнаго закона о воинской повинности, взялъ слово для того, чтобы высказать, что исторія перешагнетъ черезъ Сѣверогерманскій Союзъ, это порожденіе политики насилія и гнета, несущее съ собою разложеніе, ослабленіе и порабощеніе Германіи что она перешагнетъ черезъ сѣверогерманскій рейхстагъ, который служитъ только фиговымъ листомъ для прикрытія абсолютизма. Либкнехтъ протестовалъ противъ постоянной арміи, какъ орудія угнетенія и произвола; онъ только потому не внесъ резолюціи о замѣнѣ постоянной арміи народной милиціей по швейцарскому образцу, что при попыткѣ внесенія ее онъ попалъ

въ искусно подставленныя ему сѣти „порядка дня". Рѣчь Либкнехта била немилосердно по больнымъ мѣстамъ „революціи сверху", и вопли, поднятые по ея поводу сытыми патріотами изъ лагеря господствующихъ классовъ, показываютъ его мужество въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ. Но ясность и острота критики еще не гарантируютъ правильности ея по всѣмъ пунктамъ. Если Либкнехтъ предвидѣлъ, что Бисмаркъ и Бонапартъ еще когда-нибудь помѣрятся силами, и что судьбы Сѣверогерманскаго Союза опять попадутъ на вѣсы военнаго счастья, то Швейцеръ оказался еще болѣе прозорливымъ, когда онъ на основаніи всего хода историческаго развитія, утверждалъ, что побѣдителемъ останется Бисмаркъ.

Швейцеръ послѣ рѣчи Либкнехта попросилъ слова, чтобы разъяснить, въ чемъ онъ расходится съ нимъ. Тогда еще существовалъ порядокъ записи сторонниковъ и противниковъ проекта. Швейцеръ сперва былъ записанъ въ число послѣднихъ. Когда кѣмъ-то было внесено предложеніе о закрытіи дебатовъ, то передъ голосованіемъ его былъ прочитанъ списокъ ораторовъ, и оказалось, что Швейцеръ записанъ девятымъ въ числѣ тѣхъ, которые должны были говорить противъ законопроекта, между тѣмъ какъ за законопроектъ должны были говорить всего 2 оратора. Чтобы вообще имѣть возможность высказаться, Швейцеръ переписался изъ противниковъ закона въ сторонники его, — обычный парламентскій пріемъ, практиковавшійся всѣми партіями, пока существовалъ этотъ порядокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оратору необходимо было дѣлать какое-нибудь краткое заявленіе или замѣчаніе, не затрагивающее главнаго обсуждаемаго предмета. Этого, собственно говоря, совершенно безразличнаго эпизода можно было и не упомянуть, если бъ онъ не превратился въ устахъ многихъ въ, яко-бы, „серьезное доказательство" измѣнническаго поведенія Швейцера. Онъ былъ занесенъ въ число „защитниковъ" прусскаго

милитаризма, при чемъ ссылались на парламентскій списокъ ораторовъ, который будто доказываетъ это самымъ положительнымъ образомъ.

На самомъ дѣлѣ Швейцеръ въ своей рѣчи даже не коснулся законопроекта о воинской повинности. Онъ далъ только краткое объясненіе занятой имъ въ парламентѣ позиціи и имѣлъ полное право это дѣлать отъ имени тысячъ рабочихъ, выбравшихъ его своимъ вождемъ; онъ именно заявилъ, что хотя онъ вмѣстѣ съ Либкнехтомъ борется противъ внутреннихъ условій, созданныхъ Сѣверогерманскимъ союзомъ, однако онъ далекъ отъ мысли способствовать распаденію самаго Союза. Онъ утверждаетъ, что во внѣшней политикѣ онъ и рабочіе, раздѣляющіе его взгляды, стоятъ на сторонѣ Пруссіи. Если онъ при этомъ употребилъ ту неудачную фразу, что онъ вовсе не намѣренъ отрицать достоинствъ Пруссіи, признанныхъ въ прошломъ году всѣми ея врагами, пораженными ея успѣхами, то эта крайность была вызвана противоположной крайностью, высказанной Либкнехтомъ, который заявилъ, что Сѣверогерманскій Союзъ еще больше презираютъ за границей, чѣмъ блаженной памяти, бундестагъ. Теперь, когда всѣ эти споры и разногласія давно отошли въ исторію, было бы нелѣпо придираться къ отдѣльнымъ словамъ того или другого представителя рабочей партіи. Однако мнѣніе Либкнехта, что каждаго, кто вмѣстѣ со Швейцеромъ привѣтствуетъ плоды политики крови и желѣза, отдѣляетъ отъ соціалъ-демократіи широкая непроходимая пропасть, было справедливо лишь въ томъ смыслѣ, что въ рядахъ сознательнаго пролетаріата дѣйствительно образовалась широкая пропасть отдѣлявшая однихъ членовъ партіи отъ другихъ, но она исчезла въ теченіе перваго десятилѣтія.

Въ сущности, новое разногласіе между Швейцеромъ и Либкнехтомъ проистекало изъ стараго различія во взглядахъ обоихъ вождей рабочей партіи. Рѣчь Либ-

кнехта носила чисто пропагандистскій характеръ; когда во время конфликта радикальные демократы выступали со своимъ фантастическимъ требованіемъ народнаго вооруженія по швейцарскому образцу, то Энгельсъ, удивленный этимъ шагомъ, писалъ: „Сколько можно судить по общему положенію дѣлъ, въ настоящее время для страны съ 18 милліоннымъ населеніемъ и весьма условными границами такой проектъ немыслимъ; даже при другихъ условіяхъ онъ невозможенъ въ такомъ видѣ". Либкнехтъ, конечно, самъ это прекрасно понималъ, но онъ смотрѣлъ на это требованіе, только какъ на пропаганду демократическихъ идеаловъ. Швейцеръ же настаивалъ на томъ, что политическая рабочая партія должна заниматься практической политикой, конечно, не въ смыслѣ дѣловыхъ, буржуазныхъ разсчетовъ, а стоя исключительно на почвѣ пролетарскихъ принциповъ. Онъ тоже голосовалъ противъ военнаго законопроекта, но не на немъ онъ хотѣлъ основывать свою парламентскую борьбу и не въ этомъ, а въ другихъ пунктахъ онъ видѣлъ возможность кое-что сдѣлать въ интересахъ рабочаго класса.

Центръ тяжести сѣверогерманскаго рейхстага лежалъ не въ области военнаго устройства Германіи, а въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній страны. Противъ того, что прусская военная организація была распространена на Саксонію и на десятокъ-другой мелкихъ государствъ, вошедшихъ въ Сѣверогерманскій Союзъ, слабый парламентъ ничего не могъ подѣлать. Но зато онъ могъ оказать давленіе на хозяйственное законодательство страны, которое въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало, должно было быть сметено вмѣстѣ со всѣмъ своимъ феодально-цеховымъ мусоромъ. Буржуазія продала Бисмарку свои политическіе идеалы за удовлетвореніе ея матеріальныхъ интересовъ, и эту цѣну онъ долженъ былъ и готовъ былъ заплатить. И вотъ, по мнѣнію Швейцера, единственно правильная прак-

тическая политика соціалъ-демократовъ въ парламентѣ заключалась въ томъ, чтобы на пути буржуазіи, которая только что расчистила себѣ почву для лучшей эксплоатаціи рабочаго класса, выдвинуть неотложныя требованія пролетаріата.

При обсужденіи вопроса объ отмѣнѣ закона о ростовщичествѣ, Швейцеръ внесъ проектъ въ духѣ англійскаго законодательства, именно, онъ требовалъ запрещенія взиманія процентовъ съ суммъ ниже 100 талеровъ и обосновалъ свое предложеніе въ замѣчательной рѣчи, которая впервые въ стѣнахъ нѣмецкаго парламента развивала передъ слушателями основныя начала научнаго соціализма. Не менѣе талантливо онъ защищалъ предложеніе прогрессистской партіи объ отмѣнѣ запрещенія коалицій. Но главнымъ плодомъ его парламентской дѣятельности за короткую сессію рейхстага является внесенный имъ законъ объ огражденіи труда отъ злоупотребленій капитала. Проекъ состоялъ изъ 47 статей, которыя отчасти включали въ себѣ уже существующіе законы, какъ напр., законы о запрещеніи дѣтскаго труда и „системы выжиманія пота“, но которые кромѣ того требовали введенія 10-часового рабочаго дня для всѣхъ взрослыхъ рабочихъ, учрежденія фабричной инспекціи съ ясно обозначенными въ законѣ функціями и правами и, наконецъ, назначенія постоянныхъ парламентскихъ комиссій для выработки мѣръ „къ улучшенію условій труда въ городской и сельской промышленности всѣхъ странъ, входящихъ въ составъ Сѣверогерманскаго Союза“. Законъ долженъ былъ распространяться на всѣ предпріятія съ числомъ наемныхъ рабочихъ не меньше 10, и не только на фабрики и заводы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но и на сельскохозяйственныя работы, на судостроеніе, желѣзныя дороги, пароходства, наконецъ, и на домашнюю индустрію. Основываясь на опытѣ англійскаго законодательства, Швейцеръ приписывалъ преимущественное значеніе

учрежденію дѣйствительнаго фабричнаго надзора, которымъ можно достигнуть гораздо болѣе существенныхъ результатовъ, чѣмъ всѣми запретительными и карательными мѣрами, которыя остаются на бумагѣ спокойными зрителями совершающихся злоупотребленій. Нѣкоторые прогрессистскіе депутаты, которымъ Швейцеръ изложилъ свой законопроектъ, съ важностью замѣтили, что онъ слишкомъ слабъ, и обѣщали внести въ него болѣе рѣзкія поправки. Швейцеръ, хорошо знавшій этихъ господъ, сухо отвѣчалъ на это, что онъ „очень радъ“ такому благому намѣренію прогрессистовъ.

Для внесенія законопроекта въ парламентъ онъ долженъ былъ быть подписанъ 15 депутатами; Швейцеръ прежде всего обратился для этой цѣли къ представителямъ, выбраннымъ рабочими. Но Ферстерлингъ и Рейнке отклонили предложеніе Швейцера; Либкнехтъ же отъ своего имени и отъ имени своихъ ближайшихъ единомышленниковъ заявилъ, что они не могутъ присоединиться къ проекту, направленному къ поддержанію существующаго Сѣверогерманскаго Союза хорошими учрежденіями. Тогда Швейцеръ обратился къ своимъ мудрымъ критикамъ изъ прогрессистскаго лагеря, и они обѣщали ему дать свои подписи, но на другой день, на основаніи фракціоннаго постановленія, взяли обратно свое обѣщаніе. Точь въ точь такая же исторія повторилась съ націоналъ-либералами: сперва обѣщаніе, потомъ фракціонная резолюція, а затѣмъ отказъ. Услужливѣе другихъ оказались на этотъ разъ консерваторы, но они согласились дать свои подписи только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы сельскохозяйственные рабочіе были изъяты изъ дѣйствія новаго закона, на что, разумѣется, Швейцеръ не пошелъ. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, Швейцеръ добился того, что прогрессисты, націоналъ-либералы и консерваторы обязались выставить по пяти сторонниковъ проекта отъ каждой партіи, въ случаѣ, если президентъ возбудитъ объ этомъ вопросѣ. Но президентъ Симеонъ,

буржуа до мозга костей, который по отношенію къ парламентскимъ представителямъ пролетаріата всегда строго держался завѣтовъ своей партіи, заявилъ, что ему этого недостаточно, онъ долженъ видѣть подъ проектомъ 15 подписей. Затѣмъ слѣдовали новыя попытки Швейцера добыть подписи для своего предложенія, новыя увертки различныхъ партій, новый упорный отказъ президента, пока, наконецъ, короткая сессія рейхстага не была закрыта, и измученные патріоты не разъѣхались по домамъ.

Впослѣдствіи Либкнехтъ и нѣкоторые другіе соціалъ-демократы упрекали Швейцера въ томъ, что онъ своимъ проектомъ хотѣлъ отдать въ руки Бисмарка все рабочее движеніе и при этомъ сталъ на одну доску съ Вагенеромъ. А между тѣмъ этотъ законопроектъ цѣликомъ основывался на англійскомъ фабричномъ законодательствѣ и не содержалъ въ себѣ ничего того, чего бы впослѣдствіи не выставлялось въ соціалъ-демократическихъ проектахъ рабочаго законодательства. Бисмаркъ самъ по себѣ былъ тогда, какъ и раньше, упорнѣйшимъ противникомъ законодательной охраны труда, и новый союзный совѣтъ, составленный изъ представителей отдѣльныхъ правительствъ, нисколько не интересовался швейцеровскимъ проектомъ, — даже бросилъ въ корзину предложеніе прогрессистской партіи объ отмѣнѣ ограничительныхъ законовъ о союзахъ, принятое рейхстагомъ. Что Швейцеръ искалъ поддержки своему проекту у прогрессистовъ и консерваторовъ,—это вѣрно, и онъ самъ разсказывалъ объ этомъ въ „Соціалъ-демократѣ“ со всѣми подробностями; весьма вѣроятно также, что онъ по этому поводу велъ переговоры и съ Вагенеромъ. Однако же онъ предпочелъ отвернуться отъ консерваторовъ, чѣмъ подкупить ихъ такой уступкой, которая противорѣчила его принципамъ, — такъ что въ концѣ концовъ непонятно, чѣмъ онъ заслужилъ брошенный ему упрекъ.

Швейцеръ просто руководствовался той точкой зрѣнія, которая была провозглашена годомъ раньше на Женевскомъ конгрессѣ Интернаціонала, и которая признала, что рабочее законодательство никогда не служило опорой правительственной власти, а, наоборотъ, скорѣе превращало эту власть въ орудіе защиты интересовъ рабочаго класса.

Глава четвертая.

Главный трудъ научнаго соціализма.

1867 годъ составляетъ эпоху въ исторіи соціалъ-демократіи еще потому, что въ этомъ году появился первый томъ того великаго произведенія, въ которомъ Марксъ далъ классически законченную критику политической экономіи. Изображая процессъ производства капитала, Марксъ достигъ той высоты, съ которой ясно видна вся область современныхъ соціальныхъ отношеній, какъ ландшафтъ долины открывается передъ взоромъ альпиниста, достигшаго высочайшей вершины.

Въ первомъ отдѣлѣ своего произведенія Марксъ воспроизвелъ сказанное имъ въ изданномъ въ 1859 г. сочиненіи о товарѣ и деньгахъ. Въ новой обработкѣ, предметъ получилъ куда болѣе яркое изложеніе, трактуется несравненно шире и даетъ картину, полную красокъ и тончайшихъ оттѣнковъ. Въ міровой литературѣ не много найдется произведеній, выдерживающихъ сравненіе съ этими главами по блестящей отдѣлкѣ. Пресловутая трудность пониманія этихъ главъ имѣетъ мѣсто только для читателя, не прошедшаго діалектической школы. При серьезномъ углубленіи въ предметъ передъ каждымъ здоровымъ умомъ открывается неизсякаемый источникъ познанія, бьющій изъ глу-

бины человѣческаго духа и настолько чистый, что можно сосчитать песчинки на днѣ его.

Затѣмъ Марксъ переходитъ къ изслѣдованію превращенія денегъ въ капиталъ. Если при обращеніи товаровъ происходитъ обмѣнъ равныхъ цѣнностей, то, какимъ способомъ владѣлецъ денегъ можетъ покупать товары по ихъ цѣнности, продавать ихъ тоже по настоящей цѣнности и выручить большую сумму, чѣмъ пустилъ въ оборотъ? Онъ можетъ выполнить эту хитрую задачу, благодаря тому, что при современныхъ общественныхъ отношеніяхъ онъ на товарномъ рынкѣ находитъ товаръ, обладающій той особенностью, что его потребленіе является источникомъ новой цѣнности. Этотъ товаръ—рабочая сила. Такъ Марксъ разрѣшилъ загадку, о которую споткнулась классическая политическая экономія и надъ которой тщетно бился мелкомѣщанскій соціализмъ. Такъ выяснилъ онъ разницу между заработной платой и цѣнностью произведеннаго рабочимъ продукта, разницу, находящуюся въ вопіющемъ противорѣчіи съ капиталистическимъ закономъ цѣнности.

Рабочая сила воплощена въ живомъ работникѣ, который для своего существованія, какъ и для поддержанія семьи, обезпечивающей наличность рабочей силы и послѣ смерти работника, нуждается въ опредѣленной суммѣ жизненныхъ средствъ. Рабочее время, необходимое для производства этихъ жизненныхъ средствъ, опредѣляетъ цѣнность рабочей силы. Но эта цѣнность, выраженная въ заработной платѣ, далеко меньше той цѣнности, которую можетъ высосать изъ рабочей силы ея покупатель. Прибавочное время сверхъ необходимаго для возстановленія заработной платы является источникомъ прибавочной цѣнности, прогрессивно растущаго накопленія капитала. Неоплаченнымъ трудомъ работника живутъ всѣ неработающіе члены общества. Онъ является источникомъ земельной ренты землевладѣльцевъ, прибыли капита-

листовъ, государственныхъ и общественныхъ налоговъ. На ней покоится весь общественный строй, въ которомъ мы живемъ.

Правда, неоплаченный трудъ самъ по себѣ не является специфической особенностью буржуазнаго общества. Пока существуютъ имущіе и неимущіе классы, послѣдніе по необходимости являются поставщиками неоплатнаго труда. Пока средства производства составляютъ монополію одной части общества, работникъ — свободный или несвободный — долженъ сверхъ времени, необходимаго для производства своихъ жизненныхъ средствъ, работать еще добавочное время для содержанія собственниковъ средствъ производства. Заработная плата — это только особенная историческая форма проявленія системы неоплаченнаго труда, системы, господствующей съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ классы, и для полнаго уразумѣнія ея она должна быть изслѣдована, именно, какъ особенная историческая форма.

Для превращенія денегъ въ капиталъ собственникъ денегъ долженъ найти на товарномъ рынкѣ свободнаго работника, свободнаго въ двойномъ смыслѣ, во-первыхъ, какъ свободная личность, правоспособная распоряжаться своей рабочей силой, и продавать ее, какъ товаръ, и во-вторыхъ, какъ человѣкъ, лишенный всякаго другого товара для продажи, лишенный всѣхъ вещей, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлать какое-нибудь примѣненіе изъ своей рабочей силы. Это не природой созданное взаимоотношеніе, потому что природа не производитъ, съ одной стороны, собственниковъ денегъ и товаровъ, а съ другой—собственниковъ одной только рабочей силы. Но это и не общественное отношеніе, свойственное всѣмъ историческимъ эпохамъ; это—результатъ долгаго процесса историческаго развитія, продуктъ многихъ экономическихъ переворотовъ, длиннаго ряда отошедшихъ въ вѣчность производственныхъ формацій.

Товарное обращеніе—исходный пунктъ капитала. Товарное производство, товарное обращеніе и, именно, развитое товарное обращеніе, торговля, представляютъ историческія предпосылки появленія капитала. Моментъ рожденія современнаго капитала слѣдуетъ отнести къ XVI столѣтію, когда появились міровая торговля и міровой рынокъ въ современномъ смыслѣ слова. Представленіе вульгарныхъ экономистовъ, будто нѣкогда существовало отборное прилежное меньшинство, аккумулировавшее капиталъ, и рядомъ съ нимъ масса лѣнивой сволочи, у которой въ концѣ концовъ ничего не осталось, кромѣ собственной шкуры,—не больше, какъ пошлая дѣтская сказка, такая же сказка, какъ туманный разсказъ буржуазныхъ историковъ о паденіи феодальнаго строя, которое они описываютъ, какъ эмансипацію работника, вмѣсто того, чтобы прямо говорить о замѣнѣ одного способа эксплоатаціи другимъ. Въ то время какъ рабочіе перестали принадлежать процессу производства въ качествѣ рабовъ и крѣпостныхъ, средства производства перестали принадлежать рабочимъ, какъ самостоятельнымъ крестьянамъ или ремесленникамъ. Рядомъ насильственныхъ и жестокихъ пріемовъ, которые Марксъ съ живостью описываетъ въ главѣ о первоначальномъ накопленіи въ Англіи, широкая народная масса была оторвана отъ земли и лишена жизненныхъ средствъ и орудій производства. Таково происхожденіе свободныхъ рабочихъ, въ которыхъ нуждался капиталистическій способъ производства. Съ головы до пятокъ запачканный кровью и грязью, явился на свѣтъ Божій капиталъ. Разъ ставъ на ноги, капиталъ не только получилъ въ свое распоряженіе необходимыя условія своего существованія, отдѣленіе рабочаго отъ средствъ производства, но и постоянно воспроизводилъ эти условія въ болѣе широкомъ масштабѣ.

Отъ прежнихъ формъ эксплоатаціи неоплаченнаго труда капиталистическій способъ производства отли-

чается своимъ безграничнымъ ростомъ, своей ненасытной жаждой прибавочнаго труда. Въ тѣхъ общественно-экономическихъ формаціяхъ, въ которыхъ цѣлью производства является потребительная, а не мѣновая цѣнность продукта, прибавочный трудъ болѣе или менѣе ограничивается размѣромъ потребностей; изъ самаго характера производства безграничная алчность прибавочнаго труда не вытекаетъ. Другое дѣло, когда преобладающей цѣлью производства становится мѣновая цѣнность. Какъ потребитель чужой работоспособности, какъ насосъ прибавочнаго труда и эксплоататоръ рабочей силы, капиталъ, по своей энергіи, ненасытности и продуктивности, превосходитъ всѣ прежніе способы эксплоатаціи, основанной на непосредственно принудительной работѣ. Его интересуетъ не процессъ труда, не производство предметовъ потребленія, но процессъ образованія прибавочной стоимости, производство мѣновыхъ цѣнностей, изъ которыхъ можетъ быть извлечено больше цѣнности, чѣмъ ея внесено въ процессъ. Жажда прибавочной цѣнности не знаетъ утоленія; производство мѣновой цѣнности не имѣетъ той границы, которую производство потребительной цѣнности встрѣчаетъ въ удовлетвореніи потребности.

Какъ товаръ представляетъ собою сочетаніе потребительной и мѣновой цѣнностей, такъ процессъ производства товара представляетъ соединеніе процесса труда и процесса образованія цѣнности. Процессъ образованія цѣнности длится до того момента, когда цѣнность, воплощенная въ заработной платѣ, возстановлена вновь произведенной равной цѣнностью, затѣмъ онъ превращается въ процессъ образованія прибавочной цѣнности. Какъ соединеніе процесса труда и процесса производства прибавочной цѣнности, онъ представляетъ собою капиталистическій способъ производства, капиталистическую форму товарнаго производства. Процессъ труда — это взаимодѣйствіе ме-

жду рабочей силой и средствами производства; въ процессѣ образованія прибавочной цѣнности оба эти элемента принимаютъ форму постояннаго и перемѣннаго капитала. Постоянный капиталъ превращается въ средства производства — сырой матеріалъ, орудія, вспомогательныя средства—и въ процессѣ производства не мѣняетъ своей цѣнности. Перемѣнный капиталъ превращается въ рабочую силу и въ процессѣ производства мѣняетъ размѣръ своей цѣнности: онъ возстановляетъ свою собственную цѣнность и образуетъ еще излишекъ, прибавочную цѣнность, которая, въ свою очередь, измѣняясь можетъ сдѣлаться больше или меньше. Такъ Марксъ прокладываетъ себѣ дорогу для изслѣдованія прибавочной цѣнности, въ которой онъ различаетъ двѣ формы — абсолютную прибавочную цѣнность и относительную прибавочную цѣнность—игравшія различныя, но равно важныя роли въ исторіи капиталистическаго производства.

Абсолютная прибавочная цѣнность производится путемъ удлиненія рабочаго дня за предѣлъ рабочаго времени, необходимаго для возстановленія заработной платы. Капиталистъ былъ бы не прочь удлинить рабочій день до 24 часовъ, потому что, чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ больше вырабатывается прибавочной цѣнности. Съ другой стороны, рабочій правильно сознаетъ, что каждый часъ труда сверхъ необходимаго для возстановленія рабочей платы, вытягивается изъ него несправедливо; онъ испытываетъ на собственной шкурѣ, что значитъ работать лишнее время. Борьба изъ-за продолжительности рабочаго дня длится съ самаго появленія свободнаго рабочаго на исторической аренѣ вплоть до настоящаго момента. Капиталистъ борется за свою прибыль, и конкурренція заставляетъ его—все равно, благородный онъ человѣкъ или негодяй — стремиться къ удлиненію рабочаго дня до послѣднихъ границъ человѣческой работоспособности. Рабочій борется за свое здоровье, за нѣ-

сколько часовъ отдыха, за право заниматься иной человѣческой дѣятельностью, кромѣ работы, ѣды и сна. Марксъ въ яркихъ краскахъ изображаетъ полувѣковую гражданскую борьбу изъ-за рабочаго дня между рабочимъ классомъ и классомъ капиталистовъ въ Англіи. Эта борьба началась съ самаго рожденія крупной промышленности, побуждавшей капиталистовъ разрушить всѣ преграды, какія ставятъ эксплоатаціи пролетаріата природа и обычаи, полъ и возрастъ, день и ночь, и завершилась изданіемъ билля о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, отвоеваннаго рабочимъ классомъ и воздвигшаго могущественную общественную преграду, препятствующую самому рабочему классу при помощи свободнаго договора запродать себя и свой родъ въ рабство капиталу.

Относительная прибавочная цѣнность создается путемъ сокращенія въ пользу прибавочнаго труда, рабочаго времени, необходимаго для воспроизводства стоимости рабочей силы. Цѣнность рабочей силы понижается путемъ повышенія производительности труда въ областяхъ промышленности, занятыхъ изготовленіемъ предметовъ потребленія рабочаго класса; удешевленіе этихъ продуктовъ влечетъ за собою пониженіе цѣнности рабочей силы. Для этого необходимъ переворотъ въ способѣ производства, въ техническихъ и общественныхъ условіяхъ процесса труда. Историческія, экономическія, техническія и общественно-психологическія изслѣдованія, предпринятыя Марксомъ для освѣщенія этого вопроса, и изложенныя въ рядѣ главъ, трактующихъ о коопераціи, раздѣленіи труда и мануфактурѣ, машинахъ и крупной промышленности, принадлежатъ къ самымъ значительнымъ произведеніямъ, когда-либо написаннымъ имъ. Даже одинъ изъ его буржуазныхъ біографовъ подтруниваетъ надъ тѣмъ, что представители оффиціальной науки вмѣсто того, чтобы черпать изъ этой богатой сокровищницы знанія, все еще повторяютъ зады по Адаму Смиту, копируя

сказанное имъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ о раздѣленіи труда. Въ извиненіе имъ можно сказать, что легче вырвать палицу изъ рукъ Геркулеса, чѣмъ заимствовать мысль у революціоннаго мыслителя вродѣ Маркса и поднести ее, какъ пищу, къ яслямъ университетскаго стойла.

Говоря о промышленности, Марксъ выясняетъ, что она не только обездоливаетъ массы, какъ никакая другая форма производства, но безпрерывно революціонизируя капиталистическое общество, подготовляетъ высшую форму общежитія. Фабричное законодательство является первымъ сознательнымъ планомѣрнымъ вмѣшательствомъ общества въ естественно-историческій ходъ экономическаго процесса. Нормируя трудъ на фабрикахъ и заводахъ, оно сперва является покушеніемъ на эксплоататорскія права капитала. Но жестокость дѣйствительности очень скоро заставляетъ общество регулировать и домашнее производство и столкнуться съ родительскимъ авторитетомъ, свидѣтельствуя этимъ, что крупная промышленность, вмѣстѣ съ экономическимъ базисомъ архаической семьи, упраздняетъ и соотвѣтствующее ему домашнее производство. „Какъ ни ужасно и не отвратительно само по себѣ разрушеніе старой семьи внутри капиталистическаго строя, но та громадная роль, которую крупная промышленность отводитъ женщинамъ, молодымъ людямъ и дѣтямъ обоего пола въ общественно организованномъ процессѣ производства, создаетъ новую экономическую основу для болѣе совершенной формы семьи и высшихъ отношеній между обоими полами. Было бы (въ равной мѣрѣ) нелѣпо считать за идеалъ семьи христіанско-германскую, какъ и древнеримскую, или греческую, или восточную форму ея, которыя, впрочемъ, образуютъ лишь отдѣльныя переходныя ступени въ процессѣ историческаго развитія. Точно также понятно, что хотя при грубомъ капиталистическомъ режимѣ, при которомъ рабочій существуетъ для производства, а не

производство для рабочаго, соединеніе на одной и той же фабрикѣ лицъ различныхъ половъ и возрастовъ служитъ причиной физической и нравственной деморализаціи и порабощенія, однако при соотвѣтствующихъ условіяхъ оно можетъ стать источникомъ развитія высокихъ нравственныхъ качествъ". Та самая машина, которая низвела человѣка до степени своего придатка, создаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ условія для такого развитія производительныхъ силъ, при которомъ достойное человѣческое существованіе станетъ возможнымъ для всѣхъ членовъ общества, чего не могли дать всѣ прежнія общественныя формы.

Покончивъ съ изслѣдованіемъ производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости, Марксъ затѣмъ даетъ первую въ исторіи политической экономіи раціональную теорію заработной платы. Цѣну каждаго товара составляетъ его мѣновая цѣнность, выраженная въ деньгахъ; заработная плата — это] цѣна рабочей силы. На рынкѣ въ качествѣ товара фигурируетъ не трудъ, а рабочій, предлагающій свою рабочую силу, его работа получается только въ результатѣ потребленія проданнаго имъ товара, рабочей силы. Трудъ составляетъ субстанцію и внутреннее мѣрило цѣнности, но самъ по себѣ не обладаетъ никакой цѣнностью. Но на первый взглядъ въ заработной платѣ какъ будто заключается цѣна труда, такъ какъ рабочій получаетъ свою плату послѣ того, какъ онъ уже совершилъ свою работу. Форма заработной платы затушевываетъ всякіе слѣды дѣленія рабочаго дня на оплаченное и неоплаченное время.

Здѣсь происходитъ какъ разъ обратное тому, что мы наблюдаемъ при рабскомъ трудѣ. Тамъ кажется, что рабъ цѣликомъ работаетъ на своего господина, даже въ той части рабочагс дня, въ теченіе которой онъ производитъ только стоимость своихъ собственныхъ жизненныхъ средствъ; вся его работа кажется неоплаченной. При наемномъ трудѣ, наоборотъ, даже

неоплаченная часть работы также кажется оплаченной. Тамъ рабовладѣльческія отношенія скрываютъ ту часть труда, которую рабъ тратитъ на самого себя; здѣсь денежныя отношенія скрываютъ даровой трудъ наемнаго рабочаго на своего нанимателя. Отсюда понятно, говоритъ Марксъ, то громадное значеніе, которое имѣетъ превращеніе цѣны и цѣнности рабочей силы въ заработную плату или въ цѣну и цѣнность самой работы. На этой внѣшней формѣ явленія, скрывающей дѣйствительныя, внутреннія отношенія, покоятся всѣ правовыя понятія какъ рабочихъ, такъ и капиталистовъ, весь фетишизмъ капиталистическаго способа производства, всѣ иллюзіи свободы, всѣ крючкотворныя апологіи вульгарныхъ экономистовъ.

Заработная плата является въ двухъ формахъ: въ формѣ платы за время и поштучной платы. Относительно повременной платы Марксъ доказалъ всю неосновательность разсужденій, которыми ненасытные эксплоататоры съ бравымъ Бисмаркомъ во главѣ аргументировали свое отрицательное отношеніе къ законодательному ограниченію рабочаго дня; они именно утверждали, что подобное ограниченіе поведетъ къ пониженію заработка рабочихъ. Какъ разъ наоборотъ: временное сокращеніе рабочаго дня дѣйствительно понижаетъ заработокъ рабочаго, но постоянное, напротивъ того, поднимаетъ его: чѣмъ длиннѣе рабочій день, тѣмъ ниже заработная плата.

Поштучная плата представляетъ собою не что иное, какъ видоизмѣненіе повременной платы, это — форма заработной платы, соотвѣтствующая капиталистическому способу производства. Она получила хорошее распространеніе въ мануфактурный періодъ, и въ эпоху расцвѣта англійской крупной промышленности, она служила способомъ удлиненія рабочаго дня и пониженія расцѣнокъ. Поштучная плата весьма выгодна для капиталиста, такъ какъ она, большею частью, избавляетъ его отъ необходимости надзора за рабо-

чими и кромѣ того даетъ ему массу случаевъ и способовъ къ пониженію расцѣнокъ и для другихъ махинацій. Рабочимъ же этотъ способъ расплаты приноситъ одинъ только огромный вредъ: истощеніе отъ сверхурочной работы, которая, будто бы, должна повысить заработокъ рабочаго, но фактически только понижаетъ его, усиленіе конкурренціи и ослабленіе солидарности между рабочими, вторженіе тунеядствующаго элемента между капиталистами и рабочими, различныхъ посредниковъ, которые спускаютъ себѣ въ карманъ порядочный кушъ изъ заработка рабочаго, и многое другое.

Соотношеніями между прибавочной стоимостью и заработной платой обусловливается то, что при капиталистическомъ способѣ производста капиталистами не только воспроизводится постоянно капиталъ и поддерживается нищета рабочаго; они создаютъ съ одной стороны, капиталистовъ, собственниковъ матеріальныхъ благъ, сырыхъ матеріаловъ и орудій производства, съ другой — массу рабочихъ, которая вынуждена продавать капиталистамъ свою рабочую силу за нищенскую плату, въ лучшемъ случаѣ, достаточную только для того, чтобы кое-какъ поддерживать свою работоспособность и воспроизводить такое же работоспособное пролетарское потомство. Но капиталъ не только воспроизводитъ самъ себя, онъ увеличивается и растетъ непрерывно; этому „процессу накопленія капитала“ Марксъ отводитъ послѣдній отдѣлъ своего труда, посвященнаго изображенію „процесса производства капитала“.

Не только прибавочная цѣнность создается капиталомъ, но капиталъ создается изъ прибавочной цѣнности. Одна часть ежегодно производимой прибавочной цѣнности потребляется въ качествѣ дохода имущими классами, между которыми она распредѣляется, другая часть накопляется въ видѣ капитала. Неоплаченный трудъ, высасываемый изъ рабочаго класса, служитъ уже теперь насосомъ для дальнѣйшаго вы-

качиванія изъ рабочаго дарового труда. Въ процессѣ производства первоначально авансированный капиталъ вообще становится перемѣнной величиной, по сравненію съ непосредственно накопленнымъ капиталомъ, т. е. съ прибавочной цѣнностью или прибавочнымъ продуктомъ, превращеннымъ въ капиталъ, все равно пускается ли онъ въ оборотъ тѣми руками, которыя его накопляли, или другими. Основанный на товарномъ производствѣ и обращеніи, законъ частной собственности своей внутренней діалектикой неизбѣжно превращается въ свою противоположность По законамъ товарнаго производства казалось, что частная собственность основывается на собственномъ трудѣ. Товаровладѣльцы стояли другъ противъ друга, какъ равноправные члены общества; средствомъ присвоенія чужого товара могло быть только отчужденіе своего, а свой товаръ могъ быть полученъ только своимъ трудомъ. Теперь же собственность выступаетъ для капиталиста, какъ право присваивать чужой, неоплаченный трудъ или его продуктъ, а для рабочаго— какъ препятствіе къ пользованію продуктомъ своего собственнаго труда.

Когда современный пролетаріатъ сталъ понимать это взаимоотношеніе, когда городскіе рабочіе въ Ліонѣ забили въ набатъ, и сельскій пролетаріатъ въ Англіи началъ чаще прибѣгать къ красному пѣтуху, тогда вульгарные экономисты выдумали свою „теорію сбереженія“, которая объясняетъ происхожденіе капитала добровольнымъ „воздержаніемъ“ капиталистовъ отъ потребленія и которую Марксъ бичевалъ съ той же безпощадностью, съ какой разбивалъ ее еще Лассаль въ своемъ „Бастіа—Шульце“. Что дѣйствительно способствуетъ накопленію капитала, такъ это вынужденное „воздержаніе“ рабочихъ, насильственное пониженіе заработной платы ниже стоимости рабочей силы, съ цѣлью превратить часть необходимаго потребительнаго фонда рабочихъ въ фондъ для нако-

пленія капитала. Отсюда всѣ вопли и крики о „роскошной жизни" рабочихъ, о бутылкѣ вина, которую позволили себѣ однажды выпить берлинскіе каменьщики, тѣ дешевые кухонные рецепты, которые христіанскіе соціалъ-реформаторы изготовляютъ для рабочихъ, и все прочее, относящееся къ области буржуазнаго фарисейства.

Общій законъ капиталистическаго накопленія таковъ; каждое увеличеніе капитала включаетъ въ себѣ увеличеніе его перемѣнной части, или той части, которая обращена въ рабочую силу. При неизмѣнномъ составѣ капитала, когда одна и та же сумма средствъ производства требуетъ для своего примѣненія одной и той же массы рабочей силы, спросъ на рабочія руки и на жизненныя средства рабочихъ растетъ, очевидно, параллельно съ капиталомъ и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе растетъ послѣдній. Подобно тому, какъ при простомъ воспроизводствѣ взаимоотношеніе между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ остается неизмѣннымъ, точно такъ же при воспроизводеніи сложнаго, аккумулированнаго капитала, принимая все высшія и высшія формы, составъ капитала постоянно воспроизводится, вновь сосредоточивая на одномъ полюсѣ все больше и больше капиталистовъ или все болѣе и болѣе крупныхъ капиталистовъ, а на другомъ — все больше и больше наемныхъ рабочихъ. Аккумуляція капитала, стало быть, означаетъ ростъ арміи пролетаріата, и въ данномъ случаѣ этотъ ростъ сопровождается условіями, вполнѣ благопріятными для рабочихъ. Отъ ихъ все возрастающаго прибавочнаго продукта, который все въ большемъ и большемъ размѣрѣ превращается въ новый капиталъ, все большая доля возвращается имъ обратно въ видѣ заработной платы, такъ что они могутъ расширять кругъ своихъ жизненныхъ потребностей, могутъ тратить больше средствъ на пищу, одежду, мебель и проч.

Однако это не избавляетъ ихъ отъ роли зависимыхъ и эксплоатируемыхъ наемниковъ, подобно тому, какъ хорошо отдѣтый и сытый рабъ не перестаетъ быть рабомъ.

Капиталистъ всегда взимаетъ съ нихъ опредѣленное количество неоплаченнаго труда; это количество, можетъ, правда, уменьшаться, но никогда оно не можетъ сократиться настолько, чтобы грозить опасностью характеру капиталистическаго способа производства. Какъ только заработная плата достигнетъ этого уровня, тотчасъ прекращается погоня за наживой у капиталистовъ, аккумуляція капитала пріостанавливается до тѣхъ поръ, пока заработная плата снова не понизится до уровня, соотвѣтствующаго условіямъ примѣненія этого капитала.

Но золотыя цѣпи, которыя самъ себѣ выковываетъ наемный рабочій, только тогда начинаютъ понемногу съ него спадать, когда при накопленіи капитала отношеніе между его постоянной и перемѣнной частью остается неизмѣннымъ. Фактически же по мѣрѣ роста капитала въ его, такъ названномъ Марксомъ, органическомъ составѣ происходитъ сильная революція. Постоянная часть капитала растетъ на счетъ его перемѣнной части; благодаря развитію производительныхъ силъ одно и то же количество рабочей силы можетъ привести въ движеніе гораздо большее количество средствъ производства, спросъ на рабочія руки не увеличивается, а, наоборотъ, уменьшается пропорціально накопленію капитала. Въ томъ же направленіи, только въ другой формѣ, дѣйствуетъ концентрація капитала, совершающаяся независимо отъ его аккумуляціи, вслѣдствіе поглощенія мелкихъ капиталовъ крупными. Въ то время, какъ образовавшійся въ процессѣ накопленія прибавочный капиталъ поглощаетъ пропорціонально своему росту все меньше и меньше новыхъ рабочихъ, воспроизведенный въ новомъ составѣ прежній капиталъ выбрасы-

ваетъ на улицу все больше прежде занятыхъ имъ рабочихъ силъ. Такимъ образомъ, на рынкѣ оказывается избытокъ рабочихъ рукъ, превышающій потребности капитала, образуется, такъ называемая, промышленная резервная армія, которая въ періодъ застоя или средняго состоянія промышленности либо продаетъ свой трудъ ниже его стоимости, притомъ крайне рѣдко находитъ работу, либо ложится бременемъ на общественную благотворительность, но во всякомъ случаѣ своей конкурренціей подрываетъ силу сопротивленія занятыхъ рабочихъ и способствуетъ пониженію заработной платы.

Являясь неизбѣжнымъ результатомъ накопленія или развитія богатства въ капиталистическомъ строѣ, резервная армія пролетаріата становится затѣмъ сама главнымъ двигателемъ процесса накопленія, даже жизненнымъ условіемъ капиталистическаго способа производства. Съ накопленіемъ капитала и сопровождающимъ его развитіемъ производительныхъ силъ, растетъ внезапное напряженіе капитала, требующее иногда вдругъ огромной массы рабочихъ рукъ для того, чтобы ихъ внезапно и безъ ущерба для другихъ промышленнныхъ сферъ бросить на новые рынки или въ новыя отрасли производства. Характерная особенность современной индустріи, ея десятилѣтній циклъ періодовъ средняго развитія, процвѣтанія, упадка, кризиса и застоя, прерываемый небольшими колебаніями, покоится на постоянномъ образованіи, большемъ или меньшемъ поглощеніи и вторичномъ образованіи резервной рабочей арміи. Чѣмъ больше накоплено общественнаго богатства, чѣмъ крупнѣе функціонирующій капиталъ, и чѣмъ шире размахъ и выше энергія его роста, стало быть, чѣмъ больше абсолютная численность рабочаго населенія и производительная сила его труда, тѣмъ больше относительный избытокъ промышленной резервной арміи. Ея относительная величина растетъ вмѣстѣ со степенью общественнаго

богатства. Но чѣмъ больше резервная армія пролетаріата по сравненію съ количествомъ занятыхъ рабочихъ, тѣмъ многочисленнѣе тѣ рабочіе слои, бѣдствія которыхъ превосходятъ мучительность его труда. Чѣмъ большая масса, наконецъ, захватывается этими бѣдственными условіями, и чѣмъ гуще становятся ряды промышленной резервной арміи, тѣмъ больше растетъ открытый пауперизмъ. Таковъ абсолютный всеобщій законъ капиталистическаго накопленія.

Отсюда вытекаетъ и историческая тенденція этого накопленія. Рядомъ съ аккумуляціей и концентраціей капитала идетъ развитіе и усовершенствованіе кооперативнаго труда, широкое примѣненіе научныхъ техническихъ знаній къ производству, планомѣрная и раціональная эксплоатація земли и природныхъ богатствъ, изобрѣтеніе такихъ орудій, которыя примѣнимы только при коллективной формѣ труда и удешевленіи самаго производства, именно, благодаря его характеру комбинированнаго общественнаго производства. По мѣрѣ того, какъ число крупныхъ денежныхъ магнатовъ уменьшается, и всѣ выгоды развивающагося производства узурпируются и монополизируется небольшой кучкой капиталистовъ, растетъ нищета и подавленность, порабощенность и деградація, но вмѣстѣ съ тѣмъ недовольство и возмущеніе рабочаго касса, объединеннаго, дисциплинированнаго и организованнаго самимъ механизмомъ капиталистическаго производства. Капиталистическая монополія превращается въ оковы для того самаго способа производства, который выросъ вмѣстѣ съ нею и подъ ея защитой. Концентрація капитала и обобществленіе труда, достигаетъ того пункта, когда капиталистическая оболочка становится невыносимой для самаго процесса производства. Тогда бьетъ часъ капиталистической частной собственности, экспропріирующіе экспропріируются! Индивидуальная собственность, основанная на личномъ трудѣ, снова возрождается,

но уже на почвѣ того наслѣдія, которое оставлено эпохой капитализма, на почвѣ свободнаго сотрудничества свободныхъ рабочихъ и коллективнаго владѣнія землей и всѣми средствами производства, добытыми общественнымъ трудомъ. Это превращеніе капиталистической частной собственности, фактически уже основанной на общественной формѣ производства, въ общественную собственность, является процессомъ уже не такимъ труднымъ и затяжнымъ, какъ превращеніе мелкой, раздробленной частной собственности, основанной на индивидуальномъ трудѣ, въ капиталистическую собственность. Тамъ дѣло шло объ экспропріаціи народной массы горстью узурпаторовъ, здѣсь рѣчь будетъ объ экспропріаціи кучки монополистовъ народной массой.

Невозможно, конечно, на пространствѣ нѣсколькихъ страницъ дать хоть приблизительное представленіе о томъ богатствѣ мыслей и фактовъ, которое содержится въ первомъ томѣ „Капитала“. То, что въ моемъ изложеніи можетъ казаться болѣе или менѣе голословнымъ, все это въ самой книгѣ выступаетъ съ убѣдительностью ясной научной системы, стройно сложенной камень за камнемъ, безъ всякихъ замазокъ и прикрасъ, покоющейся на незыблемой логикѣ вещей, на твердомъ фундаментѣ фактовъ.

Но помимо духовныхъ сокровищъ, разсыпанныхъ обильной рукой по всей книгѣ, она носитъ на себѣ неизгладимую печать истиннаго генія: читатель все время чувствуетъ, что творецъ выше своего творенія.

Критикуя существовавшую до него политическую экономію, Марксъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствовалъ эту науку. Онъ строилъ свое научное зданіе на фундаментѣ, положенномъ Адамомъ Смитомъ и Рикардо. Онъ продолжалъ изслѣдованіе капиталистическаго способа производства съ того пункта, на которомъ оба названные самостоятельные мыслители оборвали его или, вѣрнѣе, принуждены были оборвать, такъ

какъ имманентные законы хозяйственнаго развитія еще не обозначились тогда съ такой отчетливостью, чтобы ихъ можно было какъ слѣдуетъ изучить. Буржуазные представители классической школы политической экономіи избрали обратный методъ; чѣмъ больше выяснялась настоящая физіономія капиталистическаго способа производства, тѣмъ больше они сворачивали съ пути изслѣдованія и обличенія и прибѣгали къ методу скрыванія и затушевыванія дѣйствительныхъ фактовъ, что, по ихъ терминологіи, означало „дальнѣйшее усовершенствованіе науки". Когда книга Маркса появилась въ свѣтъ, они первымъ дѣломъ, по своей излюбленной манерѣ, встрѣтили ее гробовымъ молчаніемъ. Когда это не помогло, они подняли крикъ о ненаучной тенденціозности этого сочиненія. Особенно интересна въ этомъ отношеніи критика, которой удостоился первый томъ „Капитала" — ровно черезъ восемь лѣтъ послѣ своего появленія — въ „Augsburger Allgemeine Zeitung", и которая исходила не отъ какого-нибудь манчестерца, а, какъ видно по ея содержанію, отъ послѣдователя исторической школы.

Этотъ остроумный критикъ пришелъ къ заключенію, что всякій, кто хочетъ составить себѣ вѣрное представленіе о природѣ капитала, долженъ основательно изучить исторію его развитія. Для такой работы требуется сила гиганта и терпѣніе карлика. Кто хочетъ говорить о несправедливости современнаго распредѣленія имуществъ, тотъ долженъ изучить фактическую сторону вопроса о прибыли и заработной платѣ, о собственности, ея накопленіи и исчезновеніи. Только такимъ путемъ можно кое въ чемъ убѣдить вдумчиваго читателя. Казалось, можно было ожидать вывода, что Марксъ-то именно выполнилъ всѣ эти требованія. Ничуть не бывало. „Намѣренно игнорируя всѣ результаты новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій, вѣрнѣе, совершенно не зная этихъ результа-

товъ, Марксъ становится на точку зрѣнія англійской политической экономіи, которая была извѣстна уже 50 лѣтъ тому назадъ. Онъ старается развить и усовершенствовать теорію Рикардо, точно слѣдуя его методу абстрагированія и договаривая даже послѣднее недосказанное имъ слово. Съ гордостью самоучки онъ à priori ставитъ предпосылки, которыя онъ признаетъ неподлежащими никакому сомнѣнію, но правильность которыхъ давно оспаривается другими.

„За Рикардо и старыми учеными остается та несомнѣнная заслуга, что они углубили экономическую науку, но это уже давно прошло и потеряло свое значеніе. Кто въ настоящее время двигаетъ впередъ политическую экономію, разбирая жгучіе, злободневные вопросы о капитализмѣ и собственности по старому методу, тотъ находится въ глубокомъ заблужденіи, тотъ проспалъ цѣлый человѣческій вѣкъ непрерывнаго развитія науки“. Этотъ „цѣлый человѣческій вѣкъ“, который Марксъ проспалъ, былъ, съ одной стороны, вѣкомъ софизмовъ, которыми Бастіа и его послѣдователи фальсифицировали ученіе Адама Смита и Рикардо, съ другой — эпохой робкихъ попытокъ обойти непріятные выводы классической политической экономіи, попытокъ, которыя предпринимались Рошеромъ и другими знатоками „историческаго метода“.

Можно удовлетвориться этимъ классическимъ образомъ того непониманія, съ которымъ буржуазные экономисты цѣлые годы и десятилѣтія подъ рядъ трактовали ученіе Маркса. Въ концѣ концовъ и они не избѣгли его вліянія. Процессъ экономическаго развитія фактами, бросавшимися прямо въ глаза, до того ясно подтверждалъ всѣ выводы Маркса, что ихъ не могли не признать даже самые близорукіе люди. Въ настоящее время ни одинъ буржуазный экономистъ не рѣшится повторять тѣхъ нелѣпостей, которыми былъ встрѣченъ первый томъ „Капитала“ 20

лѣтъ тому назадъ, и можно безъ преувеличенія утверждать, что той реальной работой, которую еще выполняетъ буржуазная наука, она прямо или косвенно обязана вліянію этой книги. Поскольку она въ своей борьбѣ съ научнымъ соціализмомъ вооружена не картоннымъ мечомъ, а болѣе или менѣе серьезными доводами, это ея оружіе выковано въ огнѣ марксистскаго ученія. Отъ своей судьбы ей однако не уйти, по той же причинѣ, по которой не могли бы избѣгнуть своей участи дикія варварскія орды, даже если-бъ онѣ пытались отстаивать свою отжившую культуру съ оружіемъ цивилизаціи въ рукахъ.

Однако не только буржуазнымъ ученымъ, но и рабочему классу понадобилось то воспитаніе, которое дается только самимъ процессомъ экономическаго развитія для того, чтобы идеи Маркса вошли въ ихъ плоть и кровь. Причиною этого было то положеніе вещей, которое самъ Марксъ отмѣчаетъ въ своемъ предисловіи, говоря, что Германія, какъ и вся остальная континентальная Западная Европа, страдаетъ не только отъ развитія капиталистическаго способа производства, но и отъ недостаточнаго развитія этого способа. Цѣлый рядъ унаслѣдованныхъ отъ прежнихъ временъ бѣдствій, которыя проистекали отъ прозябанія давно отжившихъ способовъ производства и сопутствующихъ имъ общественно-политическихъ условій, затемняли въ глазахъ рабочихъ тѣ внутреннія причины современныхъ отношеній, которыя изобличаетъ въ своей книгѣ Марксъ. Іоганнъ Филиппъ Беккеръ окрестилъ эту книгу названіемъ библіи рабочаго класса, — сравненіе теоретически довольно неуклюжее, но исторически въ высшей степени мѣткое. На первыхъ порахъ книга имѣла больше почитателей, чѣмъ читателей, ею поражались, но ея не понимали; въ толкованіяхъ, которыя ей давали, сквозила скорѣе ортодоксальная преданность, чѣмъ объективное критическое отношеніе. Въ то время упрекъ въ догматическомъ фанатизмѣ

имѣлъ больше основанія, чѣмъ теперь, когда неудержимый ростъ германской промышленности каждый день показываетъ, какъ правъ былъ Марксъ, когда принималъ англійскую промышленность за образецъ для другихъ странъ, какъ мало въ его сочиненіи догматизма и какъ много исторической правды.

Историческое сочиненіе, рисующее опредѣленный періодъ развитія человѣчества, не можетъ служить кладеземъ мудрости для всѣхъ будущихъ временъ, и никто не былъ такъ далекъ отъ подобныхъ притязаній, какъ самъ Марксъ. За послѣднія 30 лѣтъ капиталистическій способъ производства обнаружилъ такія явленія, которыхъ Марксъ еще не зналъ и не предвидѣлъ; указанный Марксомъ десятилѣтній циклъ хозяйственнаго развитія не является больше характерной чертой для современной индустріи, но каждое фактическое исключеніе до сихъ поръ только подтверждало общую тенденцію, которая, какъ указалъ Марксъ, проходитъ красной нитью черезъ всю исторію капиталистическаго производства. Напрасно стараются свести къ нулю всѣ бѣдствія, которыя капитализмъ приноситъ съ собою рабочему классу, указывая на особенный подъемъ этого класса тамъ, гдѣ капиталистическій способъ производства достигъ высшей степени развитія. Такова именно указанная Марксомъ тенденція крупнаго капиталистическаго производства, что оно, угнетая рабочій классъ, тѣмъ самымъ куетъ противъ себя то оружіе, которое со временемъ уничтожитъ его до основанія. Всѣ мудрствованія буржуазныхъ экономистовъ, которые выставляютъ успѣхи пролетаріата, какъ мнимые плоды развитія крупной индустріи, и стараются отбить у него охоту къ экономической и политической борьбѣ, являются въ лучшемъ случаѣ лебединой пѣсней капиталистическаго способа производства, которой оно успокаиваетъ свои предсмертныя муки.

Хотя ничто вообще сразу никогда не дѣлается, и

I томъ „Капитала“ только постепенно сталъ духовнымъ достояніемъ нѣмецкаго пролетаріата, однако этотъ отрадный фактъ усвоенія идей Маркса рабочимъ классомъ сталъ замѣчаться тотчасъ послѣ появленія его книги. Сперва далъ объ этой книгѣ въ высшей степени толковый отзывъ въ „Соціалъ-демократѣ“ Швейцеръ, изложившій ея содержаніе въ цѣломъ рядѣ статей, которыя Марксъ призналъ заслуживающими самаго серьезнаго вниманія. Затѣмъ появилась въ „Demokratisches Wochenblatt“ (Демократическій Еженедѣльникъ), органѣ Саксонской народной партіи, издававшемся съ 1868 г. Либкнехтомъ, анонимная замѣтка объ этой книгѣ, напечатанная въ двухъ номерахъ и принадлежавшая, очевидно, Энгельсу. Первымъ нѣмецкимъ рабочимъ, которому принадлежитъ честь усвоенія основныхъ началъ научнаго соціализма, былъ кожевникъ Іозефъ Дитцгенъ, который жилъ тогда въ Петербургѣ и отсюда прислалъ въ „Demokratisches Wochenblatt“ критическій отзывъ о „Капиталѣ“, насквозь проникнутый духомъ великаго произведенія.

Это доставило Марксу величайшую радость; въ этихъ признакахъ пониманія его идей непосредственно рабочимъ классомъ, онъ видѣлъ „лучшую награду“ за свой гигантскій трудъ. Дитцгена, который спустя годъ въ одномъ изслѣдованіи объ умственной дѣятельности человѣка самостоятельно развилъ теорію историческаго матеріализма, Марксъ обыкновенно называлъ „нашимъ философомъ“.

Глава пятая.

Нѣмецкіе профессіональные союзы.

Если кризисъ 1857 г. послужилъ первой, хотя и косвенной причиной возрожденія европейскаго рабочаго движенія, то въ томъ же направленіи, только несравненно сильнѣе и непосредственнѣе подѣйствовалъ

кризисъ 1866 г. Огромныя банкротства англійскихъ фирмъ привели къ полному застою въ дѣлахъ. Въ то время, какъ, съ одной стороны, во всей торговлѣ воцарилось затишье, фабрики сокращали свое производство или совершенно закрывались, заработная плата падала и безработица все больше и больше разраталась, съ другой — сильно поднялись цѣны на необходимые жизненные продукты, потребляемые рабочимъ классомъ, вслѣдствіе неурожаевъ 1866 и 1867 гг.

Подъ этимъ сильнымъ экономическимъ давленіемъ европейское рабочее движеніе стало принимать огромные размѣры. Смотря по той интенсивности, которой оно достигло въ различныхъ странахъ, возмущеніе пролетаріата противъ безчеловѣчныхъ условій его жизни принимало различныя формы. Въ Ирландіи царилъ терроръ феніевъ, въ Бельгіи рудокопы, выведенные изъ терпѣнія своимъ ужаснымъ положеніемъ, подняли голодный бунтъ, который типичное буржуазное правительство сумѣло подавить одними только пулями и штыками. Въ Австріи, гдѣ, вслѣдствіе пораженія 1866 г., бразды правленія перешли къ нѣмецкой буржуазіи, тотчасъ развилась пролетарская оппозиція, дѣйствительная сила которой, понятно, еще не вполнѣ соотвѣтствовала импонирующему впечатлѣнію ея внѣшняго выступленія.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочее движеніе достигло уже значительныхъ размѣровъ, возмущеніе пролетаріата противъ бѣдствій, вызванныхъ кризисомъ, проявилось въ массовыхъ забастовкахъ, шедшихъ рядомъ съ постепеннымъ присоединеніемъ рабочихъ къ Интернаціоналу. Конференція делегатовъ тредъ-юніоновъ „настоятельно“ рекомендовала этимъ союзамъ примкнуть къ Интернаціоналу, который во время забастовки машиностроителей, бронзовщиковъ, портныхъ, корзинщиковъ и другихъ мастеровыхъ въ Лондонѣ оказалъ сильную поддержку стачечникамъ

При одномъ локаутѣ бронзовщиковъ весною 1867 г. въ Парижѣ Интернаціоналъ помогъ рабочимъ отстоять свою только что завоеванную свободу коалицій; точно также онъ весною 1868 г. доставилъ побѣду женевскимъ строительнымъ рабочимъ въ ихъ стачечной борьбѣ за повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго дня.

Въ Германіи послѣдствія экономическаго кризиса до извѣстной степени перекрещивались и маскировались результатами политическаго кризиса, который принесъ съ собою тотъ же 1866 г. Только что заключенная дружба между нѣмецкой буржуазіей и прусскимъ абсолютизмомъ получила свой первый ударъ отъ вспыхнувшаго между ними назидательнаго спора о томъ, кто виною тяжелаго положенія страны, охваченной въ различныхъ мѣстностяхъ, какъ напр., въ Восточно-прусской провинціи форменнымъ голодомъ въ самомъ ужасномъ смыслѣ этого слова. Оффиціозная печать объявила жалкой экономической теоріи, выставленной буржуазіей, войну не на жизнь, а на смерть, ибо, по мнѣнію оффиціозовъ, эта-то теорія и есть главная виновница всѣхъ золъ; съ своей стороны, либеральныя газеты не менѣе энергично заявляли, что весь кризисъ, вся острая нужда, воцарившаяся повсюду, вызваны правительствами, которыя своимъ постояннымъ вооруженіемъ являются вѣчной угрозой для мира и создаютъ тревожное настроеніе, убивающее всякую промышленность и торговлю. Органы рабочаго класса говорили обоимъ поссорившимся союзникамъ, что у каждаго изъ нихъ есть достаточное основаніе выдрать себя за уши, тѣмъ не менѣе, они признали, что на этотъ разъ ближайшимъ виновникомъ наступившей безработицы являются правительства. Буржуазный способъ производства — какъ объяснялъ „Соціалъ-демократъ" — сдѣлалъ вообще возможными промышленные кризисы, ведущіе къ обнищанію массъ, но спеціально въ теперешнемъ застоѣ виновато исклю-

чительно правительство; въ томъ же духѣ высказалась и „Демократическая Еженедѣльная Газета", которая писала, что политика крови и желѣза дала свои плоды въ видѣ кризиса, голода и народнаго обѣдненія.

I. „Демократическая Еженедѣльная Газета" и „Соціалъ-демократъ".

Несмотря на одинаковую точку зрѣнія, принятую обѣими соціалъ-демократическими партіями, несогласія между Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ и Саксонской народной партіей съ появленіемъ „Демократической Газеты" не только не исчезли, но еще больше обострились.

Но причина этихъ разногласій лежала не въ пониженіи политическаго тона „Соціалъ-демократомъ". Какъ разъ къ этому времени Швейцеръ сталъ нападать на прусское правительство съ такой рѣзкостью, которая вызвала на его голову рядъ доносовъ и судебныхъ каръ, а на его газету—аресты и конфискаціи безъ счету,—что было оцѣнено даже такимъ органомъ, какъ „Volkszeitung". Конечно, чтобы имѣть возможность хоть сколько-нибудь регулярно выходить въ свѣтъ, „Соціалъ-демократъ" принужденъ былъ нѣсколько воздерживаться отъ личныхъ нападокъ на представителей берлинскаго правительства, въ чемъ „Демократическая Еженедѣльная Газета", издававшаяся въ Лейпцигѣ, надобности не имѣла. Этой необходимой предосторожности никоимъ образомъ нельзя ставить въ вину Швейцеру, тѣмъ болѣе, что въ научномъ отношеніи, въ смыслѣ освѣщенія различныхъ злободневныхъ политическихъ вопросовъ, его газета стояла куда выше „Демократической Газеты". Точно также нельзя его винить въ томъ, что онъ говорилъ о тогдашней саксонской свободѣ печати, приблизительно, въ томъ же духѣ, въ какомъ писалъ сто лѣтъ тому назадъ Лессингъ о прусской свободѣ печати подъ режимомъ стараго Фрица. За оскорбленіе Бисмарка „Де-

мократическая Газета" не привлекалась, ее только обвиняли въ оскорбленіи Бонапарта. Въ общемъ эта газета пользовалась завидной свободой слова, между тѣмъ какъ „Соціалъ-демократъ" былъ единственнымъ преслѣдуемымъ органомъ въ Германіи, и подобно тому, какъ нельзя винить лейпцигской газеты за то, что она использовала эту свободу, точно такъ же нельзя упрекать берлинской газеты за то, что она не разбила себѣ лобъ объ стѣну.

Дѣйствительная разница между обоими органами печати заключалась, во-первыхъ, въ томъ, что „Соціалъ-демократъ" въ своей оппозиціи оставался на почвѣ Сѣверогерманскаго Союза, между тѣмъ какъ „Демократическая Газета" стремилась разрушить этотъ союзъ, во-вторыхъ, въ томъ, что въ научномъ отношеніи „Соціалъ демократъ" стоялъ гораздо выше „Демократической Газеты". Органъ Саксонской народной партіи считался съ возможностью въ ближайшемъ будущемъ уничтожить дѣло 1866 г. Противъ Бисмарка газета выставляла Бейста, который con amore беретъ „реваншъ за Кенигтрецъ", вводя въ Австрію парламентскій режимъ, освобождая прессу, возстановляя право союзовъ, ставя армію подъ власть рейхстага, поднимая мечъ на голову конкордата; даже для созыва вельфійскихъ легіоновъ „Демократическая Газета" нашла оправдательные мотивы. Но политической, а особенно соціальной точки зрѣнія „Соціалъ-демократа" газета ни за что не хотѣла признать. Она говорила, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ не имѣетъ подъ собою никакой почвы, кромѣ „нѣсколькихъ постоянно пережевываемыхъ фразъ Лассаля о государственной помощи",—утвержденіе, суровость котораго уступаетъ развѣ только его несправедливости. Обилію поучительныхъ статей о научномъ соціализмѣ, которыя непрерывно давалъ „Соціалъ-демократъ", „Демократическая Газета" могла противопоставить, какъ равноцѣнный трудъ, только двѣ напечатанныя

ею замѣтки о первомъ томѣ „Капитала“. Газета даже предлагала, какъ выходъ изъ „современнаго кризиса и дороговизны“, старый рецептъ бумажныхъ денегъ, становясь, такимъ образомъ, еще разъ на точку зрѣнія мелкобуржуазнаго соціализма; затѣмъ она хотя и высказываетъ въ рядѣ статей „о государственной помощи и самопомощи“ много вѣрныхъ мыслей, но придаетъ имъ крайне рѣзкій полемическій характеръ, утверждая, что Лассаль бросилъ въ массу лозунгъ государственной помощи, не разъясняя ей, какое государство можетъ и должно помочь рабочимъ, и прибавляя, что, конечно, Лассаль никогда не былъ политикомъ.

Гораздо удачнѣе были сужденія „Демократической Газеты“ о Іоганнѣ Якоби, отъ дѣятельнаго участія котораго газета ожидала возрожденія демократіи. Въ январѣ 1868 г. Іоганнъ Якоби обратился къ своимъ берлинскимъ избирателямъ съ рѣчью о цѣли и задачахъ Нѣмецкой народной партіи и вслѣдъ затѣмъ дополнилъ эту рѣчь письмомъ къ своимъ единомышленникамъ. Оба обращенія его показываютъ его такимъ, какимъ онъ именно былъ,—человѣкомъ честнаго и благороднаго характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ идеологомъ формальной политики, которому чуждо представленіе о классовой борьбѣ въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Его общія формулы въ примѣненіи къ конкретнымъ вопросамъ могли быть одинаково и крайне революціонны и въ высшей степени реакціонны. Такъ напримѣръ, его требованіе права самоопредѣленія для каждой отдѣльной націи, для каждой отдѣльной народности могло быть при добромъ желаніи истолковано, какъ призывъ къ національной революціи; но въ томъ узкомъ смыслѣ, въ какомъ Якоби самъ понималъ свое требованіе, именно, въ смыслѣ свободы самоопредѣленія шлезвигъ-голштинской и другихъ родственныхъ народностей, это требованіе явилось безусловно реакціоннымъ и своди-

лось къ тому взгляду, который немало способствовалъ затушевыванію Мартовской революціи, и противъ котораго самымъ рѣшительнымъ образомъ боролись такіе истинные революціонеры, какъ Марксъ, Энгельсъ и Лассаль.

Такой же двусмысленной была и соціальная программа Якоби. Онъ требовалъ равнаго распредѣленія продуктовъ между трудомъ и капиталомъ, ограниченія злоупотребленій крупнаго капитала и крупнаго землевладѣнія своей экономической властью, и вмѣсто скудной заработной платы, едва хватающей рабочему на жизнь, достойнаго участія рабочихъ въ продуктѣ производства, иначе говоря, полной „трудовой ренты". Все это представляло собой такую идеологическую фразеологію, которая могла означать, что угодно, но которая, именно благодаря этому, должна была вызвать и дѣйствительно вызвала рядъ крупныхъ недоразумѣній. Бракке, человѣкъ такой же нравственной чистоты, какъ Якоби, истолковалъ это положеніе въ томъ смыслѣ, что справедливое распредѣленіе продуктовъ производства между капиталистами и рабочими и права рабочаго на весь доходъ его труда—двѣ вещи разныя; что капиталъ не имѣетъ никакого права на эксплоатацію рабочей силы, и что трудящемуся классу, производящему всѣ цѣнности, цѣликомъ принадлежитъ весь продуктъ его труда. Съ другой стороны, Зонneманъ далъ программѣ Якоби такое толкованіе, что заработная плата рабочаго и трудовая рента это—одно и то же; что заработной платой гарантируется только минимумъ трудовой ренты, и что все дѣло сводится къ тому, чтобы рабочимъ, кромѣ заработной платы, обезпечивалось участіе въ прибыли предпріятія; это, дескать, вполнѣ въ интересахъ какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ, ибо сознаніе послѣднихъ, что они работаютъ для себя, повлечетъ за собою увеличеніе интенсивности и производительности труда. Одному Аллаху извѣстно, кто лучше понялъ сокровенную

мысль Якоби, честный ли соціалъ-революціонеръ Бракке или жаждавшій болѣе интенсивной эксплоатаціи рабочаго капиталистъ Зонneманъ.

„Демократическая Еженедѣльная Газета“ была, конечно, далека отъ мысли считать Іоганна Якоби соціалъ-демократомъ. Но она полагала, что онъ идетъ навстрѣчу соціалъ-демократіи, и нашла нужнымъ протянуть ему руку, чтобы вмѣстѣ съ нимъ образовать сильную демократическую партію и направить авангардную политическую борьбу съ бисмарковскимъ цезаризмомъ въ ея надлежащее русло. Не говоря уже о принципіальной сторонѣ вопроса, эта точка зрѣнія была ошибочна уже потому, что переоцѣнивала политическое вліяніе Якоби. Якоби ничего не имѣлъ за собою, кромѣ горсти буржуазныхъ идеологовъ, у которой былъ свой недавно основанный Гвидо Вейсомъ органъ „Zukunft“, газета безусловно порядочная и серьезная, но вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе популярная изъ всѣхъ буржуазныхъ органовъ. Берлинская мелкая буржуазія либо держалась „Volkszeitung“, которая не выходила изъ сферы буржуазныхъ интересовъ, либо, насколько у нея открывались глаза на характеръ капиталистическаго производства, цѣплялась за шарлатанскія приманки, которыя бросалъ ей вновь вынырнувшій на сцену демагогъ Гельдъ въ „Staatsbürgerzeitung“. Отъ искренняго союза съ сознательнымъ пролетаріатомъ она попрежнему отворачивалась съ ужасомъ.

Швейцеръ, который переживалъ все это положеніе и сумѣлъ отлично разбить всѣ происки Гельда, снисходя даже до публичныхъ диспутовъ съ этимъ вѣтренымъ болтуномъ, отнесся къ программѣ Якоби гораздо трезвѣе, чѣмъ „Демократическая Газета“, хотя, конечно, ни въ коемъ случаѣ не враждебно. Онъ показывалъ всю ея половинчатость, но привѣтствовалъ „отъ глубины души“ ту мысль Якоби, что „Народная партія и рабочіе союзы должны идти рука

объ руку къ единой и общей цѣли: къ облагороживанію всего человѣчества"; онъ только прибавилъ: Да, рука объ руку съ наиболѣе рѣшительными элементами буржуазіи мы готовы идти, но лишь какъ самостоятельная партія съ своими принципами". Только послѣ того, какъ 19 іюля 1868 г. на многолюдномъ митингѣ вблизи Вольфенбютеля, по предложенію Бракке и съ его объясненіемъ, была принята резолюція, признавшая, что между соціалъ-демократической программой и программой Якоби нѣтъ никакой принципіальной разницы, „Соціалъ-демократъ" пустилъ въ ходъ свою тяжелую артиллерію. Разсуждая совершенно правильно, что принять расплывчатую платформу Якоби, значитъ отбросить европейскій соціализмъ на десять лѣтъ назадъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ назвалъ ее „вздорной и нелѣпой болтовней важничающаго буржуа", что означало—вмѣстѣ съ водою выплеснуть изъ ванны и ребенка. Такому человѣку, какъ Якоби, было чуждо всякое важничанье. Онъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, совершенно искрененъ въ своей преданности рабочему классу, хотя и не понималъ, къ чему собственно приведетъ его агитація; въ виду діаметрально противоположныхъ толкованій, которыя давались его программѣ, онъ погрузился въ глубокое молчаніе.

Приведеннаго выше достаточно для того, чтобы выяснить различіе взглядовъ, между „Демократической Газетой" и „Соціалъ-демократомъ". Въ настоящее время смотрѣть на эти разногласія сверху внизъ, значило бы слишкомъ поверхностно отнестись къ вопросу, точно такъ же, какъ было бы слишкомъ легкомысленно усмотрѣть на одной сторонѣ голую измѣну, на другой—истинную мудрость. Скорѣе дѣло шло объ исторически сложившихся противорѣчіяхъ, которыя, какъ таковыя, слѣдовало побороть, раньше чѣмъ они найдутъ свое историческое разрѣшеніе. А пока массы саксонскихъ и южно-нѣмецкихъ рабочихъ могли такъ

же мало понимать „Соціалъ-демократъ“, какъ мало понимала масса берлинскихъ, эльберфельдскихъ, гамбургскихъ и вообще сѣверо-германскихъ рабочихъ „Демократическую Еженедѣльную Газету“.

2. Гамбургское генеральное Собраніе и Нюрнбергскій съѣздъ ферейновъ.

Развитіе рабочаго движенія одинаково способствовало подъему, какъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, такъ и Саксонской народной партіи. Какъ ни сильна была партійная рознь между „Демократической Газетой“ и „Соціалъ-демократомъ“ однако они были единственными органами, стоявшими на стражѣ интересовъ угнетеннаго нѣмецкаго пролетаріата. Свою огромную популярность среди рабочихъ они пріобрѣли не „демагогическими пріемами“, какъ единодушно утверждали борзописцы буржуазной и оффиціозной прессы, а серьезной и истинной помощью, которую они оказывали на самой легальной почвѣ каждому рабочему въ отдѣльности и всему пролетаріату въ цѣломъ.

Какъ въ 1867 г., такъ и въ 1868 г. число подписчиковъ „Соціалъ-демократа“ почти утроилось; оно возросло съ 1200 до 3400 и было распространено въ 215 мѣстахъ. Попрежнему впереди всѣхъ шелъ Гамбургъ съ своими 807 абонентами, затѣмъ слѣдовали Берлинъ (224), Эльберфельдъ-Барменъ (161), Ганноверъ (154), Эссенъ (107), Брауншвейгъ (89), Гарбургъ (61), Альтона (60), Кассель (58), Франкфуртъ (53), Парижъ (50). Въ Парижѣ съ давнихъ поръ существовалъ тѣсный кружокъ вѣрныхъ послѣдователей Лассаля, среди которыхъ выдвигались своей энергіей и способностями Петерсенъ, старый товарищъ Вейтлинга, и Лео Френкель, впослѣдствіи, во время парижской Коммуны, министръ общественныхъ работъ.

Что касается узко-національныхъ тенденцій, то отъ нихъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ держался совершенно вдали. Онъ и здѣсь старался только

отдѣлять возможное въ данную минуту отъ невозможнаго. Когда, въ концѣ 1867 г. и началѣ 1868 г., австрійское рабочее движеніе приняло огромные размѣры, Швейцеръ обратился къ вѣнскимъ рабочимъ съ прекрасно составленнымъ манифестомъ, въ которомъ онъ изложилъ задачи и цѣли, объединяющія рабочихъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Онъ отстаивалъ то внутреннее единство, которое связывало германскихъ рабочихъ съ австрійскими. „Мы знаемъ, что принадлежимъ къ единой націи, и такой хотимъ остаться. Никто и никогда не убѣдитъ насъ въ томъ, что когда мы гуляемъ въ Пратерѣ, въ Вѣнѣ или стоимъ на тирольскихъ горахъ, то мы находимся заграницей. Вездѣ, гдѣ раздается нѣмецкая рѣчь, тамъ нѣмецкое отечество“. Но Швейцеръ не скрывалъ отъ себя того, что при господствовавшихъ условіяхъ всякая попытка къ созданію внѣшняго единства была бы опасна для внутренняго объединенія. Къ сожалѣнію, Гофштеттенъ держался другого болѣе фантастическаго взгляда. Отправившись въ Вѣну, чтобы тамъ основать новую рабочую газету, онъ сдѣлалъ ложный шагъ, который одинаково повредилъ какъ германскому, такъ и австрійскому рабочему движенію. Опасаясь совершенно резонно, чтобы вѣнская буржуазія не провѣдала какъ-нибудь про его пребываніе тамъ и не стала его травить, какъ „бисмарковца“ и „пруссака“, онъ вращался въ вѣнскихъ рабочихъ кружкахъ самообразованія подъ чужимъ именемъ,—поступокъ, который, будучи потомъ раскрытъ, не только вызвалъ ту же травлю въ еще большей степени, но и возбудилъ къ нему недовѣріе вѣнскихъ рабочихъ. Если Швейцеръ въ самой деликатной формѣ и отдавая должное заслугамъ Гофштеттена передъ союзнымъ органомъ тѣмъ не менѣе порицалъ поведеніе своего „дорогого и уважаемаго друга“, то онъ этимъ только исполнилъ свой долгъ.

Внутренняя организація Союза была теперь со-

вершенно преобразована и функціонировала прекрасно, хотя старинная надежда Лассаля объединить въ Союзѣ всѣхъ сознательныхъ рабочихъ не оправдалась. Даже въ Эльберфельдъ-Барменѣ и въ Гамбургѣ, гдѣ число соціалъ-демократически мыслящихъ рабочихъ считалось тысячами, Союзъ едва насчитывалъ по 500 членовъ въ каждомъ; только въ Изерлонѣ, благодаря неутомимой энергіи Тэльке, удалось сколько-нибудь сносно организовать всѣхъ рабочихъ, принявшихъ принципы соціалъ-демократіи; въ этомъ сравнительно маленькомъ городкѣ Союзъ имѣлъ 700 членовъ. Союзъ былъ только главнымъ ядромъ партіи, но ядромъ, вокругъ котораго при первомъ благопріятномъ случаѣ стали концентрироваться въ десять разъ большія массы. Когда въ мартѣ 1868 г. въ Эссенѣ, гдѣ Союзъ имѣлъ всего около 300 членовъ, происходило переизбраніе депутата въ рейхстагъ, то Газенклеверъ на первыхъ выборахъ получилъ 2065 голосовъ; онъ провалился только на перебаллотировкѣ съ консервативнымъ кандидатомъ, такъ какъ прогрессистскіе избиратели нашли извѣстнаго реакціонера, президента кельнской полиціи, болѣе достойнымъ представителемъ своихъ интересовъ, чѣмъ стараго демократа Газенклевера. Съ другой стороны, удалось въ іюлѣ 1868 г., послѣ того, какъ Рейнке снялъ свою кандидатуру, удержать избирательный округъ Леннепъ-Меттманъ, гдѣ Фрицше на первыхъ выборахъ получилъ 3223 голоса и на перебаллотировкѣ побѣдилъ консервативнаго кандидата, рекомендованнаго Шульце-Деличемъ, и поддержаннаго—путемъ воздержанія отъ голосованія—большинствомъ прогрессистскихъ избирателей. Финансовая сторона Союза, благодаря разумному управленію Бракке, также была поставлена хорошо. Членскіе взносы попрежнему ограничивались половиной, а въ особенно бѣдныхъ мѣстностяхъ четвертью зильбергрошена въ недѣлю, тѣмъ не менѣе повсюду половина поступавшихъ взносовъ отдавалась въ кассу

Союза. Администрація была крайне дешевая; берлинское общее собраніе установило для секретаря, (единственная платная должность въ Союзѣ) мѣсячное жалованье въ 20 талеровъ, и утвердило вознагражденіе Роллера за полгода его секретарской службы со времени Брауншвейгскаго съѣзда всего въ 25 талеровъ. Если въ серединѣ 1867 г. президентъ могъ тратить на нужды Союза не болѣе 25 талеровъ ежемѣсячно, то черезъ $1^1/_2$ года онъ располагалъ уже для этой цѣли суммой въ 300—400 талеровъ въ мѣсяцъ.

Значительная часть доходовъ шла пока на покрытіе дефицитовъ союзнаго органа, который, спустивъ всѣ деньги Гофштеттена и очутившись нѣсколько разъ на краю пропасти, вынужденъ былъ кое-какъ держаться на собственныхъ ногахъ. Чтобы раздобыть нужныя средства, Швейцеръ въ февралѣ 1868 г. рѣшилъ обратиться съ воззваніемъ къ членамъ Союза объ экстренныхъ сборахъ денегъ. Не желая оглашеніемъ истинной причины этихъ сборовъ доставить удовольствіе буржуазіи, онъ объявилъ, что этого требуютъ важные интересы Союза, и что на ближайшемъ съѣздѣ онъ отдастъ полный отчетъ въ расходахъ собранныхъ денегъ. Несмотря на это, воззваніе имѣло огромный успѣхъ. Самъ Швейцеръ, какъ редакторъ союзнаго органа, получалъ такое же ничтожное вознагражденіе, какое онъ получалъ въ качествѣ президента. Но послѣ отъѣзда Гофштеттена въ Вѣну, когда дѣла по руководству Союзомъ разрослись, онъ ввелъ въ редакцію въ качествѣ своего помощника Вильгельма Гассельмана, молодого студента химика, родомъ изъ Бремена, рано осиротѣвшаго, съ дѣтства брошеннаго на милостивое попеченіе богатыхъ родственниковъ и извѣдавшаго всѣ прелести подобной участи. Эта безотрадная жизнь съ раннихъ лѣтъ наложила на него печать угрюмости и замкнутости, которыя замѣчались въ его внѣшнемъ обращеніи. Страстный ненавистникъ капитализма и къ тому горячая голова, Гассельманъ скоро почув-

ствовалъ себя въ соціально-политической области, какъ въ своей сферѣ. До способностей Швейцера ему конечно было далеко, но онъ былъ все-таки дѣльнымъ журналистомъ, съ сильнымъ перомъ, хотя и дѣйствовалъ скорѣе на чувство, чѣмъ на умъ своихъ читателей.

Послѣ тяжелой трехлѣтней борьбы Швейцеру все-таки удалось, наконецъ, достигнуть цѣли, которую онъ себѣ намѣтилъ послѣ смерти Лассаля. Придерживаясь организаціи и тактики Лассаля, Швейцеръ въ то же время умѣлъ направлять нѣмецкое рабочее движеніе по широкому, свободному руслу „Коммунистическаго Манифеста". Съ Марксомъ онъ состоялъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Когда лѣтомъ 1868 г. былъ поднятъ вопросъ о пониженіи пошлинъ на желѣзо, и желѣзопромышленники начали своими агитаціонными рѣчами возбуждать противъ этого проекта рейнско-вестфальскихъ рабочихъ, Швейцеръ обратился за совѣтомъ къ Марксу. Затѣмъ Швейцеръ разъяснилъ рабочимъ, что по положенію всемірнаго рынка нѣмецкая желѣзодѣлательная промышленность можетъ вынести пониженіе пошлинъ, но что, съ другой стороны, сохраненіе пошлинъ тоже не задержитъ развитія этой отрасли производства. Дѣло сводится только къ борьбѣ внутри класса капиталистовъ, которая можетъ окончиться такъ или иначе, но національному развитію никакой опасностью не угрожаетъ. Поэтому рабочимъ слѣдуетъ руководствоваться исключительно интересами своего класса. Если желѣзопромышленники — эти любители охранительныхъ пошлинъ — желаютъ помощи рабочихъ, то послѣдніе должны имъ заявить слѣдующее: хорошо, васъ мы готовы поддержать; мы поставимъ требованіе, чтобы раньше, чѣмъ будетъ понижена пошлина, была произведена анкета о состояніи желѣзодѣлательнаго производства, но только съ однимъ условіемъ, чтобы анкета касалась не только интересовъ капиталистовъ, но также интересовъ рабочихъ, осо-

бенно вопросовъ о заработной платѣ, рабочемъ времени и жизненныхъ условіяхъ занятыхъ въ этой отрасли рабочихъ. По этому намеку Швейцера Тэльке созвалъ въ Гагенѣ собраніе рейнско-вестфальскихъ рабочихъ, на которое были приглашены и желѣзопромышленники. Но двуликіе союзники не послали ни одного представителя на собраніе, послѣ чего рабочіе приняли резолюцію, согласно которой пониженіе пошлины на желѣзо не представляетъ никакой опасности для общихъ интересовъ рабочаго класса, и потому у рабочихъ нѣтъ основанія оказывать желѣзопромышленникамъ просимую ими помощь въ дѣлѣ сохраненія высокихъ пошлинъ.

Между прочимъ, это былъ единственный случай, когда Швейцеръ своей дискреціонной властью далъ направленіе соціально-политической тактикѣ Союза. Онъ сослался прямо на то, что правильное рѣшеніе вопроса о пошлинахъ требуетъ спеціальныхъ научныхъ знаній, и что онъ по этому поводу запросилъ мнѣнія „крупнѣйшаго научнаго авторитета нашего направленія". Быть диктаторомъ, т. е. дѣйствовать по личному произволу, не спрашивая ничьего мнѣнія, онъ никогда не думалъ; онъ отлично зналъ, что современные пролетаріи не стадо барановъ, которое слѣпо пойдетъ туда, куда его погонятъ. Конечно, не прекращавшіяся административныя и судебныя преслѣдованія содѣйствовали развитію вредныхъ диктаторскихъ наклонностей, вызывая необходимость въ болѣе строгой централизаціи власти. Тѣмъ не менѣе у Швейцера всегда стояло на первомъ планѣ полное согласіе, какъ съ общимъ собраніемъ и бюро, такъ и съ массой членовъ Союза. Несмотря на свое право назначать уполномоченныхъ по своему личному усмотрѣнію, онъ всегда назначалъ на эти должности лицъ, рекомендованныхъ мѣстными членами Союза. Онъ понималъ диктатуру только въ смыслѣ энергичнаго, рѣшительнаго и быстраго образа дѣйствій; онъ смотрѣлъ на нее, какъ на

молотъ, который, правда, быстрѣе подниметъ одна рука, но который можетъ быть выкованъ только при дружной работѣ многихъ рукъ.

Тѣмъ временемъ и эта ограниченная диктатура не могла угнаться за событіями. Когда въ 1865 г. въ Германіи вспыхнуло первое стачечное движеніе, „Соціалъ-демократъ" далъ о немъ сочувственный и поощряющій отзывъ, хотя еще вполнѣ въ духѣ Лассаля, т. е. оставаясь на той точкѣ зрѣнія, что свобода коалицій составляетъ неотъемлемое право рабочаго класса, но не въ состояніи существеннымъ образомъ улучшить его жизнь. Возникшія затѣмъ въ 1867 г. многочисленныя стачки въ Англіи и Франціи заставили газету поглубже вникнуть въ стоявшую передъ ней задачу. Она разсуждала такъ: въ настоящее время вездѣ, гдѣ промышленность достигла значительнаго развитія, стачки вспыхиваютъ со стихійной силой, несмотря на всѣ увѣщанія экономистовъ буржуазнаго и соціалистическаго лагеря, несмотря на печальныя послѣдствія, которыми каждый разъ сопровождается для рабочихъ внезапное прекращеніе работъ; не можетъ быть, чтобы рабочіе такъ безсмысленно упорствовали въ непониманіи собственныхъ интересовъ; стачки должны имѣть свое внутреннее оправданіе. Это оправданіе „Соціалдемократъ" видѣлъ въ томъ, что на почвѣ экономической борьбы за улучшеніе условій труда пролетаріатъ впервые приходитъ къ сознанію, что онъ самый угнетенный и обездоленный классъ въ современномъ обществѣ и тѣмъ самымъ кладетъ начало своему освобожденію; что стачки, такимъ образомъ, обладаютъ прекраснымъ, недостаточно оцѣненнымъ свойствомъ будить умы широкихъ народныхъ массъ, до сихъ поръ не понимающихъ своего положенія, и внушить имъ сознаніе общности ихъ интересовъ, какъ класса. Но держась того взгляда, что въ смыслѣ улучшенія положенія рабочаго класса стачки неминуемо обречены на неудачу, и что все ихъ значеніе сводится къ роли

будильниковъ классоваго самосознанія пролетаріата, „Соціалъ-демократъ“ приходитъ къ тому выводу, что тамъ, гдѣ рабочіе могутъ вести уже открытую агитацію за свои конечныя цѣли, стачекъ вообще поощрять не слѣдуетъ.

Однако въ 1868 г. Швейцеръ перешагнулъ и черезъ эту точку зрѣнія. Теоретически онъ долженъ былъ видѣть изъ ученія Маркса, что желѣзный законъ заработной платы далеко еще не безусловная истина, фактически же онъ ежедневно наблюдалъ, что сознательные рабочіе отнюдь не думаютъ отказаться отъ стачекъ, и что безуспѣшность забастовокъ, какъ орудія экономической борьбы, еще вовсе не является такой неоспоримой догмой. Еще въ концѣ 1865 г. Фрицше основалъ союзъ папиросниковъ, затѣмъ въ слѣдующемъ году образовался союзъ книгопечатниковъ-подмастерьевъ, теперь Шобъ устроилъ союзъ портныхъ и Либкертъ— союзъ столяровъ. Въ старыхъ соціалъ-демократическихъ центрахъ, какъ Эльберфельдъ-Барменъ, Эссенъ, Гамбургъ вспыхнули многочисленныя стачки, прошедшія съ перемѣннымъ успѣхомъ, въ общемъ, во всякомъ случаѣ, ненеудачно. Правда, повышеніе платы котораго удавалось добиться, въ большинствѣ случаевъ уравновѣшивало только вздорожаніе жизненныхъ продуктовъ, что скорѣе подтверждало, чѣмъ опровергало желѣзный законъ заработной платы, но даже и въ этихъ случаяхъ стачки обнаруживали свой raison d'être.

Особенно поучительно было положеніе дѣлъ въ Берлинѣ, гдѣ всеобщій кризисъ окончательно разсѣялъ туманъ, напущенный патріотически-шовинистской шумихой, и рабочее движеніе снова стало разрастаться, какъ это было въ первый разъ на родинѣ Лассаля, въ Бреславлѣ, гдѣ долгое время движеніе не могло привиться. Въ Берлинѣ профессіональная организація рабочихъ печатнаго дѣла, равно какъ и папиросниковъ, имѣла крупный успѣхъ: книгопечатники добились отмѣны нормальныхъ работъ по воскресеньямъ,

рабочіе табачныхъ фабрикъ, послѣ продолжительной, прекрасно проведенной забастовки, избавились отъ унизительнаго внутренняго распорядка, навязаннаго имъ фабрикантами. Стали возмущаться своей низкой платой и безконечно длиннымъ рабочимъ днемъ булочники, каменщики и столяры, и впервые была поднята завѣса съ ужасающихъ условій конфекціоннаго производства, которое достигло въ Берлинѣ высокой степени развитія и претендовало чуть ли не на первое мѣсто въ мірѣ.

Въ этой отрасли промышленности эксплоатація приняла такіе ужасающіе размѣры, что зазнавшіеся капиталисты не считали даже нужнымъ маскировать свои мошенническія продѣлки. Они намѣренно давали своимъ домашнимъ работницамъ влажную шерсть, которая при обработкѣ высыхала, а потомъ, при доставкѣ готоваго товара, отсчитывали у нихъ отъ заработной платы или удерживали отъ залога за потерю въ вѣсѣ. Одна фирма — „Schulz u. Siebenmark“ — дошла даже до того, что подала жалобу въ судъ на одну изъ своихъ жертвъ, не пожелавшую терпѣть этотъ обманъ, за утайку отпущеннаго ей матеріала. Но обвиняемая работница была блестяще оправдана, такъ какъ разслѣдованіе показало, что фирма „Schulz u. Siebenmark“ систематически обкрадываетъ своихъ до крови эксплоатируемыхъ ею работницъ. Шумъ, поднятый этимъ дѣломъ, обратилъ всеобщее вниманіе на условія труда въ берлинской конфекціонной промышленности, и оказалось, что своимъ блестящимъ расцвѣтомъ это производство обязано исключительно тому нравственному и физическому вырожденію, на которое оно обрекаетъ тысячи и десятки тысячъ своихъ молодыхъ работницъ.

Эти несчастныя существа принуждены работать съ ранней зари до поздней ночи, если они только не желаютъ сразу умереть съ голоду. Когда усталые глаза, при томъ скудномъ освѣщеніи, которое отпускается этимъ баловницамъ судьбы, отказываются, наконецъ

различать нитку отъ нитки, то ихъ единственнымъ отдыхомъ, единственнымъ наслажденіемъ жизни служитъ нѣсколько часовъ тревожнаго сна. Этимъ каторжнымъ трудомъ онѣ зарабатываютъ при шитьѣ по сукну самое большее 10 зильбергрошеновъ, при шитьѣ бѣлья—около 8, при вышиваніи на канвѣ—3, maximum 5 зильб. въ день. Изъ этого бѣдственнаго положенія работницамъ остается одинъ выходъ—проституція, которая, въ свою очередь, приводитъ ихъ къ полицейскому надзору, рабочему дому, тюрьмѣ и позорной смерти.

Должно признать, что буржуазныя сферы были охвачены ужасомъ, когда всѣ эти подробности выплыли наружу. Даже самые отъявленные манчестерцы осуждали мошенническіе пріемы, при помощи которыхъ фабриканты отнимали у своихъ работницъ послѣдніе гроши ихъ нищенской заработной платы. Одна только прусская полиція осталась на высотѣ своего призванія и приняла подъ свое покровительство капиталистическіе способы грабежа. Она распускала рабочія собранія, на которыхъ говорилось о положеніи работницъ въ производствѣ готоваго платья, потому что сами работницы участвовали въ этихъ собраніяхъ. Даже по прусскимъ законамъ о союзахъ, она не имѣла права такъ поступать; только одна жадность къ крови этихъ „паріевъ изъ паріевъ" могла побуждать полицію распоряжаться подобнымъ образомъ; „соціальное царство" показало себя въ своемъ настоящемъ видѣ..

Какъ и три года тому назадъ, „Соціалъ-демократъ", невзирая на полицейскіе запреты и преслѣдованія, снова выступилъ со всей своей энергіей въ защиту нарушеннаго права союзовъ. Прогрессистскіе мудрецы поплелись уже за нимъ, подобно тому, какъ они, послѣ энергичной агитаціи Швейцера, рѣшились, наконецъ, снова внести въ рейхстагъ прошлогодній законпроектъ о свободѣ коалицій только въ болѣе слабой редакціи. Консервативное и націоналъ-либеральное большинство

пока не хотѣло идти ни на какія уступки, однако было ясно, что въ слѣдующей сессіи законъ о свободѣ союзовъ пройдетъ, хотя, быть можетъ, и съ большими оговорками. Какъ ни преслѣдовала полиція всевозможными придирками стачечниковъ, но съ тѣхъ поръ, какъ въ 1865 г., во время стачки суконщиковъ, судъ въ Бургѣ оправдалъ 278 рабочихъ, привлеченныхъ за нарушеніе закона о коалиціяхъ, прокуратура больше не возбуждала подобнаго рода дѣлъ. Можно было предвидѣть, что легализація союзовъ расширитъ стачечное движеніе до болѣе грандіозныхъ размѣровъ, что ближайшее будущее рабочаго класса будетъ принадлежать экономической борьбѣ на почвѣ профессіональныхъ союзовъ.

Швейцеръ на этотъ счетъ не заблуждался. Онъ попрежнему говорилъ, что считать забастовку способной подточить капиталистическій способъ производства -- грубая, невозможная для всякаго соціалиста ошибка; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ убѣжденъ, что масса пролетаріата не сможетъ придти къ сознанію своихъ классовыхъ интересовъ и не освободится отъ полицейской опеки государства и властной руки капитала, пока она на дѣлѣ не увидитъ, до какого ожесточенія, до какой невѣроятной ненависти къ ней могутъ дойти господствующіе классы, когда они замѣчаютъ со стороны рабочихъ малѣйшее стремленіе къ улучшенію своего положенія. „Стачка, однимъ словомъ, является исторически необходимой переходной ступенью къ соціалистическому и коммунистическому движенію". Отсюда само собою вытекало, что необходимо правильной организаціей стачекъ какъ можно болѣе укорачивать этотъ періодъ, не давать существующему въ рабочей массѣ теченію раздробляться и размѣниваться на мелочи, по крайней мѣрѣ, какъ можно сильнѣе вооружить рабочій классъ въ его экономической борьбѣ и связать эту борьбу съ политической агитаціей.

Вотъ куда мѣтилъ Швейцеръ, если не еще дальше. Онъ никогда не смотрѣлъ на профессіональную борьбу, какъ на самостоятельное движеніе, имѣющее право на существованіе независимо отъ политическаго движенія. Профессіональные союзы служили для него скорѣе рычагомъ для болѣе сильнаго давленія на политическое движеніе; онъ ихъ разсматривалъ до извѣстной степени, какъ крѣпость, за стѣнами которой можно собирать и подготовлять новыхъ рекрутовъ, а въ случаѣ нужды укрывать борющуюся армію пролетаріата. Хотя опытъ показывалъ, что политическая организація захватываетъ только сливки рабочаго класса, однако это не избавляло такую организацію отъ ожесточенныхъ преслѣдованій полиціи и прокурорскаго надзора, которые постоянно искали и находили все новые и новые поводы для того, чтобы душить Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ. Почти треть мѣстныхъ членовъ его опять привлекалась къ суду за „образованіе самостоятельнаго отдѣленія Союза"; хотя въ отдѣльныхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ самомъ Берлинѣ, Союзъ въ первой инстанціи выигралъ два такихъ процесса, но прокуратура обжаловала приговоръ суда, и окончательное рѣшеніе осталось, по крайней мѣрѣ, еще неизвѣстнымъ. Созывая лѣтомъ 1868 г. въ Гамбургѣ общее собраніе членовъ Союза, Швейцеръ уже предчувствовалъ, что этотъ седьмой съѣздъ Союза будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ.

Общее собраніе засѣдало отъ 22 до 26 августа. Швейцеръ созвалъ его въ Гамбургѣ въ честь мѣстныхъ товарищей, которые своей „строгой организованностью, вѣрностью принципамъ, энергіей и самоотверженіемъ, служили примѣромъ для всѣхъ членовъ Союза". Въ благодарность Карлу Марксу за его великое произведеніе бюро послало ему оффиціальное приглашеніе на съѣздъ въ качествѣ почетнаго гостя. Неотложныя дѣла помѣшали ему пріѣхать; онъ отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ, извиняясь за то, что не мо-

жетъ пріѣхать, „съ радостью“ констатировалъ, что съѣздъ въ порядкѣ дня своихъ засѣданій помѣстилъ такіе пункты, разработка которыхъ необходима для серьезной постановки рабочаго движенія; таковы: агитація въ пользу полной политической свободы, законодательное урегулированіе рабочаго дня и планомѣрное объединеніе пролетаріата всѣхъ странъ на великой міровой задачѣ, которую онъ призванъ разрѣшить для всего общества. Съѣздъ постановилъ использовать всѣ законные способы борьбы для завоеванія политической свободы; онъ призналъ введеніе десятичасового рабочаго дня законодательнымъ путемъ необходимымъ и осудилъ воскресную работу, лишающую рабочихъ ихъ послѣдняго отдыха и семейнаго счастья, какъ верхъ соціальной тираніи; съѣздъ призналъ, что всѣ стремленія рабочихъ увѣнчаются успѣхомъ только при полномъ объединеніи пролетаріата всѣхъ цивилизованныхъ странъ, и что вслѣдствіе этого на нѣмецкой рабочей партіи лежитъ обязанность дѣйствовать солидарно съ рабочими партіями другихъ странъ, поскольку онѣ руководствуются общими съ нею принципами.

Три публичныхъ засѣданія съѣзда превратились въ грандіозную демонстрацію. Гамбургскіе рабочіе показали себя достойными своей прежней славы; они доставили съѣзду благодарную и интеллигентную аудиторію изъ шести тысячъ слушателей. Четыре закрытыхъ засѣданія были посвящены собственно дѣламъ союза. Присутствовало 36 делегатовъ, которые явились представителями отъ 83 мѣстъ съ 7274 членами, аккуратно платившими членскіе взносы, въ то время какъ 50—60 мѣстъ, пріобрѣтенныхъ, большей частью, въ теченіе того же года, не были представлены на съѣздѣ. Общее собраніе приняло предложеніе, чтобы президентъ обратилъ остающіяся въ кассѣ деньги на поддержку союзнаго органа, при чемъ Швейцеръ, какъ собственникъ газеты бралъ на себя ручательство передъ Союзомъ за сумму въ 1000 талеровъ. Затѣмъ

съѣздъ постановилъ, чтобы до тѣхъ поръ, пока подписка не покроетъ бюджета „Соцiалъ-демократа“, Союзъ выписывалъ на свой счетъ недостающее число экземпляровъ и обращалъ ихъ на агитацiонныя цѣли. Съ другой стороны, съѣздъ отклонилъ предложенiе членовъ изъ Вольфенбюттеля сдѣлать „Соцiалъ-демократъ“ собственностью союза, равнымъ образомъ, было отвергнуто, какъ нецѣлесообразное, предложенiе дюссельдорфскихъ членовъ объ отдѣленiи редакцiи отъ президiума. Было рѣшено, что какъ только газета начнетъ окупать себя, а такое положенiе должно было, по разсчетамъ наступить, приблизительно, черезъ полгода, матерiальныя средства Союза должны быть обращены на систематическую пропаганду посредствомъ командировки, за извѣстное вознагражденiе, агитаторовъ, прежде всего въ Саксонское королевство и на югъ Германiи. Для организацiи этой пропаганды президенту были даны соотвѣтствующiя полномочiя. Жалованье секретаря было повышено на 25 талеровъ въ мѣсяцъ.

Но самымъ важнымъ вопросомъ, обсуждавшимся на этомъ съѣздѣ, былъ вопросъ о положенiи, которое союзъ долженъ занять по отношенiю къ стачечному движенiю. Брауншвейгскiе члены внесли резолюцiю, предлагавшую союзу взять въ свои руки организацiю забастовокъ. Къ этой резолюцiи Перль прибавилъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ; но Фрицше внесъ два другихъ предложенiя, согласно которымъ съѣздъ долженъ былъ, во-первыхъ, разъяснить, что стачки не въ состоянiи подорвать основы капиталистическаго способа производства, а могутъ служить только средствомъ для развитiя классоваго самосознанiя пролетарiата, для избавленiя его отъ полицейской опеки и — при правильной организацiи ихъ — для устраненiя отдѣльныхъ, особенно гнетущихъ ненормальностей современнаго соцiальнаго строя, какъ, напр., чрезмѣрно длиннаго рабочаго дня, воскресной работы и т. д.; во-вто-

рыхъ, съѣзду слѣдовало уполномочить президента созвать общегерманскій рабочій конгрессъ для учрежденія профессіональныхъ союзовъ. Послѣ оживленныхъ дебатовъ предложеніе Перля было отвергнуто 3417 голосами противъ 2583, первое предложеніе Фрицше тѣмъ же большинствомъ принято, второе предложеніе его 3255 голосами противъ 3044 — отвергнуто. Съѣздъ, такимъ образомъ, принципіально высказался сочувственно къ стачечному движенію, но практическую организацію его со стороны союза нашелъ нежелательной.

Послѣ этого страннаго результата голосованія Швейцеръ и Фрицше заявили, что въ такомъ случаѣ они созовутъ конгрессъ въ качествѣ депутатовъ рейхстага. Тогда снова поднялись горячіе дебаты о томъ, не является ли такое намѣреніе со стороны Швейцера и Фрицше нарушеніемъ партійной дисциплины. Швейцеръ самъ разъяснилъ, что общее собраніе, безъ сомнѣнія, вправѣ запретить президенту все то, что оно находитъ вреднымъ въ интересахъ Союза; если президентъ не хочетъ подчиниться такимъ постановленіямъ, онъ можетъ выступить изъ Союза. Въ данномъ случаѣ общее собраніе отказалось взять въ свои руки организацію стачекъ отъ имени Союза, но принципіально одобрило стачечную борьбу Изъ этого, по его мнѣнію, слѣдуетъ, что, отказываясь отъ порученія президенту созвать конгрессъ профессіональныхъ рабочихъ, съѣздъ вовсе не думалъ запрещать президенту участвовать въ этомъ конгрессѣ на свой страхъ и рискъ. Собраніе можетъ еще разъ обсудить это положеніе, но онъ долженъ заявить, что если ему будетъ запрещено созывать конгрессъ, онъ тотчасъ сложитъ съ себя званіе президента и выступитъ изъ Союза. По его крайнему разумѣнію, соціалъ-демократическая партія, какъ наиболѣе прогрессивная представительница рабочаго класса, обязана организовать стачечную борьбу; онъ не можетъ оставаться отвѣтственнымъ ру-

ководителемъ Союза, когда онъ видитъ, что агитація сильно тормозится и можетъ совершенно заглохнуть. Послѣ этого общее собраніе почти единогласно приняло резолюцію, гласившую, что никакого запрета въ заключеніи съѣзда не содержится; въ качествѣ депутатовъ рейхстага Швейцеръ и Фрицше имѣютъ право созывать конгрессъ.

Къ сожалѣнію, болѣе подробныхъ свѣдѣній о дебатахъ по этому поводу, изъ которыхъ можно было бы видѣть, въ какой мѣрѣ оппозиція руководствовалась здѣсь практическими соображеніями, и въ какой степени она исходила изъ чисто ортодоксальнаго лассальянства, до насъ не дошло. Безъ сомнѣнія, вліяло то и другое; Перль въ краткой мотивировкѣ, которую онъ предпослалъ своему предложенію о переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, выдвигалъ, главнымъ образомъ, возраженія финансоваго и формальнаго характера; съ другой стороны, Швейцеръ въ одной статьѣ въ „Соціалъ-демократѣ“ рѣшительно протестовалъ противъ упрека въ томъ, будто его агитація въ пользу созыва рабочаго конгресса идетъ въ разрѣзъ съ традиціями Лассаля. Основнымъ мотивомъ своей точки зрѣнія онъ вполнѣ правильно выставилъ тотъ фактъ, что стачечное движеніе среди рабочихъ массъ уже сильно распространено, чего еще не было во времена Лассаля. Вызвать къ жизни такое движеніе — это не могло быть дѣломъ Лассаля, какъ это вообще не можетъ быть дѣломъ рукъ соціалиста; но разъ движеніе на лицо, обязанность каждаго соціалиста дать ему надлежащее направленіе; такъ поступилъ бы, безъ сомнѣнія и Лассаль, если бы онъ жилъ въ настоящее время. Тотчасъ послѣ закрытія съѣзда, еще изъ Гамбурга Швейцеръ и Фрицше обратились ко всѣмъ рабочимъ Германіи съ посланіемъ, въ которомъ они созывали на 27 сентября въ Берлинъ общегерманскій рабочій конгрессъ для обсужденія и упорядоченія всего, что связано съ забастовками, и для созданія организаціи-

которая охватила бы всѣхъ германскихъ рабочихъ, въ цѣляхъ совмѣстной успѣшной борьбы путемъ забастовокъ.

Спустя 10 дней въ Нюрнбергѣ состоялся пятый съѣздъ членовъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ. Со времени съѣзда въ Гера Бебель энергично и умѣло велъ дѣла союза и пришелъ къ заключенію о настоятельной необходимости отдѣлить прогрессивные элементы ферейновъ отъ реакціонныхъ. „Лучше 10 вѣрныхъ, чѣмъ 30 колеблющихся ферейновъ“, писалъ онъ Альберту Ланге. Процессъ развитія классоваго самосознанія пролетаріата внутри Союза шелъ самымъ первобытнымъ путемъ, подталкиваемый силой краснорѣчивыхъ экономическихъ фактовъ, а не агитаторскимъ искусствомъ Либкнехта, какъ это говорили вездѣ. Либкнехтъ, какъ и „Демократическая Еженедѣльная Газета“, стоялъ еще тогда совершенно вдали отъ Союза, какъ такового. Союзъ имѣлъ свой собственный органъ „Arbeiterhalle“, издававшійся въ Маннгеймѣ. Но чѣмъ яснѣе пролетарскіе элементы ферейновъ стали сознавать необходимость для Союза (если онъ вообще желалъ имѣть какой-нибудь raison d'être) занять опредѣленное положеніе по отношенію къ жгучимъ вопросамъ соціально-политической жизни, тѣмъ усерднѣе буржуазные элементы старались защищать послѣднія позиціи, еще занятыя буржуазіей среди пролетаріата. Какъ только главный городъ, Лейпцигъ, объявилъ о созывѣ съѣзда на 5 сентября въ Нюрнбергѣ и о его намѣреніи предложить, какъ программу Союза, основные пункты статутовъ Интернаціонала, съ обѣихъ сторонъ поднялась оживленная агитація въ пользу посылки делегатовъ на съѣздъ, при чемъ буржуазіей были пущены въ ходъ всѣ средства, чтобы увеличить число своихъ приверженцевъ среди рабочихъ и рабочихъ ферейновъ.

Тѣмъ не менѣе она потерпѣла полное пораженіе въ борьбѣ со стихійнымъ теченіемъ, охватившимъ ра-

бочія массы. Нюренбергскій съѣздъ принялъ предложенную ему городомъ Лейпцигомъ программу и высказался за организацію централизованныхъ профессіональныхъ товариществъ, отвергнувъ проектъ Зоннемана объ устройствѣ для рабочихъ, при посредствѣ почты, инвалидныхъ кассъ, которыя, сообразно этому должны были принять характеръ учрежденій, поставленныхъ подъ контроль государства При голосованіи весьма важнаго вопроса о программѣ за нее высказались 72 ферейна, представленные 69 голосами, противъ нея — 37 ферейновъ съ 46 голосами. Буржуазное меньшинство пыталось еще спасти свое дѣло, заявляя, что за большинствомъ стоитъ всего 1800 членовъ, между тѣмъ какъ меньшинство имѣетъ за собою 8800 членовъ рабочихъ ферейновъ. Но Бебель разбилъ эту мистификацію самымъ убѣдительнымъ образомъ. Хотя, по его разсчету, все еще выходило, что за меньшинствомъ стоитъ 5876 членовъ, а за большинствомъ 6480, но потомъ обнаружилось, что меньшинство, тотчасъ выступившее изъ Союза, вообще не обладаетъ никакой жизнеспособностью. Оно сдѣлало попытку основать союзъ нѣмецкихъ рабочихъ, но споткнулась на первыхъ же шагахъ. Ферейны, принадлежавшіе къ меньшинству, либо скоро перешли на сторону большинства, либо распались; изъ всѣхъ ихъ до сихъ поръ еще сохранился одинъ рабочій ферейнъ въ Берлинѣ, который, впрочемъ, въ то время раскололся на два союза; изъ нихъ одинъ подъ старымъ названіемъ держался прогрессистской программы, другой переименовалъ себя въ Демократическій Рабочій Ферейнъ и примкнулъ къ союзу рабочихъ ферейновъ.

Подобно съѣзду въ Гера, и Нюренбергскій съѣздъ былъ огромнымъ шагомъ впередъ, но онъ еще не привелъ къ основанію соціалъ-демократической рабочей партіи. Формально союзъ сохранилъ свою прежнюю организацію, Бебель былъ выбранъ президентомъ, а Лейпцигъ — главнымъ городомъ. На съѣздѣ были

представители отъ австрійскихъ и швейцарскихъ рабочихъ союзовъ, Генеральный Совѣтъ Интернаціонала былъ представленъ Эккаріусомъ, и нѣкоторые члены Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, только присутствовавшіе на гамбургскомъ съѣздѣ, какъ Кирхнеръ изъ Гильдесгейма и Карлъ Гиршъ изъ Берлина, говорили сильно въ духѣ большинства. Тѣмъ не менѣе среди большинства находились такіе элементы, которые ровно ничего общаго не имѣли съ классовой борьбой пролетаріата; тутъ были искренніе люди вродѣ Лангендорфа, ненадежные кантонисты, какъ Зоннеманъ, хитроумные господа изъ Нѣмецкой Народной Партіи, которые могли въ крайнемъ случаѣ принять программу Интернаціонала, такъ какъ она еще не высказывалась опредѣленно о національной политикѣ рабочаго класса. Нѣмецкая Народная Партія оффиціально была представлена на Нюренбергскомъ съѣздѣ, а потому Нюренбергскій съѣздъ послалъ своихъ делегатовъ на конференцію Нѣмецкой Народной Партіи, которая засѣдала 19 и 20 сентября въ Штутгартѣ и послѣ трехлѣтнихъ родовыхъ мукъ разрѣшилась, наконецъ, національной и соціальной программой.

Нѣмецкая Народная Партія сократилась въ южногерманскую партію, если не считать нѣкоторыхъ аугустенбургскихъ и вельфскихъ членовъ ея, доживавшихъ свои послѣдніе дни, въ Шлезвигъ-Голштиніи и Ганноверѣ, нѣсколькихъ приверженцевъ Якоби, и особенно всей Саксонской Народной Партіи, которая состояла преимущественно изъ рабочихъ и быстро развивалась въ духѣ соціалъ-демократіи. А между тѣмъ, какъ разъ благодаря своей пространственной ограниченности Нѣмецкая Народная Партія могла бы въ періодъ между Кениггрецомъ и Седаномъ сыграть крупную историческую роль, если бы она, пользуясь соперничествомъ всей Европы, противопоставила безсилію и неспособности южногерманскихъ правительствъ широкую демократическую программу, отъ которой вмѣстѣ

съ тѣмъ солоно пришлось бы берлинской реакціи. Самый благопріятный моментъ былъ упущенъ, потому что мелкій партикуляризмъ, какъ во дни нѣмецкой революціи, одержалъ верхъ надъ всѣми демократическими и республиканскими словоизліяніями, потому что, какъ съ горечью выразился Альбертъ Ланге, единственнымъ рычагомъ, управлявшимъ всѣми движеніями Нѣмецкой Народной Партіи, была слѣпая, безотчетная ненависть къ Пруссіи, игравшая только на руку врагу.

Національная программа, которую они, наконецъ, осенью 1868 г. изложили на бумагѣ, ничего въ себѣ не заключала кромѣ остатковъ прежняго партикуляризма, услащеннаго пустопорожней болтавней о свободѣ и самоопредѣленіи, а ея соціальная программа представляла собою нѣчто еще худшее. Нѣмецкая Народная Партія объявила, что принципіально она „присоединяется къ программѣ, принятой на Нюренбергскомъ съѣздѣ", и выставила рядъ соціальныхъ требованій, какъ улучшеніе народной школы, свобода передвиженія, свобода промышленности, которыя не выходили за предѣлы буржуазнаго кругозора, хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ, напр., въ вопросѣ объ отмѣнѣ постоянной арміи и участіи рабочихъ въ чистой прибыли предпріятія, эта партія оказалась немного радикальнѣе, немного хитрѣе сѣверогерманскихъ либераловъ. Съ программой Интернаціонала, къ которой она „присоединилась", эти требованія стояли въ такой же гармоніи, какая существуетъ между трудомъ и капиталомъ. Послѣ такихъ замѣчательныхъ трудовъ, понятно, почему Марксъ назвалъ конфликтъ между сѣверогерманскими націоналъ-либералами и южно-германской Народной Партіей „пустяками". Въ томъ же духѣ высказался и Энгельсъ, говоря, что исторія ближайшаго будущаго покажетъ, что единственной причиной, почему націоналъ-либералы и члены Народной Партіи враждовали между

собою заключается въ томъ, что тѣ и другіе принадлежатъ къ противоположнымъ полюсамъ одной и той же глупости.

Въ то время какъ нюренбергское большинство стояло еще въ тѣсной связи съ Нѣмецкой Народной Партіей, резолюціи гамбурскаго съѣзда гораздо ближе подходили къ заключеніямъ, принятымъ въ то же самое время на третьемъ конгрессѣ Интернаціонала. Онъ засѣдалъ отъ 6 до 12 сентября въ Брюсселѣ и былъ представленъ 97 делегатами, большинство которыхъ составляли бельгійцы; отъ Франціи присутствовало 8 делегатовъ, отъ Англіи — 11, отъ Швеціи — 8 и отъ Германіи — 4. О необходимости политической борьбы и о значеніи стачекъ для рабочаго класса Брюссельскій конгрессъ Интернаціонала вынесъ такія резолюціи, какія были приняты Гамбургскимъ съѣздомъ, и впервые конгрессъ высказался за соціализацію земли, хотя, правда, противъ этого голосовало сильное меньшинство, съ французскими делегатами во главѣ. Швейцеръ получилъ оффиціальное приглашеніе на Брюссельскій конгрессъ, но не могъ пріѣхать, потому что, будучи непрерывно преслѣдуемъ прокурорской властью, былъ связанъ различными сроками явки въ судъ для разбора его дѣлъ. Отвѣчая на приглашеніе, Швейцеръ писалъ, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ стоитъ цѣликомъ на точкѣ зрѣнія Интернаціонала, и если онъ формально не вступаетъ въ Международный Рабочій Союзъ, то его удерживаютъ отъ этого только нѣмецкіе законы о союзахъ.

Эти законы правительство стало теперь примѣнять для преслѣдованія Союза, даже какъ національной организаціи. Судебная палата въ двухъ инстанціяхъ рѣшила, что мѣстная группа членовъ въ Берлинѣ, какъ самостоятельное отдѣленіе союза, должна быть распущена. Это постановленіе можно было еще обжаловать въ верховный трибуналъ, но 16 сентября лейпцигское полицейское управленіе сдѣлало распоряженіе

о закрытіи Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза вообще. Предлогомъ для этого послужило постановленіе союза, чтобы половина членскихъ взносовъ шла на мѣстныя нужды каждой отдѣльной группы; „такимъ образомъ, мѣстные члены союза не только входятъ въ составъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, но и образуютъ на мѣстахъ самостоятельныя организаціи со своими собственными кассами“. Такъ какъ было очевидно, что полиціи нуженъ только предлогъ для предрѣшеннаго заранѣе распущенія Союза, то Швейцеръ рѣшилъ оставить всякія жалобы на незаконныя дѣйствія полиціи и просто объявилъ, что Союзъ долженъ немедленно распустить себя—„не изъ повиновенія къ власти“, какъ онъ объяснилъ своимъ товарищамъ, а только „потому, что это самое благоразумное, что можно при данныхъ условіяхъ сдѣлать“. Швейцеръ понялъ и высказывалъ совершенно открыто, что этотъ ударъ, полученный въ Лейпцигѣ, исходилъ изъ Берлина; онъ не хотѣлъ подать поводъ верховному трибуналу высказаться по этому вопросу, дабы его рѣшеніе не служило прецедентомъ для всѣхъ прусскихъ судовъ въ примѣненіи къ дѣламъ о „самостоятельныхъ отдѣленіяхъ Союза“; распуская себя добровольно, Союзъ оставилъ себѣ возможность въ любую минуту вновь открыться на такихъ основаніяхъ, которыя устраняли бы всякую возможность полицейскихъ придирокъ.

3. Раздробленіе профессіональнаго движенія.

При всѣхъ своихъ разногласіяхъ Гамбургскій и Нюрнбергскій съѣзды сошлись на двухъ резолюціяхъ, которыя, казалось, открывали общее для обоихъ союзовъ поле дѣятельности въ интересахъ всего нѣмецкаго сознательнаго пролетаріата: на присоединеніи къ Интернаціоналу и на организаціи профессіональныхъ союзовъ. Такъ смотрѣла на дѣло и „Демократическая Еженедѣльная Газета“. Въ своемъ № отъ 12 сентября она писала: „Въ Гамбургѣ, Нюренбергѣ и Брюсселѣ

мы видимъ однѣ и тѣ же стремленія, однѣ и тѣ же цѣли: освобожденіе пролетаріата изъ-подъ гнета капитала, устраненіе классоваго господства и порабощенія наемнаго труда, созданіе свободнаго государства, основаннаго на началахъ равенства и права". Одновременно съ этимъ въ „Zukunft" появилась корреспонденція изъ Лейпцига, въ которой было сказано, что большее или меньшее сліяніе демократическаго рабочаго ферейна съ Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ является только вопросомъ времени.

Какъ бы ни были почтенны сами по себѣ эти стремленія къ объединенію, но обѣ стороны шли къ нему столь различными путями, что скорѣе удалялись отъ своей намѣченной цѣли, чѣмъ приближались къ ней. Въ лейпцигской корреспонденціи газеты „Zukunft" значилось, что „тѣ и другіе" изъ чисто личныхъ мотивовъ противятся объединенію нѣмецкихъ рабочихъ. Еще яснѣе выступила „Демократическая Еженедѣльная Газета", которая, напечатавъ на одной сторонѣ номера демократическія резолюціи Гамбургскаго съѣзда, обратилась на другой сторонѣ того же номера къ президенту Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза съ категорическимъ требованіемъ принять мѣры противъ гамбургскаго члена союза, сапожника Прааста; по сообщенію одной вельфской газеты Народной Партіи этотъ господинъ на поминальномъ торжествѣ по Лассалѣ въ Ганноверѣ, будто бы, похвалилъ прусскую политику присоединенія и захвата. При этомъ не приводили никакихъ доказательствъ тому, что Праастъ, который, кстати, черезъ годъ перешелъ отъ Швейцера къ Либкнехту, дѣйствительно совершилъ поступокъ, противный принципамъ партіи; голое утвержденіе газеты, которая гдѣ-то, якобы, боролась за свободу и объединеніе Германіи, не можетъ служить вѣской уликой. И эта статья „Демократической Еженедѣльной Газеты" была тотчасъ воспроизведена въ „Zukunft".

До сихъ поръ Швейцеръ не обращалъ никакого

вниманія на всѣ нападки „Демократической Еженедѣльной Газеты“, которая не разъ выражала сомнѣніе въ его личной честности и въ вѣрности своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Теперь онъ отвѣтилъ газетѣ, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ ни въ коемъ случаѣ не отвѣтственъ за взгляды, высказываемые отдѣльными членами его, и что президентъ не можетъ взять на себя роль сыщика или цензора, слѣдящаго за каждымъ ораторомъ; но если угодно знать его личное отношеніе къ затронутому вопросу, то онъ заявляетъ, что, по его мнѣнію, „ни прусская полицейская и милитаристская политика захвата, ни безсмысленная и отвратительная пруссофобія, насаждаемая въ среднихъ и мелкихъ государствахъ Народной Партіей и приспѣшниками изгнанныхъ князей, одинаково не ведутъ къ созданію желательнаго намъ всѣмъ единаго нѣмецкаго народнаго государства“. Лейпцигскому корреспонденту газеты „Zukunft“ Швейцеръ отвѣтилъ, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ всегда будетъ идти рука объ руку съ большинствомъ нюрнбергскихъ ферейновъ, какъ со всякой дружественной и согласно мыслящей партіей. Но о сліяніи рѣчи быть не можетъ, развѣ только въ томъ случаѣ, если нюрнбергскіе ферейны пожелаютъ вступить во Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ, куда — милости просимъ. Но никогда стройная организація, основанная Лассалемъ, не измѣнится для того, чтобы дать у себя мѣсто „расплывчатой болтовнѣ“.

Это было, конечно, очень неделикатно сказано, но по сравненію съ тѣми колкостями, которыя Швейцеру пришлось выслушивать въ теченіе девяти мѣсяцевъ отъ „Демократической Газеты“, это также нельзя считать особенно грубымъ пріемомъ. Во всякомъ случаѣ, было достаточно ясно, что̀ онъ подразумѣвалъ подъ выраженіемъ „расплывчатая болтовня“. Онъ отнюдь не имѣлъ въ виду программы Интернаціонала, которую онъ самъ принялъ, а только тѣ неясныя отношенія, ко-

торыя установились между нюрнбергскими ферейнами и Нѣмецкой Народной Партіей. Тѣмъ не менѣе „Демократическая Газета“ попала въ недоразумѣніе, заявивъ, что невѣжливое выраженіе Швейцера относилось „исключительно“ къ ученію Маркса, которое, дескать, тѣмъ и отличается отъ теоріи Лассаля, что оно ее сводитъ къ нулю. Такимъ образомъ, Швейцеръ былъ еще разъ объявленъ „измѣнникомъ дѣлу соціализма и демократіи“.

Послѣ этого единственнымъ общимъ полемъ дѣятельности для обѣихъ партій осталось профессіональное движеніе. Между тѣмъ нюрнбергскіе ферейны не послали делегатовъ на конгрессъ, который Швейцеръ и Фрицще созывали на 27 сентября, и, какъ потомъ объяснилъ Либкнехтъ, только потому, что ихъ слишкомъ задѣло объявленіе Швейцера, что они не будутъ допущены на конгрессъ. Но дѣло было вотъ въ чемъ. Послѣ того какъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ былъ распущенъ лейпцигской полиціей, въ „Соціалъ-демократѣ“ было опубликовано, что, согласно существующему закону о коалиціяхъ, запрещающему союзы между политическими ферейнами, „тѣ рабочія организаціи, которыя имѣютъ опредѣленную политическую программу, какъ, напр., Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ и нюрнбергское большинство, какъ таковые, не могутъ быть представлены на конгрессѣ“. Этимъ, конечно, преслѣдовалась чисто практическая цѣль: хотѣли формально обезпечить конгрессъ отъ полицейскихъ придирокъ; единственными организаціями, у которыхъ было основаніе жаловаться, были нюрнбергскіе ферейны меньшинства, не имѣвшіе никакой политической программы и несмотря на это, по особому разъясненію въ „Соціалъ-демократѣ“ исключенные изъ участія въ конгрессѣ, такъ какъ фактически все-таки предпочитались политическіе союзы. Для всѣхъ же уже функціонировавшихъ профессіональныхъ союзовъ, для собраній различныхъ мастерскихъ, даже просто рабо-

чихъ кружковъ, конгрессъ былъ открытъ безъ всякихъ ограниченій.

Гораздо чаще по адресу Швейцера и Фрицше приходилось слышать упрекъ въ томъ, что они слишкомъ поторопились съ созывомъ конгресса, что они не обождали конца Нюрнбергскаго съѣзда, чтобы вмѣстѣ съ ядромъ побѣдоноснаго большинства взять въ руки организацію профессіональнаго движенія; въ особенной спѣшкѣ надобности не представлялось, такъ какъ свобода коалицій еще не стояла за плечами. Тѣмъ не менѣе у Швейцера и Фрицше были вѣскія основанія ковать желѣзо, пока оно было горячо. Они хотѣли имѣть свою армію уже организованной и военную кассу наполненной, раньше чѣмъ раздастся сигналъ къ бою; затѣмъ для нихъ было въ высшей степени важно какъ можно скорѣе противопоставить внутрипартійной оппозиціи, которая въ проблематической спекуляціи на результаты Нюрнбергскаго съѣзда могла найти для себя только новую пищу, уже совершившійся фактъ; но особенно необходимо было предупредить тайные замыслы Прогрессистской Партіи, которая старалась овладѣть пролетарскимъ стачечнымъ движеніемъ и направить его по ложному пути.

Всѣ разговоры о томъ, будто Либкнехтъ и Швейцеръ приступили къ устройству профессіональныхъ союзовъ лишь послѣ того, какъ Максъ Гиршъ предпринялъ свое путешествіе въ Англію съ цѣлью изученія тредъ-юніоновъ и насажденія ихъ въ Германіи, представляютъ собою чистѣйшій вымыселъ. Либкнехтъ былъ очень хорошо знакомъ съ тредъ-юніонами еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ жилъ въ Англіи въ изгнаніи и по возвращеніи въ Германію онъ прочелъ о нихъ цѣлый рядъ лекцій нѣмецкимъ рабочимъ; а Швейцеръ давно разбиралъ этотъ вопросъ въ „Соціалъ-демократѣ“, по крайней мѣрѣ, гораздо раньше, чѣмъ Максъ Гиршъ додумался до того, чтобы побудить прогрессистски настроенныхъ рабочихъ къ

безсмысленному подражанію тредъ-юніонамъ и тѣмъ отвлечь ихъ вниманіе отъ ихъ истинныхъ интересовъ. Онъ только въ Англіи, куда онъ поѣхалъ изучить кооперативное движеніе, впервые обратилъ вниманіе на тредъ-юніоны и то по указанію Луи Брентано, который, дѣйствительно, хорошо зналъ англійскіе профессіональные союзы; о „научныхъ изслѣдованіяхъ“, которыми, будто бы, занимался Максъ Гиршъ, можно судить по тому, какъ онъ въ теченіе долгаго времени прожужжалъ уши нѣмецкимъ рабочимъ о третейскихъ и примирительныхъ камерахъ, какъ о панацеѣ противъ всѣхъ соціальныхъ золъ, обратился затѣмъ за помощью къ Брентано, умоляя, чтобы онъ ему далъ нужныя свѣдѣнія, такъ какъ у него самого, „къ сожалѣнію, нѣтъ никакого матеріала“ объ англійскихъ третейскихъ и примирительныхъ судахъ. Но если это колоссальное невѣжество Макса Гирша исключало всякую мысль о томъ, будто Либкнехтъ и Швейцеръ могли что-нибудь заимствовать у него, то фривольная скоропалительность, съ которой онъ все-таки приступилъ къ устройству профессіональныхъ союзовъ, вызывала необходимость какъ можно скорѣе преградить ему дорогу

Тѣмъ временемъ на воззваніе Швейцера и Фрицше откликнулся весь нѣмецкій рабочій классъ. На конгрессъ, открывшійся 26 сентября, прибыло 206 делегатовъ, явившихся представителями 142,008 рабочихъ отъ 110 мѣстъ и самыхъ разнообразныхъ профессій. Наиболѣе сильное участіе въ конгрессѣ принимали — какъ того и слѣдовало ожидать — Берлинъ, представленный 27, а включая сосѣдній съ нимъ Бранденбургскій округъ, 42 делегатами, затѣмъ Гамбургъ-Альтона (22), Эльберфельдъ - Барменъ (11) и Брауншвейгъ (7). Но немало прибыло представителей и изъ южной Германіи, какъ, напр., изъ Оффенбаха, Маннгейма, Гейдельберга, Фрейбурга, Шпейера, Штутгарта, Аугсбурга, Вюрцбурга; точно также не пре-

минули послать своихъ делегатовъ Саксонское королевство, Дрезденъ, Фрейбергъ, Глаухау и Лейпцигъ.

Удостоила своимъ вниманіемъ конгрессъ и Прогрессистская Партія. Ей удалось только за два дня до открытія конгресса собрать послѣдніе остатки своихъ приверженцевъ, что-то около 400—500 человѣкъ, среди которыхъ, однако, стали раздаваться голоса, что отказаться участвовать въ разумномъ дѣлѣ только потому, что инициаторами его являются соціалъ-демократы, не резонъ. Пришлось самому Шульце Деличу ринуться въ бой, и онъ выступилъ съ рѣчью, въ которой хвасталъ, что онъ рожденъ для роли рабочаго вождя и металъ громы и молніи противъ „праздной болтовни разныхъ бездѣльниковъ“. Собраніе выбрало двѣнадцать делегатовъ, которые должны были подъ предводительствомъ Макса Гирша явиться на конгрессъ и протестовать противъ „организаціи соціальной борьбы“. Конечно, попытка внести расколъ въ конгрессъ потерпѣла полное фіаско; вызвавъ на первомъ же засѣданіи нѣсколько ненужныхъ затрудненій, Максъ Гиршъ былъ удаленъ съ конгресса вмѣстѣ со всѣми своими сторонниками; въ то же время Шульце, скорѣе изъ предосторожности, чѣмъ изъ любви къ истинѣ, заявилъ посланцу Швейцера, что выраженіе „праздная болтовня разныхъ бездѣльниковъ“ не относилось вовсе къ воззванію Швейцера и Фрицше. Эта трусость его была оцѣнена по достоинству еще одной суровой резолюціей конгресса, который вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что въ берлинскихъ машиностроительныхъ рабочихъ онъ признаетъ своихъ братьевъ, и что удаленіе делегатовъ съ конгресса было направлено исключительно противъ проявленныхъ ими дезорганизаторскихъ тенденцій. Къ сожалѣнію, это искреннее объясненіе не успокоило оскорбленнаго корпоративнаго духа берлинскихъ машиностроителей, которые послѣ этого еще тѣснѣе примкнули къ Прогрессистской Партіи.

За исключеніемъ этого инцидента, во всемъ остальномъ рабочій конгрессъ прошелъ въ полномъ единеніи и послѣ четырехдневныхъ дебатовъ закончился учрежденіемъ десяти рабочихъ товариществъ и одного союза рабочихъ товариществъ. Терминъ „рабочее товарищество“ былъ выбранъ потому, что большинство делегатовъ опасалось, что слово „профессіональный союзъ“ вызоветъ у многихъ рабочихъ непріятныя воспоминанія о цехахъ и ихъ домогательствахъ. Упомянутыя десять рабочихъ товариществъ составляли: сапожники, портные, каменщики, пекаря, токаря по металлу и по дереву, ремесленники и фабричные рабочіе, переплетчики, шорники, рудокопы и солевары, наконецъ, красильщики, ткачи и мануфактурные рабочіе. Для отдѣльныхъ товариществъ конгрессъ набрасывалъ примѣрные уставы, которые могли быть ими приняты, измѣнены или отвергнуты, какъ угодно; только, какъ члены Союза, въ который могло вступить каждое товарищество, насчитывавшее въ своемъ составѣ 500 человѣкъ, участники обязаны были соблюдать уставъ и постановленія Союза. Самъ Союзъ былъ построенъ по образцу Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, какъ боевая организація для успѣшнаго веденія стачечнаго движенія. Президіумъ, состоявшій изъ трехъ членовъ и двухъ замѣстителей, выбирался всеобщимъ голосованіемъ всѣхъ членовъ; каждое товарищество посылало своихъ делегатовъ на съѣздъ, на которомъ каждый делегатъ пользовался столькими голосами, сколько членовъ насчитывало данное мѣстное товарищество; наконецъ, въ комитетѣ каждое товарищество было представлено однимъ уполномоченнымъ, которому было предоставлено по одному голосу отъ каждыхъ 500 членовъ пославшаго его товарищества. При всемъ томъ комитетъ пользовался несравненно большими правами, чѣмъ соотвѣтствующее ему бюро Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Такъ, напр., онъ одинъ рѣшалъ вопросъ о томъ,

должна ли данная стачка быть поддержана общей забастовкой всего Союза; заключительное слово принадлежало комитету, а президентъ являлся только исполнительной властью.

Изъ существовавшихъ уже товариществъ временно вступили въ Союзъ портные, выговорившіе себѣ условіе остаться въ Союзѣ только въ томъ случаѣ, если ихъ вступленіе будетъ утверждено ихъ общимъ собраніемъ, а делегаты отъ папиросниковъ и плотниковъ заявили, что будутъ настаивать на своемъ общемъ собраніи на непремѣнномъ вступленіи въ Союзъ. Представители же переплетчиковъ отказались присоединиться къ союзу, такъ какъ, по ихъ словамъ, они были уполномочены голосовать только за федерацію, но не за централистскую организацію всѣхъ рабочихъ товариществъ. Предположеніе обождать конституированіемъ Союза до тѣхъ поръ, пока отдѣльныя товарищества не сорганизуются, а затѣмъ созвать новый съѣздъ, — предложеніе, аргументированное указаніемъ на „иные соціалистическіе элементы", которыми не слѣдуетъ пренебрегать, было отвергнуто послѣ подробнаго обсужденія, — при чемъ ораторы отъ большинства ставили собранію на видъ, что на этомъ конгрессѣ могли быть представлены всѣ направленія, господствующія въ нѣмецкомъ рабочемъ классѣ, что созывъ новаго конгресса сопряженъ съ большими расходами, и что необходимо отнять у противниковъ рабочаго класса всякую возможность дальнѣйшихъ вылазокъ. Конгрессъ объявилъ себя первымъ очереднымъ съѣздомъ и назначилъ первый президіумъ въ лицѣ Швейцера, Фрицше и фабричнаго рабочаго Клейна изъ Эльберфельда. Равнымъ образомъ, былъ тогда же составленъ первый комитетъ, въ который делегаты отъ всѣхъ профессій, пожелавшихъ сорганизоваться въ товарищества, выбрали по одному уполномоченному. Союзнымъ органомъ былъ объявленъ „Соціалъ-демократъ"

По поводу конгресса Швейцеръ два раза писалъ Марксу, разъ 15 сентября, другой разъ—8 октября. Подлинный текстъ его писемъ до насъ не дошелъ, но зато сохранился отвѣтъ Маркса, датированный 13 октября. Судя по этому отвѣту, Швейцеръ хотѣлъ, чтобы Марксъ высказался по поводу предложеній, внесенныхъ имъ на конгрессъ, и взялся быть посредникомъ между Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ и Нюрнбергскими ферейнами въ дѣлѣ организаціи профессіональнаго движенія. Марксъ согласился взять на себя роль посредника и обѣщалъ сохранить полную безпартійность; онъ прибавилъ, что, какъ секретарь Интернаціонала со стороны Германіи, онъ вдвойнѣ дорожитъ сохраненіемъ мира; на полученное имъ возраженіе, что Швейцеръ самъ провоцировалъ войну, при чемъ ему представлены были документальныя доказательства въ видѣ статей „Соціалъ-демократа", онъ отвѣтилъ, что вынужденъ ограничиться ролью секунданта на дуэли. Нельзя было держаться лояльнѣе, чѣмъ держался въ данномъ случаѣ Марксъ, тѣмъ не менѣе онъ и на этотъ разъ обнаружилъ недостаточную освѣдомленность объ истинномъ положеніи дѣлъ. Швейцеръ вовсе не провоцировалъ междоусобной войны, и въ этомъ, повидимому, убѣдился самъ Марксъ изъ тѣхъ же присланныхъ ему „документальныхъ доказательствъ", изъ которыхъ видно, что онъ только отражалъ провокаторскія вылазки противниковъ; въ противномъ случаѣ, Марксъ едва ли писалъ бы ему въ такомъ дружественномъ тонѣ. Въ томъ же письмѣ онъ отдаетъ должное „безусловной энергіи и уму", которые Швейцеръ вложилъ въ дѣло организаціи нѣмецкаго рабочаго движенія,— отзывъ нѣсколько отличный отъ тѣхъ обвиненій въ измѣнѣ дѣлу соціализма и демократіи, которыя незадолго до того Швейцеру столько разъ пришлось выслушивать отъ „Демократической Еженедѣльной Газеты".

Въ своихъ отношеніяхъ къ Швейцеру Марксъ былъ не только лояленъ, но и вполнѣ справедливъ. Онъ не скрывалъ отъ Швейцера, что уставъ Союза рабочихъ товариществъ построенъ на принципіально ложной основѣ. При всей своей приспособленности для тайныхъ заговорщическихъ обществъ и сектантскихъ движеній, выбранная форма организаціи противорѣчитъ характеру тредъ-юніоновъ. Марксъ говоритъ, что такая организація неосуществима, и что если-бъ она даже была осуществима, то она совершенно нежелательна, особенно для Германіи. Здѣсь, гдѣ рабочій съ дѣтства дисциплинированъ въ бюрократическомъ духѣ и привыкъ вѣрить въ авторитетъ установленной власти, его нужно прежде всего научить ходить на собственныхъ ногахъ. Уставъ не приспособленъ также къ тому, чтобы ускорить моментъ „активнаго выступленія", которое имѣлъ въ виду Швейцеръ; съѣздъ, комитетъ, весь громоздкій президіумъ—три независимыхъ другъ отъ друга учрежденія, между которыми неизбѣжны всевозможныя столкновенія; у тредъ-юніоновъ все сводится къ денежнымъ вопросамъ, здѣсь никакимъ диктаторскимъ тенденціямъ нѣтъ мѣста. Несмотря на все это, Марксъ, однако, допускалъ, что при разумномъ осуществленіи программы Союза на практикѣ, его организаціонные недостатки могутъ быть болѣе или менѣе устранены.

Марксъ отнесся отрицательно къ тому, что Швейцеръ хотѣлъ подчинить классовую борьбу пролетаріата поднявшемуся въ немъ сектантскому движенію. Этотъ упрекъ былъ совершенно справедливъ, поскольку Швейцеръ старался пристегнуть профессіональные союзы къ политической организаціи въ качествѣ вспомогательнаго орудія второго порядка. Но онъ былъ совершенно несправедливъ, поскольку Марксъ въ своемъ письмѣ говоритъ о Лассалѣ, какъ объ организаторѣ сектъ, и о Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ, какъ о сектантскомъ обществѣ; и этотъ упрекъ былъ бы вдвойнѣ несправедливъ, если-бъ Марксъ видѣлъ на-

стоящее классовое движеніе нѣмецкаго пролетаріата исключительно въ нюрнбергскихъ союзахъ и Саксонской Народной Партіи, чего онъ, правда, не высказывалъ, а можетъ быть и не думалъ, но что сквозило между строками его письма. Таковымъ не было положеніе дѣлъ въ Германіи. Скорѣе положеніе было таково, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ представлялъ собою несравненно болѣе развитую форму классоваго движенія, чѣмъ нюрнбергскіе союзы и Саксонская Народная Партія. Того же 13 октября, когда Марксъ въ Лондонѣ писалъ свое письмо, на столбцахъ „Соціалъ-демократа“ въ Берлинѣ появилась статья Швейцера, разъяснявшая сущность и характеръ „Интернаціонала“ совершенно въ духѣ Маркса. Въ этой статьѣ говорится, что всякій, кто принадлежитъ ко Всеобщему Германскому Рабочему Союзу, принадлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ Интернаціоналу, подобно тому, какъ каждый гражданинъ кантона Ури — вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданинъ Швейцарской республики. Національныя рабочія организаціи нужны до тѣхъ поръ и постольку, покуда и поскольку отдѣльныя культурныя націи значительно отличаются другъ отъ друга своими особенностями, съ которыми пролетаріату въ его освободительной борьбѣ по необходимости приходится считаться; но процессъ развитія идетъ и долженъ быть направленъ къ тому, чтобы главное руководство всѣмъ рабочимъ движеніемъ постепенно перешло отъ національныхъ центровъ къ Интернаціоналу. Такъ, конечно, не станетъ говорить главарь секты, и, видя незаслуженныя нападки Маркса, Швейцеръ поневолѣ пересталъ придавать особенное значеніе и справедливымъ упрекамъ его. Но разъ онъ остался при томъ взглядѣ, что профессіональное движеніе служитъ подсобнымъ орудіемъ для политической борьбы, то онъ поступилъ вполнѣ послѣдовательно и логично, когда сталъ учреждать свои рабочія товарищества, и неодобреніе Маркса не должно было его смущать уже

потому, что даже его противники изъ прогрессистскаго лагеря признали, что на случай борьбы между трудомъ и капиталомъ его рабочій Союзъ прекрасно организованъ.

Сами прогрессисты, тотчасъ послѣ закрытія конгресса, тоже начали устраивать профессіональные союзы, на основѣ пресловутаго принципа гармоніи между трудомъ и капиталомъ. Апостолъ „гармоніи", Гиршъ, долженъ былъ замѣстить устраненнаго отъ дѣлъ апостола „воздержанія" Шульце. Максъ Гиршъ совершенно затушевывалъ тотъ фактъ, что, если съ англійскими рабочими, организованными въ тредъ-юніоны, фабриканты въ третейскихъ и примирительныхъ камерахъ обращаются, какъ съ равноправными членами общества, то они этого добились долгой борьбой, сопряженной съ колоссальными жертвами; онъ вообразилъ себѣ, или дѣлалъ видъ, что вообразилъ себѣ, будто борьба, которой тредъ-юніоны исключительно обязаны своимъ успѣхомъ, была огромной ошибкой, что тотъ плохой миръ, въ которомъ англійскіе фабриканты, изъ страха передъ могуществомъ тредъ-юніоновъ, стараются жить съ своими рабочими, является нормальнымъ отношеніемъ между трудомъ и капиталомъ. Уставы, которые прогрессисты давали, какъ образцы, своимъ профессіональнымъ союзамъ, представляли собою подражаніе статутамъ большихъ англійскихъ тредъ-юніоновъ, только подражаніе искаженное въ самой своей сущности; они приглашали предпринимателей участвовать въ союзѣ наравнѣ съ рабочими, и Максъ Гиршъ заявилъ, что „его" рабочіе союзы ни въ коемъ случаѣ не будутъ защищать „исключительно права и интересы рабочихъ", а будутъ отстаивать въ равной мѣрѣ и интересы своихъ эксплоататоровъ. Практическія соображенія, связанныя съ такой постановкой дѣла, основывались на томъ предположеніи, что нѣмецкіе предприниматели добровольно сдѣлаютъ „благонамѣреннымъ" профессіональнымъ союзамъ тѣ уступки,

которыя тредъ-юніонамъ пришлось силой вырвать у англійскихъ фабрикантовъ. Первый предприниматель, надъ которымъ хотѣли произвести этотъ экспериментъ, былъ фабрикантъ Борзигъ. Прогрессистскій союзъ механиковъ потребовалъ отъ него увольненія одного мастера за то, что онъ далъ пощечину одному рабочему; но когда Шульце Деличъ и Максъ Гиршъ обратились къ королю паровозостроителей съ такимъ предложеніемъ, то онъ въ отвѣтъ отпустилъ имъ нѣсколько моральныхъ пощечинъ и показалъ дверь.

Можно было предвидѣть, что прогрессистскіе профессіональные союзы скоро сядутъ на мель; при этомъ не имѣло даже особеннаго значенія то противодѣйствіе, которое фракція графини Готцфельдъ, въ своей ортодоксальной преданности каждому слову Лассаля, оказывала профессіональному движеніе вообще. Чтобы избѣгнуть раздробленія этого движенія, необходимо было объединить Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ и Саксонскую Народную Партію. Марксъ сдержалъ свое слово и дѣйствовалъ въ качествѣ посредника между обѣими партіями; „Демократическая Еженедѣльная Газета“ дала въ своемъ родѣ довольно дружественный отзывъ о рабочемъ конгрессѣ. Въ этой газетѣ Бебель, въ качествѣ президента Союза нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ, напечаталъ свой проектъ организаціи профессіональныхъ союзовъ въ Германіи, который представлялъ собою среднее, и правильное среднее между проектами, начерченными, съ одной стороны, Швейцеромъ, съ другой—Максомъ Гиршемъ. Статуты Бебеля начинали строеніе организаціи не съ вершины ея, а съ фундамента, и отвергали всякую диктаторскую централизацію союзовъ, но зато укрѣпляли каждый отдѣльный союзъ, превращая его въ мощную организацію для защиты правъ и интересовъ рабочихъ противъ капитала. Своей простотой и непретенціозностью статуты Бебеля производили лучшее впечатлѣніе, чѣмъ искусное созданіе Швейцера

или расплывчатое доктринерство прогрессистовъ; одинъ англійскій знатокъ тредъ-юніоновъ сказалъ, что по сравненію съ другими организаціонными проектами статутъ Бебеля являются „much more workmanlike“

Одновременно съ этимъ собраніе делегатовъ лейпцигскихъ мастерскихъ, засѣдавшее подъ предсѣдательствомъ Бебеля 26 ноября, приняло единогласно резолюцію Либкнехта, согласно которой всѣ рабочіе союзы и организаціи Швейцера и нюрнбергскихъ союзовъ, за исключеніемъ прогрессистскихъ ферейновъ, приглашались, послѣ взаимныхъ переговоровъ и соглашеній, на генеральное собраніе въ цѣляхъ объединенія и сліянія, а до тѣхъ поръ имъ рекомендовалось вступить между собою въ договорныя отношенія, поддерживать другъ друга своими средствами, а тамъ, гдѣ это возможно, временно выбирать общіе комитеты. На это предложеніе, опять-таки впервые ставшее извѣстнымъ вождямъ Союза изъ газеты „Zukunft“, президіумъ и комитетъ Союза рабочихъ товариществъ отвѣтили 29 ноября самымъ рѣзкимъ отказомъ, тоже принятымъ единогласно. Они говорили, что единеніе среди рабочихъ является первымъ условіемъ успѣха профессіональной борьбы. Учрежденіе же третьей группы профессіональныхъ союзовъ внесетъ только разъединеніе и дезорганизацію во все движеніе, и господа Бебель и Либкнехтъ могутъ поэтому оставить свой проектъ договорныхъ отношеній для возстановленія того единенія, которое они хотятъ нарушить. Если они въ самомъ дѣлѣ не хотятъ дѣйствовать разлагающимъ образомъ на рабочее движеніе, то ихъ обязанность вступить въ Союзъ и внутри его проводить тѣ измѣненія, которыя кажутся имъ нужными, подчиняясь безусловно большинству.

Этимъ расколъ въ профессіональномъ движеніи былъ рѣшенъ. Обвинять въ немъ ту или другую сторону нельзя, другими словами, расколъ со всѣми своими печальными послѣдствіями былъ предрѣшенъ

сложившимися обстоятельствами. Если-бъ даже кое-какія попытки къ объединенію и удались, то онѣ рано или поздно натолкнулись бы на такое препятствіе, о которое окончательно разбились бы. Трещина, прошедшая по всему нѣмецкому рабочему классу, была слишкомъ глубока, для того, чтобы медицинское искусство могло ее быстро зашить; пришлось дать ей совершенно истечь кровью, прежде чѣмъ она начнетъ заживать извнутри.

Глава шестая.

Соціалъ-демократическая Рабочая Партія.

Послѣ закрытія Берлинскаго рабочаго конгресса, 10 октября 1868 г., Швейцеръ, совмѣстно съ нѣкоторыми партійными друзьями, снова открылъ Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ; чтобы отнять у полиціи всякій формальный поводъ къ придиркамъ, въ порядокъ веденія дѣлъ были введены нѣкоторыя измѣненія, необходимость которыхъ вызывалась различными судебными и административными рѣшеніями послѣдняго времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ Швейцеръ перенесъ мѣсто пребыванія правленія въ Берлинъ. Это ему также было поставлено въ вину, какъ „мошенническая продѣлка", какъ намѣреніе предать рабочее движеніе въ руки Бисмарка; а между тѣмъ это была, несомнѣнно, самая правильная тактика, которой только могъ держаться въ данномъ случаѣ Швейцеръ. Въ Лейпцигѣ или въ Гамбургѣ Союзъ былъ бы ничуть не лучше обезпеченъ отъ полицейскихъ преслѣдованій, чѣмъ въ Берлинѣ; какъ разъ въ это время лейпцигская полиція начала свою ожесточенную и мелочную травлю зарождавшагося тамъ профессіональнаго движенія; именно здѣсь, въ центрѣ германской политической жизни, подъ суровымъ контролемъ законовъ о коалиціяхъ,

Союзъ могъ скорѣе защитить себя отъ всякихъ покушеній, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ.

Весьма возможно, что прусское правительство само хотѣло имѣть на глазахъ правленіе Союза, чтобы, смотря по надобности, оставить его въ покоѣ или распустить; по крайней мѣрѣ, на это указываетъ то обстоятельство, что при всѣхъ своихъ придиркахъ къ Союзу, оно все-таки не распускало его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ тѣхъ поръ, какъ буржуазія сдѣлалась преданнымъ слугой Бисмарка, его демагогическій интересъ къ рабочему движенію значительно остылъ. „Докладная записка“ Дюринга превратилась изъ политическаго документа въ предметъ частной спекуляціи; ее издалъ подъ своимъ именемъ Вагенеръ безъ разрѣшенія автора, который поднялъ противъ него шумный процессъ. Но Бисмаркъ никогда не забывалъ, что самыя тяжелыя испытанія предстоятъ его политикѣ еще впереди, и потому онъ покуда, въ концѣ 60-хъ годовъ, еще воздерживался отъ систематическихъ преслѣдованій рабочаго движенія, какъ того ему хотѣлось. Это былъ періодъ разброда, къ которому Швейцеръ старался приспособиться, подобно тому, какъ Либкнехтъ и Бебель приспособлялись къ неопредѣленному положенію саксонской свободы печати; всѣ его стремленія попрежнему сводились къ тому, чтобы, пользуясь всякими обстоятельствами, и благопріятными и неблагопріятными, довести рабочее движеніе до такого могущества, при которомъ никакими насильственными мѣрами, имѣющимися въ распоряженіи реакціоннаго полицейскаго государства, его нельзя было бы даже временно подавить.

Онъ могъ учесть какъ крупный успѣхъ тотъ фактъ, что съ распущеніемъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза ряды партіи нисколько не порѣдѣли. Послѣ трехмѣсячнаго отдыха работа закипѣла еще живѣе, чѣмъ прежде. Когда, 1-го декабря 1868 г., Швейцеру пришлось сѣсть на три мѣсяца въ тюрьму, онъ въ

одномъ финансовомъ отчетѣ заявилъ, что съ будущаго года начнется систематическая пропаганда при помощи наемныхъ разъѣздныхъ агитаторовъ, такъ что завѣтная мечта Лассаля, высказанная имъ еще въ своемъ „Гласномъ Отвѣтѣ“, будетъ, наконецъ, осуществлена. На время ареста Швейцера Тэльке принялъ управленіе дѣлами Союза, для чего онъ переселился въ Берлинъ; руководство Союзомъ рабочихъ товариществъ перешло къ Фрицше, а завѣдываніе „Соціалъ-демократомъ“—къ Гассельману. Въ началѣ слѣдующаго года нѣкоторыя парламентскія переизбранія обнаружили растущую силу Соціалъ-демократической Партіи. Въ Дуисбургѣ она одержала первую побѣду на первыхъ же выборахъ: 6792 голосами Газенклеверъ побилъ консервативнаго и націоналъ-либеральнаго кандидатовъ. Въ Целле Іоркъ на главныхъ выборахъ получилъ 2336 голосовъ, а на перебаллотировкѣ, давшей ему 5259 голосовъ, его противникъ прошелъ только незначительнымъ большинствомъ.

Въ концѣ года Швейцеръ былъ на нѣсколько недѣль освобожденъ изъ тюрьмы для присутствованія на похоронахъ своего отца и приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ по наслѣдству. Онъ воспользовался своей временной свободой для того, чтобы провести президентскіе выборы, созвать общее собраніе на Пасху и положить начало соціалъ-демократической агитаціи въ южной Германіи и въ Саксонскомъ королевствѣ. „Демократическая Еженедѣльная Газета“ сдѣлала по этому поводу нѣсколько ядовитыхъ замѣчаній: теперь, дескать, когда бисмарковское дѣтище переживаетъ тяжелый кризисъ, Швейцера подъ предлогомъ „семейныхъ обстоятельствъ“ выпускаютъ на свободу для того, чтобы онъ сѣялъ какъ можно больше розни въ рядахъ демократіи. Эти злые намеки были лишены всякаго фактическаго основанія. Ни твореніе Бисмарка не переживало никакого кризиса, ни Швейцеръ не дѣлалъ ничего другого, кромѣ того, чего требовали

интересы Союза. Созывъ общаго собранія и назначеніе президентскихъ выборовъ были необходимы для закрѣпленія вновь созданной организаціи; то была уступка демократическому принципу. Своей же агитаціей въ южной Германіи и Саксоніи Швейцеръ явился только исполнителемъ постановленія Гамбургскаго съѣзда.

Практически осуществляя эти постановленія. Швейцеръ ни разу не заслужилъ упрека въ односторонности. Онъ использовалъ свое пребываніе во Франкфуртѣ для того, чтобы обсудить вопросъ объ агитаціи въ южной Германіи совмѣстно съ 25 членами правленія и уполномоченными. По ихъ предложенію, онъ передалъ это дѣло технику Бонгорсту изъ Висбадена, сапожнику Кельшу изъ Майнца и токарю по металлу Гауштейну изъ Оффенбаха, далъ имъ срокъ для работы въ 6 недѣль и выдалъ имъ на расходы изъ союзной кассы 200 талеровъ. Затѣмъ онъ такимъ же образомъ, будучи въ Берлинѣ, поставилъ дѣло агитаціи въ Саксонскомъ королевствѣ, выбравъ для этой цѣли портного Либиша въ Гамбургѣ и сапожника Шумана въ Берлинѣ.

1. Агитація въ Южной Германіи и Саксоніи.

Со смерти Лассаля рабочее движеніе въ южной Германіи сильно затормозилось. Старая ненависть къ Пруссіи, вспыхнувшая снова, благодаря событіямъ 1866 года, проникла изъ мелко-буржуазной сферы въ рабочіе круги и тѣмъ самымъ оттолкнула ихъ отъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза.

Такъ, напр., въ Вюртембергѣ соціалъ-демократическая агитація до 1869 года нигдѣ не могла найти твердую почву. Правда, Союзъ вюртембергскихъ ферейновъ давно отказался отъ всѣхъ иллюзій, которыми питалъ его Шульце; быстрота, съ которой крупный капиталъ опрокинулъ всѣ мелкія предпріятія, затѣянныя въ цѣляхъ самопомощи,—ткацкія артели, ремеслен-

ныя кредитныя общества, общества для устройства дешевыхъ квартиръ,—скоро открыла глаза рабочимъ. Во время германской войны, въ Биберахѣ состоялось годичное собраніе членовъ Союза, на которомъ рабочіе обнаружили сильный интересъ къ жгучимъ политическимъ вопросамъ, къ великой досадѣ Эдуарда Пфейфера, Кильяна Штейнера, Густава Зигеля и другихъ штуттгартскихъ биржевыхъ и фабричныхъ магнатовъ, пользовавшихся до сихъ поръ огромнымъ вліяніемъ въ рабочихъ кружкахъ саморазвитія. Ихъ недовольство привело только къ тому, что слѣдующее собраніе Союза рабочихъ ферейновъ 1867 г. было перенесено изъ Штуттгарта въ Гэппингенъ, гдѣ съ тѣхъ поръ и осталось правленіе Союза, и гдѣ онъ имѣлъ свой постоянный органъ въ видѣ мелкой ежемѣсячной газеты. Во власти Пфейфера и компаніи остался только штуттгартскій рабочій ферейнъ, которымъ они командовали черезъ посредство рабочихъ, заготовщиковъ и мастеровыхъ зигелевскихъ красильныхъ заводовъ; кромѣ того въ Штуттгартѣ существовалъ демократическій рабочій ферейнъ. Но, порвавъ съ Шульце, Союзъ примкнулъ лишь къ Швабской Народной Партіи, которая помогла ему также своими средствами послать делегатовъ на Нюрнбергскій съѣздъ. Въ началѣ 1869 г. въ составъ союза входилъ 21 ферейнъ съ 1564 членами, который, послѣ саксонскихъ ферейновъ, являлся самой сильной опорой нюрнбергскаго большинства; въ январскомъ номерѣ союзнаго органа агитаторамъ Швейцера была объявлена война, въ случаѣ, если они гдѣ-нибудь появятся на швабскской почвѣ.

Такое же положеніе, какъ въ Вюртембергѣ, создалось въ большей части южной Германіи. Пожалуй, что здѣсь въ крупнѣйшихъ промышленныхъ центрахъ рабочее движеніе даже не достигло такого развитія, какъ тамъ. Старые рабочіе ферейны въ Фиртѣ и Нюрнбергѣ уже послѣ Нюрнбергскаго съѣзда продолжали идти въ хвостѣ Прогрессистской Партіи, и

только наиболѣе передовые изъ здѣшнихъ рабочихъ примыкали по своимъ взглядамъ къ Народной Партіи. Въ Фиртѣ они были организованы въ рабочій ферейнъ подъ названіемъ „Будущее“, который занимался больше политическими, чѣмъ соціальными вопросами и относился враждебно къ лассальянскому движенію, такъ какъ не могъ понять его классоваго характера. Буржуазные демократы пользовались въ немъ большимъ вліяніемъ, но скоро они встрѣтили сильнаго противника въ лицѣ позументчика Габріеля Левенштейна, предсѣдателя союза, который былъ вмѣстѣ съ Бебелемъ въ президіумѣ на Нюрнбергскомъ съѣздѣ; это былъ человѣкъ необыкновенно живой, обладавшій трезвымъ, практическимъ умомъ и умѣвшій выяснять себѣ и другимъ сложнѣйшіе злободневные вопросы объ общинномъ хозяйственномъ строѣ, его борьбѣ съ городскимъ мѣщанствомъ и о классовыхъ интересахъ пролетаріата. Въ Нюрнбергѣ послѣ съѣзда отъ стараго рабочаго ферейна откололась маленькая фракція, которая образовала самостоятельную организацію сперва подъ именемъ „Піонеровъ“, а затѣмъ подъ названіемъ „Рабочаго кружка самообразованія“. Это была маленькая группка, влачившая вначалѣ довольно идиллическое существованіе, всегда жизнерадостная и всегда сидѣвшая безъ копейки денегъ. Но понемногу она стала приставать къ старому рабочему союзу, который, съ своей стороны, понялъ, что прогрессистскіе дѣльцы начинаютъ о немъ заботиться только тогда, когда онъ имъ бываетъ нуженъ. Кромѣ того, крахъ, который потерпѣло одно тѣсно связанное съ нимъ потребительное общество, нанесъ ему непоправимый ударъ.

Несмотря на это, дѣятельность Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза по ту сторону Майна не осталась совершенно безъ успѣха. Изъ Майнца его пропаганда проникла въ Вормсъ, Гейдельбергъ, а особенно въ Маннгеймъ, гдѣ онъ скоро собралъ подъ свое знамя

400 членовъ. Въ Аугсбургѣ сидѣла крѣпко сплоченная группа приверженцевъ его, съ наборщикомъ Таушеромъ во главѣ. Вмѣстѣ съ наборщикомъ Неффомъ Таушеръ агитировалъ и въ Мюнхенѣ, куда скоро переселился Неффъ, чтобы совмѣстно съ наборщикомъ Францомъ поднять агитацію среди баварскаго столичнаго пролетаріата. Благодаря неутомимой энергіи этихъ людей, Союзу удалось захватить Ансбахъ, Вюрцбургъ, Швейнфуртъ, Гофъ, Кауфбейренъ и Кольбермооръ; съ другой стороны они не могли добиться успѣха въ Фиртѣ и Нюрнбергѣ.

Тѣмъ временемъ картонныя укрѣпленія, за которыми окопалась свирѣпая пруссофобія южно-германскаго партикуляризма, были опрокинуты процессомъ экономическаго развитія. Цѣлесообразность таможеннаго союза была слишкомъ очевидна. Его возобновленіе было столь необходимо въ интересахъ какъ буржуазіи, такъ и пролетаріата, что оба крупнѣйшіе класса современнаго общества тамъ, гдѣ они уже успѣли выдѣлиться отчетливо, не задумываясь перешагнули черезъ всѣ предразсудки монархическаго и республиканскаго провинціализма. Когда баварскій рейхсратъ отказался отъ возобновленія таможенныхъ договоровъ, Таушеръ 29 октября 1867 г. созвалъ въ гостиницу „Трехъ Королей“ собраніе, на которое тысячи рабочихъ, поощряемыхъ своими предпринимателями, явились выразить протестъ. Громовымъ голосомъ, при бурномъ одобреніи собранія, Таушеръ прочелъ проектъ адреса, въ которомъ рейхсрату предъявлялось категорическое требованіе утвердить таможенные договоры. Хотя форма адреса была самимъ Таушеромъ выбрана достаточно выразительная для просвѣщенія юнкерскихъ головъ, однако нѣкоторые либеральные редакторы нашли адресъ еще „слишкомъ солиднымъ“, и они предложили вставить въ него фразу съ предупрежденіемъ рейхсрату, что въ случаѣ дальнѣйшаго упорства онъ увидитъ за своими дверями

кулаки рабочихъ. Съ этой охотно принятой „поправкой“ адресъ былъ посланъ въ Мюнхенъ, и черезъ два дня юнкеры полетѣли вверхъ тормашками.

На почвѣ таможенныхъ договоровъ въ южной Германіи происходили весною 1868 г. выборы въ „таможенный парламентъ“. Кандидаты рабочихъ получили еще всего нѣсколько сотъ голосовъ, изъ которыхъ 152 голоса было подано за Таушера въ Аугсбургѣ; однако практическое примѣненіе всеобщаго избирательнаго права къ послѣднимъ выборамъ не осталось безъ вліянія на южно-германскихъ рабочихъ, подобно тому, какъ не осталось безрезультатнымъ профессіональное движеніе, возникшее на сѣверѣ Германіи. Союзъ папиросниковъ распространился въ Маннгеймѣ и даже въ Штуттгартѣ, гдѣ и у книгопечатниковъ была стройная организація, охватившая почти всѣхъ подмастерьевъ; въ Аугсбургѣ за короткое время сорганизовалось 1500 рабочихъ, среди которыхъ было 800 ткачей и 400 токарей по металлу; въ Нюрнбергѣ стали объединяться рабочіе по металлу, сапожники и портные. Въ различныхъ мѣстахъ южной Германіи среди пролетаріата замѣтно было сильное броженіе; все это, безусловно, обѣщало успѣхъ той агитаціи, которую предприняли Бонгорстъ, Кельшъ и Гауштейнъ.

Тѣмъ временемъ и южно-германская буржуазія поняла всю опасность, которая скрывалась для нея въ этой агитаціи, и она старалась все сдѣлать для предупрежденія ея ужасныхъ послѣдствій. Ей удалось достигнуть своей цѣли въ Карлсруэ и Пфорцгеймѣ, но зато она потерпѣла постыдное пораженіе во Фрейбургѣ, гдѣ противъ „смутьяновъ“ выступилъ на своихъ гнилыхъ ногахъ дряхлый Венедей, при чемъ его поддерживалъ своимъ „уничтожающимъ“ краснорѣчіемъ (какъ то утверждала буржуазная пресса) молодой, полный надеждъ мыслитель Адольфъ Вагнеръ. Но, съ другой стороны, эта побѣда была единственнымъ крупнымъ успѣхомъ, который имѣли аги-

таторы на этой еще не тронутой почвѣ. Въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Вормсѣ, Гейдельбергѣ, Маннгеймѣ, затѣмъ въ Аугсбургѣ, Мюнхенѣ и Вюрцбургѣ они только оживили уже существовавшую тамъ агитацію. Въ Фиртѣ и Нюрнбергѣ, куда ихъ провожалъ Таушеръ, имъ пришлось состязаться, какъ съ прогрессистами, такъ и съ представителями Народной Партіи. Въ Фиртѣ собраніе было разогнано полиціей, въ Нюрнбергѣ побѣдили народники. Вюртембергскій округъ агитаторы совсѣмъ обошли, если не считать маленькой прогулки въ Ульмъ; однако ледъ скоро былъ проломанъ. Къ празднику Троицы 1869 г. столяръ Лейкгартъ, штуттгартскій уроженецъ, поработавшій два года вмѣстѣ съ членами Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза", вернулся на родину и сталъ вести тамъ соціалистическую агитацію.

Для перваго дебюта южно-германскихъ агитаторовъ результаты ихъ дѣятельности были вполнѣ достаточны; шумъ, поднятый буржуазной прессой, показалъ, какъ тяжело пришлось ея патронамъ при тѣхъ пирровыхъ побѣдахъ, которыя они одерживали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Менѣе удачно прошла агитація въ Саксоніи, хотя Либишъ и Шуманъ изо всѣхъ силъ старались достойнымъ образомъ выполнить возложенную на нихъ миссію. Имъ выпала задача возстановить единеніе въ нѣмецкомъ рабочемъ движеніи и положить конецъ „сепаратизму" графини Гатцфельдъ и „господъ Бебеля и Либкнехта", — одно это превышало ихъ силы. Конечно, союзъ, основанный графиней Гатцфельдъ, находился уже въ состояніи внутренняго разложенія; только борьба его съ профессіональнымъ движеніемъ именно теперь еще разъ воспламенила фанатизмъ секты, и на переизбраніи въ рейхстагъ въ мартѣ 1869 г. во Фрейбургѣ прошелъ Менде противъ партикуляристскаго кандидата консервативной партіи. Но и этого противника легко было побѣдить, если бы только саксонскіе агитаторы не отдали своихъ

лучшихъ силъ на борьбу съ рабочими кружками и ферейнами народной партіи, которые группировались вокругъ „Демократической Еженедѣльной Газеты“.

Этотъ органъ все еще держался антипрусской политики Нѣмецкой Народной Партіи; въ своемъ новогоднемъ номерѣ отъ 1869 г. онъ привѣтствовалъ „помолодѣвшую“ Австрію, стоящую, дескать, въ полной боевой готовности къ отомщенію за вѣроломное нападеніе 1866 г. Совершенно въ другомъ духѣ писалъ „Соціалъ - демократъ“; онъ обрушился на австрійскую „либерально-буржуазную плутократію“, которая проявляла по отношенію къ рабочимъ столько грубости, жестокости и произвола, сколько никогда нельзя было встрѣтить въ Пруссіи. Вскорѣ послѣ того и Марксъ писалъ, что нигдѣ средній либеральный классъ не выставлялъ въ такомъ обнаженномъ видѣ своихъ корыстолюбивыхъ инстинктовъ, своего духовнаго убожества, своей мелочной злобы къ рабочему классу, какъ въ Австріи; въ то же время Альбертъ Ланге не могъ достаточно излить своей досады на жалкій либерализмъ, которымъ Бейстъ старался маскировать свои мерзкія реакціонныя выходки. Но рядомъ съ этой односторонней пруссофобіей въ „Демократической Газетѣ“, съ тѣхъ поръ, какъ Союзъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ, въ декабрѣ 1868 г., объявилъ ее своимъ органомъ, гораздо ярче, чѣмъ въ „Соціалъ-демократѣ“, выступалъ ея пролетарскій характеръ. Ослабленный нюрнбергскимъ расколомъ, Союзъ принужденъ былъ пріостановить изданіе газеты „Arbeiterhalle“ въ Маннгеймѣ; теперь Бебель редактировалъ въ „Демократической Газетѣ“ „мѣстныя дѣла“ и „хронику рабочаго движенія“, при чемъ онъ сталъ меньше заниматься высшей политикой и удѣлялъ гораздо больше вниманія и таланта вопросамъ организаціи все еще еле державшагося Союза. Онъ имѣлъ сильную поддержку въ лицѣ Моттелера, который не уступалъ ему въ организаторскихъ способностяхъ и раз

вилъ широкую, весьма успѣшную пропаганду въ Криммичау, особенно среди рабочихъ текстильной промышленности, создавая тамъ профессіональныя и политическія организаціи.

Изъ 72 ферейновъ нюрнбергскаго большинства постепенно вышло изъ Союза по разнымъ причинамъ 5, — зато въ теченіе года къ нему присоединилось 42 новыхъ ферейна, такъ что въ общемъ въ Союзѣ состояло 109 ферейновъ съ 10000 членовъ. Несмотря на это, его положеніе было очень тяжелое, именно, главнымъ образомъ, въ матеріальномъ отношеніи. Такъ, каждый членъ платилъ въ кассу всего 1 зильбергрошенъ въ годъ, годовой доходъ Союза составлялъ всего 300 талеровъ, которые шли не только на агитацію и организацію рабочихъ, но и на покрытіе крупныхъ дефицитовъ „Демократической Газеты". Въ мартѣ 1869 г. Бебель обратился съ циркулярнымъ предложеніемъ ко всѣмъ членамъ Союза произвести экстренные добровольные сборы денегъ, при чемъ онъ указывалъ на то, что до сихъ поръ союзная касса зависѣла въ своемъ существованіи „отъ посторонней поддержки друзей, стоящихъ внѣ нашего тѣснаго круга". Этими посторонними источниками были Демлеръ изъ Шверина, честный демократъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный художникъ, а особенно революціонный фондъ, собранный однажды Кинкелемъ и Вилихомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и теперь находившійся въ распоряженіи Ладендорфа и другихъ эмигрантовъ въ Цюрихѣ. Изъ этого фонда Союзъ понемногу набралъ 3500 франковъ, которые преимущественно пошли на поддержку „Демократической Еженедѣльной Газеты."

Во время этой трудной организаціонной работы вспыхнула враждебная агитація Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, борьба съ которой поглотила и безъ того ничтожныя средства Союза ферейновъ, которыя могли найти лучшее примѣненіе. Отсюда понятно то ожесточеніе, съ которымъ Бебель и Либкнехтъ обру-

шились на Швейцера, и тотъ успѣхъ, который имѣла ихъ жалоба у саксонскихъ рабочихъ. При этомъ они сами подчеркнули свою полную принципіальную солидарность со Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ; и въ самомъ дѣлѣ, первое собраніе лейпцигскихъ рабочихъ, которое состоялось 11 февраля, и на которомъ Бебель и Либкнехтъ дали сраженіе Шуману, закончилось рѣшеніемъ созвать 7 марта, одновременно съ окружнымъ собраніемъ Саксонской Народной Партіи, саксонскій рабочій съѣздъ въ Гогенштейнъ-Эрнсталѣ, для агитаціи противъ саксонской реакціи, начинавшей понемногу показывать свои когти. Для созыва этого съѣзда былъ выбранъ комитетъ, въ который рядомъ съ однимъ приверженцемъ графини Гатцфельдъ вошло по 3 члена отъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза и Саксонской Народной Партіи. Равнымъ образомъ второе собраніе лейпцигскихъ рабочихъ, которое состоялось черезъ три дня послѣ перваго, и на которомъ выступалъ Либишъ, закончилось нѣкоторой попыткой примиренія, внесеніемъ резолюціи, приглашавшей Либкнехта и Швейцера къ публичному изложенію своихъ жалобъ передъ всѣмъ собраніемъ.

Конечно, никогда нельзя было точно установить, было ли это предложеніе принято или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе Либкнехтъ, котораго такъ же не было на этомъ собраніи, какъ и Бебеля, печатно обѣщался явиться, одинъ или вмѣстѣ съ Бебелемъ, въ Лейпцигъ или Берлинъ, или на ближайшее генеральное собраніе Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, или на третейскій судъ Генеральнаго Совѣта Интернаціонала и доказать, что Швейцеръ, за деньги или побуждаемый другими причинами, начиная съ конца 1864 г., систематически тормозилъ дѣло организаціи рабочей партіи, игралъ въ руку бисмарковскому цезаризму и приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы помѣшать объединенію партіи. „Соціалъ-демократъ“ поднялъ этотъ вызовъ, и, именно, въ такой формѣ, что Бебель и Либ-

кнехтъ получили оффиціальное приглашеніе явиться на генеральное собраніе Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза для изложенія тѣхъ основаній, на которыхъ построены всѣ обвиненія, возведенныя ими на Швейцера.

2. Конгрессъ эйзенахцевъ.

Пока разыгрывались всѣ эти событія, Швейцеръ снова сидѣлъ въ тюрьмѣ. Тѣмъ не менѣе Тэльке, поднимая перчатку, брошенную Либкнехтомъ, долженъ былъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ поступаетъ вполнѣ въ духѣ Швейцера. Для послѣдняго самой пріятной была, конечно, попытка Либкнехта жаловаться на него передъ общимъ собраніемъ. Только что Союзъ выразилъ ему свое полное довѣріе, выбравъ его почти единогласно своимъ президентомъ; понятно поэтому, что общее собраніе не могло бы отнестись сочувственно къ жалобамъ Либкнехта, не отказавшись вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всей своей шестилѣтней исторіи. Въ виду этого Швейцеръ, выпущенный на свободу 5 марта, по случаю созыва сѣверо-германскаго рейхстага, объявлялъ, что онъ употребитъ все свое вліяніе на то, чтобы не члены Союза могли явиться на общее собраніе и принести на него свои жалобы. Но онъ прибавилъ, что не намѣренъ грызться со всякимъ, кому заблагоразсудится на него нападать. Вся его дѣятельность и тактика до такой степени открыты для каждаго, что всякій изъ его приверженцевъ, кто считаетъ нужнымъ дальнѣйшую защиту ихъ, можетъ ее самъ вести.

Высокомѣрный тонъ, взятый Швейцеромъ, отнюдь не былъ маской для прикрытія нечистой совѣсти. Оглядываясь назадъ, на послѣднія 5 лѣтъ своей дѣятельности, Швейцеръ имѣлъ полное право сказать, что онъ для развитія и усиленія нѣмецкаго рабочаго движенія сдѣлалъ больше, чѣмъ всякій другой; понятно поэтому, что вѣчнымъ кривотолкамъ и болтовнѣ о какой-то, яко-бы, измѣнѣ съ его стороны онъ про-

тивопоставилъ гордое сознаніе своего собственнаго достоинства. Тѣмъ не менѣе ему слѣдовало помнить извѣстную поговорку, что заносчивость—предвѣстникъ пораженія. Проклятіе, висящее надъ каждой диктатурой, заключается именно въ томъ, что диктаторъ никогда не замѣчаетъ, когда его самовластіе становится лишнимъ. Диктаторское управленіе Союзомъ все еще признавалось необходимымъ не только Швейцеромъ, но и большинствомъ его сочленовъ, и когда-то этотъ взглядъ, дѣйствительно, имѣлъ вѣское основаніе. Но по мѣрѣ развитія рабочаго движенія, по мѣрѣ того, какъ оно разросталось вширь и вглубь, диктаторскій образъ правленія становился для него все болѣе стѣснительнымъ. Высокомѣріе, которое началъ обнаруживать Швейцеръ, было фактически уже началомъ конца, потому что, во-первыхъ, онъ этимъ совершенно помимо своей воли показалъ, что диктатура внутренно пережила самое себя, во-вторыхъ, Швейцеръ, благодаря этому, попалъ на ту наклонную плоскость, по которой онъ долженъ былъ неудержимо полетѣть внизъ головой.

Его диктаторское управленіе давно уже возбудило противъ себя во Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ оппозицію. Такіелюди, какъ Бракке, Іоркъ, равно какъ и Гейбъ, который своей самоотверженной и неутомимой дѣятельностью въ пользу рабочаго класса пріобрѣлъ огромную популярность среди гамбургскихъ рабочихъ, видѣли въ Саксонской Народной Партіи и въ Союзѣ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ не столько пустую народническую шелуху, сколько скрытое въ ней серьезное пробужденіе классоваго самосознанія пролетаріата, и они оказались гораздо прозорливѣе Швейцера. Еще рѣшительнѣе приближались по своимъ воззрѣніямъ къ саксонскимъ рабочимъ тюрингенскіе члены, которымъ пруссофобскій пессимизмъ саксонцевъ сталъ тѣмъ понятнѣе, что имъ, помимо бѣдности и нищеты, свойственной мелкому государству, достались еще на

долю прусскій экзекуторъ и прусскій фельдфебель. Въ самомъ Берлинѣ диктатура Швейцера привела его къ нѣкоторымъ личнымъ столкновеніямъ съ окружающими, именно, съ секретаремъ Союза Роллеромъ, а особенно съ Гофштеттеномъ, который, послѣ своего окончательнаго пораженія въ Вѣнѣ, снова заявилъ свои совладѣльческія права на „Соціалъ-демократъ“, говоря, что онъ при своемъ отъѣздѣ въ Вѣну только временно отказался отъ своей должности, а не навсегда, какъ это утверждалъ Швейцеръ.

Въ этой малоутѣшительной распрѣ, которая отсюда возникла, довольно трудно оріентироваться. Было бы совершенно нелѣпо предположить здѣсь со стороны Швейцера какой-нибудь обманъ въ чисто уголовномъ смыслѣ, во-первыхъ, потому, что „Соціалъ-демократъ“ никогда не былъ особенно доходной статьей, во-вторыхъ, потому, что Швейцеръ призналъ полное право Гофштеттена на половину малѣйшей прибыли, какую только газета когда-нибудь принесетъ. Къ тому всю духовную силу газеты придавалъ ей Швейцеръ, а не Гофштеттенъ, и такъ какъ тотъ теперь оффиціально объявилъ себя политическимъ противникомъ Швейцера, то возстановленіе его въ правахъ на эту газету сводило бы все ея значеніе, въ качествѣ идейнаго руководителя Союза, къ нулю. Если Швейцеръ поступилъ не коллегіально по отношенію къ своимъ старымъ товарищамъ, о чемъ, впрочемъ, и теперь такъ же трудно судить какъ и тогда, такъ какъ всѣ переговоры, которые велись по этому поводу, происходили съ глазу на глазъ, то онъ это дѣлалъ не ради денегъ, а исключительно въ интересахъ своего политическаго вліянія; но именно вслѣдствіе этого жалобы Гофштеттена усилили недовѣріе къ Швейцеровой диктатурѣ во всѣхъ сферахъ, гдѣ оно уже было возбуждено по другимъ причинамъ.

Съ другой стороны, Швейцеръ обезпечилъ за собой право собственности на союзный органъ, отказавшись

со времени Нюрнбергскаго съѣзда отъ всякой помощи изъ союзной кассы и покрывъ изъ своего собственнаго кармана, изъ наслѣдства, полученнаго имъ послѣ смерти отца, всѣ дефициты, которые образовались у газеты, значительно расширенной, со времени основанія профессіональныхъ союзовъ. Но этимъ самымъ онъ перенялъ на себя всѣ жалобы, которыя сыпались со всѣхъ сторонъ на редакцію за ея партійное, безцеремонное отношеніе къ письмамъ и сообщеніямъ, которыя посылались въ газету для напечатанія.

Однако всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства не угрожали еше серьезной опасностью положенію Швейцера въ партіи, и онъ самоувѣренно шелъ навстрѣчу общему собранію. Съ той же цѣлью, съ которой онъ годомъ раньше назначилъ съѣздъ въ Берлинѣ, онъ теперь выбралъ мѣстомъ общаго собранія Эльберфельдъ-Барменъ, гдѣ дымящіяся трубы, эти вѣрные показатели роста крупной индустріи, на каждомъ шагу напоминали о назрѣвшей соціальной проблемѣ переживаемой эпохи; именно, онъ хотѣлъ созывомъ съѣзда въ этомъ мѣстѣ чествовать тѣхъ рабочихъ, которые съ безпримѣрной выдержкой и непоколебимымъ мужествомъ провели послѣднюю предвыборную кампанію. Онъ самъ сдѣлалъ на общемъ собраніи только одно предложеніе, именно о тѣсномъ соединеніи Союза съ Интернаціоналомъ. Насколько это позволяли нѣмецкіе законы о коалиціяхъ, рѣшающимъ мотивомъ для международнаго объединенія пролетаріата онъ выставилъ тѣсную взаимную связь, существующую между реакціонными и антидемократическими элементами различныхъ странъ, интернаціональный характеръ тайнаго и явнаго абсолютизма и милитаризма, феодальной и клерикальной власти и универсальное господство капитала. Тѣмъ обильнѣе были предложенія, внесенныя на собраніи другими членами Союза. Большинство ихъ касалось отдѣльныхъ вопросовъ объ агитаціи и пропагандѣ, но

нѣкоторыя изъ нихъ были направлены къ ограниченію президентской власти либо пріуроченію правленія къ опредѣленному мѣсту, либо учрежденіемъ редакціонной комиссіи, либо отдѣленіемъ президіума отъ союзнаго органа. Дальше всѣхъ въ этомъ направленіи шли аптекарь Фогель и три другихъ члена изъ Берлина, которые „нашли верховодство опредѣленныхъ лицъ" совершенно лишнимъ и предлагали созвать конгрессъ, на которомъ всѣ соціалъ-демократическіе элементы Германіи столковались бы объ общей программѣ и выработали бы общія организаціонныя нормы.

Восьмое генеральное собраніе открылось 28 марта 1869 г.; на немъ присутствовало 57 делегатовъ отъ 126-ти мѣстъ, представлявшихъ въ своемъ лицѣ 12053 члена, регулярно платившихъ членскіе взносы. Либкнехтъ и Бебель, которые были выслушаны въ первый же день, принесли собранію уже извѣстную изъ „Демократической Еженедѣльной Газеты" жалобу на Швейцера: онъ, по ихъ словамъ, совершилъ измѣнническій поступокъ въ рейхстагѣ, онъ призналъ сѣверогерманскій Союзъ, взялъ слово для защиты военнаго законопроекта, назвалъ болтовней нюрнбергскую программу, устранилъ отъ участія въ рабочемъ конгрессѣ нюрнбергскіе ферейны и такъ далѣе. Одинъ дуисбургскій депутатъ тотчасъ внесъ предложеніе о выраженіи президенту Союза полнаго довѣрія нѣмецкихъ рабочихъ, такъ какъ во всѣхъ обвиненіяхъ Либкнехта и Бебеля нѣтъ ничего новаго и важнаго, и это предложеніе, навѣрно, было бы принято единогласно или почти единогласно, если бъ Швейцеръ своей неумѣстной диктаторской игрой не испортилъ благопріятно сложившагося для него положенія.

Онъ остался на своей старой точкѣ зрѣнія, согласно которой сліяніе съ другими партіями невозможно; кто хочетъ быть соціалъ-демократомъ, тотъ долженъ примкнуть къ Всеобщему Германскому Рабочему

Союзу. Но, конечно, мирныя и дружественныя отношенія возможны для соціалъ-демократіи и съ другими партіями, преслѣдующими одинаковыя съ нею цѣли, и онъ былъ бы радъ Либкнехту и Бебелю, если-бъ они обратились къ нему, какъ къ президенту, выбранному Союзомъ, съ своими желаніями, вмѣсто того, чтобы постоянно на него нападать и подтачивать организацію Союза. Но по существу брошенныхъ въ него упрековъ, Швейцеръ не возражалъ, а только требовалъ простого вотума довѣрія, — не въ смыслѣ одобренія всей его дѣятельности, подлежавшей еще обсужденію на общемъ собраніи,—а только какъ признанія неосновательности возведенныхъ на него Либкнехтомъ и Бебелемъ обвиненій. На это нѣкоторые депутаты не могли рѣшиться и не потому, чтобы они были вообще противъ вотума довѣрія, а лишь потому, что хотѣли объ этомъ столковаться послѣ оцѣнки общаго положенія дѣлъ въ Союзѣ. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ, резолюція, выражавшая довѣріе президенту была принята 42 делегатами съ 7400 голосами, между тѣмъ какъ 14 делегатовъ съ 4635 голосами воздержались отъ голосованія. Съ большинствомъ голосовали Бонгорстъ, Эльнеръ, Фрицше, Газенклеверъ, Тэльке, въ меньшинствѣ были Бракке, Гейбъ, И. М. Гиршъ, Перль, Фогель, Іоркъ.

Этотъ результатъ голосованія былъ для Швейцера чувствительнымъ ударомъ, но не поучительнымъ урокомъ. На второй день засѣданій, на которыя Либкнехтъ и Бебель больше не являлись, Швейцеръ объявилъ, что меньшинство делегатовъ передъ всѣмъ міромъ покинуло его, а потому онъ намѣренъ передъ членами тѣхъ мѣстъ, которыя послали этихъ делегатовъ, поставить на общее голосованіе вопросъ о довѣріи. Делегаты меньшинства, отчасти рѣзко порицая поведеніе Либкнехта и Бебеля, возразили, что они своимъ отказомъ отъ голосованія вовсе не думали выражать президенту недовѣрія; они были только противъ неотложности и вообще не считали своей обя-

занностью при каждомъ удобномъ случаѣ вмѣшиваться и брать подъ свою защиту президента. Изъ ихъ рѣчей видно было, что дѣйствительное недовѣріе къ Швейцеру питали, самое большее, нѣсколько отдѣльныхъ делегатовъ, какъ напр.: И. М. Гиршъ, представитель тюрингенскихъ организацій, и Фогель, который однако взялъ обратно свое предложеніе, такъ какъ оно не имѣло никакихъ шансовъ на успѣхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣчи ораторовъ меньшинства показали, что диктаторское поведеніе Швейцера проложило путь для тѣхъ предложеній, которыя клонились къ установленію болѣе строгаго контроля надъ дѣйствіями президента.

Вотъ почему, общее собраніе постановило назначить редакціонную комиссію изъ трехъ членовъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи надъ „Соціалъ-демократомъ" и расширить вліяніе правленія на дѣла Союза до такихъ размѣровъ, какихъ оно до сихъ поръ еще не достигало. Число членовъ его было низведено съ 25 до 15, изъ которыхъ 12, т. е., всѣ, кромѣ президента, секретаря и кассира должны были жить въ одномъ и томъ же мѣстѣ, только мѣняемомъ каждый годъ; они образовали изъ себя родъ ревизіонной комиссіи по отношенію къ названнымъ тремъ должностнымъ лицамъ, которыя фактически вели дѣла Союза.

Съ этой цѣлью трехмѣсячный срокъ, въ теченіе котораго президентъ долженъ былъ испрашивать согласіе правленія на каждое свое самостоятельное распоряженіе, былъ сокращенъ до 8-ми дней; кромѣ того, правленіе получило право „въ случаѣ обнаруженія фактовъ, свидѣтельствующихъ о политической недобросовѣстности и крупныхъ денежныхъ растратахъ со стороны коллегіи должностныхъ лицъ, увольнять отъ должностей президента, секретаря и кассира". Однако подобное постановленіе должно было быть въ теченіе 14 дней утверждено либо чрезвычайнымъ общимъ собраніемъ общины, либо собраніями всѣхъ членовъ, утвержденію ко-

торыхъ, между прочимъ, подлежали всѣ тѣ рѣшенія, принятыя правленіемъ, которыя содержатъ въ себѣ какія-нибудь измѣненія устава. Швейцеръ со всѣмъ этимъ согласился; отъ него самого даже исходилъ проектъ предоставленія правленію права временнаго увольненія должностныхъ лицъ. Но едва ли у него не было при этомъ какой-нибудь задней мысли. Онъ считалъ совершенно правильной мысль объ обузданіи президентской власти такимъ установленіемъ, которое дало бы правленію законную возможность увольнять президента отъ должности въ случаѣ какихъ-либо злоупотребленій съ его стороны; но въ предѣлахъ своихъ полномочій президентъ, по мнѣнію Швейцера, долженъ былъ пользоваться полной, ничѣмъ неограниченной свободой дѣйствій. Но не таковъ былъ точный смыслъ новыхъ постановленій общаго собранія, которое, главнымъ образомъ, хотѣло учредить контроль именно надъ текущими дѣлами управленія.

Послѣ пятидневныхъ дебатовъ общее собраніе закончилось болѣе или менѣе сноснымъ миромъ. На мѣсто Роллера былъ выбранъ Тэльке; остальные члены редакціонной комиссіи: Фрицше, Либкертъ и Шуманъ такъ же, какъ и онъ, принадлежали къ вѣрнымъ сторонникамъ Швейцера. Мѣстомъ пребыванія правленія на первый годъ былъ выбранъ Гамбургъ, гдѣ безусловная лояльность Гейба, рядомъ съ полной сознательностью и твердой выдержкой членовъ Союза, число которыхъ тѣмъ временемъ возросло до 1300 человѣкъ, служили вѣрной гарантіей противъ всякихъ неумѣстныхъ диктаторскихъ поползновеній президента. Въ спорѣ между Гофштеттеномъ и Швейцеромъ общее собраніе, какъ того и слѣдовало ожидать, признало себя некомпетентнымъ, тѣмъ не менѣе Фогель, пытавшійся рѣзкими, хотя и вполнѣ парламентарными нападеніями на Швейцера, защищать заявленіе Гофштеттена, по единогласному постановленію всѣхъ делегатовъ, былъ исключенъ изъ Союза. Съ Либкнехтомъ и Бебелемъ

также произошло нѣкоторое сближеніе; общее собраніе приняло предложеніе о полномъ присоединеніи къ Интернаціоналу, и Швейцеръ обѣщалъ прекратить всякія нападки на Либкнехта и Бебеля подъ условіемъ, если и они его не будутъ задѣвать. Подъ соотвѣтствующимъ условіемъ прекратила свою полемику со Швейцеромъ и „Демократическая Еженедѣльная Газета“, и, казалось, всѣ шансы, если не на сліяніе, то, по крайней мѣрѣ, на объединеніе всѣхъ соціалъ-демократическихъ направленій были налицо.

Но, къ сожалѣнію, одновременно съ этимъ извѣщеніемъ „Демократической Газеты“ о наступившемъ въ партіи мирѣ, во франкфуртскомъ „Journal“, органѣ Нѣмецкой Народной Партіи, появилась корреспонденція, которая, хотя и не была одобрена Бебелемъ, но зато была прекрасно использована буржуазной прессой для изрыганія всякой хулы на Швейцера. Въ ней сообщалось, что „въ высшей степени корректная“ жалоба Либкнехта осталась безъ всякихъ возраженій со стороны Щвейцера, что вмѣсто того, чтобы оправдаться, Швейцеръ четыре раза умолялъ о довѣріи, которое въ концѣ концовъ было ему дано 6500 голосами противъ 4500, отказавшихъ ему въ немъ; крайне задѣтый этимъ результатомъ, Швейцеръ однако не сложилъ съ себя званія президента, несмотря на свое категорическое заявленіе, что онъ выйдетъ въ отставку, какъ только лишится довѣрія болѣе или менѣе значительнаго меньшинства. Раздраженный этой новой аттакой, этимъ изображеніемъ событій, которое могло быть объяснено только узостью взгляда, обычной въ военное время, Швейцеръ вернулся къ своей прежней мысли и поставилъ вопросъ о довѣріи передъ общими собраніями всѣхъ членовъ тѣхъ мѣстъ, делегаты которыхъ воздержались отъ голосованія. Онъ получилъ то удовлетвореніе, что всѣ опрошенныя мѣста, за исключеніемъ Брауншвейгъ-Вольфенбителя и Эйзенаха, помимо своихъ делегатовъ, выразили ему полное довѣріе;

тѣмъ не менѣе эта побѣда была имъ куплена дорогой цѣной новыхъ, неизбѣжныхъ при данныхъ условіяхъ, треній и столковеній. Этотъ первый вихрь однако пронесся, не причинивъ большого вреда; въ срединѣ апрѣля „Демократическая Газета“ и „Соціалъ-демократъ“ объявили о состоявшемся объединеніи обѣихъ партій, вслѣдствіе чего борьба между Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ и Саксонской Народной Партіей считалась поконченной навсегда.

Налицо были достаточно вѣскіе мотивы для того, чтобы объединить свои силы противъ общаго врага. Сѣверо-германскій рейхстагъ выѣзжалъ этой весною на своемъ новомъ промышленномъ уставѣ, при чемъ парламентскіе представители буржуазіи предавались настоящимъ оргіямъ. Это была удивительная когорта: острякъ Браунъ, который своими шуточками настоящаго рейнскаго пропойцы сводилъ на смарку весь рабочій вопросъ цѣликомъ, добродѣтельный Ласкеръ, который на своемъ ужасномъ нѣмецкомъ языкѣ разыгрывалъ изъ себя всесвѣтнаго, а главное, пролетарскаго проповѣдника морали, поборникъ барыша, Штуммъ, съѣвшій живьемъ всю соціалъ-демократію, не подозрѣвая, какія ужасныя боли въ желудкѣ наживутъ себѣ этимъ на цѣлыхъ 30 лѣтъ онъ и подобные ему господа. Даже наиболѣе умная голова всей компаніи, Микель, который изъ коммунистическаго организатора крестьянскихъ возстаній превратился въ блюдолиза грюндерскаго Кредитнаго Общества, сумѣлъ поразить мнимаго друга рабочихъ Вагенера только повтореніемъ аргументовъ „Коммунистическаго Манифеста“ противъ феодальнаго соціализма, при чемъ онъ осторожно замѣтилъ, что эти прекрасныя мысли онъ заимствовалъ у одного „англійскаго писателя“.

Швейцеръ своевременно готовился вмѣшаться въ этотъ шумъ, поднятый буржуазіей. Уже во время генеральнаго обсужденія соціальнаго вопроса онъ выступилъ съ замѣчательной рѣчью, въ которой, опи-

раясь на „Капиталъ“ Маркса, — какъ это онъ самъ заявлялъ, — развивалъ свою общую точку зрѣнія на условія труда въ современномъ обществѣ; во время спеціальныхъ дебатовъ онъ внесъ въ свою рѣчь много поправокъ, взятыхъ имъ, какъ и въ прежнемъ законопроектѣ, у англійскаго фабричнаго законодательства, но, опять-таки, ограниченныхъ самыми скромными требованіями. Эти требованія относительно воскреснаго отдыха, ночного труда, женскаго и дѣтскаго труда, и нормальнаго рабочаго дня не шли дальше того, что сама буржуазія въ своихъ собственныхъ, разумно понятыхъ интересахъ смѣло могла бы дать. Если она тѣмъ не менѣе въ своемъ ослѣпленіи отвергла ихъ, то это только еще рельефнѣе показало интеллектуальное и моральное превосходство пролетарской политической экономіи надъ буржуазной наукой. Рука объ руку со Швейцеромъ ту же кампанію вели Фрицше, Газенклеверъ, а также Бебель, который своимъ краснорѣчіемъ сумѣлъ отлично отпарировать всѣ доводы Штумма и К⁰.

Практическихъ результатовъ пролетарская организація не добилась почти никакихъ; только одно предложеніе Бебеля объ отмѣнѣ закона о введеніи разсчетныхъ книжекъ было принято незначительнымъ большинствомъ. Съ большимъ трудомъ удалось отстоять въ новомъ уставѣ о промышленности жалкія охранительныя установленія прусскаго законодательства, касавшіяся эксплоатаціи дѣтскаго труда и „системы выжиманія пота“; но вмѣстѣ съ тѣмъ рейхстагъ упорно отклонялъ учрежденіе фабричныхъ инспекторовъ, которое, при всемъ жалкомъ видѣ, который оно имѣло вначалѣ, могло все-таки со временемъ превратиться хоть въ кое-какую законодательную защиту труда.

Напрасно Швейцеръ требовалъ введенія фабричныхъ инспекторовъ, которые, по его предложенію, должны были быть назначаемы правительствомъ и утверждаемы рейхстагами. Одни только консерваторы

обнаружили весьма подозрительный интересъ къ этой насущной потребности рабочихъ, которая должна лечь въ основу всякаго рабочаго законодательства, дѣйствительно ограждающаго интересы труда. Прогрессистская Партія устами своего апостола „воздержанія“ Шульце и апостола „гармоніи“ Макса Гирша съ яростью нападала на этотъ законопроектъ, а націоналъ-либеральный шутникъ Браунъ говорилъ, что ему въ своей жизни сколько разъ приходилось работать по 15 час. въ день, и онъ, слава Богу, отъ этого не умеръ, да и должны же мы быть ограждены отъ внезапныхъ полицейскихъ нападеній; вѣдь никто ночью, ложась въ постель, не будетъ гарантированъ отъ внезапныхъ визитовъ фабричныхъ инспекторовъ, которымъ стоитъ только заявить, что имъ показалось, будто у васъ въ домѣ помѣщается какое-то промышленное заведеніе, для того, чтобы имѣть право вторгаться къ вамъ въ любую минуту дня и ночи; оффиціальный фабричный надзоръ превратится въ какое-то грозное „слово и дѣло“, въ родъ тайнаго судилища среднихъ вѣковъ. Эта безподобная галиматья была съ восторгомъ подхвачена „представителями имущихъ и интеллигентныхъ классовъ“, послѣ того какъ въ Англіи институтъ фабричныхъ инспекторовъ уже функціонировалъ въ теченіе цѣлаго человѣческаго вѣка, и о блестящихъ результатахъ его дѣятельности имѣлась богатѣйшая литература. Просто не вѣришь глазамъ, когда читаешь всѣ разсужденія тогдашнихъ защитниковъ капитализма, которые съ такой надменной кичливостью старались отдѣлываться отъ самыхъ скромныхъ требованій рабочаго класса; съ тѣхъ поръ эти господа, конечно, значительно понизили тонъ.

Либкнехтъ тоже отвергъ „парламентарство“ Швейцера, но, разумѣется, съ совершенно другой точки зрѣнія. Онъ видѣлъ въ этомъ отказъ отъ принциповъ, низведеніе серьезной политической борьбы на степень парламентской болтовни; предложеніе Швейцера о введеніи фа-

бричныхъ инспекторовъ онъ разсматривалъ, какъ попытку предать рабочее движеніе въ руки Бисмарка. 31 мая Либкнехтъ на открытомъ собраніи демократическаго рабочаго ферейна произнесъ рѣчь о политической позиціи, занятой „Соціалъ-демократомъ“, особенно по отношенію къ рейхстагу. Демократическій рабочій ферейнъ имѣлъ среди берлинскихъ рабочихъ сравнительно мало приверженцевъ, зато въ числѣ его членовъ были молодые литераторы и купцы, какъ Адольфъ Гепнеръ, Карлъ Гиршъ, Пауль Зингеръ и другіе, среди которыхъ преобладалъ еврейскій элементъ; рабочіе высмѣивали эту ничтожную по своей численности, но дѣятельную и нелѣпую оппозицію. Отвергая „парламентарство“, какъ заблужденіе или намѣренное предательство, Либкнехтъ признавалъ соціализмъ вопросомъ силы, который можетъ быть рѣшенъ только на улицѣ, на полѣ битвы. Онъ отстаивалъ необходимость болѣе тѣснаго сближенія соціалъ-демократіи съ той буржуазной демократіей, представителемъ которой являлся Якоби. Подавляющее большинство рабочихъ относится, по его словамъ, равнодушно къ соціалъ-демократіи, потому что послѣдняя занята исключительно классовой борьбой противъ буржуазіи, но не становится во главѣ политической борьбы, потому что реакція умѣетъ прекрасно пользоваться въ своихъ интересахъ „націоналъ-либеральнымъ соціализмомъ“; нелѣпость послѣдняго вытекаетъ уже изъ того, что онъ политически дѣйствуетъ рука объ руку съ той самой націоналъ-либеральной буржуазіей, соціальное господство которой онъ хочетъ низвергнуть.

Впослѣдствіи Либкнехтъ смѣялся надъ „неисправимой глупостью“ нѣкоторыхъ господъ, которые въ своихъ нападкахъ на него любили цитировать тогдашнюю его рѣчь, такъ какъ съ измѣненіемъ соціальныхъ условій измѣнились и его взгляды на политическую позицію, которую должна занимать соціалъ-демократія. Безспорно, суду исторіи принадлежитъ единственно

вопросъ о томъ, соотвѣтствовала ли тактика, предложенная Либкнехтомъ, данному моменту или нѣтъ. Но уже на одинъ этотъ вопросъ приходится рѣшительно отвѣтить: нѣтъ. „Парламентарство“ Швейцера и Бебеля было одобрено Женевскимъ конгрессомъ Интернаціонала, даже самимъ Энгельсомъ въ „Демократической Еженедѣльной Газетѣ“. Въ своемъ объявленіи о „Капиталѣ“ Энгельсъ писалъ: „Сѣверо-германскому рейхстагу въ его ближайшей сессіи придется, между прочимъ, заняться составленіемъ устава о промышленности, а стало быть, регулированіемъ условій фабричнаго труда. Мы надѣемся, что ни одинъ депутатъ, посланный въ парламентъ нѣмецкими рабочими, не приступитъ къ обсужденію этого закона, раньше чѣмъ онъ изучитъ трудъ Маркса. Здѣсь много чего нужно добиваться... Четыре или пять представителей пролетаріата составляютъ при этихъ условіяхъ уже крупную силу, если они только умѣютъ пользоваться своимъ положеніемъ, если они, прежде всего, знаютъ, въ чемъ тутъ дѣло, знаютъ то, о чемъ плохо освѣдомлены буржуа“. Именно такимъ образомъ, съ книгой Маркса въ рукахъ, Швейцеръ и занимался той парламентской дѣятельностью, надъ которой такъ иронизировалъ Либкнехтъ.

Но и свою „политическую борьбу“ „Соціалъ-демократъ“ велъ, по меньшей мѣрѣ, съ такой же рѣшительностью, какъ и „Zukunft“. Вся разница между взглядами обѣихъ газетъ на политическую оппозицію соціалъ-демократіи сводилась къ тому, что Швейцеръ относился къ партикуляристской демократіи съ большимъ порицаніемъ, чѣмъ Гвидо Вейсъ. Но и эта разница была не особенно велика, потому что и Гвидо Вейсъ слишкомъ хорошо зналъ условія нѣмецкой жизни, чтобы надѣяться на то, что семь швабскихъ представителей Нѣмецкой Народной Партіи смогутъ уничтожить Сѣверо-германскій Союзъ. Но помимо этого Швейцеръ велъ „авангардный политическій бой“ го-

раздо энергичнѣе, чѣмъ Іоганнъ Якоби. Когда рѣчь Либкнехта появилась въ „Демократической Еженедѣльной Газетѣ", Лео Франкель изъ Парижа написалъ ему письмо, въ которомъ онъ рѣшительно сталъ на сторону Швейцера. Со стороны Швейцера было, конечно, глубоко ошибочно усматривать въ Либкнехтѣ и Бебелѣ подголоски чисто политической буржуазной партіи, но уже манера, съ которой Либкнехтъ постоянно придирался къ нему, должна была укрѣпить его въ его роковомъ заблужденіи.

Этотъ фактъ долженъ быть отмѣченъ, хотя онъ не можетъ служить оправданіемъ дальнѣйшаго поведенія Швейцера. Для него ограниченіе его диктатуры стало невыносимымъ стѣсненіемъ, и такъ какъ онъ видѣлъ въ этомъ покушеніи на его власть результатъ тайнаго заговора, то онъ не останавливался ни передъ какими средствами, чтобы предотвратить его. Обстоятельства, казалось, сложились для него довольно благопріятно. Порайонная баллотировка вопроса объ измѣненіи организаціонныхъ статутовъ натолкнулась на полный индифферентизмъ мѣстныхъ членовъ; едва ли набралось даже 50 районовъ, которые сочли нужнымъ вообще участвовать въ голосованіи. Затѣмъ, хотя резолюціи общаго собранія были приняты значительнымъ большинствомъ, однако противъ нихъ высказались такія крупныя организаціи, какъ рейнская, барменская, эльберфельдская и дюссельдорфская. Въ Гамбургѣ, куда Швейцеръ поѣхалъ, чтобы основать новое правленіе, онъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ; такія же оваціи онъ имѣлъ въ Ганноверѣ, гдѣ дѣла Союза шли прекрасно, и насчитывалъ въ своемъ составѣ тысячи платящихъ членовъ. Въ томъ же маѣ мѣсяцѣ, когда Либкнехтъ передъ собраніемъ, приблизительно, въ шестьдесятъ членовъ, Демократическаго рабочаго ферейна разносилъ „парламентскія разглагольствованія" Швейцера, шесть тысячъ берлинскихъ рабочихъ въ залѣ Альгамбра аплодировали этому самому „парла-

ментарствованію"; „Соціалъ-демократъ" имѣлъ полное основаніе заключить свое сообщеніе объ этомъ импозантномъ собраніи гордыми словами: „Берлинъ принадлежитъ намъ!" Огромныя стачки берлинскихъ строительныхъ рабочихъ, руководимыя Либкертомъ и проведенныя съ полнымъ единодушіемъ, заразили пролетарской классовой борьбой широкія берлинскія рабочія массы, еще вовсе не затронутыя политическимъ движеніемъ. И 22 мая Швейцеръ созвалъ въ Касселѣ генеральное собраніе представителей Союза рабочихъ товариществъ, чтобы произвести смотръ всей арміи, которая уже была готова броситься въ борьбу за право коалицій.

Новый сѣверо-германскій уставъ о промышленности старался, конечно, парализовать силы борющагося пролетаріата. Враждебное отношеніе сѣверо-германскаго рейхстага къ рабочему классу сказывалось даже тамъ, гдѣ дѣло шло о послѣдовательномъ примѣненіи принципа свободы промышленности, если только это примѣненіе могло быть полезно рабочимъ. Нѣмецкій либерализмъ оказался самъ по себѣ настолько уступчивъ, что осмѣлился ограничить даже свободу передвиженія и промышленности рамками, угодными бюрократіи, и оставилъ нетронутымъ корень всякихъ ябедъ и крючкотворства — концессіонную систему. Зато онъ особенно старался извратить право коалицій настолько, что, по выраженію Ласкера, „хорошая и бдительная полиція могла „любую стачку удержать въ ея законныхъ границахъ", т. е., въ границахъ, угодныхъ господствующимъ классамъ. Не говоря о томъ, что сельскохозяйственные рабочіе были совершенно исключены изъ дѣйствія закона о свободѣ коалицій, была включена еще особая статья, которая преслѣдовала, такъ называемый, терроризмъ стачечниковъ и была формулирована въ такихъ эластичныхъ выраженіяхъ что полиція, при „добромъ желаніи", могла подавлять всякое пролетарское движеніе. Къ этому мерзкому за-

кону, направленному противъ сознательныхъ рабочихъ, рейхстагъ прибавилъ еще одну милостивую привилегію спеціально для штрейкбрехеровъ черной кости, а именно: никакое нарушеніе условій, заключенныхъ на основаніи права коалиціи, не можетъ быть ни обжаловано, ни опротестовано.

При всемъ томъ порядочная доза свободы коалицій была все-таки спасена, благодаря чему на общемъ собраніи членовъ рабочихъ товариществъ въ Касселѣ господствовало весьма приподнятое, воинственное и радостное настроеніе. Присутствовало 100 делегатовъ отъ 220 районовъ съ 35232 членами, платившими членскіе взносы; во всемъ Союзѣ состояло свыше 50000 членовъ, обложенныхъ налогами. Сильнѣе всѣхъ были представлены на Кассельскомъ съѣздѣ папиросники, которыхъ было въ Союзѣ 10000 членовъ; за ними слѣдовали плотники (5585 членовъ), каменщики (3955), ручные и фабричные рабочіе (3666), рабочіе по металлу (3281), по дереву (2137), сапожники (1808), мануфактурные рабочіе (1742), рудокопы (1558), портные (671); другія организаціи, какъ, напр., союзъ пекарей, переплетчиковъ, маляровъ и лакировщиковъ находились еще въ зародышевомъ состояніи. Общее собраніе занималось исключительно агитаціонными и организаціонными вопросами. Въ президіумъ рядомъ со Швейцеромъ и Фрицше вступилъ на мѣсто Клейна, который не могъ переселиться въ Берлинъ, Либкертъ. Члены президіума, какъ таковые, не получали никакого вознагражденія, но Швейцеру, какъ президенту Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, комиссія, спеціально назначенная общимъ собраніемъ въ Эльберфельдъ-Барменѣ для обсужденія этого вопроса, опредѣлила мѣсячное жалованье въ 45 талеровъ. Повидимому, оплатой президентской должности также имѣлось въ виду ограниченіе диктаторской власти; во всякомъ случаѣ, Швейцеръ противился этому; онъ понизилъ назначенный ему окладъ съ 45 до 25 талеровъ и въ

концѣ концовъ и эту сумму отказался принять. Впрочемъ, въ Касселѣ почти не замѣтно было того неудовольствія, которое господствовало среди извѣстной части делегатовъ въ Эльберфельдъ-Барменѣ; одинъ тюрингенскій делегатъ внесъ предложеніе о выраженіи довѣрія Швейцеру, и оно было принято всѣми голосами противъ шести. Въ общемъ, засѣданія съѣзда, длившіяся пять дней, были настоящимъ тріумфомъ для Швейцера, который оказался въ профессіональномъ движеніи такимъ же хорошимъ организаторомъ, какъ и въ области политической борьбы.

Въ добавокъ онъ сумѣлъ расположить къ себѣ приверженцевъ графини Гатцфельдъ. Менде, игравшій теперь роль президента Лассалевскаго Общегерманскаго Рабочаго Союза, былъ арестованъ въ Мюнхенъ-Гладбахѣ, яко бы, за подстрекательство къ безпорядку, вызванному на самомъ дѣлѣ полиціей противозаконнымъ распущеніемъ одного рабочаго собранія. Однако рейхстагъ, по предложенію, внесенному тотчасъ же Швейцеромъ, отказался дать свое согласіе на арестъ депутата, требуемое конституціей, и этимъ было положено начало дружественнымъ отношеніямъ между обѣими фракціями соціалъ-демократической партіи, связанными съ именемъ Лассаля. Но скоро послѣ этого Либкнехтъ произнесъ въ Демократическомъ Рабочемъ Ферейнѣ свою знаменитую рѣчь, которая убѣдила Швейцера въ томъ, что съ этимъ противникомъ никакое постоянное сотрудничество невозможно, а Бебель предпринялъ агитаціонную экскурсію по Тюрингенскому округу, гдѣ онъ съ большимъ успѣхомъ выступалъ въ Гера, Пэснекѣ, Апольдѣ, Іенѣ, Веймарѣ, Готѣ и Эрфуртѣ. Бебель при этомъ воздержался отъ всякихъ нападокъ на Швейцера и говорилъ только о необходимости объединенія всѣхъ соціалъ-демократическихъ фракцій, что встрѣтило самый живой откликъ и у тюрингенскихъ членовъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Подобныя же резолюціи были вынесены на

большинствѣ этихъ собраній, на нѣкоторыхъ, конечно, съ прибавленіемъ о желательности объединенія Соціалъ-демократической Партіи съ буржуазной демократіей. Во всякомъ случаѣ, Швейцеръ твердо стоялъ на своемъ правѣ и заявлялъ, что подобный шагъ не можетъ быть сдѣланъ помимо выборнаго представителя Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Въ тюрингенской агитаціи Бебеля онъ усмотрѣлъ „нарушеніе договора" и счелъ моментъ вполнѣ благопріятнымъ для выступленія.

18-го іюля въ „Соціалъ-демократѣ" въ Берлинѣ и въ „Freie Zeitung", органѣ графини Гатцфельдъ въ Лейпцигѣ одновременно появилась высокопарная прокламація Менде и Швейцера, призывавшая „суверенный народъ" къ „возстановленію единства въ лассалевской партіи" и, именно, на слѣдующихъ условіяхъ. Оба союза, до сихъ поръ дѣйствовавшіе отдѣльно, должны быть 24 іюня своими президентами распущены, и въ тотъ же день долженъ быть организованъ новый общій союзъ на основаніи стараго статута 23 мая 1863 г. Затѣмъ тотчасъ выбирается всеобщимъ голосованіемъ президентъ новаго союза, и 3 іюля опубликовываются результаты выборовъ. Такимъ же образомъ выбирается и новое правленіе, которое функціонируетъ до ближайшаго генеральнаго собранія, наконецъ, временно отъ 24 іюня до 3 іюля всѣ дѣла союза передаются Менде. Этотъ проектъ былъ предложенъ Менде и Швейцеромъ членамъ обоихъ Союзовъ при предписаніи, чтобы до 22 іюля включительно непремѣнно состоялось голосованіе „да" или „нѣтъ".

Это было настоящимъ государственнымъ переворотомъ со стороны Швейцера, для котораго диктатура отнынѣ перестала быть только средствомъ, а превратилась въ самодовлѣющую цѣль. Союзъ графини Гатцфельдъ страдалъ неизлѣчимымъ внутреннимъ недугомъ. Единственными признаками жизни, которые она еще обнаруживала, были какія-то судорожныя подергиванія уми-

рающей секты вродѣ того упорнаго противодѣйствія, которое она оказывала организаціи профессіональныхъ союзовъ и грубаго насилія, совершеннаго ею въ мартѣ мѣсяцѣ, когда она сорвала собраніе Саксонской Народной Партіи въ Гогенштейнъ-Эренстгалѣ и этимъ разстроила проектировавшійся тогда конгрессъ саксонскихъ рабочихъ. Тотъ самый Швейцеръ, который годомъ раньше угрожалъ Гамбургскому съѣзду выступленіемъ изъ Союза, если ему не будетъ разрѣшено заниматься организаціей профессіональныхъ союзовъ, связался теперь съ заклятыми врагами этой организаціи; и въ то время, какъ онъ самъ отказывался отъ всякихъ уступокъ, идущихъ въ ущербъ высшему развитію своего союза, онъ сдѣлалъ огромную уступку сектантскому лассальянству другого союза, возстановляя старый статутъ Лассаля. Чего именно онъ добивался, было довольно понятно: онъ хотѣлъ возстановить свою неограниченную диктатуру. Его сокровенная мысль была достаточно ясна уже изъ его требованія, чтобы „суверенный народъ“ въ теченіе какихъ-нибудь трехъ дней относительно всѣхъ его проектовъ вмѣстѣ взятыхъ вынесъ сразу определенное рѣшеніе: принимаетъ ли онъ ихъ или нѣтъ. Онъ оправдывалъ свою поспѣшность тѣмъ, что въ противномъ случаѣ полиція можетъ закрыть оба Союза, какъ вступившіе между собою въ извѣстную коалицію; но это формальное затрудненіе онъ самъ же создалъ всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій. Онъ разсчитывалъ на то, что недовольство всѣхъ развитыхъ рабочихъ фракціонной враждой, ихъ страстное желаніе объединенія вывезутъ его изъ всѣхъ трудностей, но и эта надежда его не оправдалась. Всѣ его проекты были приняты подавляющимъ большинствомъ членовъ обоихъ Союзовъ. Новое правленіе въ Гамбургѣ поставило только два условія: во-первыхъ, чтобы графиня Гатцфельдъ не была принята въ Союзъ, во-вторыхъ, чтобы Швейцеръ обязался на первомъ же генеральномъ собраніи новаго Союза требовать

возстановленія тѣхъ резолюцій, которыя были составлены въ Эльберфельдъ-Барменѣ. Когда Тэльке, лично прибывшій въ Гамбургъ, по предложенію Швейцера, вышелъ изъ обѣихъ организацій, правленіе дало на это свое согласіе и тѣмъ распустило себя. Открыто протестовали противъ всего этого только нѣкоторые отдѣльные члены въ Брауншвейгѣ, Целле, Гарбургѣ, Магдебургѣ, Эрфуртѣ, Готѣ, Франкфуртѣ; между ними были Браккс, Іоркъ, Бонгорстъ, Эльнеръ. Въ воззваніи, выпущенномъ ими 22 іюня, они предлагали созвать конгрессъ всѣхъ нѣмецкихъ рабочихъ-соціалъ-демократовъ съ цѣлью создать истинно-демократическую организацію; швейцеровскій coup d'état былъ для нихъ, какъ громъ съ яснаго неба; подозрѣніе, что Швейцеръ злоупотребляетъ своимъ вліяніемъ въ союзѣ для удовлетворенія своего честолюбія, что онъ хочетъ изъ союза сдѣлать орудіе для своихъ предательскихъ, реакціонныхъ цѣлей, превратилось для нихъ въ увѣренность. На другой день Либкнехтъ и Бебель въ отвѣтъ на упрекъ Швейцера въ томъ, что они своей тюрингенской агитаціей „нарушили договоръ“, заявили, что они готовы принять сраженіе; ужъ тамъ видно будетъ, на чьей сторонѣ будетъ побѣда: на сторонѣ ли подлости, низости и продажности или на сторонѣ честности, правдивости и чистоты намѣреній. Тогда уже и Швейцеръ нарушилъ свое слово, данное имъ черезъ Тэльке; онъ заявилъ въ „Соціалъ-демократѣ“, что не считаетъ нужнымъ ни исключенія изъ союза графини Гатцфельдъ, ни измѣненія статута 1863 г.; послѣ этого отъ него отвернулись и десять гамбургскихъ членовъ союза съ Гейбомъ и другими членами прежняго бюро во главѣ.

Эти открытыя препирательства сопровождались жаркой взаимной канонадой между „Демократической Еженедѣльной Газетой“ и „Соціалъ-демократомъ“. Какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, и та, и другая сторона доходила въ своей полемикѣ до крайности. „Демокра-

тическая Газета“ называла Щвейцера наемникомъ Бисмарка, а Тэльке ужаснымъ преступникомъ, которому чуждо даже буржуазное понятіе о чести и собственномъ достоинствѣ; съ другой стороны, „Соціалъ-демократъ“ объявилъ Либкнехта тайнымъ союзникомъ буржуазіи, а Бебеля пенсіонеромъ ганноверскаго эксъ-короля. Буржуазія прямо ликовала отъ этихъ взаимныхъ обвиненій, при чемъ она опять счастливо проглядѣла тотъ огромный прогрессъ, который совершило нѣмецкое рабочее движеніе за время этого тяжелаго кризиса. 17 іюля „Демократическая Еженедѣльная Газета“ напечатала воззваніе, въ которомъ всѣ нѣмецкіе соціалъ-демократы созывались на 7, 8 и 9 августа на „общенѣмецкій соціалъ-демократическій рабочій конгрессъ“ въ Эйзенахѣ. Воззваніе было подписано 63 бывшими членами Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, 3 бывшими сторонниками графини Гатцфельдъ, однимъ комитетомъ австрійскихъ рабочихъ, центральнымъ комитетомъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ въ Щвейцаріи, нѣмецкой секціей Интернаціонала въ Женевѣ, нѣмецко-республиканскимъ союзомъ въ Цюрихѣ и, наконецъ, Союзомъ нѣмецкихъ рабочихъ товариществъ, отъ имени котораго подписалось около 100 членовъ его, между ними Бебель, Либкнехтъ, Вальтейхъ, Мецнеръ, Гуго Гильманъ, Моттелеръ, Штолле, Габріель Левенштейнъ, Карлъ Гиршъ, І. М. Гиршъ, Гепнеръ, Фогель и Вильгельмъ Эйхгофъ.

Когда это воззваніе было опубликовано, уже ясно было, что масса Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза останется вѣрной своему вновь избранному президенту Щвейцеру, и что тѣмъ самымъ Эйзенахскій конгрессъ дѣлаетъ расколъ въ нѣмецкой соціалъ-демократіи почти неизбѣжнымъ. Въ этомъ смыслѣ злорадство буржуазіи имѣло полное основаніе. Но дѣло въ томъ, что пока не были устранены тѣ реальныя условія, которыя раскололи нѣмецкій пролетаріатъ, до тѣхъ поръ отдѣльная организація обоихъ направленій была ра-

зумнѣе всякихъ попытокъ къ объединенію, которыя все равно должны были разбиться объ эти условія, порождая каждый разъ только лишнее озлобленіе и раздраженіе. Ужъ гораздо лучше, чѣмъ эти мучительныя колебанія, была открытая война, которая при всѣхъ своихъ дурныхъ послѣдствіяхъ, имѣла много полезныхъ сторонъ: она вскрыла тѣ противорѣчія, которыя, дѣйствительно, таились внутри партіи, она давала имъ ясную и краткую формулировку, она оживила пропаганду и создала двѣ сильныхъ организаціи, которыя, могли заключить между собою почетный миръ, какъ только процессомъ историческаго развитія дѣйствительныя препятствія къ объединенію были бы устранены.

Война началась уже на Эйзенахскомъ конгрессѣ. Швейцеръ рѣшилъ принять участіе въ конгрессѣ въ надеждѣ либо задушить новую организацію въ ея зародышѣ, либо продемонстрировать силы Союза такъ, чтобы онъ ее сразу затмилъ своимъ величіемъ. Такъ какъ ему самому пришлось въ это время отбыть два мѣсяца тюремнаго заключенія, то на конгрессъ явился Тэльке во главѣ 110 делегатовъ, представлявшихъ собою 102.000 организованныхъ рабочихъ; расходы по посылкѣ делегатовъ покрывались пополамъ изъ кассъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза и Союза рабочихъ товариществъ; но противная сторона выставила 262 делегатовъ, за которыми стояло 140.000 рабочихъ. Начались взаимные упреки—въ „махинаціяхъ“ съ мандатами, упреки—съ обѣихъ сторонъ одинаково справедливые или въ извѣстномъ смыслѣ одинаково несправедливые. Такъ какъ весь этотъ кризисъ вызвалъ оживленное движеніе во всемъ нѣмецкомъ рабочемъ мірѣ, и выборы по большей части происходили на массовыхъ собраніяхъ, то цифры сами по себѣ могли быть неточны; но если онѣ и не были плодомъ махинацій, то онѣ не могли служить также мѣриломъ для сравненія силъ воюющихъ сторонъ. Швейцеровская

профессіональная и политическая организація никогда еще не имѣла въ своемъ составѣ 102.000 человѣкъ, но и новый союзъ, основанный въ Эйзенахѣ, никогда еще не насчитывалъ въ своихъ рядахъ 140.000 членовъ.

Прежде всего австрійскіе и швейцарскіе вспомогательные отряды играли чисто декоративную роль. Швейцеръ былъ совершенно правъ, когда говорилъ, что всякое организаціонное объединеніе между германскими и австрійскими рабочими — полнѣйшая иллюзія. И дѣйствительно, если это объединеніе имѣло какую-либо реальность, то только въ его печальныхъ результатахъ въ Австріи: участіе австрійскихъ рабочихъ въ Эйзенахскомъ конгрессѣ послужило для австрійской реакціи поводомъ къ коварнымъ преслѣдованіямъ молодого рабочаго движенія на Дунаѣ, которое было столь же быстро задушено этой реакціей, какъ быстро оно успѣло расцвѣсть. Фактически новая организація состояла изъ двухъ элементовъ: изъ союза нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ и изъ членовъ, отколовшихся отъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Въ какомъ количествѣ вошли эти послѣдніе, трудно съ точностью опредѣлить; Тэльке оцѣнивалъ ихъ число въ 300, Либкнехтъ въ 5000, при чемъ ближе къ истинѣ оказалось не среднее между этими числами, а показаніе Тэльке; цифра же, показанная Либкнехтомъ, далеко не соотвѣтствовала дѣйствительности. Ихъ набралось, можетъ быть, всего какая-нибудь тысяча, но среди нихъ было много сознательныхъ, прекрасно дисциплинированныхъ рабочихъ, уже испытанныхъ въ организованной классовой борьбѣ пролетаріата. Но союзъ нѣмецкихъ рабочихъ насчитывалъ 10000 человѣкъ, которые, какъ показалъ тогда Бебель, были организованы въ 58 саксонскихъ, 26 вюртембергскихъ и нѣкоторыхъ баденскихъ, гессенскихъ и баварскихъ районахъ; сюда вошли нѣкоторые отщепенцы изъ Берлина и рейнскихъ провинцій.

Послѣ шумнаго и безалабернаго засѣданія, на которомъ выяснилась невозможность дальнѣйшей совмѣст-

ной работы, обѣ партіи раздѣлились, и каждая изъ нихъ устроила въ Эйзенахѣ свой конгрессъ, который, понятно, для делегатовъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза былъ только своего рода демонстраціей. Противная же сторона конституировалась въ Соціалъ-демократическую Рабочую Партію по проекту, въ существенныхъ чертахъ давно уже выработанному Бебелемъ, въ цѣляхъ реорганизаціи руководимаго имъ Союза. Въ своей теоретической части Эйзенахская программа исходила изъ принциповъ, положенныхъ въ основу нюрнбергской платформы; „ближайшія" же „задачи" ея основывались на положеніяхъ Хемницкой программы. При этомъ тотчасъ выяснилось, что принципіальной разницы во взглядахъ между „эйзенахцами" и „лассальянцами"—какъ обыкновенно величали другъ друга члены враждебныхъ фракцій (не говоря о другихъ, менѣе лестныхъ кличкахъ)—въ сущности не было. Если, съ одной стороны, былъ правъ Либкнехтъ, говоря, что Эйзенахская программа является только заключительнымъ выводомъ теоріи научнаго соціализма, то, съ другой стороны, было справедливо и мнѣніе Тэльке, согласно которому она въ сущности повторяетъ собою программу Лассаля; въ ней нѣтъ ни одного пункта, который не защищался бы 5 годами раньше на столбцахъ „Соціалъ-демократа". Даже дѣйствительно спорные взгляды Лассаля выступаютъ въ Эйзенахской программѣ еще менѣе обоснованными. Включая, по предложенію Карла Гирша, въ число „ближайшихъ задачъ", осуществимыхъ на почвѣ буржуазнаго строя, государственную помощь коопераціямъ и государственный кредитъ для производительныхъ товариществъ, на демократическихъ началахъ, программа затушевывала революціонный характеръ лассалевскихъ производительныхъ ассоціацій, на который такъ часто указывалъ Швейцеръ

Болѣе существенными были различія, вытекавшія изъ организаціи обѣихъ партій. Бебель самъ былъ

слишкомъ хорошимъ организаторомъ, для того, чтобы не оцѣнить всѣхъ преимуществъ лассальевской организаціи; но боязнь диктатуры и необходимость отнять у полиціи всякіе поводы къ придиркамъ заставили его держаться опредѣленныхъ рамокъ. Управленіе всѣми дѣлами было передано комитету, состоявшему изъ пяти членовъ, а надъ нимъ была поставлена ревизіонная комиссія изъ 11 членовъ; представители той и другой власти выбирались партійными членами того мѣста, которое конгрессъ изберетъ для своихъ засѣданій. Оба учрежденія являлись вмѣстѣ съ тѣмъ высшей инстанціей для партійнаго органа, но сами были подчинены партійному конгрессу, который долженъ былъ собираться не меньше одного раза въ годъ. Каждый делегатъ пользовался на конгрессѣ однимъ голосомъ, но каждый районъ могъ посылать на конгрессъ не больше пяти делегатовъ. Каждый членъ партіи долженъ былъ платить въ кассу комитета 1 грошенъ въ мѣсяцъ партійнаго налога или подписаться на партійный органъ. Партійные члены каждаго района обязывались основывать соціалъ-демократическіе рабочіе ферейны на основѣ партійной программы, каждый членъ ферейна долженъ былъ вносить ежемѣсячно одинъ грошенъ на общія агитаціонныя цѣли. Партійнымъ органомъ была объявлена „Демократическая Еженедѣльная Газета“, которая съ 1 октября должна была начать выходить два раза въ недѣлю, подъ названіемъ „Народнаго Государства“ („Volksstaat“) и перейти въ собственность партіи. Конгрессъ долженъ былъ созываться въ Эйзенахѣ, мѣстопребываніемъ комитета былъ избранъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттель и ревизіонной комиссіи — Вѣна. Ясно, что эта организація была гораздо демократичнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо слабѣе и менѣе устойчива, чѣмъ организація Лассаля.

О своемъ отношеніи къ Интернаціоналу Эйзенахскій конгрессъ не могъ ничего другого постановить

кромѣ того, что было принято въ Гамбургѣ и Эльберфельдъ-Барменѣ. Теперь уже и Бебель высказалъ то же самое, что постоянно утверждалъ Швейцеръ: „Нѣмецкая соціалъ-демократическая партія, — говорилъ онъ, — должна во всякомъ случаѣ прежде всего сорганизоваться сама, такъ какъ рядомъ съ интернаціональной необходима и національная организація, и первая безъ второй была бы лишена всякаго содержанія“. Эйзенахскій конгрессъ, конечно, рекомендовалъ всѣмъ партійнымъ членамъ лично вступить въ „Интернаціоналъ“, но это рѣшеніе должно было естественно осложнить и безъ того неуклюжую организацію или же остаться только на бумагѣ. Профессіональнымъ союзамъ, основаннымъ по статутамъ Бебеля, конгрессъ также рекомендовалъ примкнуть къ интернаціональной организаціи, и они отнынѣ стали называться „интернаціональными профессіональными союзами“. Ихъ было пока еще мало; организованы были: переплетчики въ Лейпцигѣ, рудокопы и горнорабочіе въ Цвикау, мануфактурные, фабричные и ручные рабочіе въ Криммичау; рабочіе по металлу въ Нюрнбергѣ, каменщики и плотники въ Дрезденѣ; сапожники въ Лейпцигѣ еще только начали организовываться. Вначалѣ эти союзы были еще крайне слабы; мануфактурные, фабричные и ручные рабочіе, которые только на Троицѣ собрались на свой первый конгрессъ въ Лейпцигѣ, насчитывали въ своемъ составѣ около 3000 членовъ, и подъ умѣлымъ руководствомъ Моттелера они развились сравнительно быстро.

Послѣ Эйзенахскаго конгресса союзъ нѣмецкихъ рабочихъ ферейновъ созвалъ свой послѣдній съѣздъ. Основанный за шесть лѣтъ до того въ качествѣ оплота буржуазіи противъ надвигавшейся волны рабочаго движенія, онъ былъ теперь смытъ бурнымъ потокомъ этого движенія, достигшаго съ тѣхъ поръ огромныхъ, еще небывалыхъ размѣровъ. Онъ растворится въ Соціалъ-демократической Рабочей Партіи.

3. Первыя фракціонныя столкновенія.

Если уже при составленіи Эйзенахской программы обнаружилось отсутствіе принципіальныхъ разногласій въ средѣ сознательнаго нѣмецкаго пролетаріата, то скоро началась борьба съ практическими препятствіями къ объединенію. Она уничтожила диктатуру, господствовавшую надъ лассальянцами, и оборвала всѣ нити, связывавшія эйзенахцевъ съ Нѣмецкой Народной Партіей.

На первыхъ порахъ дѣло приняло для Швейцера весьма благопріятный оборотъ. На четвертомъ конгрессѣ Интернаціонала, засѣдавшемъ отъ 5 до 12 сентября въ Базелѣ, главнымъ предметомъ обсужденія былъ аграрный вопросъ. Хотя этотъ вопросъ уже годомъ раньше на Брюссельскомъ конгрессѣ былъ рѣшенъ въ духѣ научнаго соціализма, но противъ принятой тогда резолюціи высказалось значительное меньшинство въ лицѣ французскихъ делегатовъ, и для болѣе полнаго выясненія предмета Генеральный Совѣтъ поставилъ этотъ вопросъ въ первую очередь на Базельскомъ конгрессѣ. На этомъ конгрессѣ присутствовало 78 делегатовъ, состоявшихъ ровно на одну треть изъ французовъ; между ними былъ благородный мученикъ Коммуны Варленъ. Генеральный Совѣтъ послалъ на конгрессъ Апплегарта, Лукрафта, Ковель-Степнэя, Экkаріуса, Юнга и Леснера; отъ Германіи прибыли, кромѣ Либкнехта, посланнаго эйзенахцами, Мозесъ Гессъ, Риттинггаузенъ, учитель Шпиръ изъ Вольфенбителя и профессоръ Яннашъ изъ Магдебурга; Швейцарія была представлена Іоганномъ Филиппомъ Бекеромъ, Бюркли и Грейлихомъ; представителемъ неаполитанскихъ рабочихъ былъ Бакунинъ. 54 голосами конгрессъ принялъ резолюцію, гласившую, что общество имѣетъ право обратить всю землю въ общественную собственность, а 53 голосами призналъ эту мѣру необходимой въ интересахъ всего общества. Меньшинство преимущественно

воздержалось отъ голосованія; противъ второго заключенія голосовало только 8, противъ перваго — 4 французскихъ делегата. Но если въ этомъ пунктѣ точка зрѣнія научнаго соціализма одержала рѣшительную побѣду надъ мелкобуржуазными иллюзіями прудонизма, то борьба снова возгорѣлась при обсужденіи слѣдующаго вопроса о наслѣдственномъ правѣ. Эккаріусъ отстаивалъ послѣдовательную точку зрѣнія Генеральнаго Совѣта, между тѣмъ какъ Бакунинъ смѣшивалъ идеологическую надстройку съ экономической основой и хотѣлъ уничтожить право наслѣдства изъ нравственныхъ мотивовъ, считая его самостоятельной причиной существующаго неравенства. Ни одинъ изъ этихъ взглядовъ не получилъ большинства, и вопросъ остался открытымъ.

Базельскія резолюціи по вопросу о земельной собственности вызвали сильное волненіе среди нѣмецкой буржуазіи. Ее осудили не только патріотическіе „ученые", вродѣ Адольфа Вагнера, назвавшаго ее легкомысленной и нелѣпой утопіей; даже храбрые мужи изъ Нѣмецкой Народной Партіи изрыгали всякую хулу на „властолюбивые замыслы" Интернаціонала и называли базельское большинство тайными союзниками берлинскихъ и парижскихъ идіотовъ. Только что выпущенный изъ тюрьмы Швейцеръ именно получилъ то удовлетвореніе, что могъ сказать рабочимъ: такъ какъ Интернаціоналъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ защищаетъ соціалистическую точку зрѣнія, то поэтому онъ подвергается точь-въ-точь такимъ же инсинуаціямъ со стороны буржуазной оппозиціи, какъ и лассалевская агитація. Относительно обобществленія земельной собственности Швейцеру не пришлось много говорить, такъ какъ онъ этотъ вопросъ давно съ достаточной полнотой разобралъ въ „Соціалъ-демократѣ". Но онъ теперь написалъ двѣ замѣчательныхъ статьи о наслѣдственномъ правѣ, которыя съ ясностью показали, что теоріей научнаго соціализма онъ овладѣлъ въ совершен-

ствѣ. Его пониманіе вопроса вполнѣ совпадало со взглядами, высказанными въ докладѣ о наслѣдственномъ правѣ, который Генеральный Совѣтъ представилъ Базельскому конгрессу; только этотъ докладъ появился въ печати лишь въ октябрьскомъ выпускѣ журнала „Der Vorbote", между тѣмъ какъ Швейцеръ свои статьи напечаталъ послѣ первыхъ же газетныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ въ Базелѣ, въ №№ отъ 17 и 19 сентября. Швейцеръ въ нихъ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что уничтоженіе права на наслѣдство является требованіемъ, въ капиталистическомъ обществѣ утопическимъ, а въ соціалистическомъ строѣ — ненужнымъ, но что оно въ переходный періодъ отъ капитализма къ соціализму имѣетъ огромное практическое значеніе для диктатуры пролетаріата.

Швейцеръ, разумѣется, не преминулъ воспользоваться своимъ преимуществомъ въ данномъ случаѣ. Онъ могъ теперь указать на то, что Всеобщій Германскій Рабочій Союзъ является не только наилучше организованной, но и принципіально наиболѣе прогрессивной рабочей партіей. Съ Интернаціоналомъ онъ старался жить въ ладахъ и призналъ важное значеніе базельскихъ резолюцій, хотя, по его мнѣнію, „марксистская школа" на интернаціональныхъ конгрессахъ не знаетъ куда дѣваться съ „половинчатымъ соціализмомъ". Тѣмъ съ большей горечью онъ отозвался о той Соціалъ-демократической Рабочей Партіи, которая боялась присоединиться къ базельскимъ резолюціямъ; прежніе лассальянцы, которые образовали Брауншвейгскій комитетъ, оказались, по его словамъ, чистѣйшими куклами, не смѣющими имѣть своего мнѣнія въ присутствіи буржуазной Нѣмецкой Народной Партіи.

На самомъ дѣлѣ Брауншвейгскій комитетъ, въ составъ котораго входили Браке, Бонгорстъ и Шпиръ, намѣревался выпустить оффиціальное извѣщеніе съ благопріятнымъ отзывомъ о базельскихъ резолюціяхъ. Но онъ натолкнулся на сопротивленіе Либкнехта. Уже

Базельскому конгрессу Либкнехтъ поставилъ на видъ тѣ практическія затрудненія, съ которыми связано включеніе въ программу резолюціи относительно обобществленія земельной собственности, хотя онъ самъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ этой реформы, логически вытекающей изъ теоріи научнаго соціализма. Онъ нашелъ теперь, какъ онъ писалъ Брауншвейгскому комитету, несвоевременнымъ вступить въ ссору съ Нѣмецкой Народной Партіей и считалъ вполнѣ достаточнымъ, если партійный органъ опубликуетъ заключенія Базельскаго конгресса. На вопросъ, какое положеніе займетъ Соціалъ-демократическая Рабочая Партія по отношенію къ этимъ заключеніямъ, „Демократическая Еженедѣльная Газета“ въ своемъ послѣднемъ номерѣ отвѣтила: Никакого. Каждый отдѣльный партійный членъ можетъ и долженъ выработать свой собственный взглядъ на базельскія постановленія; для партіи, какъ таковой, они не имѣютъ теперь серьезнаго значенія, тѣмъ болѣе, что она ни въ какомъ отношеніи не связана съ этими постановленіями, точно такъ же, какъ не связанъ съ ними самъ Интернаціоналъ. Но такое отношеніе съ различныхъ точекъ зрѣнія не выдерживало критики, особенно съ тактической, которая для Либкнехта была рѣшающей. Теперь уже Швейцеръ прямо заявилъ, что эйзенахцы не осмѣливаются открыто признать кардинальное положеніе научнаго соціализма, обобществленіе средствъ производства, а Нѣмецкая Народная Партія потребовала категорическаго отреченія отъ принципа, провозглашеннаго на Базельскомъ конгрессѣ.

Такимъ образомъ, дѣло все-таки дошло до того разрыва, котораго Либкнехтъ пока еще хотѣлъ избѣгнуть. Отдѣльные вожди Народной Партіи еще участвовали въ Эйзенахскомъ конгрессѣ, какъ, напримѣръ. Зонеманъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ пытался оспаривать этотъ фактъ, но его присутствіе было установлено документально. Чтобы такіе великіе зна

токи капиталистическаго способа производства, какъ онъ и ему подобные, оказались въ такомъ глубокомъ заблужденіи насчетъ принципіальнаго значенія Нюрнбергской и Эйзенахской программъ, — трудно допустить; весьма вѣроятно, что они хотѣли участвовать въ новой организаціи для того, чтобы затѣмъ попытаться какъ-нибудь прибрать рабочее движеніе къ своимъ рукамъ. Къ чести швабскихъ мелкихъ буржуа надо признать, что они просто не поняли того, что было постановлено въ Нюрнбергѣ и Эйзенахѣ; когда же Базельскія резолюціи блеснули на нихъ внезапно своимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, то они запрыгали, какъ укушенные тарантуломъ. Особенно они старались отколоть отъ Соціалъ-демократической Рабочей Партіи южно-германскихъ членовъ ея; они спекулировали и не вполнѣ безуспѣшно на послѣдніе остатки сепаратизма, господствовавшаго, именно, среди швабскихъ рабочихъ. Областной Союзъ вюртембергскихъ рабочихъ ферейновъ, несмотря на свое присоединеніе къ эйзенахцамъ, не хотѣлъ себя распустить, и его секретарь Броненмейеръ, который теперь былъ душою этого Союза, высказался въ штуттгартскомъ „Beobachter'ѣ“ крайне недовѣрчиво къ „диктатурѣ“ Маркса; эту диктатуру онъ усмотрѣлъ въ невиннѣйшемъ постановленіи Базельскаго конгресса о томъ, что въ экстренныхъ случаяхъ Генеральный Совѣтъ Интернаціонала беретъ на себя роль связующаго центра между профессіональными рабочими организаціями различныхъ странъ.

Но Бебель быстро и ловко разбилъ всѣ махинаціи Нѣмецкой Народной Партіи. Съ 5 до 30 ноября онъ совершилъ агитаціонную экскурсію по южной Германіи, объѣхалъ Кобургъ, Бамбергъ, Эрлангенъ, Фиртъ, Нюрнбергъ, Регенсбургъ, Аугсбургъ и Мюнхенъ, посѣтилъ цѣлый рядъ вюртембергскихъ районовъ и съ величайшимъ успѣхомъ просвѣщалъ самосознаніе южно-германскихъ рабочихъ. Швабскій областной союзъ отказался отъ дальнѣйшаго обособленнаго суще

ствованія, а въ Штуттгартѣ, гдѣ Бебель говорилъ въ залѣ „Liederhalle“, дѣло дошло бы до полнаго разрыва съ Народной Партіей, если-бъ не вмѣшался редакторъ штуттгартскаго „Beobachter'a“. Но въ томъ же „Beobachter'ѣ“ Юлій Фрезе, членъ Нѣмецкой Народной Партіи, ярый ненавистникъ Пруссіи, вскорѣ послѣ того пресмыкавшійся передъ Габсбургами, разразился противъ бебелевскихъ рѣчей тремя длиннѣйшими статьями, которыя по обнаруженному ими тупоумію и невѣжеству въ соціальныхъ вопросахъ стоятъ еще ниже твореній Шульце-Делича, если вообще возможно что-нибудь ниже премудростей этого ученаго. Бебель отвѣтилъ ему въ „Volksstaat'ѣ“ цѣлымъ рядомъ статей, которыя онъ потомъ выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ въ видѣ сборника подъ заглавіемъ: „Наши цѣли“. Это былъ его первый литературный опытъ; написанныя сильно и горячо, эти статьи многими своими мѣстами показываютъ, что авторъ усердно изучалъ „Капиталъ“ Маркса, но по существу онѣ все еще опирались на агитаціонныя сочиненія Лассаля. Либкнехтъ теперь окончательно порвалъ и съ Нѣмецкой Народной Партіей; въ январѣ 1870 г. онъ далъ о ней лейпцигскимъ рабочимъ слѣдующую въ высшей степени мѣткую характеристику: „Это партія, возникшая совершенно случайно; при своемъ полномъ безсиліи, она не въ состояніи расторгнуть Сѣверо-германскій Союзъ. Она умѣетъ только шумѣть, но не больше. Въ сѣверной Германіи, экономически гораздо болѣе развитой, нежели южная, она состоитъ всего изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Только въ южной Германіи, и то собственно лишь въ Швабіи, она имѣетъ за собою массы, но эти массы представляютъ собою пеструю смѣсь всевозможныхъ элементовъ, временно связанныхъ между собою общей борьбой съ политикой „пруссификаціи“. Два мѣсяца спустя Либкнехтъ въ Стрѣлецкомъ домѣ, въ Мееранѣ, прочелъ объ аграрномъ вопросѣ рефератъ, въ которомъ доказалъ всю неосновательность нападокъ Народной Пар-

тіи на Базельскія резолюціи; выпущенный потомъ въ отдѣльномъ дополненномъ изданіи, этотъ рефератъ, подобно полемической брошюрѣ Бебеля, послужилъ прекраснымъ агитаціоннымъ орудіемъ въ рукахъ эйзенахцевъ.

Но сдержанное отношеніе, которое эта фракція первоначально обнаружила по отношенію къ Базельскимъ постановленіямъ, безъ сомнѣнія, укрѣпило положеніе Швейцера. Хотя подписка на „Соціалъ-демократъ“ въ октябрѣ и не увеличивалась, какъ два года тому назадъ съ каждой четвертью года, но она и не убавилась. Въ 16 мѣстахъ она упала, но въ 12 возросла; какъ всегда впереди всѣхъ шелъ Гамбургъ съ 1214 подписчиками, затѣмъ слѣдовали Берлинъ (765), Эльберфельдъ-Барменъ (176), Ганноверъ (130). Въ общемъ „Соціалъ-демократъ“ имѣлъ 5000 постоянныхъ абонентовъ, въ то время какъ у „Volksstaat“ ихъ было всего 2000. Публикуя подробный отчетъ о числѣ своихъ подписчиковъ, „Соціалъ-демократъ“ съ тріумфомъ прибавляетъ, что весь натискъ, произведенный на рабочую партію „буржуазной демократіей“, только на мигъ остановилъ побѣдоносное шествіе пролетаріата. Утвержденіе эйзенахцевъ, будто за Швейцеромъ стояла только фанатизированная безсознательная чернь, было безусловно невѣрно. Дисциплинированная рабочая масса въ Гамбургѣ и на Рейнѣ прекрасно понимала, почему она защищаетъ старое знамя соціалъ-демократіи, и замѣстители Бракке, Гейба и Іорка: ткачъ Гармъ въ Эльберфельдѣ, столяръ Дрейсбахъ въ Дюссельдорфѣ, рабочій сигарной фабрики Реймеръ въ Альтонѣ, машиностроитель Фроме и сигарный рабочій Мейстеръ въ Ганноверѣ, столяръ Пфаннкухъ въ Касселѣ, столяръ Рейндерсъ въ Бреславлѣ, плотники Августъ и Отто Каппель въ Берлинѣ и многіе другіе, — все это былъ народъ дѣятельный и въ высшей степени толковый. Швейцеръ предпринялъ теперь семинедѣльную организаціонную экскурсію по Германіи, чтобы вытравить

послѣдніе слѣды розни внутри Союза. Онъ прежде всего отправился въ Штеттинъ, отсюда въ Бреславль и Петерсвальдау, затѣмъ въ Саксонское королевство, именно, въ Дрезденъ, Лимбахъ и Лейпцигъ и черезъ Штасфуртъ, Эгельнъ и Магдебургъ въ Гамбургъ, Альтону, Киль, Неймюнстеръ, Гарбургъ, Линебургъ, Ганноверъ, Бременъ, Кассель. На Рейнѣ онъ посѣтилъ Эльберфельдъ-Барменъ, Дюссельдорфъ, Эссенъ, Ремшейдъ, Кёльнъ и, наконецъ, въ южной Германіи—Франкфуртъ, Оффенбахъ, Карлсруэ, Штуттгартъ, Аугсбургъ, Мюнхенъ и Вюрцбургъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ онъ устраивалъ закрытыя собранія членовъ Союза и предоставлялъ каждому присутствующему право интерпеллировать его по поводу личныхъ упрековъ, которые раздавались по его адресу; гонораръ за свою утомительную поѣздку онъ получилъ такой, который былъ положенъ для другихъ разъѣздныхъ агитаторовъ Союза: билетъ 3 класса и полтора талера суточныхъ.

Еще въ его отсутствіе Тэльке одержалъ, наконецъ, побѣду и въ Берлинѣ. Прогрессистская Партія послѣ событій 1866 г. была совсѣмъ сбита съ толку и перестала понимать самыя простыя вещи; она хотѣла и капиталъ пріобрѣсти, и невинность соблюсти; ей ни за что не хотѣлось отказаться отъ матеріальныхъ выгодъ, которыми Бисмаркъ оплачивалъ уступчивость буржуазіи, но ей не пристало просто плюнуть на свои политическіе идеалы, подобно націоналъ-либераламъ, и она рѣшила ихъ удержать въ видѣ скромной декораціи,—чего нервы Бисмарка никоимъ образомъ не могли вынести. Въ этой дилеммѣ она совсѣмъ потерялась; когда она лѣтомъ 1869 г. попробовала поднять шумъ по поводу основанія „въ центрѣ интеллигенціи“ одного маленькаго монастыря, какимъ старчески безсильнымъ показался ея голосъ; одинъ энергичный слесарный мастеръ собралъ вокругъ себя тѣхъ нѣсколькихъ ультрамонтанъ, которые еще были въ Берлинѣ, и ловко пробуравилъ тотъ барабанъ, въ который пытались забить

свою тревогу. Тогда они вздумали выѣхать на другомъ конькѣ; ихъ депутаты въ ландтагѣ внесли предложеніе о томъ, чтобы прусское правительство вступило въ дипломатическіе переговоры съ иностранными государствами о распущеніи всѣхъ войскъ великихъ европейскихъ державъ въ мирное время. Это было ни то, ни се: съ той точки зрѣнія, которая на языкѣ смиреннаго обывателя называется „практической политикой", этотъ проектъ наканунѣ франко-прусской войны, неизбѣжность которой была очевидна для каждаго здравомыслящаго европейца, представлялъ собою сущую безсмыслицу; а какъ принципіальный протестъ противъ милитаризма, онъ страдалъ слабостью, половинчатостью; кромѣ того, этотъ вопросъ былъ поднятъ въ прусской палатѣ депутатовъ, гдѣ консервативное и націоналъ-либеральное большинство имѣло удобный предлогъ объявить себя некомпетентнымъ въ немъ, такъ какъ всѣ дипломатическія и военныя дѣла находились въ рукахъ Сѣверо-Германскаго Союза. Но именно потому, что это предложеніе ни къ чему не обязывало Прогрессистской Партіи и никакой отвѣтственности на нее не возлагало, она ухватилась за него, какъ за агитаціонное средство, для того, чтобы привлечь на свою сторону широкую рабочую массу, которая стонетъ подъ растущимъ гнетомъ милитаризма.

Въ одно воскресное утро, 7 ноября, Прогрессистская Партія созвала въ обширномъ залѣ концертнаго дома народное собраніе, которому между прочимъ предложила на обсужденіе и вопросъ о разоруженіи.

Не только въ оффиціальномъ объявленіи значилось „народное собраніе", но и прогрессистскія газеты ясно подчеркивали, что созывается не партійное, а именно народное собраніе, хотя они отлично знали, что на такое общее, народное собраніе, на которое приглашаются всѣ безъ различія партіи, навѣрно, придутъ и рабочіе соціалъ-демократы. „Народная Газета" самоувѣренно писала, что распорядительный комитетъ, въ которомъ

сидѣли почти всѣ выдающіеся прогрессистскіе главари, принялъ необходимыя мѣры противъ „всякихъ попытокъ сорвать грандіозную демонстрацію“.

Это дѣйствительно была „грандіозная демонстрація“, только не къ чести Прогрессистской Партіи. Тотчасъ послѣ открытія многолюднаго собранія, при выборахъ председателя, обнаружилось, что подавляющее большинство присутствовавшихъ состояло изъ рабочихъ, соціалъ-демократовъ. Предсѣдателемъ былъ выбранъ Тэльке, послѣ чего весь прогрессистскій штабъ, который успѣлъ удобно усѣсться за предсѣдательскимъ столомъ, поднялся и безслѣдно исчезъ по задней лѣстницѣ. Тогда оставшееся въ залѣ прогрессистское меньшинство стало шумомъ срывать засѣданіе, но оно было съ большей или меньшей вѣжливостью, смотря по поведенію каждаго изъ нихъ, выпровожено за дверь, послѣ чего засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Тэльке продолжалось при полномъ порядкѣ. Самымъ внимательнымъ образомъ были выслушаны не только лассальянцы, но и эйзенахцы и сторонники Шульце, просившіе слова. Собраніе приняло резолюцію, которая признавала, что предложеніе прогрессистовъ отличается непростительной половинчатостью; что европейскимъ народамъ нужна полная отмѣна постоянной арміи и введеніе народной милиціи, основанной на военномъ воспитаніи молодежи; что прогрессистскіе депутаты являются представителями буржуазіи, и что рабочему классу могутъ быть полезны только тѣ депутаты, которые принадлежатъ къ Соціалъ-демократической Партіи.

Прогрессистская партія подняла вопль о насиліи надъ правомъ собраній. Тѣ самые господа, которые безцеремонно срывали или пытались срывать закрытыя партійныя собранія Лассаля, корчили изъ себя угнетенную невинность теперь, когда захватное право, ими же впервые провоцированное, дало нежелательные для нихъ результаты. Они — и только они — сами на-

рушили свободу собраній тѣмъ, что ихъ вожди отказались признать правильность выбора Тэльке предсѣдателемъ, а вся ихъ шайка пыталась помѣшать продолженію засѣданія подъ его предсѣдательствомъ. Точка зрѣнія „Соціалъ-демократа" была такъ же проста, какъ и ясна: „Когда созывается общенародное собраніе, на которое можетъ прійти всякій безъ различія партій, то слѣдуетъ ожидать, что во всѣхъ случаяхъ, когда намъ это покажется выгоднымъ, наша партія приметъ участіе въ митингѣ. На всѣхъ такихъ собраніяхъ по общепринятому демократическому обычаю предсѣдатель выбирается большинствомъ присутствующихъ. Если не хотятъ, чтобы соціалъ-демократы пришли на собраніе, то нужно заранѣе приглашать только представителей опредѣленныхъ партій. На собраніе Прогрессистской или Нѣмецкой Народной Партіи мы не придемъ". Поэтому было совершенно неумѣстнымъ предложеніе Демократическаго рабочаго ферейна, члены котораго безпрепятственно пользовались въ концертномъ домѣ самой широкой свободой слова, объ образованіи союза „всѣхъ партій" для защиты свободы собраній; предложеніе еще подкрѣплялось ссылкой на принадлежность ферейна къ Международному Рабочему Обществу. Буржуазныя партіи, понятно, отнеслись къ такому предложенію съ полнымъ пренебреженіемъ; съ другой стороны, Тэльке вполнѣ резонно спросилъ, что скажетъ о такой тактикѣ Генеральный Совѣтъ Интернаціонала. Къ сожалѣнію, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого безтактнаго поступка была самая отвратительная полемика между „срывателями", съ одной стороны, и „еврейскими мальчишками"—съ другой. „Volksstaat" совершенно справедливо замѣтила, что прогрессистамъ досталось только то, что имъ слѣдовало по праву, хотя она и сожалѣла о томъ, что первые плоды побѣды попали въ руки „придворному соціализму".

Однако, дышащая мщеніемъ и злобой буржуазія

не хотѣла ограничиться лживыми инсинуаціями. Она подговорила все еще вѣрныхъ ей машиностроительныхъ рабочихъ снова устроить общее собраніе рабочихъ въ воскресенье 28 ноября въ „Universum'ѣ, гдѣ берлинскіе рабочіе должны были „въ своемъ большинствѣ выразить самое рѣзкое порицаніе безпутному и скандальному поведенію Швейцера“. Усердная травля соціалъ-демократовъ, поднятая въ прогрессистскихъ ферейнахъ и на столбцахъ буржуазныхъ газетъ, прикрывала заднюю мысль партійныхъ главарей, сводившуюся къ тому, чтобы вызвать среди берлинскихъ рабочихъ маленькій бунтъ. Начало собранія было назначено на 11 часовъ, но прогрессистскіе рабочіе приглашались придти къ 9 часамъ и прошмыгнуть въ „Universum“ черезъ заднюю дверь, съ той цѣлью, чтобы, когда въ 11 часовъ придутъ рабочіе соціалъ-демократы, они нашли бы залу уже биткомъ набитой. Прогрессистскіе дѣльцы разсчитывали на то, что это вызоветъ свалку и смертоубійство, и потребуется вмѣшательство полиціи; а съ какимъ внутреннимъ сочувствіемъ отнеслась къ этому продукту буржуазной фантазіи администрація, видно изъ того, что на другой день въ урочный часъ по особому приказу полицеймейстера, вся полиція была собрана на площадяхъ и улицахъ, примыкающихъ къ „Universum“у. Но Тэльке былъ дальновиднымъ полководцемъ. Когда въ 9 часовъ около тысячи прогрессистскихъ рабочихъ пришли къ „Universum“у, они нашли домъ обложеннымъ четырьмя тысячами соціалъ-демократическихъ рабочихъ, которые, несмотря на зимній холодъ, были на мѣстѣ уже съ 7 часовъ утра. Какъ только маленькій авангардъ прогрессистскихъ рабочихъ подъ покровомъ тумана проскользнулъ черезъ заднюю дверь, соціалъ-демократы замѣтили этотъ проходъ, и всѣ тотчасъ вошли черезъ него, въ залу собранія. Когда пришедшіе затѣмъ прогрессистскіе рабочіе встрѣтились лицомъ къ лицу съ вражескимъ отрядомъ, облечен-

нымъ въ полицейскіе мундиры, въ нихъ съ силой возбудилось ихъ классовое самосознаніе. „Ни за что не подавать повода къ избіенію рабочихъ для потѣхи буржуазіи и реакціи“ — такова была мысль, которая объединила всѣхъ рабочихъ. Когда въ 11 часовъ парадныя двери „Universum“а были открыты, массы рабочихъ спокойно вошли туда. Членъ прогрессистской партіи машиностроитель Андреакъ открылъ собраніе сердечнымъ приглашеніемъ рабочихъ къ миру и единенію, затѣмъ были выбраны въ предсѣдатели Тэльке и Либкертъ и послѣ оживленныхъ, но мирныхъ дебатовъ собраніе закрылось, принявъ слѣдующую резолюцію: „безпорядки въ концертномъ домѣ были вызваны исключительно прогрессистами, не пожелавшими подчиниться рѣшенію большинства; всякій, кто шумомъ или инымъ некорректнымъ способомъ пытается сорвать собраніе, совершаетъ преступное покушеніе на свободу собраній“. Господству прогресситской партіи надъ берлинскими рабочими былъ положенъ конецъ.

Звѣзда надъ головой Швейцера, такимъ образомъ, засіяла ярче, чѣмъ когда бы то ни было. Но современное рабочее движеніе не можетъ быть игрой диктаторскихъ страстей; оно жестоко мститъ за каждую попытку превратить его въ орудіе для своихъ личныхъ цѣлей. Уже во время своей экскурсіи, хотя она въ общемъ прошла съ величайшимъ успѣхомъ, Швейцеръ получилъ одинъ чувствительный ударъ. Баварскіе члены Союза остались его вѣрными приверженцами еще послѣ Эйзенахскаго конгресса; ко всякимъ попыткамъ къ сближенію, которыя сдѣлали эйзенахцы на одномъ Нюрнбергскомъ съѣздѣ, они отнеслись отрицательно. Они окрѣпли до того, что могли уже издавать въ Мюнхенѣ маленькую еженедѣльную газету „Пролетарій“. Но это возбудило неудовольствіе Швейцера; пріѣхавъ въ Аугсбургъ и наэлектризовавъ мѣстныхъ членовъ горячей, возбуж-

дающей рѣчью, онъ потребовалъ закрытія „Пролетарія“ на томъ основаніи, что подобно тому, какъ должна быть одна организація, такъ долженъ быть одинъ партійный органъ. Издателей „Пролетарія“ онъ хотѣлъ вознаградить тѣмъ, что предложилъ Францу и Таушеру по 400 экземпляровъ „Соціалъ-демократа“ каждому для продажи въ свою пользу. Между тѣмъ баварцы отказались прекратить изданіе своей газеты, хотя Швейцеръ угрожалъ, что онъ скорѣе распуститъ всѣ южно-германскія организаціи, чѣмъ потерпитъ изданіе „Пролетарія“. Онъ, кромѣ того, еще энергично взялся за Таушера отдѣльно, чтобы склонить его на свою сторону, но тотъ заявилъ, что за спиной своихъ товарищей онъ ни въ какія сдѣлки не вступитъ. Швейцеръ вздумалъ на другой день на собраніи мюнхенскихъ членовъ Союза добиться закрытія газеты, но здѣсь потерпѣлъ неудачу.

Слухъ о его намѣреніи съ быстротой молніи распространился во всѣхъ мюнхенскихъ рабочихъ слояхъ, среди которыхъ „Пролетарій“ былъ очень популяренъ. Когда Швейцеръ прибылъ туда, онъ былъ встрѣченъ недружелюбно. Онъ ни слова не сказалъ о закрытіи газеты и исчезъ съ тѣмъ, чтобы больше не вернуться.

Слѣдствіемъ этихъ инцидентовъ было отпаденіе всѣхъ баварскихъ организацій отъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза. Они созывали на 23 января 1870 г. всеобщій рабочій конгрессъ въ Аугсбургѣ, съ цѣлью основать новую „лассальянскую рабочую партію“, которая, съ одной стороны, сбросила бы съ себя всякое „верховодство“, съ другой—рѣзко отграничилась бы отъ Нѣмецкой Народной Партіи. На конгрессъ явились почти исключительно баварскіе рабочіе. По порученію Брауншвейгскаго комитета на конгрессъ явился Бебель, для того чтобы агитировать за присоединеніе баварскихъ рабочихъ къ Соціалъ-демократической Рабочей Партіи. Его рѣчь произвела сильное впечатлѣніе, и она, вѣроятно, достигла бы своей цѣли,

если-бъ Бонгорстъ тутъ же въ залѣ не распространилъ памфлета, въ которомъ Таушеръ былъ выставленъ бездарной, спившейся креатурой Швейцера. Озлобленные этимъ грубымъ вымысломъ, баварцы рѣшили выждать дальнѣйшаго хода вещей. Они конституировались какъ четвертая фракція.

„Какъ четвертая“ потому, что тѣмъ временемъ графиня Гатцфельдъ снова разошлась со Швейцеромъ. Она обвиняла его въ нарушеніи договора; онъ, по ея словамъ, не соблюлъ заключеннаго при объединеніи условія, согласно которому онъ долженъ былъ отодвинуть на задній планъ профессіональную борьбу и всячески препятствовать организаціи стачекъ. Швейцеръ заявлялъ, что онъ никогда подобнаго договора не заключалъ; по его утвержденію, онъ только указывалъ на то, что профессіональное движеніе и рабочія стачки должны играть подчиненную роль по отношенію къ политической борьбѣ, но онъ никогда не обѣщалъ ставить ихъ еще ниже этого положенія. Трудно допустить, чтобы онъ такъ опростоволосился, какъ утверждала графиня Гатцфельдъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не доказалъ и даже не пытался доказать, что онъ когда-нибудь проводилъ свой взглядъ на профессіональные союзы среди приверженцевъ графини Гатцфельдъ. Разъ онъ все-таки согласился на сліяніе съ ними, онъ тѣмъ самымъ совершилъ проступокъ, въ которомъ онъ долженъ былъ теперь сильно каяться. Черезъ полгода послѣ торжественно возвѣщаннаго объединенія Нѣмецкая Рабочая Партія оказалась расколотой на четыре части, и этотъ печальный результатъ диктаторской политики нанесъ политическому положенію диктатора самый жестокій ударъ. Швейцеръ, правда, не безъ основанія говорилъ, что при новомъ отпаденіи отъ союза нѣкоторой части членовъ за графиней Гатцфельдъ послѣдовало только нѣсколько ея прежнихъ сторонниковъ; и дѣйствительно, эта секта потомъ сошла съ исторической сцены герман-

ской соціалъ-демократіи, оставивъ только слабые слѣды какого-то призрачнаго существованія. Но пока она еще была настолько сильна, что оказалась въ состояніи созвать въ Галле нѣчто вродѣ общаго собранія, на которомъ раздавались самые ожесточенные упреки по адресу Швейцера, и если эти упреки были несправедливы, то они, пожалуй, еще больше компрометировали его, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы они были справедливы. Нельзя было ему простить, что у него не хватало хоть сколько-нибудь прозорливости, чтобы видѣть всей недопустимости Союза съ подобными господами.

Но что было еще хуже, такъ это то, что тактика Швейцера дѣйствительно сильно затормозила профессіональное движеніе. Само по себѣ оно развивалось чрезвычайно быстро. Цѣлый рядъ стачекъ въ крупнѣйшихъ промышленныхъ центрахъ былъ проведенъ съ честью, а кое гдѣ и съ блестящимъ успѣхомъ. Въ Берлинѣ каменщики и плотники добились повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго времени. Въ Гамбургѣ на вагонной фабрикѣ Лауенштейна рабочіе по дереву и металлу, послѣ упорной стачки, дошедшей до крупныхъ волненій и инцидентовъ, отстояли свою сдѣльную плату, которую администрація хотѣла понизить на $33^1/_3\%$ на томъ удивительномъ основаніи, что рабочіе могутъ ѣсть хлѣбъ безъ сала. Въ Аугсбургѣ вспыхнули двѣ крупныя стачки вслѣдствіе требованія рабочихъ удалить наиболѣе деспотическихъ начальниковъ; на аугсбургскомъ машиностроительномъ заводѣ чугунолитейщики, послѣ недѣльной стачки, благодаря стойкому и единодушному поведенію рабочихъ, одержали полную побѣду; на ткацкой же фабрикѣ Крауса, рабочіе, послѣ двухнедѣльной забастовки, принуждены были сдаться, такъ какъ владѣльцу удалось достать 500 ткачей въ Богеміи и экстреннымъ поѣздомъ доставить въ Аугсбургъ; съ какимъ самоотверженіемъ были проведены эти стачки, доказываетъ

тотъ фактъ, что всего на двухъ собраніяхъ, изъ которыхъ одно состоялось въ Аугсбургѣ, другое въ Мюнхенѣ, собрано было въ пользу бастовавшихъ 700 гульденовъ. Но если рабочіе, принадлежавшіе къ соціалъ-демократической партіи, всегда выходили изъ своей стачечной борьбы съ честью, а часто съ полнымъ успѣхомъ, то прогрессистскимъ профессіональнымъ союзамъ ихъ вальденбургская стачка нанесла смертельный ударъ. Чтобы составить конкурренцію соціалъ-демократической агитаціи, Максъ Гиршъ попробовалъ перенести свою пропаганду въ вальденбургскій округъ; только ужъ слишкомъ придавленные чернорабочіе на свою бѣду приняли его фривольную игру за чистую монету и въ количествѣ 6500 человѣкъ объявили стачку; но либеральные горнопромышленники обошлись съ „апостоломъ гармоніи“, какъ со смутьяномъ, и голодомъ принудили „его“ рабочіе ферейны распуститься. Стачка окончилась полнымъ и—для Макса Гирша, и для его прогрессистскихъ друзей-пріятелей — прямо таки постыднымъ пораженіемъ. Силезскимъ горнорабочимъ пришлось дорого поплатиться за свою ошибку, и они, какъ благоразумные люди, присоединились къ Соціалъ-Демократической Партіи, подобно рабочимъ фабрики Форста, которые скоро послѣ того повторили надъ Максомъ Гиршемъ тотъ же самый печальный экспериментъ. Прогрессистская Партія окончила свою игру, едва успѣвъ ее начать.

Всѣ эти благопріятные моменты для развитія профессіональнаго движенія много теряли въ своей силѣ, благодаря своекорыстной дикторской политикѣ Швейцера. Почти во всѣхъ рабочихъ организаціяхъ начались раздоры на политической почвѣ; одни лишь каменщики и плотники, дѣйствовавшіе подъ руководствомъ Либкерта, твердо держались Швейцера. Остальные кружки раскололись, притомъ такъ, что ихъ вожди, съ Фрицше включительно, отдѣлились отъ Швейцера, между тѣмъ какъ болѣе или менѣе значи-

тельная часть членовъ осталась ему вѣрна. Для профессіональнаго движенія фракціонная борьба была еще гибельнѣе, чѣмъ для политической борьбы, потому что она, по существу своему, была ему чужда, дезорганизовывала безъ всякой надобности уже созданныя силы и отпугивала завоеванныя массы, тѣмъ болѣе, что она приводила къ провалу нѣкоторыхъ стачекъ, какъ, напримѣръ, забастовки сигарочниковъ въ Лейпцигѣ. Но Швейцеръ былъ уже до такой степени ослѣпленъ своей диктаторской политикой, что теперь только вошелъ во вкусъ своей игры; вернувшись съ своего организаціоннаго путешествія, онъ предложилъ всѣмъ рабочимъ организаціямъ объединиться въ одинъ союзъ взаимопомощи, что было равносильно повторенію всѣхъ ошибокъ основанной имъ профессіональной организаціи въ увеличенномъ масштабѣ.

На девятомъ генеральномъ собраніи членовъ Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, которое состоялось 5 января 1870 г. въ Берлинѣ, и на которое явилось 39 делегатовъ отъ 8062 платящихъ членовъ; обнаружилось, что оппозиція противъ швейцеровской диктатуры ни въ коемъ случаѣ не прекратилась. Временами доходило до самыхъ непріятныхъ объясненій. Швейцеръ жаловался на „аристократію Союза“ и на „интеллигенцію“, вносящую, по его словамъ, все новыя замѣшательства и затрудненія въ дѣла Союза; онъ не понимаетъ, какъ могутъ серьезные люди цѣлые дни проводить въ бабьей болтовнѣ; ему надоѣло подобнымъ образомъ вѣчно грызться то съ союзными противниками, то съ товарищами. На это Пфаннкухъ довольно мѣтко возразилъ, что Швейцеръ своимъ союзомъ съ графиней Гатцфельдъ первый уже навязалъ Союзу бабью болтовню. Въ общемъ, конечно, шестидневные дебаты прошли еще довольно благопріятно для Швейцера. Такъ, напримѣръ, упорное утвержденіе эйзенахцевъ, будто Швейцеръ совершилъ свою агитаціонную поѣздку на счетъ секретныхъ суммъ, отпу-

щенныхъ ему прусскимъ правительствомъ, и что онъ при этомъ и себя не забылъ, послѣ тщательной провѣрки кассы было признано совершенно ложнымъ; Швейцеръ могъ даже удержать всю свою диктаторскую власть. Президентъ долженъ былъ попрежнему выбираться всеобщимъ голосованіемъ на первичныхъ собраніяхъ, только не до каждаго генеральнаго собранія, а послѣ него; передача „Соціалъ-демократа" въ собственность Союза была отвергнута, а редакціонная комиссія больше не возобновлялась; только правленіе получило болѣе широкія полномочія. Оно попрежнему осталось разсѣяннымъ по всей Германіи, только члены его обязаны были поддерживать между собою регулярную переписку и съѣзжаться вмѣстѣ не меньше одного раза въ годъ. Оно имѣло право принять мѣры пресѣченія по „каждому злоупотребленію властью", которое будетъ замѣчено со стороны президента. Въ предѣлахъ своихъ полномочій президентъ попрежнему остался „полновластнымъ". Въ секретари былъ былъ выбранъ Тэльке, въ кассиры Газенклеверъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ вступалъ въ редакцію „Соціалъ-демократа".

Тотчасъ послѣ генеральнаго собранія Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза состоялось общее собраніе членовъ Союза рабочихъ товариществъ, на которомъ 20674 платящихъ члена было представлено 89 делегатами. Оно также кончилось послѣ трехдневныхъ дебатовъ полной побѣдой Швейцера. Дѣла кассы были найдены въ полномъ порядкѣ, и предложеніе Швейцара о сліяніи всѣхъ рабочихъ товариществъ въ единый Союзъ было принято, приблизительно, 12000 голосами противъ 9000. Въ виду того, что противъ этого предложенія высказалось внушительное меньшинство, собраніе рѣшило отложить его осуществленіе до 1 іюля 1870 г., но этимъ не выражалось никакого недовѣрія къ Швейцеру. Какъ выяснилось изъ дебатовъ, меньшинство вовсе не было принципіально противъ предложенія Швейцара, но

только, принимая во вниманіе „цеховые“ предразсудки, господствующіе среди рабочихъ, оно хотѣло постепенно провести его проектъ въ жизнь.

Вскорѣ послѣ этого собранія Швейцеръ одержалъ еще одну побѣду надъ Іоганномъ Якоби. Избирательное бюро второго берлинскаго избирательнаго округа для выборовъ въ ландтагъ пригласило всѣхъ избирателей собраться 20 ноября въ новый Общественный домъ возлѣ Котбузскихъ воротъ для выслушанія доклада своихъ депутатовъ, Рунге и Іоганна Якоби. Между этими избирателями было много соціалъ-демократовъ. Они явились подъ предводительствомъ Швейцера и Газенклевера, которые также жили въ этомъ округѣ, и при избраніи предсѣдателя оказалось, что соціалъ-демократы въ большинствѣ. Прогрессистскіе вожди опять разыграли изъ себя угнетенную невинность, быстро улетучившись изъ залы собранія съ Рунге во главѣ; но Якоби правильно разсудилъ, что демократическій принципъ долженъ быть соблюденъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Онъ оставался на собраніи, которое происходило подъ предсѣдательствомъ Швейцера, говорилъ о цѣляхъ рабочаго движенія, и, несмотря на его слабый голосъ, рабочіе слушали его съ большимъ вниманіемъ. Въ его рѣчи заключалась одна фраза, которая впослѣдствіи стала знаменитой: „Каждый маленькій рабочій кружокъ имѣетъ для будущаго историка культуры гораздо большее значеніе, чѣмъ битва при Садовѣ“; она такъ подходила къ выводамъ научнаго соціализма, какъ только это было возможно для буржуазнаго идеолога, и во всякомъ случаѣ достаточно близко для того, чтобы одинаково ввергнуть въ ужасъ берлинскихъ либераловъ и франкфуртскихъ демократовъ. Но какъ въ теоретическихъ, такъ и въ практическихъ своихъ выводахъ Якоби остерегался довести свою рѣчь до ея логическаго конца. Теоретически онъ не требовалъ устраненія частной собственности на средства производства,—той собствен-

ности, которая обусловливаетъ всякую эксплоатацію человѣка человѣкомъ; практически онъ не признавалъ классовой борьбы; это вполнѣ гармонировало съ тѣмъ фактомъ, что Якоби незадолго передъ тѣмъ подписалъ одно воззваніе прогрессистскихъ манчестерцевъ къ вальденбуржцамъ, въ которомъ говорилось, что въ Германіи нѣтъ мѣста борьбѣ классовъ. Якоби полагалъ, что соціальный вопросъ можно разрѣшить въ полномъ согласіи съ существующимъ государственнымъ строемъ, къ обоюдному удовольствію предпринимателей и рабочихъ, а потому принятая собраніемъ резолюція Газенклевера, которая гласитъ, что Якоби усвоилъ нѣкоторыя политическія истины, но остался на полпути, была совершенно справедлива.

Тѣмъ не менѣе, если Швейцеръ думалъ, что этотъ результатъ былъ большимъ ударомъ для эйзенахцевъ, то онъ сильно преувеличилъ свой успѣхъ. Практически рѣчь Якоби особеннаго значенія не имѣла; хотя „Volksstaat" и воспроизвела ее дословно и защищала отъ нападокъ Швейцера, но газета была слишкомъ поглощена кипѣвшей вокругъ нея классовой борьбой, для того, чтобы Якоби могъ ее сбить съ толку. Саксонское правительство и саксонскіе фабриканты своими преслѣдованіями разрушили утопію мирнаго разрѣшенія конфликта между эксплоатируемыми и эксплоатирующими, и они бы сдѣлали то же самое и въ томъ случаѣ, если-бъ эта утопія возникла и не въ тиши ученаго кабинета Якоби, а въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Положеніе эйзенахцевъ было очень трудное, главнымъ образомъ, въ матеріальномъ отношеніи; революціонный фондъ, буржуазно-республиканскіе распорядители котораго также стали все рѣже откликаться на ихъ нужды, помогъ имъ еще разъ 3000 франками выйти изъ первыхъ затрудненій, однако они мужественно продолжали начатое дѣло и успѣли создать, въ лицѣ саксонскаго пролетаріата сильную, непреодолимую крѣпость. Въ апрѣлѣ 1870 г. городъ Плауенъ,

крупный фабричный центръ, въ которомъ, въ 1869 г. на перебаллотировкѣ пролѣзъ Максъ Гиршъ, былъ завоеванъ Бебелемъ; какъ самъ Максъ Гиршъ говорилъ въ отчаяніи, онъ только великодушію Бебеля былъ обязанъ тѣмъ, что могъ еще выступать въ качествѣ выбраннаго представителя округа на избирательныхъ собраніяхъ. За исключеніемъ Цитау и Франкенберга, во всей остальной Саксоніи господству прогресистскаго манчестерства надъ рабочимъ классомъ насталъ конецъ. Число подписчиковъ „Volksstaat"'а до средины 1870 года возросло до 3000; въ томъ числѣ было: постоянныхъ абонентовъ въ Лейпцигѣ 198, въ Дрезденѣ 159, въ Кельнѣ 128, въ Криммичау 124, въ Глаухау 119, въ Майнцѣ 96, въ Цвикау 93, въ Мееранѣ 91, въ Бреславлѣ 88, въ Хемницѣ 85, въ Брауншвейгѣ 78, въ Гамбургѣ 75, въ Штуттгартѣ 71, въ Берлинѣ 63, въ Вердау 61, въ Пестѣ 55, въ Аугсбургѣ 40 и столько же въ Нюрнбергѣ.

Съ внѣшней стороны борьба между обѣими фракціями приняла крайне прискорбный характеръ. Въ печати противники обзывали другъ друга измѣнниками рабочему дѣлу, а на собраніяхъ дѣло доходило до самыхъ острыхъ столкновеній, при чемъ то эйзенахцы оказывались главными виновниками, то лассальянцы. Но несмотря на эту борьбу, а отчасти, пожалуй, благодаря ей, между обѣими фракціями происходило замѣтное сближеніе. Въ высшей степени характерными въ этомъ отношеніи являются обстоятельства, при которыхъ протекалъ второй конгрессъ, созванный эйзенахцами въ праздникъ Троицы въ 1870 г. въ Штутгартѣ. По докладу комиссіи по провѣркѣ полномочій участвующими оказались 74 делегата отъ 111 мѣстъ; не представленными оказались 74 мѣста, въ которыхъ партія имѣла своихъ приверженцевъ. Общее число всѣхъ партійныхъ товарищей, представленныхъ на Штуттгартскомъ конгрессѣ, равнялось 15398, т. е. всего одной десятой или девятой части того числа рабочихъ, которое было

представлено въ Эйзенахѣ; да и эта цифра была еще сомнительна, въ виду того, что она не ограничивалась исключительно платящими членами партіи, и кромѣ того сюда входило нѣсколько тысячъ австрійскихъ и швейцарскихъ рабочихъ. Газета „Volksstaat“, которой нельзя заподозрить въ пессимистическомъ умаленіи успѣха своей партіи, оцѣниваетъ число активныхъ партійныхъ товарищей, принимавшихъ участіе въ Штуттгартскомъ конгрессѣ, по даннымъ, которыя можно было о немъ собрать, въ 10000.

Теперь лассальянцы пытались всячески сорвать конгрессъ. Благодаря энергичной операціи Лейкгарта, они успѣли утвердиться на самой неблагопріятной почвѣ швабской столицы; за нѣсколько недѣль до открытія конгресса прибыли еще нѣкоторые агитаторы извнѣ, и имъ удалось образовать изъ 150 рабочихъ стройную организацію, которая на открытомъ собраніи побила штутгартскую организацію эйзенахцевъ. Когда затѣмъ собрался особый конгрессъ эйзенахцевъ, то онъ на одномъ закрытомъ предварительномъ совѣщаніи постановилъ допустить присутствіе не-членовъ партіи на конгрессъ, но исключить ихъ изъ участія въ дебатахъ, что на первомъ открытомъ засѣданіи вызвало рядъ бурныхъ инцидентовъ и привело къ преждевременному закрытію дебатовъ. Конгрессъ могъ продолжать безпрепятственно свои засѣданія только тогда, когда онъ рѣшилъ изгнать не-членовъ партіи также изъ открытыхъ собраній.

Несмотря на это дурное начало, Штуттгартскій конгрессъ много способствовалъ выясненію взаимныхъ отношеній между обѣими фракціями, какъ въ принципіальномъ, такъ и въ организаціонномъ и тактическомъ отношеніяхъ. Очень скоро обнаружилось, что организація, образованная въ Эйзенахѣ, слишкомъ сложна и громоздка. Комитетъ былъ оставленъ въ Брауншвейгъ-Вольфенбителѣ, но ревизіонная комиссія была переведена изъ Вѣны въ Гамбургъ-Альтону и Гарбургъ.

Далѣе, никакъ нельзя было провести, чтобы каждый эйзенахскій товарищъ былъ одновременно членомъ Интернаціонала, партіи и мѣстнаго ферейна. Требованіе, чтобы каждый членъ лично вступалъ въ Интернаціоналъ, выполнялось только самымъ незначительнымъ числомъ членовъ, и по отношенію къ остальнымъ осталось только на бумагѣ. Съ другой стороны, Штуттгартскій конгрессъ освободилъ партійныхъ членовъ отъ обязанности устраивать мѣстные ферейны. Онъ постановилъ, чтобы мѣстныя организаціи выбирали довѣренныхъ лицъ и ревизоровъ, для веденія сношеній съ комитетомъ, чѣмъ организація въ значительной степени приблизилась къ лассальянской. Хотя въ другомъ отношеніи разница между организаціей той и другой фракцій еще больше углубилась, но это происходило такъ, что истинное направленіе эйзенахцевъ выступило наружу еще рельефнѣе. „Соціалъ-демократъ" въ пониманіи конечныхъ выводовъ научнаго соціализма все еще стоялъ выше „Volksstaat'a", но широкій просторъ, который органъ эйзенахцевъ открывалъ самодѣятельности партійныхъ товарищей, имѣлъ ту выгодную сторону, что будилъ ихъ умственные интересы. Въ Штуттгартѣ было рѣшено основать акціонерное предпріятіе для распространенія партійной литературы, и баварской фракціи, отнынѣ окончательно слившейся съ эйзенахцами, позволено было продолжать изданіе „Пролетарія". Вслѣдъ затѣмъ Карлъ Гиршъ основалъ въ Криммичау первую ежедневную мѣстную газету партіи подъ названіемъ „Bürger und Bauernfreund" Швейцеръ, чтобы подавить „Пролетарія" и лучше прибрать къ рукамъ рабочія массы, особенно въ южной Германіи, 1 апрѣля 1870 года сталъ издавать, съ согласія правленія, маленькую еженедѣльную газету „Агитаторъ", настолько дешевую, что по самымъ скромнымъ разсчетамъ она могла существовать только при 50000 подписчикахъ, если она вообще могла существовать. Но она пріобрѣла не больше 15000 подписчиковъ, кромѣ того повредила

„Соціалъ-демократу", который, при всей талантливости своей редакціи, оставался огромными тюками на складѣ, такъ что съ 1 іюля этотъ главный партійный органъ снова долженъ былъ начать выходить въ маленькомъ форматѣ. Черезчуръ строгая централизація имѣла свою оборотную сторону.

Что касается принципіальныхъ вопросовъ, то Штуттгартскій конгрессъ принялъ резолюцію Бебеля, согласно которой „экономическое развитіе современнаго общества сдѣлаетъ обобществленіе земельной собственности общественной необходимостью". Этимъ было установлено единство обѣихъ фракцій въ одномъ изъ кардинальныхъ пунктовъ научнаго соціализма. Другое сходство взглядовъ обнаружилось у обоихъ противниковъ въ вопросѣ о профессіональныхъ союзахъ, хотя на первыхъ порахъ обѣ фракціи сошлись скорѣе на неясныхъ, чѣмъ на ясныхъ сторонахъ вопроса. Идея слія нія всѣхъ профессіональныхъ организацій въ одинъ союзъ энергично защищалась и въ Штуттгартѣ и была отклонена по тѣмъ самымъ соображеніямъ, по которымъ она оспаривалась значительнымъ меньшинствомъ на генеральномъ собраніи Союза рабочихъ товариществъ, именно, потому, что рекомендовалось остаться при старыхъ сословныхъ и цеховыхъ учрежденіяхъ, къ которымъ рабочіе привыкли съ давнихъ временъ. Къ этому выводу пришелъ докладчикъ Іоркъ, и по его предложенію конгрессъ призналъ главной задачей профессіональныхъ организацій созданіе и расширеніе коллективныхъ производительныхъ предпріятій.

Одинъ буржуазный писатель совершенно справедливо замѣтилъ, что изъ дебатовъ не видно, какимъ образомъ Штуттгартскій конгрессъ пришелъ именно къ этому заключенію. Повидимому, здѣсь играли роль два фактора. Во-первыхъ, сильно испугались стачечнаго движенія, которое въ первую половину 1870 г. быстро пошло въ гору, въ то время какъ развитіе профессіональныхъ союзовъ, наоборотъ, шло на убыль.

До какой степени послѣдніе отставали отъ стачечнаго движенія, видно изъ отчета, опубликованнаго Швейцеромъ въ сентябрѣ 1870 г.; согласно ему, за первые 8 мѣсяцевъ 1870 г. расходы по управленію Союзомъ составляли 637, на агитацію 217, а на помощь стачечникамъ всего 395 талеровъ; изъ этой ничтожной суммы получили поддержку 11 стачекъ: въ Гамбургѣ, Килѣ, Линебургѣ, Юльценѣ, Магдебургѣ, Эльберфельдѣ, Золингенѣ, Мюнстерѣ и Мюнхенѣ. Во всякомъ случаѣ, Швейцеръ исчислялъ суммы, которыя тратились въ пользу упомянутыхъ 11 стачекъ изъ кассъ отдѣльныхъ товариществъ и добровольныхъ пожертвованій посторонней партійной публики, помимо чисто мѣстныхъ сборовъ, приблизительно, въ 22500 талеровъ; но и это еще очень мало говорило о ростѣ профессіональнаго движенія, притомъ наиболѣе сильными, были, безъ сомнѣнія, организаціи лассальянцевъ. Какъ президіумъ Союза рабочихъ товариществъ, такъ газета Volksstaat“, протестовала противъ „безсмысленнаго увлеченія стачками“, а Іоркъ въ Штуттгартѣ предостерегалъ отъ того, чтобы видѣть „безусловную задачу профессіональныхъ союзовъ въ стачкахъ, которыя „безполезно поглощаютъ лучшія силы рабочихъ“. Но въ такомъ случаѣ терялась разница между производительными товариществами и профессіональными союзами, которые такой передовой пролетарій, какъ Іоркъ, смѣшивалъ въ одну кучу. Въ партіи противъ резолюціи, принятой на Штуттгартскомъ конгрессѣ, раздался только одинъ протестъ; замѣчательно то, что онъ исходилъ отъ двухъ бывшихъ лассальянцевъ—Гуго Гильмана и бреславльскаго шорника Крекера. Въ своемъ критическомъ отзывѣ объ этой резолюціи, напечатанномъ въ „Volksstaat“, они заявляли, что она крайне двусмысленна и отрицаетъ историческую сущность профессіональныхъ союзовъ; къ этому отзыву редакція отъ себя прибавила замѣчаніе, что производительныя товарищества, которыя должны быть основаны профессіональными союзами, имѣютъ

только экспериментальное значеніе, какъ и соотвѣтствующіе имъ англійскіе кооперативы, что собственно было не возраженіемъ, а скорѣе уклоненіемъ отъ отвѣта.

Въ вопросѣ о тактикѣ Штуттгартскій конгрессъ принялъ предложеніе Либкнехта участвовать въ предстоявшихъ осенью выборахъ въ рейхстагъ и въ т. наз. таможенный парламентъ", но „исключительно изъ агитаціонныхъ соображеній". Выбранные представители Рабочей Партіи должны совершенно игнорировать органическую работу парламента и пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы изобличать комедіи, разыгрываемыя обоими учрежденіями на своихъ засѣданіяхъ, и вездѣ, гдѣ можно, „неуклонно защищать интересы рабочаго класса"; это опять-таки значительно приблизило партію къ точкѣ зрѣнія лассальянцевъ. Приблизительно, къ тому времени Швейцеръ въ „Агитаторѣ" формулировалъ задачи соціалъ-демократическихъ депутатовъ въ парламентѣ такимъ образомъ, что для нихъ рейхстагъ и таможенный парламентъ „должны быть только агитаціонной трибуной, не больше". Они должны лишь пользоваться каждымъ случаемъ для провозглашенія своихъ соціалистическихъ принциповъ, раскрывать реакціонный, только съ виду парламентарный характеръ рейхстага и въ особо важныхъ случаяхъ принимать участіе въ баллотировкѣ (напримѣръ, голосовать противъ всякихъ налоговъ). Фактически разница между тактиками обѣихъ фракцій свелось весною 1870 г. къ тому, что Бебель и Либкнехтъ почти устранились отъ парламентской жизни и если выступали, то только для того, чтобы въ наиболѣе рѣзкой провоцирующей формѣ бросать перчатку буржуазнымъ партіямъ, между тѣмъ какъ Швейцеръ принималъ регулярное участіе во всѣхъ засѣданіяхъ парламента и своей чисто дѣловой, хотя не менѣе рѣзкой критикой различныхъ законопроектовъ защищалъ соціалистическое міровоззрѣніе.

Но если Швейцеръ въ этомъ отношеніи держался такой тактики, правильность которой была признана историческимъ опытомъ послѣдующихъ десятилѣтій, то въ другомъ тактическомъ вопросѣ онъ выдалъ себя съ головою, показавъ всему міру, что онъ своими диктаторскими пріемами дѣйствительно довелъ себя до узкой роли сектантскаго вождя. На Штуттгартскомъ конгрессѣ рѣшено было не вступать на выборахъ ни въ какіе коалиціи и компромиссы съ другими партіями; тамъ же, гдѣ партія не имѣетъ шансовъ провести своихъ кандидатовъ, поддерживать такихъ кандидатовъ, которые, по крайней мѣрѣ, въ основныхъ политическихъ вопросахъ раздѣляютъ партійную точку зрѣнія; но особенно членамъ партіи рекомендовалось отдавать свои голоса дѣйствительнымъ рабочимъ кандидатамъ, выставленнымъ другими партіями. Въ противоположность этому правленіе Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза въ своемъ засѣданіи, состоявшемся мѣсяцъ спустя въ Ганноверѣ подъ предсѣдательствомъ Швейцера, постановилъ вездѣ, гдѣ только есть партійные члены, выставлять своихъ кандидатовъ, и при болѣе ограниченныхъ выборахъ голосовать за прогресисстскаго либеральнаго кандидата, но ни въ коемъ случаѣ не за реакціонера или эйзенахца; при перебаллотировкѣ между реакціонеромъ и эйзенахцемъ рекомендовалось воздерживаться отъ голосованія, а при перебаллотировкѣ между эйзенахцемъ и либераломъ подавать голосъ за либерала. Руководствуясь этимъ, члены Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза въ случаѣ перебаллотировки между Бебелемъ и Максомъ Гиршемъ должны были голосовать за Макса Гирша. Это дикое постановленіе было мотивировано тѣмъ, что вредъ, который, дескать, эйзенахцы наносятъ рабочему классу своимъ лицемѣрнымъ поведеніемъ, перевѣшиваетъ ту пользу, которую они могли бы принести, если-бъ даже всѣ политическія требованія, выставленныя въ ихъ программѣ, были осуществлены. Но хорошо отвѣтилъ на эту не-

лѣпую софистику Брауншвейгскій комитетъ эйзенахцевъ, заявивъ, что это значитъ натравить рабочаго на рабочаго, соціалъ-демократа на соціалъ-демократа, и что Соціалъ-демократическая Рабочая Партія всегда будетъ отдавать предпочтеніе каждому рабочему кандидату передъ представителемъ той или другой буржуазной партіи.

Путь, на который все больше и больше сбивалась швейцеровская диктаторская политика, долженъ былъ неизбѣжно привести ее къ гибели. Еще счастьемъ для нея было то, что она, не дождавшись своей окончательной исторической смерти, была снесена бурной волною событій, смывшей вмѣстѣ съ нею и глубочайшую основу тѣхъ раздоровъ, которая расколола сознательный нѣмецкій пролетаріатъ. Если битва при Кениггрецѣ была колыбелью этихъ раздоровъ, та битва подъ Седаномъ была ихъ могилой.